

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

2012

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
О. В. Сливцкая. Неожиданное в мире закономерного: «вдруг» у Льва Толстого . . .	3

К 200-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Письма Д. В. Давыдова к А. И. Чернышеву 1813 года (вступительная заметка, перевод, подготовка текста и комментарии Н. Л. Дмитриевой)	16
Письма Д. В. Давыдова к А. И. Михайловскому-Данилевскому (1815—1837) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии И. В. Кошкинко)	26
В. Е. Багно. Хвала или хула (к спорам о стихотворении А. С. Пушкина «Наполеон»)	70

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ

А. Г. Гродецкая. Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия (принципы, полемика, итоги)	73
--	----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

И. В. Федорова. Апокрифы и исторические предания в русской паломнической литературе XII—XIX веков: 1. Апокрифы о Крестном древе	88
К. Н. Лемешев. К вопросу об источниках «Риторики» М. В. Ломоносова	107
М. Ю. Степина. К атрибуции критических отзывов о Н. А. Некрасове (1840-е годы)	123
К. А. Баршт. «Птица», но не «ворон степной» Макара Алексеевича Девушкина («Бедные люди» Ф. М. Достоевского)	132

Т. Б. Ильинская. Неизвестный очерк Н. С. Лескова «О клировом нищеводстве» . . .	145
С. А. Кибальник. О философском подтексте формулы «Если Бога нет...» в творчестве Ф. М. Достоевского	153
Е. Г. Таран. Александр Кондратьев и московские символисты	163
Ан Чжи Ен (<i>Республика Корея</i>). Заметки о куклах Вс. Мейерхольда	169
Воспоминания В. Ф. Боцяновского о Федоре Сологубе, Евтихии Карпове, Александре Измайлове (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. С. Александрова)	179
М. К. Лопачева. «Бобок будет серьезный...» (Достоевский в художественном мире Георгия Иванова)	191
Эллен Чансес (<i>США</i>). Другие измерения. Сундук/чемодан Андрея Битова	204

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Т. Г. Иванова. Еще раз о поэзии свадебного обряда	211
Р. Ю. Данилевский. «Мерцающие смыслы» (новая книга о поэзии М. В. Ломоносова)	213
А. Г. Бобров. О заговорах и заклинаниях в русской литературе	214
К. Ю. Зубков. Литературная критика как предмет истории литературы	222

ХРОНИКА

Т. В. Игошева, Г. В. Петрова. Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения О. Э. Мандельштама и Б. Л. Пастернака	225
А. В. Волков. Четвертые Лихачевские чтения: Международная научная конференция «Актуальные проблемы изучения славяно-русской агиографии»	227
Е. П. Щеглова, Н. А. Слепухина. Конференция «Ю. Слепухин. XX век. Судьба. Творчество. К 85-летию со дня рождения писателя»	235

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН,
Г. Я. ГАЛАГАН* (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ,
И. Ф. ДАНИЛОВА* (отв. секретарь редакции), *Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН,
С. И. НИКОЛАЕВ, Ю. М. ПРОЗОРОВ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

Телефон/факс (812) 328-16-01

e-mail: rusliter@mail.ru

НЕОЖИДАННОЕ В МИРЕ ЗАКОНОМЕРНОГО: «ВДРУГ» У ЛЬВА ТОЛСТОГО

«Вдруг» — это прерогатива мира Достоевского. Под таким названием существует и специальное исследование.¹ Автор, Иван Верч, подсчитал, что *вдруг* появляется на 2516 страницах текстов Достоевского 2079 раз, т. е. фактически на каждой странице. Согласно В. Н. Топорову, в «Преступлении и наказании» на 470 страницах «вдруг» встречается 514 раз.² Ученый объясняет это тем, что мир Достоевского *вероятностный*. Смысл многочисленных «вдруг» — приведение в соответствие сюжета и героя в этом вероятностном мире.

У Толстого, напротив, господствует общий закон: все, что совершается, ему подчиняется и его подтверждает. В его мире преобладает «Как это обычно бывает». Тем не менее, как указывает «Частотный словарь», в «Войне и мире „вдруг“ встречается 500 раз»,³ хотя и объем текста неизмеримо больший. Важно и то, что в эпопее это слово почти не замечается, относясь к базовому фонду русского языка. Как тонко отметил Иван Верч, слово «вдруг» у Толстого обычно не стоит в начале предложения, тем самым не привлекает к себе внимания. Закон соответствия героя и эстетического целого у Толстого соблюдается, только у «вдруг» иная функция, чем в вероятностном мире.

Однако и у Толстого случаются неожиданные и, как кажется на первый взгляд, слабо мотивированные события и поступки, причем часто в кульминационных точках повествования. Хотя их помнят все, они не ошеломляют читателя своей неожиданностью, а тем более, не заставляют усомниться в их правдоподобии. Достаточно напомнить неожиданное признание Анны, внезапный христианский порыв Каренина у постели умирающей Анны, попытку самоубийства Вронского (о чем писал сам Толстой Н. Страхову⁴), неожиданное увлечение Наташи Анатодем, в каком-то смысле самоубийство Анны (о чем свидетельствуют черновые редакции), неожиданный поворот в духовном мире Нехлюдова и его судьбе после случайного участия в судебном заседании и многое другое. «Вдруг» — это грань фундаментальной проблемы мотивации поведения и — глубже — внутреннего мира личности.

Как известно, проблема мотивации и правдоподобия была остро поставлена Жераром Женеттом. Он разводит понятия *мотивированность* и *правдоподобие*, особо останавливаясь на тех ситуациях, когда неожиданный по-

¹ Verč I. Vdrug, l'improvviso in Dostoevskij. Trieste: Editoriale Stampa Triestina, 1977. Мы будем обращаться к статье этого автора, конспективно излагающего содержание своей книги, «О неожиданном действии у Достоевского» (Canadian-American Slavic Studies. 12. 3 / Fall. [1978]. P. 408—412).

² Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического М., 1995. С. 198.

³ Частотный словарь романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Тула, 1978. С. 24.

⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1953. Т. 62. С. 269. Далее ссылки на это издание даются в тексте (том и страница).

ступок не мотивируется, но и неправдоподобным его не назовешь.⁵ У Толстого такое случается, но редко.⁶ Любое «вдруг» у него мотивировано. Но — и это чрезвычайно важно — мотивировано на разном уровне глубины. Уровень глубины функционален. Иногда он проясняет смысл этого эпизода или сущность этого персонажа, иногда, углубляясь в «общую жизнь», сопрягается с эстетическим целым романа. В дальнейшем речь будет идти о подобных эпизодах, а не о самом слове «вдруг», поскольку оно у Толстого не маркировано.

Именно Толстой ввел в широкий оборот пушкинское: Татьяна «шутку удрала».⁷ Он же сам дает ключ к мотивации неожиданного поступка. Напомнил известное письмо к Н. Страхову: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения» (69, 269).

Высказанное в связи с этим эпизодом размышление Толстого о «лабиринте сцеплений» открывает путь к пониманию многих сложных поступков и событий, их функции и мотивации в их переплетении. Мы остановимся на трех репрезентативных эпизодах, в которых события происходят неожиданно, но мотивированных по-разному.

* * *

Одна из самых больших неожиданностей, точнее, несообразностей во всем мире Толстого — это пребывание на поле Бородина Пьера. Действительно, такой «мирный», большой, толстый, в очках, в несуразной белой шляпе — великолепной мишени для французов, смешной в своих усилиях ездить верхом — что может быть нелепее? Особенно, когда в романе столько профессиональных военных?

Начнем с самого последнего мгновения. Пьер мечется в охваченной хаосом Москве. Среди множества самых разнородных впечатлений была и экзекция жалкого француза, брошенного толпе как шпиона. Тогда Пьер «окончательно решил, что не может долее оставаться в Москве и едет нынче же в армию, что ему казалось, что он или сказал об этом кучеру, или что кучер сам должен был знать это» (11, 183). Эта последняя оговорка — то ли он сказал, то ли кучер сам знал — свидетельствует о том, что сознательное реше-

⁵ Женетт Ж. Правдоподобие и мотивация // Женетт Ж. Фигуры. М., 1998. Т. 1. С. 303—319.

⁶ См.: Сливцкая О. В. «Истина в движенъи»: о человеке в мире Толстого. СПб., 2009. С. 352—354.

⁷ Когда в 1883 году Г. А. Русанов заговорил об отношении автора к Анне Карениной, Толстой снова сослался на опыт Пушкина. «Говорят, что вы очень жестоко поступили с Анной Карениной, заставив ее умереть под вагоном, что не могла же она всю жизнь сидеть с „этой кислятиной“ Алексеем Александровичем», — сказал Русанов. «...Это мнение напоминает мне случай, бывший с Пушкиным, — ответил Толстой. — Однажды он сказал кому-то из своих приятелей: „Представь, какую штуку удрала со мной моя Татьяна! Она — замуж вышла. Этого я никак не ожидал от нее“. То же самое и я могу сказать про Анну Каренину. Вообще герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы: они делают то, что должны делать в действительной жизни и как бывает в действительной жизни, а не то, что мне хочется» (Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. 2-е изд. М., 1960. Т. 1. С. 296). По другой версии: «Дочь Карамзина рассказывала мне, что она слышала от Пушкина: „Моя Татьяна поразила меня, она отказала Онегину. Я этого совсем не ожидал“» (Маковицкий Д. П. Яснополянский записки: У Толстого. 1904—1910: В 4 кн. М., 1979. Кн. 1. С. 143).

ние отсутствовало полностью. Решило «что-то» в нем. И автор отказался от любой мотивировки. Это «вдруг» в своем классическом проявлении.

Чтобы объяснить «таинственно зародившиеся основания этого решения»,⁸ проследим «лабиринт сцеплений» от самого его истока. Этому эпизоду предшествовало два тома эпопеи. Личность Пьера уже сложилась и художественно вполне прояснилась. Пьер — самый толстовский из толстовских героев. Он — наиболее полное воплощение «человека Толстого». Пьер — «движущийся тип». Как «человек Толстого», он являет собой динамическое тождество. Говоря словами Толстого, «Тайна в том, что „я” всякую минуту другой и все тот же» (55, 247). Именно способность к изменчивости является неизменным свойством личности Пьера. Этот момент в его жизни не итог: итога нет и быть не может, — но важнейший перелом.

Разумеется, это странный поступок. Но что такое поступок в мире Толстого? Лучшие толстовские герои совершали поступки, несоизмеримые с масштабом и ценностью их духовного содержания. Князь Андрей: красивый, но бесполезный подвиг под Аустерлицем, неудавшаяся государственная деятельность, ранение в Бородинском сражении, когда полк находился в резерве. Пьер: кроме бессмысленного пребывания в армии в самый разгар боя, нелепый замысел убить Наполеона. Левин: цепь неудач в попытке реализовать свои идеи и занавес в финале, когда открывшаяся перед ним истина в пределах романного времени уже ни во что не могла воплотиться. Вместе с тем они отнюдь не бездейственны, но их деятельность неадекватна их духовному содержанию.

В поступке проявляет себя сложная диалектика внутренней жизни человека и его внешней реализации. По мысли такого авторитетного психолога, как В. П. Зинченко, «при совершении поступка исчезает различие между внешним и внутренним. Человек реализует себя в нем как целое, к тому же, как новое целое, как „собранный человек”. Поэтому постороннему наблюдателю поступок нередко кажется беспредпосылочным, необъяснимым... Другими словами, поступок рождает личность, которая, сформировавшись, также проявляет себя вовне как целое».⁹

Из этого следует, что каждый отдельный поступок мотивирован не только ситуацией, а личностью человека и всей его жизнью. У Толстого внутреннее не реализует себя во внешнем вполне, оставаясь само по себе высокой ценностью.

То, что очевидно проявляет себя вовне, является характером. «Прирожденный характер»¹⁰ Пьера уже полностью проявил себя в пределах первых двух томов, т. е. до начала Отечественной войны. Пьер бесконечно добр, рассеян, непрактичен, безволен, легко становится жертвой чужих манипуляций. Периоды апатии у него сменяются внезапной бурной активностью. Часто в нем просыпается буйный нрав отца и он испытывает «восторг бешенства» (11, 398). Ему свойственна резкая смена душевных состояний — от восторженности до черной «ипохондрии». Хотя, согласно обычаям высшего общества той эпохи, автор называет его Пьер, он постоянно подчеркивает его, Петра Кирилловича, национальный характер: ему бывает внятно «исключительно русское чувство» (курсив мой. — О. С.).¹¹

⁸ См.: Женетт Ж. Указ. соч. С. 308.

⁹ Зинченко В. П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М., 1997. С. 184.

¹⁰ В записи Маковицкого: «Что есть характер врожденный (есть и приобретенный)? Из прежних существований вынесенный склад жизни» (Маковицкий Д. П. Яснополянские записки: У Толстого. 1904—1910. Кн. 2. С. 411).

¹¹ «...То неопределенное, исключительно русское чувство презрения ко всему условному, искусственному, человеческому, ко всему тому, что считается большинством людей высшим

«Характер» — это первый уровень мотивации. Как оказалось, *этому* поступку характер соответствовал. Но не менее странный поступок — убить Наполеона — был заведомо обречен на неудачу именно потому, что ему не соответствовал характер. Пьер упрямо предпринял «дело невозможное — не по трудностям, но по несвойственности дела со своей природой» (11, 391).

Но «характер» — это еще не последний уровень глубины. В фундаментальных исследованиях А. В. Михайлова прослежена судьба «характера», его философии и эстетического воплощения в разных видах искусства от античности и до нашей современности: «Грек видит „характер“ чертой, лежащей на самой поверхности, а для европейца нового времени тот же самый „характер“ лежит где-то в неисповедимых и темных глубинах личности, то ли как их основа, то ли как их относительный итог и сумма, то ли как нечто совершенно уже проваливающееся во мрак обособленного индивидуального мира. Процесс сложен и глубок, и мы могли взглянуть на него лишь через узенькие щелки, которые и не назовешь настоящими окошками». Все достижения искусства XIX века — «только попытки вглядываться в более или менее случайных местах в обширный поток или вслушиваться в его гул».¹² Такими «узенькими щелками», такой попыткой вслушиваться в подземный поток можно считать прорыв в подсознание, который задолго до Фрейда совершил Лев Толстой.¹³ Тому есть бесчисленные примеры.¹⁴ Задавленные инстинкты, скрытые от самого себя чувства, подставные мотивы и т. д. — все это органично входит в антропологию Толстого.

В свете проблемы «вдруг» это выразительно представлено в сцене незападного христианского порыва Каренина, протистившего Анну, примирившегося с Вронским и взявшим на себя заботы о новорожденной девочке. Этот высокий порыв был несомненно искренним, вызванным неожиданным потрясением, который Каренин, столь далекий от живой жизни, пережил в атмосфере страсти, рождения и близости смерти, т. е. тех «отверстий в высшее», которые случаются в обыденной жизни. Но в основе этого лежало (не отменяя высшее!) стремление, самое глубокое и органичное, к тому чтобы все было по-прежнему и устроилось само собой. Оно-то и просвечивает сквозь нравственный подвиг, мешая полностью им восхититься. Мотивация многослойна, на дне самых возвышенных мотивов могут находиться и вполне приземленные.

Но у А. В. Михайлова речь идет о еще более глубоком уровне: «...если характер — это известные качества и свойства человека, то в таком случае естественно предположить более глубокое общее для всех свойств ядро, или начало личности, творящее ее цельность», «расхождения могут касаться лишь того, есть ли „характер“ самое глубокое в человеке, или же в его внутреннем есть еще более глубокое порождающее начало».¹⁵ Ученый отказывается определять точнее, что это за «ядро», каково это «еще более глубоко порождающее начало»: возможно, это и не подлежит формализации и не под-

благодом мира. (...) ...Когда он вдруг почувствовал, что и богатство, и власть, и жизнь, все то, что с таким старанием устраивают и берегут люди, все это, ежели и стоит чего-нибудь, то только по тому наслаждению, с которым все это можно бросить» (11, 360).

¹² Михайлов А. В. Из истории характера. Проблема характера в искусстве: живопись, скульптура, музыка // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 265—266.

¹³ См.: «Что поражает меня сегодня — это вклад, сделанный Толстым в ту область, где, как принято считать, великие открытия появились лишь после него. Нет ничего более ложного, чем мнение... будто психоанализ обогатил роман и последний благодаря Фрейду продолжает углубляться. (...) Это может даже показаться очевидным, но не читателю „Войны и мира“» (Ф. Мориак о «Войне и мире» // Вопросы литературы. 1961. № 1. С. 161—162).

¹⁴ См.: Сливцкая О. В. Истина в движении. О человеке в мире Толстого. СПб., 2009. С. 128—147.

¹⁵ Михайлов А. В. Указ. соч. С. 187, 189.

дается определению. Речь, по-видимому, идет о «сокрытом двигателе» человека, о том, что глубже характера и формирует его.

Однако художник (уровня Толстого) знает об этом. И знает, что он «неопределим». Он называл это умышленно неопределенно: «что-то жизни» (48, 122). Размышляя о разных уровнях глубины в человеке, Толстой коснулся и этого последнего, так и не понятого до конца уровня, который он иногда называл «сила жизни»: «Автор совершенно верно говорит, что если человек побеждает свои стремления и поступает противно им, то только потому, что поступает по наиболее сильному мотиву. Так что всегда поступок есть последствие наиболее сильного побуждения. Совершенно верно, если смотреть на человека как на самодействующую машину, не принимая во внимание того, что заставляет машину действовать, не спрашивая себя о том, что такое та сила, которая приводит в действие машину, т. е. что такое та сила жизни, которая заставляет действовать?» (55, 183). Вопрос остался вопросом.

Если человек это не может определить и даже осознать, то он тем не менее всегда об этом *знает*. Знает в том смысле, который Толстой пытался словесно обозначить в письмах и Дневниках:

«Все это заключено в одном: я *живу*, и все, что составляет это *знание*

1) не может быть понято разумом

2) без этого знания не может существовать ни одного разумного понятия» (62, 246—247).

«Кроме того, что мы видим, слышим, ощупываем и про что знаем от людей, есть и такое, чего мы не видим, не слышим, не ощупываем и про что никто ничего не говорил нам, но это мы знаем лучше всего на свете. Это то, что дает нам жизнь и про что мы говорим „я”» (45, 13).

«Почем же я знаю, что я — я, а все видимое и познаваемое есть только предел меня? Для чего мне это дано знать? И если я чувствую пределы и стремлюсь из них, то во мне есть беспредельное» (52, 260).

У Толстого есть слово, по-видимому авторское, — «*живосознанный*» (10, 212). Судя по контексту, это не чувство, не инстинкт, тем более не мысль, а нечто такое, от чего иногда хочется плакать «ни о чем». Это желание, которое пробудила в князе Андрее «страшная противоположность между чем-то бесконечно-великим и *неопределимым* (курсив мой. — О. С.) бывшем в нем, и чем-то узким и телесным, чем был он сам и даже была она» (10, 212). Это сказано о князе Андрее, но именно это роднит его с Пьером, именно это основа их *дружбы*, а не приятельских отношений. Сразу же вслед за этим князь Андрей думает: «Пьер был прав...» Это странное состояние возникло тогда, когда князь Андрей слушал музыку-пение Наташи. А о сущности музыки Толстой приводит восхитившие его слова брата, Сергея Николаевича: «Музыка есть воспоминание того, чего никогда не было, и мечты о том, чего никогда не будет».¹⁶

«Живосознанное», но неопределимое «ядро» личности Пьера, «т. е. то, что глубже характера, — это „знание” о том, что „во мне есть беспредельное”, томление по тому, чего „никогда не было и никогда не будет”, и что, тем не менее, есть». Как утверждал поздний Толстой, «человек — это Все и часть всего». Пьер, как «человек Толстого», «знает» именно это. Впервые это было им сформулировано в богучаровском споре с князем Андреем: «...я составляю часть этого огромного, гармонического целого» (10, 116).

Все духовное развитие Пьера ведет к тому, что это «живосознанное» чувство становится все более осознанным и настоятельно требующим своей

¹⁶ Маковицкий Д. П. Указ. соч. Кн. 1. С. 99.

реализации. Оно же привело его к масонам. Один из важнейших опытов Бородина, плена и соприкосновения с теми, кого он называл *они*, выражен так: «И все это мое, и все это во мне, и все это я» (12, 106). Там-то и родилось *в подсознании*, в предутреннем сне слово, улавливающее суть того, о чем всегда томилась его душа — «сопрягать». Мучительная неспособность найти путь к «сопряжению» вновь и вновь порождала то состояние мыслительной деятельности, которое он называл «винт свинтился».

Такова личность Пьера, как она сложилась к началу Отечественной войны. Рубеж был обозначен кометой, увиденной именно Пьером, — знаком того, что «мы теперь дети земли, а вечно дети всего мира» (10, 116). Повседневность переключается в высшее измерение.

Время между началом войны и внезапным решением ехать в армию заполнено резкой сменой душевных состояний и неразумных порывов. Поскольку повествование дискретно и Пьер появляется в дробных эпизодах, во время его отсутствия в тексте что-то в нем как будто созревает. Вступает он в эту новую для себя эпоху развития с *радостным* чувством надвигающейся катастрофы, которая должна изменить всю его жизнь. Он остается в опустевшей Москве, «в страхе и вместе в радости ожидая чего-то ужасного» (11, 181). Радость вызвана ощущением того, что приближается нечто, что разрешит его вечное духовное томление, что, наконец, воплотится в жизнь заложенное в нем глубинное *знание* о том, что он составляет «часть этого огромного гармоничного целого». Оно лежало в основе того, что всеобщее патристическое одушевление охватило и его: и неожиданная речь в дворянском собрании, и порыв пожертвовать полк — все это давало выход этому одушевлению.¹⁷

Но все это было далеко от поступка. Ему приходила в голову и мысль о поступлении на военную службу. Но удерживало три мотива: во-первых, принадлежность к масонам, проповедующим вечный мир, во-вторых, то, что совестно поступать как все, надевшие мундир, и наконец, — и это самое главное — мысль о какой-то своей высшей миссии, запрещающей предпринимать поспешный шаг. Все эти мотивы, по-видимому, имели место, но настоящая правда была та, что в армию он и не стремился. Слишком много разумных причин — признак того, что есть главная, все определяющая, хотя и неразумная: я хочу или не хочу. Поэтому, когда разложенный им пасьянс сошелся на том, чтобы все-таки ехать в армию, он так и не поехал. И сознание на этом не настаивало, и подсознание этому сопротивлялось. Но *все вместе* требовало поступка — до этого момента почти безразлично какого. Перечислено множество мотивов «за» и «против» армии, а решительный поступок оказался немотивированным. Здесь нельзя обнаружить никакого потаенного импульса, таящегося в подсознании. Чистейшее «вдруг».

Объяснение может дать только современное мировидение — синергетика. Все: и личность Пьера, как она сложилась к этому моменту, и все им пережитое за время начавшейся войны — это, на языке синергетики, перенапряженная система. Она подошла к точке бифуркации, т. е. развилки дорог, и находилась в «предпусковой готовности». В точках бифуркации «появляется возможность и необходимость случайного выбора».¹⁸ Выбор случаен, на языке синергетики, *эмерджентен*, т. е. он внезапно возникает откуда-то

¹⁷ По мысли Даниэля Ранкура-Лаферриера, недооценивающего роль высоких мотивов, *мазохизм* — потребность в очищающей жертве и страданиях — это доминанта характера Пьера, и ему почти безразлично, на чьей стороне воевать — русских или французов («It is almost as if does not matter whose side Pierre is on — the Russian or the French») (*Rancour-Laferrriere D. Tolstoy's Pierre Bezukhov. A Psichoanalytic Study. Bristol Classical Press. 1993. P. 178*).

¹⁸ См.: *Чернавский Д. С. О методологических аспектах синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002. С. 63.*

сбоку, не выводится из наличного, но именно он-то определяет всю судьбу системы. Для этого бывает необходимым и достаточным малое резонансное воздействие.¹⁹ Впечатления от экзекуции и оказались таким малым резонансным воздействием, таким эмерджентным пусковым механизмом.

Третий том эпопеи, посвященный непосредственно Отечественной войне, начинается с большого философского отступления о том, что именно является причиной поступков (любых и исторических в том числе). «Чем больше мы углубляемся в изыскание причин, тем больше нам их открывается, и всякая отдельно взятая причина или целый ряд причин представляют нам одинаково справедливыми сами по себе, и одинаково ложными по своей ничтожности в сравнении с громадностью события, и одинаково ложными по недействительности своей (без участия всех других совпавших причин) произвести совершившееся событие» (11, 4). «Ничто не причина. Все это только совпадение тех условий, при которых совершается всякое жизненное, органическое, стихийное событие» (11, 7).

Это сказано об историческом событии, но точно так же происходит событие в жизни отдельного человека. Подтверждением этого и является рассмотренный поступок Пьера: ничто не причина, но все совпадение причин. Это еще одно подтверждение той истины, что человек изоморфен миру, он — «Все и часть Всего».

Но размышление о совокупности причин дополняется знаменитым толстовским рассуждением о «лабиринте сцеплений». Именно «лабиринт сцеплений» определил принцип, лежащий в основе синергетики («from complexity to perplexity»),²⁰ т. е. «от сложения к переплетению». И «совпадение», и «лабиринт».

В художественном целом эпопеи Толстой не складывает причины, а *переплетает* их. Пьер, отправившись в армию, не знал и не мог знать, что именно там он обретет счастье «сопрягать», а значит, найдет путь к тому «ядру» своей личности, который поможет решать столь мучавшие его вопросы.

«Война и мир» — это народная эпопея, поэтому в центре величайшего события национальной истории должен был оказаться не профессиональный военный, а человек, олицетворяющий собой мир и мир. Пьер не воюет, он прозревает и постигает смыслы. Автор *вел* Пьера на поле Бородина, сколь мало он на поверхностный взгляд для этого не подходил. Это случайность, если рассматривать событие с позиции только одного человека — Пьера Безухова. Но если смотреть на это с позиции высшего смысла эпопеи, то это не случайность, а «необходимость поэтическая».

* * *

Иной вариант соотношения персонажа и эстетического целого текста представляет собой эпизод признания Анны. Оно абсолютно неожиданно: ничто Анну к этому не принуждало. Всего лишь утром рокового дня в разговоре с Вронским Анна всячески сопротивлялась его настоятельному требованию объяснить все мужу. Вронский умоляет — Анна избегает прямого разговора. Автор объясняет самое важное, о чем Анна не могла говорить с Вронским, — неразрешимый вопрос с сыном. Кроме этого, «страшная вина» перед мужем, о которой она знает, но которую заглушает, разжигая в себе ненависть к нему. Помимо этого, прямо названного, из всего разговора с

¹⁹ См.: Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. СПб., 2002. С. 40—47.

²⁰ Там же. С. 52.

Вронским становится очевидным, что и он не тверд, не знает, как устроить их положение, не имеет никакого продуманного решения. Она это чувствует, сама не представляя возможного будущего и страшась его. Неопределенность ее мучит, но она не стремится разрешить ее, потому что сейчас она, вопреки всему, счастлива и боится как-то разрушить это счастье. Все эти мотивы — названные и угадываемые — не допускали никакой возможности поспешного признания. Что касается Каренина, то, хотя он несомненно все знал, столь же несомненно не знал, скрывая это от себя, и больше всего боялся ясного света очевидной истины. Даже на скачках, когда волнение Анны выдало ее, он, вглядываясь в ее лицо старался не читать того, что на нем написано, «но против воли своей с ужасом читал на нем то, чего он не хотел знать» (18, 221). Даже в карете за секунду до признания «он все-таки не позволял себе думать о настоящем положении своей жены» (18, 223) и «ничего так не желал» (18, 224), как чтобы она отвергла все подозрения.

Ни у одного участника драмы не было ни одной причины — разумной или подсознательной — желать, чтобы все стало ясно. Никто это не спровоцировал. И все-таки Анна сказала бесповоротное: «Нет, вы не ошиблись» (18, 224). Неожиданность, которая в то же мгновение стала восприниматься как неизбежность.

Прежде всего, все мотивировано ситуацией. Анна пережила слишком сильное нервное потрясение, от которого она не оправилась, и была в том смятении, когда билась, «как пойманная птица». В момент признания она еще не была уверена, что Вронский цел (записка от Бетси пришла чуть позже), поэтому она находилась в том измешении, где даже такой решительный шаг, как признание мужу, терял свой смысл и масштаб. К этому добавлялось и особое физиологическое состояние — беременность.

Тут сыграли роль и случайности: не приехал бы на скачки Каренин, не начни он свой разговор тогда, когда Анна еще не знала, что Вронский невредим, вернулась бы Анна в карете Бетси — и в этот момент ничего бы не произошло. Но неизбежно произошло бы в другой ситуации: нарастающая напряженность должна была разрядиться.

Глубже уровня ситуации находился характер Анны — ее правдивость. Как ни уверяла незадолго до этого Анна Вронского, ложное положение было противно ее правдивой натуре. Жерар Женнет, остро поставивший проблему правдоподобия и мотивации, одним из опорных моментов своего исследования поставил эпизод признания принцессы Клевской своему мужу. Логика его рассуждений приводит к тому, что, поскольку поступок героини не нарушал моральную максиму о верности мужу, еще не принятую в XVII веке, то ее признание и «не имеет высокой психологической ценности». ²¹ Поскольку в XIX веке эта максима существовала, поступок Анны эту высокую психологическую ценность имеет.

Еще глубже характера, но в сопряжении с ним выступает та истина, что Анна переживает не любовь, а страсть — как архетип с ее вечными законами, в том числе с предопределенной трагической развязкой. Истоки чувств часто не требуют никакой мотивации, ²² а страсти — особенно. А. В. Михайлов в своем исследовании истории характера указывает на тот этап античной культуры, когда «руководство человеком со стороны богов предполагает определенную, не свободную, но необходимую, так сказать, принудительную, неизбежную фазу осмысления мотивации своих поступков». Поэтому

²¹ См.: Женетт Ж. Указ. соч. С. 302—303.

²² А. Маслоу, рассмотревший проблематику мотиваций во всей ее многогранности, тем не менее предостерегал: «...за многими психологическими феноменами не стоит никакой мотивации» (Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2001. С. 311).

и «некоторые вещи психологического свойства... осмысляются не как принадлежащие самому человеку, а принадлежащие миру» (курсив мой. — О. С.).²³ Так и в этом романе кажется, что страсть — это нечто не только большее, но иное, чем *чувство, переживаемое Анной*, — это внешняя сила, которая избрала ее, чтобы подчинить своим древним законам, осуществляя «руководство со стороны богов». Здесь проявляет себя не столько правда индивидуального характера, сколько правда надындивидуального начала.

Признание мужу лишь неизбежный момент на пути к предопределенной трагической развязке, а стало быть, и необходимый этап в развитии сюжета. Это именно та точка повествования, которую Н. Асеев называл «ключом сюжета», точка, где происходит размежевание границ между тем, «как пошла бы жизнь героев, если бы не случилось того-то и того-то».²⁴ Обычная жизнь, или, как называет ее Н. Асеев, «жизнь как прежде», — это не только благопристойное существование Анны до встречи с Вронским, но и возможный путь банального адюльтера. Роман стал романом-трагедией только после этого сюжетного слома.

При всей его неожиданности этот эпизод многослойно и многогранно обусловлен и сюжетно, и жанрово, и психологически, и онтологически, т. е. «необходимостью поэтической» всего художественного целого.

* * *

Вернемся к эпизоду с попыткой самоубийства Вронского. Именно в связи с ним Толстой написал приведенное в начале письмо к Н. Страхову. Вот его продолжение: «А вы все это знаете лучше меня, но меня это занимало последнее время. Одно из очевиднейших доказательств этого для меня было самоубийство Вронского, которое Вам понравилось. Этого никогда со мной так ясно не бывало. Глава о том, как Вронский принял свою роль после свиданья с мужем, была у меня давно написана. Я стал поправлять ее и совершенно для меня неожиданно, но несомненно Вронский стал стреляться. Теперь же для дальнейшего оказывается, что это было органически необходимо» (62, 269).

Почему это случилось неожиданно и почему тем не менее «необходимо»? Неожиданно, потому что не соответствует представлению о характере Вронского, сложившемуся к этой сцене. Хотя Вронский уже не тот, который вступил в украшающую его связь с блестящей светской дамой, поскольку Анна подняла его до своего уровня, трагичность не укоренена в его характере. Но вместе с тем характер, по Толстому, бывает не только прирожденный, но и приобретенный. Вронский вышел за свои пределы, потому что его подхватили потоки, созданные неудержимым полетом Анны навстречу жизни, счастью и гибели. В атмосфере страсти, рождения, смерти — той атмосфере вечного, что окружает Анну, он обрел масштаб. Этот новый, приобретенный характер придал Вронскому то величие, что присуще трагедии.

Но, кроме характера, действуют и внешние обстоятельства. Раньше положение Каренина как обманутого мужа было унижительным — и тем более унижительным, что он всего лишь «ласкает мыслью вопрос о дуэли» (18, 295), неспособный ее осуществить, в то время как Вронский, офицер, граф, всегда был готов стреляться. Нерешительность же Каренина лишь усугубляла его униженное положение. Теперь своим же великодушным поступком он стал значительно выше Вронского, настолько выше, что униженным себя

²³ Михайлов А. В. Указ. соч. С. 185.

²⁴ Асеев Н. Ключ сюжета // Печать и революция. 1925. Кн. 7. С. 84—85.

стал чувствовать Вронский. Более того, Вронский ощущал, что Каренин стал выше его в той системе ценностей, с которой несоизмеримы такие понятия, как дворянская честь и все из этого вытекающее. Вронский не унижен в житейском смысле, а непоправимо принижен перед лицом высшего. Это было столь невыносимо, что остается лишь одна возможность — добровольно уйти из жизни, мгновенно, не размышляя. Нужен ли при этом подробный анализ его состояния? Нуждается ли это в авторском разъяснении? Нет, потому что это понятно без объяснений. Каким образом? Толстой разъясняет: ответ в «лабиринте сцеплений».

В сцене самоубийства Вронского основанием сцеплений служило многое: во-первых, все многочисленные и разноплановые обстоятельства, формирующие поток событий. Основанием был и все время меняющийся «лабиринт отношений» персонажей. Основанием было и то, как менялась сущность характеров. Именно этот «лабиринт сцеплений» вполне постижим, поскольку в нем Вронский достиг максимально возможного для него масштаба личности. Здесь нет ощущения неполной исчерпанности, что обычно является свойством самой реальности. В этом эпизоде преобладает то, что Достоевский называл «ясность а la Толстой».

В связи со сценой самоубийства Вронского В. Набоков предъявил, пожалуй, единственный упрек Толстому. Для него мотивы самоубийства легко объяснимы: это вопрос чести, «нечто вроде хакакири, как его понимают японцы». Но «глава неубедительна с художественной точки зрения, с точки зрения структуры романа». Анна накануне своего самоубийства ни разу не вспомнила о попытке Вронского. «Толстой-художник понимал, что тема самоубийства Вронского звучит в иной тональности, что она другого оттенка и тона, решена совсем в ином ключе и стиле и художественно не связана с предсмертными мыслями Анны».²⁵

Действительно, эта сцена не оказала существенного воздействия даже на сюжет, не говоря уже о том, чтобы войти в созвучие с нарастающей трагедией. Это вполне художественно оправдано. Вронский не мог долго оставаться на несвойственном его «прирожденному характеру» высоком уровне. Он неизбежно приопустился, и пережитое им потрясение ушло почти бесследно. Эта сцена действительно «решена в ином ключе»: все мотивы расположены в одной плоскости и одинаково очевидны — нет глубин, прорывов в подсознательное, в потаенные мотивы и т. д. Тем более, нет того, что глубже характера и что проявило себя в судьбе Пьера и Анны.

Эстетика эпизода определяется характером персонажа. Все мотивировано «лабиринтом сцеплений» и вполне правдоподобно, но корневая система этого события неглубока. Набоков прав: «необходимости поэтической» здесь нет, ибо она возникает тогда, когда «лабиринт сцеплений» не ограничивается событийным уровнем, а проникает в те пласты, что глубже характера, глубже психологической достоверности, в то «ядро, творящее личность», которое несомненно как «я», т. е. в то, что в совокупности со Всем являют собой Универсум.

* * *

В эпопее *переплетаются* две художественные задачи — антропологическая и эстетического целого.²⁶ Неожиданности в мире Толстого присутству-

²⁵ Набоков В. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 255.

²⁶ Г.-С. Морсон указывает на подобную «двойную причинность» и в мире Достоевского: «Ибо события в хорошо сделанном произведении словесного искусства имеют своей причиной

ют часто, но почти всегда не ощущаются. Истинное «вдруг», т. е. случайное и ничем не обоснованное, у Толстого происходит только в моменты, когда внезапно надрывается тонкая событийная оболочка: именно в этот момент Пьер решил ехать в армию, именно в этот момент отношения Анны и Бронского перестали быть тайной, а могло это произойти и в любой другой момент. Но эта оболочка становится хрупкой под действием многочисленных факторов — не только внешнего «лабиринта сцеплений» обстоятельств, но главным образом того «лабиринта сцеплений», который, разветвляясь, уходит в глубины бытия, в его разнородные пласты. Этот внутренний «лабиринт сцеплений», как правило, автором проанализирован во всех его элементах, но обычно их совокупность не сконцентрирована в одном месте, а рассредоточена в разных фрагментах. Поэтому и кажется, что бесспорная неожиданность стоит на широком и прочном фундаменте закономерности.

Как ни парадоксальна ситуация, как ни странен поступок, совершенный «вдруг», читатель на этом не задерживается, ему все и так понятно. Главное свойство искусства, по Толстому, «заразить». Читатель «заражен» в такой степени, что он становится не «эмпирическим читателем», а «образцовым читателем», по терминологии Умберто Эко,²⁷ т. е. он внутренне отождествляет себя не только с кем-либо из лично близких себе персонажей, а, подобно автору-демиургу (т. е. «образцовому автору»), со всеми персонажами сразу, погружаясь во всю ситуацию, во всей ее полноте. Подобно тому как человек понимает суть собственной ситуации, даже не расчлняя ее, а часто в нее и не вдумываясь, так и «образцовый» читатель, «заразившись» всем происходящим, становится всеведущим, как и «образцовый автор». Но для этого недостаточно этой отдельной ситуации, нужно проникнуться романом во всей его полноте, жить в этой реальности.

Как известно, поэзия стремится к внутреннему отождествлению больше, чем проза, и поэтому больше «заражает».²⁸ Поскольку Толстой — поэт,²⁹ читатель, находясь внутри его мира, проникается авторской волей настолько, что все принимает как должное и воспринимает все, как сам персонаж, а «неожиданные действия могут быть неожиданными для всех, кроме тех, кто их совершает».³⁰ Поэтому читателю все кажется естественным, не выходящим за пределы того, «как это обычно бывает».

Мир Толстого так же сотрясается непредсказуемыми поступками и событиями, как и любой другой. И это вовсе не опровергает ту истину, что в этом мире господствует дух общего закона. Всеохватное эпическое искусство Толстого отражает законы мироздания, согласно которым неожиданности так же укоренены в бытии, как и устойчивые состояния. «Вдруг» не противостоит тому, «как это обычно бывает», а поглощается им. Читатель может почти не заметить, что это «вдруг», потому что он уже проникся общим духом эпической закономерности.

не только то, что им предшествовало, но также и систему целого, как хорошо понимали теоретики со времен Аристотеля и до наших дней. События формируются не только происшествиями в вымышленном мире, о которых герои в принципе могут знать, но также тем, что необходимо для создания эстетически действенного произведения искусства, т. е. соображениями, о которых герои знать не могут» (*Морсон Г.-С. «Идиот», поступательная (процессуальная) литература и темпика // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 13*).

²⁷ Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2007. С. 21—22.

²⁸ «Читая эпическое произведение, говоришь: „как на меня похоже“, а читая лирическое: „это я“» (см.: *Корман Б. О. О соотношении понятий «автор», «характер» и «основной эмоциональный тон» // Проблема автора в художественной литературе. Воронеж, 1969. Вып. 2. С. 9*).

²⁹ См.: *Сливицкая О. В. Указ. соч. С. 63—128*.

³⁰ *Verč I. О неожиданном действии у Достоевского. Р. 410*.

Мы начали с ссылки на Достоевского. «Вдруг» — еще один мотив в оппозиции Толстой—Достоевский, естественной в сопоставлении и противопоставлении, но искусственной, когда делают выбор и оказывают предпочтение. Поэтому закончим фрагментом из письма Томаса Манна, которого также сталкивали с его братом, Генрихом: «И я подбочился и вспомнил слова Гете о глупом споре немцев, кто более велик, он или Шиллер: „Им бы радоваться, что у них есть два таких парня!“».³¹

³¹ Манн Т. Письма. М., 1975. С. 362.

К 200-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Отечественная война 1812 года и для современников, и для потомков стала важнейшим событием русской истории.

Для участников и очевидцев войны, за несколько месяцев переживших смятение и позор отступления, ожесточенные сражения и сожженные города, изгнание Наполеона и восторг победы, она перевернула все прежние представления о жизни. Многие из них стали воистину «детьми 1812 года». Победа над «Великой армией» повлекла за собой очевидные и глубокие перемены в русском общественном сознании. Чувство небывалого национального единства, дух вольности, уверенность в своей силе и правоте стали катализатором политического протеста, который в конечном счете вылился в восстание декабристов. Тот же комплекс чувств и идей в опосредованной форме повлиял на характер русской литературы первой трети XIX века. Даже сам поход Наполеона на Россию подчас становился в глазах наших поэтов залогом великого будущего страны. Об этом феномене пишет в публикуемой ниже статье В. Е. Багно. Процесс мифологизации войны 1812 года, начатый уже ее очевидцами и современниками, был продолжен последующими поколениями; и чем дальше в прошлое уходит 1812 год, тем ярче сияет его романтический ореол. Он поддерживается реальными особенностями той войны, еще не исключавшей проявлений рыцарства и благородства по отношению к противнику. Багратион, за минуту до гибели салютовавший нападающим французским кавалеристам и восклицающий: «Браво!»; маршал Мюрат, приостановивший движение своих войск, чтобы дать возможность Милорадовичу вывести отступающие русские части; Кутузов, гневно оборвавший офицера, неуважительно отозвавшегося о Наполеоне, — вызывают удивление и восхищение у людей XXI века, давно отвыкших от подобных поступков. Бородинский бой, пожар Москвы, «молодые генералы» — сегодня все это уже не столько исторические, сколько художественные образы со своей устойчивой семантикой. Один из таких образов — поэт-партизан Денис Давыдов, с полным набором гусарских атрибутов: саблей и трубкой, пирушками и стихами, и, конечно, знаменитыми гусарскими усами!

Две обширные публикации писем Д. В. Давыдова, которыми журнал отмечает юбилей Отечественной войны 1812 года, раскрывают человеческий облик романтизированного персонажа. В донесениях генералу А. И. Чернышеву — это боевой офицер, четко и дельно докладывающий своему начальнику военную обстановку; в письмах к А. Н. Михайловскому-Данилевскому — это внимательный очевидец прошедших событий, помогающий историку восстановить их подлинную картину. Образ Давыдова, встающий со страниц этих писем, не разрушает мифологизированный образ поэта-гусара; житейская достоверность в данном случае не мешает легенде, лишь оттеняет ее реальными фактами и живыми подробностями. В сущности, именно такой сложный синтез фактов и легенд, проверенных сведений и поэтических мифов и представляет собой наша память о 1812 году.

ПИСЬМА Д. В. ДАВЫДОВА К А. И. ЧЕРНЫШЕВУ 1813 ГОДА*

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПЕРЕВОД, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © Н. Л. ДМИТРИЕВОЙ)

Публикуемые семь писем Дениса Давыдова к генералу Александру Ивановичу Чернышеву (1785—1857), командующему армейскими партизанскими отрядами в 1812—1814 годах, иллюстрируют один из эпизодов заграничных походов русской армии после разгрома наполеоновских войск в 1812 году. Это, по сути дела, не письма, а донесения, написанные в условиях военной кампании. Все они относятся к сентябрю 1813 года, события разворачиваются на берегах Эльбы. Первые пять написаны из Цербста за очень короткий период: два первых в один день — седьмого числа. Четвертое и пятое — тоже в один день — десятого сентября, с промежутком всего в один час: через час после сообщения о вероятном занятии Дессау Давыдов пишет краткую записку с подтверждением этого известия. Эти письма — живое свидетельство исторических событий: они написаны непосредственно на месте действия, естественно, без каких-либо черновиков, в них есть сокращения, вставки пропущенных слов, в них можно отметить некоторую синтаксическую несогласованность (письмо от 28 августа / 9 сентября).

Письма эти интересны не только как документ, как исторический источник, это еще и весьма любопытный образец эпистолярного творчества первой половины XIX века. Первое, что поражает — это язык донесений. Хотя хорошо известно, что языком переписки в России был французский язык и официальная переписка в большом числе случаев велась именно на французском, тот факт, что в боевых условиях, в разгар кампании военные донесения пишутся на языке врага, представляется, по меньшей мере, неосторожным. Перед нами — ясное свидетельство билингвизма, объясняющего парадоксальное явление в истории русской культуры — рост патриотических чувств образованного дворянства не противоречил их выражению на ставшем в силу исторических событий враждебным языке: Сергей Глинка в своих «Записках», рассказывая о дружбе с «генералом 1812 года» Александром Тучковым, отмечает, что их переписка велась по-французски. Вероятно, к определенному выражению антифранцузских чувств во французских донесениях Давыдова можно отнести написание слова «французы» со строчной буквы (впрочем, и «пруссаки» написано так же). Дело в том, что по нормам французского написания названия национальностей пишутся с прописной буквы, а авторы французских писем XIX века вообще злоупотребляли прописными буквами.

Что еще бросается в глаза при чтении писем — они написаны в вынужденной спешке, буквально «на коленке», однако, несмотря ни на что, автор не забывает каждое свое послание закончить принятой изысканной формулой вежливости «Честь имею быть с глубочайшим почтением и т. д., и т. п.». Что это — сила этикетного канона? Несомненно, но видится тут и чувство искреннего уважения, и проявление собственного достоинства, и подтверждение высокой культуры эпистолярия XIX века.

Эти семь писем — небольшое, но тем не менее репрезентативное свидетельство времени.

* Письма обнаружены и предоставлены для публикации И. В. Кошкинко.

* * *

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 330 (Чернышевы). Р. III. Карт. 28. Ед. хр. 11. Л. 1—10 об.).

1

Mon Général,

Depuis hier soir je n'ai pas eu de nouveaux renseignements. Un espion, qu'on m'a amené, n'a rien voulu avouer, je l'envoie au quartier général de Votre Excellence. Il faudrait faire prendre un de ces coquins au bord de l'Elbe. Cela ferait, je vous jure, une grande influence sur ses confrères. J'attends encore des nouvelles de l'autre côté, que j'aurai soins de vous faire aussitôt parvenir.

Le colonnel Grekoff doit certainement vous faire le rapport de l'enlèvement du transport de pain et d'eau de vie par les prussiens. Si l'on endure ces infamies, je ne sais s'il y aura quelque sûreté pour nous modérer. J'avais conseillé au colonnel d'envoyer les voitures avec les vivres droit à Coswig; mais il m'a représenté qu'il avoit un ordre au nom de Votre Excellence de les diriger par Stacelis (?).

Il y est aussi venu un officier prussien^a qui a été fait prisonnier par les français et qui est parvenu à Selchag (?). Je le retiens car il vient de Mersebourg et je suis prévenu qu'il y a un homme suspect qui doit de là nous^b faire une visite. J'aurai des éclaircissements là-dessus dans quelques heures et si ce n'est pas le même, je l'adresserai très poliment au gén(éral) Hirschfeld.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération et le plus profond respect

Mon Général

Votre très humble et très obéissant serviteur

D. Davidoff

7 Sep<tembre> 1813

Zerbst

8 h<eures> du m<atin>

P. S. On m'apporte dans le moment une lettre de vous.

Перевод:

Генерал,

Со вчерашнего вечера не получал новых сведений. Шпион, которого мне привели, не пожелал ничего сказать, я отправляю его на главную квартиру Вашего Сиятельства. Надо бы поймать одного из этих мошенников на берегу Эльбы. Это, клянусь, сильно повлияло бы на его собратьев. Жду новостей с другой стороны, которые постараюсь тотчас же вам сообщить.

Полковник Греков¹ несомненно доложил вам о похищении пруссаками транспорта с хлебом и водкой. Если будут продолжаться подобные гнусности, не знаю, можно ли быть сколь-нибудь уверенным, что мы сумеем сдержаться. Я советовал полковнику послать обозы с провиантом прямо в Кос-

^a Вписано поверх строки: prussien

^b Приписано на полях: de là nous

виг; но он передал, что у него приказ за подписью Вашего Сиятельства провести их через С (?).

Сюда попал один прусский офицер, которого взяли в плен французы, и он добрался до (?). Я его удерживаю, потому что он из Мерзебурга, а меня предупредили, что есть подозрительный человек, который оттуда должен нам нанести визит. Я разузнаю все на этот счет через несколько часов, и если это не тот человек, я его очень учтиво направлю к генералу Хиршфельду.²

Честь имею быть с глубочайшим почтением и уважением, генерал, вашим нижайшим и покорным слугой

Д. Давыдов

7 сентября 1813

Цербст

8 часов утра

P. S. Мне только что принесли письмо от вас.

¹ Греков Тимофей Дмитриевич (1770 или 1774—1831) — получил чин полковника в конце 1812 года, в 1813 командовал Атаманским полком.

² Хиршфельд Карл Фридрих фон (1747—1818) — прусский генерал.

2

Mon Général,

Monsieur le major Arnind (?) qui vous remettra cette lettre est justement le même dont j'ai eu l'honneur de parler à Votre Excellence. Je lui dois personnellement beaucoup pour tous les services qu'il a bien voulu nous rendre et je ne saurai mieux m'acquitter envers lui qu'en l'adressant à Votre Excellence. Veuillez bien, mon général, le remercier de tous ses soins. C'est un bien digne et brave homme.

Il pourra vous dire tous les excès que commettent les prussiens et à quelle sorte de contributions ils mettent les habitants du pays.

Je viens encore d'apprendre qu'outre leurs mauvais procédés à notre égard ils ont de même envoyé à la poursuite du transport expédié par les officiers, que le général Wintzengerode a envoyé pour la levée des vivres. Faites nous justifier, mon général!

Si la nouvelle de la bataille gagnée est vraie, je m'en réjouis bien sincèrement et prie Votre Excellence de recevoir là-dessus mes félicitations. C'est dommage que nous n'en ayons aucuns détails. J'espère que vous ne nous refuserez pas la grâce de nous les faire parvenir.

Recevez, je vous prie, mon Général, l'assurance sincère de mes sentiments respectueux, avec lesquels j'ai l'honneur d'être

mon Général

votre très humble et obéissant serviteur

D. Davidoff

7 Sep<tembre>

Zerbst

Midi

P. S. J'ai écrit ce matin au lieutenant-colonel Holst (?) et lui ai mandé toutes les nouvelles que j'avois reçues^a de l'autre côté.

^a Вписано поверх строки: reçues

Перевод:

Генерал,

Майор А (?), который передаст вам это письмо, тот самый, о котором я имел честь рассказывать Вашему Сиятельству. Я самолично весьма обязан ему за все те услуги, которые он соблаговолил нам оказать и не вижу лучшей возможности отблагодарить его, как направив его к Вашему Сиятельству. Соблаговолите, генерал, поблагодарить его за все его старания. Это очень достойный и честный человек.

Он может вам рассказать о всех безобразиях, совершаемых пруссаками и о том, какие контрибуции они налагают на местных жителей.

Только что узнал к тому же, что помимо всех их подлостей в наш адрес, они хотят захватить офицерский транспорт, который генерал Винценгероде¹ послал на сбор провианта. Помогите нам добиться справедливости, генерал!

Если весть о выигранном сражении верна, искренне радуюсь и прошу Ваше Сиятельство принять на этот счет мои поздравления. Жаль, что мы не знаем подробностей. Надеюсь, вы не откажете нам в милости их сообщить.

Примите, пожалуйста, генерал, искреннее уверение моего почтения, с каковым честь имею быть, генерал, вашим нижайшим и покорным слугой

Д. Давыдов

7 сентября

Цербст

полдень

Р. S. Я написал сегодня утром подполковнику Х (?) и уведомил его обо всех известиях, которые получил с другой стороны.

¹ Фердинанд Федорович Винцингероде (1770—1818) в 1813—1814 годы был командиром русского корпуса Северной армии.

3

A Son Excellence Monsieur le Général de Czernichev,
Chevalier de plusieurs ordres, en Son Quartier Général

Mon Général,

J'ai reçu aujourd'hui à 3½ h(eures) l'ordre au nom de Votre Excellence de faire construire des bateaux et des radeaux pour le passage d'un corps d'armée près de Rosslau. Les planches, les clous et les ouvriers sont prêts et je ferai tout ce qui peut dépendre de moi pour accélérer cet ouvrage. J'ai envoyé de suite rassembler les ouvriers desquels il y a 50 h(ommes) à Zerbst, 30 à Rosslau et 30 à Coswig. Je les emploierai d'abord à la coupe du bois, ce qui, j'espère, ne peut durer plus d'un jour et demi — et c'est le principal. Les planches sont déjà à une demie lieu de l'Elbe et je pourrai très facilement les transporter, car j'ai ici des voitures toutes prêtes depuis quelques^b jours. Je suis bien fâché de n'en avoir pas été prévenu auparavant, car l'ouvrage aurait déjà beaucoup avancé. D'ailleurs^c il ne^d s'agissait que de la construction d'un pont dont j'ai fait les préparatifs en matériaux.

^a Вписано поверх строки: j'ai

^b Зачеркнуто: pour (фр. для)

^c Зачеркнуто: et (фр. и)

^d Вписано поверх строки: ne

Veillez bien aussi, mon Général, me faire savoir votre ordre, que si en cas que le rég(iment) de Grecoff marchait d'ici dois-je rester à Zerbst et puis-je garder un parti? C'est un fait très essentiel à éclaircir: car les Casaques feront des difficultés pour me l'accorder. Comme M-r le colonel Grecoff vient de refuser un parti de 12 casaques pour l'envoyer à Barby pour retirer les bateaux submergés, malgré que je lui ai dit avoir reçu l'ordre^e de Votre Excellence verbalement par le lieutenant Pandwich (?). Mais il veut avoir un ordre par écrit et ne se contente pas, ou ne se fie pas à moi, quoique je lui aie^f représenté l'avoir reçu de bouche par un officier envoyé par vous. Il faudra donc renoncer pour aujourd'hui de retirer ces bateaux et d'enlever le maire qui seul met obstacles aux habitants de le faire de propre gré. Je vous prie, mon Général, de vouloir bien^g croire que je ne négligerai aucun moyen pour remplir les intentions de Votre Excellence pour la construction des bateaux, quoique je sois très novice sur ce point et qu'il ne faudra me reprocher que mon peu^h d'intelligence et non manque de zèle.

Agréez, je vous prie, mon Général, l'assurance de mon respect le plus profond et l'estime la plus distinguée avec lesquels j'ai l'honneur d'être

Mon Général

Votre très humble et obéissant serviteur

D. Davidoff

Zerbst 6½ du s(oir)

28 août

1813

9 sept(embre)

P. S. Je désirerais pourtant savoir, combien de troupes doivent passer d'une fois et quel est le temps qu'on veut nous accorder pour la construction des bateaux.

Перевод:

Его Сиятельству генералу Чернышеву,
кавалеру многих орденов на Его главную квартиру
Генерал,

Я получил сегодня в 3½ часа приказ от имени Вашего Сиятельства строить лодки и плоты для переправы армейского корпуса около Рослау.

Доски, гвозди и рабочие готовы и я сделаю все, что от меня зависит, дабы ускорить эту работу. Я тотчас же распорядился собрать рабочих, из которых 50 человек из Цербста, 30 — из Рослау и 30 из Косвига. Сначала я вею им готовить материал, что, я надеюсь, продлится не дольше полутора дней — и это главное. Доски уже в полумиле от Эльбы, и я легко смогу их перевезти, поскольку у меня здесь подводы готовы вот уже несколько дней. Я очень досаую, что меня не предупредили прежде, потому что работа уже бы продвинулась. Впрочем, сначала речь шла о строительстве моста, для которого я приготовил материалы.

Соблаговолите также, генерал, передать мне ваше распоряжение, должен ли я оставаться в Цербсте и могу ли я взять себе отряд в случае, если полк Грекова уйдет отсюда? Этот вопрос необходимо разрешить: поскольку казаки станут препятствовать тому, чтобы мне его дали. Поскольку г. пол-

^e Зачеркнуто: ven(ant) (фр. происходящий)

^f Вписано поверх строки: aie

^g Приписано на полях: bien

^h Вписано: peu

ковник Греков отказался взять отряд из 12 казаков, чтобы отправить его в Барби, дабы вытащить потопленные лодки, хотя я ему растолковал, что получил устный приказ Вашего Сиятельства через лейтенанта Пандвича (?). Однако он желает иметь письменный приказ и он не довольствуется или не доверяет мне, хотя я ему сказал, что получил его из уст офицера, посланного вами. Итак, придется отказаться на сегодня от возможности вытащить лодки и взять приступом городского старшину, единственного, кто ставит препоны жителям, готовым сделать это по своей воле. Прошу вас, генерал, поверить, что я все средства употреблю, дабы выполнить волю Вашего Сиятельства для постройки лодок, хотя я и весьма неопытен в этом деле, и упрекнуть меня можно будет только в недостатке разума, но не усердия.

Примите, прошу вас, генерал, уверение в моем глубочайшем почтении и уважении, с каковыми честь имею быть, генерал, вашим нижайшим и почкорным слугой

Д. Давыдов

Цербст 6½ вечера

28 августа

1813

9 сентября

P. S. Я хотел бы, однако, знать, сколько людей должно переправиться за один раз и сколько времени нам дается на постройку лодок.

4

Mon Général,

Je reçois dans le moment la nouvelle, que les françois ont quitté Dessau hier à 9 h<eures> du matin. J'ai l'honneur de vous envoyer le rapport que j'ai reçu et je vais tâcher d'avoir des renseignements positifs. Comme il y a de l'autre côté beaucoup de bateaux submergés par les françois il seroit indispensable d'y envoyer un parti de cosaques pour obliger les habitans à les retirer. Veuillez bien, mon Général, faire donner l'ordre par écrit au colonel Grecoff de laisser faire passer de l'autre côté un parti, soit de son ré<giment>, soit de ceux qui sont à Rosslau et ne voudriez-vous pas avoir la bonté de lui prescrire, que j'aie une 50-tième de casaques dans ma pleine disposition et un officier avec, que^a je puisse employer en cas de nécessité. Car ce serait toujours un trop long retard s'il falloit attendre les ordres de Votre Excellence en reponse au rapport que j'ai l'honneur de vous faire.

Ci-joint est le registre des matériaux que nous a fourni Rosslau et Zerbst — et j'ai fait écrire à Coswig pour la mettre à pareille réquisition. Je tâcherai d'avoir autant de bois sec que je pourrai pour la construction du radeau et je verrai s'il n'y a pas quelques vieilles baraques qu'on puisse abattre près de l'Elbe. Le lieutenant Pandwich (?) s'est rendu à Rosslau. Les ouvriers y sont déjà et les voitures pour le transport des planches et du bois. Demain j'y ferai aussi une visite, car j'ai encore quelque chose à arranger avec le maire. Je ne puis assez me louer de cet homme. Il fait tout ce qui dépend de lui. J'ose persuader Votre Excellence, que^b si nous parvenons à retirer les bateaux de l'autre côté les choses iront vite et bien; mais que si nous négligeons de les prendre, cela peut tirer en longueur. J'attends là-dessus vos ordres.

^a Зачеркнуто: dont (фр. который)

^b В тексте: qui

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect et la plus parfaite estime,
mon Général,
votre très humble et obéissant serviteur

D. Davidoff

10 sept⟨embre⟩
1813
29 d'août 8½ du m⟨atin⟩
Zerbst

P. S. S'il est vrai que les françois qui étoient à Dessau se soient retirés par le chemin de Leipzig, il est probable que ceux de Wittenberg se replient de même, ou qu'il y reste bien peu de monde.

Перевод:

Генерал,

Тотчас получил известие, что французы оставили Дессау вчера в 9 часов утра. Имею честь отправить вам рапорт, который я получил, и постараюсь добыть достоверные сведения. Поскольку с другой стороны имеется много затопленных французами лодок, необходимо было бы послать туда отряд казаков, дабы заставить жителей их вытащить. Соболаговолите, генерал, отдать письменный приказ полковнику Грекову пропустить с другой стороны отряд, либо из его полка, либо из тех, что стоят в Рослау, и не могли бы вы оказать любезность, предписать ему предоставить 50-ю часть казаков в мое полное распоряжение и с ними одного офицера, которых я бы мог применить в случае необходимости, коль скоро все бы очень затянулось, если ждать распоряжений Вашей Светлости в ответ на рапорт, который я имею честь вам предоставить.

Прилагаю реестр материалов, которые мы получили из Рослау и Цербста — и я написал в Косвиг, дабы там произвести такую же реквизицию. Я постараюсь раздобыть столько сухого леса, сколько смогу, для постройки плота и посмотрю, нет ли ветхих сараев близ Эльбы, которые можно разломать. Лейтенант Пандвич ⟨?⟩ отправился в Рослау. Рабочие уже там, как и подводы для транспортировки досок и леса. Завтра я тоже туда нанесу визит, ибо мне надобно кое-что уладить с городским старшиной. Я очень доволен этим человеком. Он делает все, что от него зависит. Смею уверить Ваше Сиятельство, что если мы сумеем вытащить лодки с другой стороны, дело пойдет быстро и хорошо; но если мы не сделаем этого, дело может затянуться. Жду ваших распоряжений на этот счет.

Имею честь быть с глубочайшим уважением и совершенным почтением, генерал, вашим нижайшим и покорным слугой

Д. Давыдов

10 сентября
1813
29 августа 8½ утра.
Цербст.

P. S. Если это правда, что французы, бывшие в Дессау, ушли по дороге на Лейпциг, вероятно, французы из Виттенберга тоже отступают, или их там осталось совсем немного.

5

Mon Général,

Je viens de savoir très positivement, que les françois ont évacué Dessau et se sont retirés sur Leipzig. On assure aussi que ceux de Wittenberg se replient de même: je m'empresse d'en informer Votre Excellence.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect,
mon Général,
votre très humble et obéissant serviteur

D. Davidoff

10 sep⟨tembre⟩
9½ h⟨eures⟩

Перевод:

Генерал,

Только что узнал совершенно достоверно, что французы оставили Дессау и отступили к Лейпцигу. Подтверждают также, что французы из Виттенберга тоже отступают: спешу сообщить об этом Вашему Сиятельству.

Честь имею с глубочайшим почтением, генерал, оставаться вашим нижайшим и покорным слугой

Д. Давыдов

10 сентября
9½ часов

6

Mon Général,

Je suis arrivé à Artern à 8½ h⟨eures⟩ où j'ai pris aux environs 2 officiers westphaliens et 10 soldats, que j'ai l'honneur de vous envoyer. Il est presque inutile d'en vouloir questionner les habitants d'ici.^a Pas moins d'en tirer aucun éclaircissement et j'ignore jusqu'à présent grâce à eux si Querfurt est occupé par l'ennemi ou non. Quelques personnes m'ont assuré pourtant en route, qu'il y a un corps ennemi^b d'environ 17000 h⟨ommes⟩ qui est venu de Francfort qui se trouve aux environs de Jena. Les informations que j'ai tâché de prendre là-dessus dans les différents villages que j'ai passés confirment ce bruit. Je n'ai pu savoir au juste où se trouve le général Tilheman. Les rumeurs sur son compte différent les unes des autres. J'aurai l'honneur de faire à Votre Excellence mon second rapport de Querfurt. *Si l'on m'y laisse entrer.*

Je suis avec le plus profond respect,
mon Général,
votre très humble et obéissant

D. Davidoff

Artern
25/13 sep⟨tembre⟩ 1813
8¾ h⟨eures⟩ du m⟨atin⟩

^a Вписано поверх строки: d'ici

^b Вписано на полях: ennemi

Перевод:

Генерал,

Я прибыл в Артерн в 8½ часов и в окрестностях взял 2 вестфальских офицеров и 10 солдат, которых честь имею послать вам. Почти бесполезно расспрашивать о них здешних жителей. Так же невозможно вытянуть из них какие-либо сведения и из-за них я по сию пору не знаю, занят неприятелем, или нет, Кверфурт. Несколько человек по дороге уверяли меня, что неприятельский корпус примерно из 17000 человек, пришедший из Франкфурта, в окрестностях Иены. Справки, которые я постарался навести об этом в различных деревнях, через которые я проехал, подтверждают этот слух. Я не смог достоверно узнать, где находится генерал Тильман. Слухи на его счет сильно разнятся. Буду иметь честь передать мой другой рапорт из Кверфурта. *Если мне дадут туда войти.*

С глубочайшим почтением, мой генерал, ваш преданный и покорный

Д. Давыдов

Артерн
25/13 сентября 1813
8¾ часа утра

7

Mon Général

La nouvelle de l'affaire de Cassel a été reçu ici avec toute l'admiration qui lui est dûe. Le prince Royal de Suède a été pendant très longtemps inquiet de n'avoir pas de vos nouvelles et il a témoigné autant de satisfaction de voir arriver des dépêches de la part de Votre Excellence, qu'il a marqué de contentement sincère de vos succès. Il n'y a pas de choses aimables qu'il n'ait dit publiquement à votre égard; il n'y a de moindre détail qu'il ait laissé échapper; et pendant tout le dîner où j'ai eu l'honneur d'être admis le sujet de la conversation rouloit sur les marches difficiles et forcées que vous avez faites, les difficultés que vous avez surmontées et les succès de votre entreprise. Son Altesse Royale m'a chargé de vous dire, mon Général, que non seulement vous avez rempli les intentions, mais qu'il ne connoît guère personne qui puisse répondre de la réussite d'une expédition pareille. Son dessein est de vous en féliciter personnellement. Il n'a pas voulu que personne hors moi fût chargé de porter les clefs de Cassel à S<a> M<ajesté> l'Empereur et la comission que vous avez bien voulu me donner m'a valu de la part du prince Royal la croix de l'Epée. Je vous supplie, mon Général, de recevoir mes respectueux remerciements. Si votre entrée à Cassel a été triomphale, mon arrivée ici n'a pas été *moins brillante*. *On se m'arrachoit de tous côtés* pour avoir des détails sur tout ce qui vous concernoit. Admiration générale: *motus* aux jaloux.

Le général de Wintzengerode a été entièrement satisfait d'avoir des nouvelles de Votre Excellence. Il s'étonne de la rapidité de votre expédition et des marches que vous avez faites dans les défilés. Il connoît beaucoup le pays et se récria hautement sur les difficultés que vous remportiez. Il m'a beaucoup questionné sur les intentions de Votre Excellence. J'ai dit que vous attendiez les instructions qu'il vous donneroit et que si vous étiez trop pressé par l'ennemi, vous comptiez vous retirer dans la direction de Domitz. Il a été enchanté que vos intentions *sympathisent* avec les siennes.

J'espère, mon Général, qu'au Grand Quartier Général la nouvelle de votre affaire fera le même effet qu'ici. Je ne pourrai certainement porter^a toutes les félicitations, dont on me charge pour vous. Je ferai diligence autant que cela dépendra de moi pour revenir bien vite près de vous. En attendant recevez, je vous prie, mon Général, l'assurance de ma haute considération et de mon sincère attachement, avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

mon Général,
votre humble et obéissant serviteur

D. Davidoff

Dessau 1813 6. 0:

P. S. Veuillez bien vous charger de mes compliments pour le colonel Benkendorff et Boëttcher (?). Scoëffing (?) est toujours malade.

Перевод:

Генерал,

Известие о Кассельском деле¹ получено здесь с должным восхищением. Наследный принц Шведский² очень волновался, не имея известий от вас, и выказал столько же удовлетворения по получении депеш Вашего Сиятельства, сколько искреннего удовольствия от ваших успехов. Каких только любезностей он не произнес во всеуслышание в ваш адрес; он не упустил ни малейшей подробности: во все время обеда, на котором я имел честь присутствовать, разговор шел о трудных ускоренных переходах, которые вам пришлось совершить, о сложностях, которые вы преодолели и об успехе вашего предприятия. Его Королевское Высочество поручили мне передать вам, генерал, что вы не только выполнили задуманное, но что он не знает никого, кто бы мог столь успешно осуществить подобный поход. Он намеревается лично поздравить вас. Он не пожелал, чтобы кому-либо, кроме меня, было поручено передать ключи от Касселя Его Императорскому Величеству, а поручение, которое вы соблаговолили мне дать, стоило мне креста шпаги со стороны наследного принца. Умоляю вас, генерал, примите мою почтительную благодарность. Если ваше вступление в Кассель было триумфальным, то и мое появление здесь оказалось не *менее блестящим*. Меня *наперебой спрашивали со всех сторон* об обстоятельствах вашего дела. Всеобщее восхищение. *Молчите*, завистники.

Генерал Винцингероде полностью удовлетворен известиями от Вашего Сиятельства. Он удивляется быстроте вашего похода и переходов во время марша. Он хорошо знает страну и во всеуслышание рассказал о тех трудностях, которые вам пришлось преодолеть. Он меня подробно расспросил о дальнейших намерениях Вашего Сиятельства. Я ответил, что вы ждете его предписаний и что, если неприятель вас начнет торопить, вы намереваетесь отступить в сторону Дёмица. Он очень рад, что ваши замыслы *сходятся* с его желаниями.

Надеюсь, генерал, что в главной генеральной квартире известие о вашем деле произведет такое же впечатление, как здесь. Не могу, конечно, передать все поздравления, которые вам посылают через меня. Потороплюсь, насколько это будет в моих силах, вернуться в ваше распоряжение. А пока примите, генерал, уверение в моем высочайшем уважении и искренней преданности, с каковыми честь имею быть, генерал, вашим нижайшим и покорным слугой

Д. Давыдов

^a Вписано поверх строки: porter

Дессау 1813. 6. 0:

P. S. Соболаговолите передать мой поклон полковнику Бенкендорфу и Бётчеру (?). Шёффинг (?) все еще болен.

¹ 18 сентября 1813 года столица Вестфальского королевства город Кассель был взят отрядом Чернышева.

² Наследный принц Шведский Карл Юхан (Бернадот Жан Батист Жюль, Jean-Baptiste Jules Bernadotte; 1763—1844) в 1813—1814 годах был главнокомандующим Северной армией.

ПИСЬМА Д. В. ДАВЫДОВА К А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ (1815—1837)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © И. В. КОЩИЕНКО)

Среди многочисленных адресатов Дениса Васильевича Давыдова остается немало имен, о роли которых в жизни генерала его биографы предпочитали умалчивать. Речь идет о некоторых представителях военной и государственной власти, контакты с которыми не укладывались в схему, создаваемую биографами. Эти лакуны с течением времени заполнить бывает очень трудно, а иногда практически невозможно. Когда-то бывший добротным архив партизана, заботившегося о сохранении в памяти поколений своих подвигов и тщательно сберегавшего рукописи и переписку, сегодня насчитывает всего несколько десятков дел в личном фонде¹ и рассеянные по самым разным архивохранилищам единичные автографы и письма.² Именно неизученность *развития* связей Давыдова с кругом участников Наполеоновских войн, позднее занявших высокие административные должности (А. И. Чернышевым, М. Б. Барклаем де Толли, А. И. Михайловским-Данилевским, И. И. Дибичем, К. Ф. Толем, А. А. Закревским и др.), порождает недосказанности, не позволяющие объективно и в полной мере представить жизнеописание партизана Дениса Давыдова. Настоящая публикация освещает его взаимоотношения с видным военным историком XIX века Александром Ивановичем Михайловским-Данилевским (1789—1848), о которых также умалчивали биографы. Для образа фрондера Давыдова, бунтаря внутри своего класса, близкие отношения с человеком, которому было высочайше доверено создавать российский исторический миф о войнах начала XIX века, составляли определенную угрозу. В фондах Михайловского-Данилевского сохранились свидетельства их общения — 22 давыдовских письма. Выдержки из некоторых этих писем 1830-х годов в основном о собственных трудах, а также замечания о Михайловском-Данилевском, к тому времени уже председателе Военно-цензурного комитета, в связи с препятствиями в публикации работ Давыдова — вот причины, по которым в жизнеописании Давыдова упоминалось имя официального историографа. Однако их пути пересекались гораздо чаще, а отношения были заложены в такое время, когда принципы взаимовыручки и военного товарищества были важнее чинов и званий.

¹ РГВИА. Ф. 194. 71 д. 1794—1877.

² РГАЛИ. Ф. 1061. 4 ед. хр. 1812—1887; РНБ. Ф. 232. 6 ед. хр. 1807—1836; Воронежский ОКМ. 2 ед. хр. Б. д.; ГМП. Ф. 2. 2 ед. хр. 1821—1830, и др. ед. хр. (в основном — письма) в составе личных фондов современников Давыдова.

Поиски писем историка к поэту-партизану, к сожалению, не привели к желаемому результату. Однако по некоторым репликам из писем Михайловского-Данилевского, приводимым Давыдовым, можно воссоздать общий тон переписки как крайне доброжелательный. Об этом прежде всего свидетельствует и язык писем — русский (как в ранних письмах, так в поздних), которым пользовались при написании эпистолярных посланий самым близким людям, в отличие от официального французского, свойственного общению между чинами в воинской иерархии. Отметим, что в их отношениях главенствующая роль все же принадлежит Михайловскому-Данилевскому, что ярче всего ощущается в письмах 1830-х годов.

Благодаря журналам-дневникам, которые скрупулезно многие годы вел Михайловский-Данилевский, удалось установить период их сближения. В оглавлении «Журнала 1815 года», готовившегося автором к публикации,³ нами было обнаружено зачеркнутое название главы «Знакомство с партизаном Давыдовым», также были вычеркнуты строки: «Анекдоты о князе Багратионе», «О нашей артиллерии в войне 1812 года».⁴ Соответствующие главы отсутствовали и в основном корпусе рукописи, а на их место были вклеены листы с продолжением текста без нарушения логики изложения дневниковых записей. Интересующая нас часть следовала за заглавием «Варшава». В этот город Александр I и сопровождавший его полковник Михайловский-Данилевский⁵ прибыли 31 октября, пробыв там до 18 ноября.⁶ Соответственно знакомство с Давыдовым состоялось в первой половине ноября 1815 года. Читая мемуары, становится понятно, где автор ранее планировал начать рассказ об этом. Пока государь в Варшаве занимался «устройством царства», «русские оставались почти без всякого дела»: днем Михайловский-Данилевский «находился на учениях и разводах, а вечера большею частью играл в бостон», однажды посещал масонскую ложу.⁷ Среди перечисления этих занятий и следовало изложение его знакомства с Давыдовым. Почему же автор отказался от упоминания о прославленном партизане? Это может быть связано с обстоятельствами пребывания последнего в Варшаве.

Следуя из отпуска в Ахтырский полк, Давыдов в мае 1815 года был задержан в Варшаве великим князем Константином Павловичем, имевшим «повеление останавливать всех штаб и обер-офицеров, едущих из отпусков в армию».⁸ В положении арестанта он пребывал практически до конца года, т. е. почти восемь месяцев. Вероятно, Михайловский-Данилевский предпочел не акцентировать историю знакомства с партизаном, о задержании ко-

³ «Журнал» увидел свет только в 2001 году (*Михайловский-Данилевский А. И.* Мемуары. 1814—1815 / Подг. текста, вступ. статья и прим. А. И. Сапожникова; Подг. и пер. текстов на иностр. яз. С. Н. Искюля. СПб., 2001 (Рукописные памятники РНБ; Вып. 6).

⁴ ИРЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 423. В авторской пагинации были удалены страницы 808—827. См. также авторизованную копию: РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 12.

⁵ В апреле 1813 года по личному распоряжению императора Александра I Михайловский-Данилевский был переведен в свиту его императорского величества по квартирмейстерской части с переименованием из титулярных советников в штабс-капитаны, став доверенным лицом начальника Главного штаба армии П. М. Волконского. Вел секретную переписку и журнал военных действий, привлекался к составлению летучих армейских изданий. В августе 1814 года он был причислен к Гвардейскому генеральному штабу, а через год получил чин полковника (см.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Журнал 1813 года / Публ. А. Г. Тартаковского и Л. И. Бучиной // 1812... Военные дневники. М., 1990. С. 301—302).

⁶ См.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Записки 1814 и 1815 годов. 3-е изд. СПб., 1836. С. 407.

⁷ См.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Мемуары. 1814—1815. С. 325.

⁸ Письма Дениса Васильевича Давыдова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закровскому. 1815—1831 гг. // Сборник Императорского русского исторического общества. 1890. Т. 73. С. 509.

того в Варшаве знали многие. «Никакие заслуги, никакие добродетели не спасли тех, кои имели несчастье заслужить неблаговоление цесаревича, действовавшего лишь по своему капризному произволу», — так отзывался о своем «притеснителе» сам Давыдов.⁹ Глава о Давыдове была написана восторженным Михайловским-Данилевским, наконец-то познакомившимся с прославленным партизаном, и сознательно исключена осторожным Михайловским-Данилевским, который в период приведения «Журналов» в порядок сам находился в опале.¹⁰

Не исключено, что в «Журнале» далее должен был быть рассказ о Багратионе потому, что именно Давыдов, служивший под началом великого полководца и получивший его благословение на партизанство, сообщил о нем историку несколько интересных анекдотов. Эту и последующую главу (о роли артиллерии в 1812 году) Михайловский-Данилевский, вероятно, считал неуместными без главы о Давыдове и отказался от них вовсе.

Еще одним подтверждением нежелательности распространения факта заключения Давыдова, как и истории с отменой его звания, стала «официальная» биография партизана, написанная Михайловским-Данилевским в 1847 году, где указано, что «возвратившись после достославного похода в Россию, Давыдов получил отпуск в Москву, и более года посвятил исключительно отдыху и словесности», а «произведенный в генерал-майоры, 21 декабря 1815 года», продолжил службу.¹¹

Итак, история их знакомства ведет отчет с ноября 1815 года. К этому периоду относятся и первое свидетельство завязавшейся дружбы — записка Давыдова с просьбой ходатайствовать за него перед П. М. Волконским по вопросу о возвращении заслуженного им чина генерал-майора. Данное письмо является одним из подтверждений несправедливой истории, произошедшей с Давыдовым еще в 1814 году. За отличия в сражениях 1814 года под Бриенном (29 января) и при селении Ла-Ротьер (1 февраля) Давыдов был включен в наградной список и 21 августа того же года получил чин генерал-майора. А уже через четыре месяца в приказе по армии было объявлено, что чин он получил «по ошибке». Вскоре к этому добавились и неприятности в Варшаве. В письме к А. А. Закревскому от 1 сентября 1815 года он горестно замечает: «Вот ровно год, что я сверх особых притеснений, не знаю, что я: полковник ли или генерал? Пора решить меня или уже вовсе вытолкнуть из службы».¹² Помимо Волконского и Михайловского-Данилевского Давыдов обращался с просьбой о содействии и к другим влиятельным боевым товарищам: А. А. Закревскому, М. Б. Барклау де Толли, И. И. Дибичу, А. П. Ермолову, П. Д. Киселеву. 8 сентября он отправляет Закревскому письмо, адресованное Александру I, с тем чтобы тот доставил его лично государю. Однако Давыдов связывал особые надежды с приездом Александра I в Варшаву. «Царя ждем к 24-му сего месяца», — пишет он П. А. Вяземскому.¹³ Также Давыдов полагался на участие Волконского в разрешении государем

⁹ Давыдов Д. В. Сочинения / Предисл., подг. текста и прим. Вл. Орлова. М., 1962. С. 461—462.

¹⁰ С воцарением Николая I блестящая карьера Михайловского-Данилевского была прервана: он удаляется в отставку и проводит почти три года — с 1826 по 1829 — в нижегородских имениях (см.: Михайловский-Данилевский А. И. Мемуары. 1814—1815. С. 12—13).

¹¹ Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца: В 6 т. СПб., 1845—1849. Т. 3. 1847. № 10. С. 12.

¹² Письма Дениса Васильевича Давыдова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. 1815—1831 гг. С. 511.

¹³ Из письма к П. А. Вяземскому от 16 октября 1815 года // Старина и новизна. Кн. 22. Пг., 1917. С. 20.

своего вопроса там же, в Варшаве, в присутствии цесаревича. Именно поэтому, получив записку от доверенного лица Волконского (исходя из контекста записки — утром), в ответ он решил изложить свою просьбу. Публикуемое письмо написано с присущей Давыдову иронией, сквозь которую прочитывается отчаяние незаслуженно униженного героя.

Однако Александр I, рассыпая «щедроты на все сословия народа»¹⁴ и даровав Польше конституцию и автономию, отбыл в Петербург, оставив Дениса Давыдова в неизвестности. Чья именно просьба была услышана императором, вернувшимся в Петербург из победного заграничного похода в начале декабря, остается неизвестным. Вероятнее всего, разбирательства по этому делу начались все-таки после прочтения давыдовского письма. Таким образом, только через год, 21 декабря 1815-го, по высочайшему указу Давыдову было возвращено звание генерал-майора. Оказалось, что партизан был лишен чина потому, что его спутали с другим Давыдовым (в армии в те годы служило шесть Давыдовых, из них два родных и два двоюродных брата Дениса Васильевича).

Михайловский-Данилевский, в 1812—1815 годах имевший возможность активно знакомиться как с передовой российской офицерской молодежью, так и с военачальниками стран антинаполеоновской коалиции, воспользовался случаем сойтись и со знаменитым Давыдовым. До этой встречи Александр Иванович не раз отмечал военные успехи партизана: еще Кутузовым ему было поручено составлять на русском, французском и немецком языках «известия о наших военных действиях и изображать их в настоящем их виде».¹⁵ Начиная писать, он отозвался об этом ответственном деле: «Никогда сочинителю не представлялось обширнейшего поля для прославления торжества своего отечества. Однажды воображение до того меня увлекло, что фельдмаршал сказал мне: „Ты испортился, ты пишешь не прозою, а сочиняешь оды“. Не трудно было найти извинение, потому что в этот день мы получили известия о занятии Дрездена и о победе, одержанной над персиянами!»¹⁶ Это взятие Дрездена 10 марта 1813 года, смелое и неожиданное для всех, было осуществлено Денисом Давыдовым, но имело не лучшие последствия для его карьеры: за самовольство его лишили отряда.¹⁷ В ходе завязавшейся дружбы Михайловский-Данилевский, собиравший интересные подробности событий заграничного похода, наверняка, рассчитывал получить от партизана детали какой-либо операции. Скорее всего, об этом и упоминает Давыдов в записке 1815 года.

Знакомство в военных условиях наложило отпечаток на стиль общения: в письмах Давыдов обращается к Михайловскому-Данилевскому как к старинному боевому товарищу, поддерживается и боевой настрой некоторых посланий, например, конца 1835 года: «...хоть бы нас задрали! да кому? Европа в халате, без порток, ест, пьет и сплетничает; ей тесен мундир и каска в тягость! И так видно нам с вами долго — а, может быть, и никогда уже не

¹⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Записки 1814 и 1815 годов. С. 407.

¹⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Журнал 1813 года. С. 320. Именно это занятие сделал адъютанта фельдмаршала известным императору, «ибо князь Кутузов был так доволен первыми из них (бюллетеней. — И. К.), что сам читал его императору и сказал мне: „Я рекомендовал тебя его величеству“» (Там же).

¹⁶ Там же. Россия вела войну с Персией с 1804 года; 12 октября 1813 года был подписан Гюлистанский мирный договор, по которому Россия получила исключительное право держать военный флот на Каспийском море.

¹⁷ Эта история найдет отражение на страницах одного из публикуемых здесь писем (см. письмо 7). Примечательно, что восторженный отзыв Михайловского-Данилевского, подтверждающий первоначальный взгляд (в том числе и руководства армии) на взятие Дрездена как одно из значимых в начале заграничной кампании, резко отличается от сухого и тенденциозного изложения, преобладавшего в его трудах в 1830-е годы.

жить нашей истинной жизнью!»¹⁸ В дальнейшем их связывало и участие в Польской кампании 1830—1831 годов. Учитывая специфику штабной работы Михайловского-Данилевского в период заграничного похода, его все же нельзя причислить к тому кругу близких друзей Давыдова, которые героически сражались на полях сражений (А. П. Ермолов, А. А. Закревский, П. Д. Киселев, В. Л. Давыдов, И. В. Сабанеев, М. Ф. Орлов). Однако в этот период их можно отнести к кругу единомышленников: оба в обстановке послевоенного общественного подъема будут отчасти разделять свободолюбивые настроения (в число их приятелей входили декабристы), критично относиться к самодержавному порядку и бесчинствам в армии, в целом оставаясь в рамках умеренного оппозиционного вольномыслия.

Уже в 1816 году Александр Иванович, назначенный флигель-адъютантом его императорского величества, стал известен как собиратель исторических материалов и мемуарист.¹⁹ О доверительных отношениях между поэтом-партизаном и начинающим историком свидетельствует письмо, где Давыдов обращается за копиями некоторых архивных документов, к которым Михайловский-Данилевский имел свободный доступ. Дело в том, что Давыдов задумал тогда писать статью «Опыт о партизанах», которая затем перерастет в серьезный теоретический и самый важный для Давыдова труд «Опыт теории партизанского действия» (М., 1821). Михайловский-Данилевский стал одним из первых, с кем партизан поделился уже сложившимся планом будущего произведения. Благодаря письму от 2 июня 1816 года вполне определенно можно говорить о времени возникновения замысла «Опыта» — первая половина 1816 года. Здесь же Давыдов довольно смело выражает свою точку зрения на значение партизанской системы, что говорит о степени доверия к человеку, приближенному к царю: «Я знаю, что сей особый род действия, принеся великую пользу российскому оружию, приобрел по сему много себе хулителей из числа чиновников, коих ограниченные способности отвлекали от отдельных препоручений, а оскорбленное самолюбие не прощало успехам осмелившихся разуметь лучше своих начальников. Но что на них смотреть? На войне мы им отвечали и будем отвечать успехами, а в мирное время возьмемся за оружие, которое, я надеюсь, не хуже сабли подтвердит права наши на признательность товарищей».²⁰

Три послания 1821 года обращают на себя внимание интенсивностью общения, дающей основание полагать, что это лишь малая доля общего объема их переписки. В начале 1820-х годов она связана с семейными хлопотами Давыдова, с выходом в свет его первой книги «Опыт теории партизанского действия», с проблемами в служебной деятельности. Михайловский-Данилевский, упрочивший свое положение при дворе, очевидно, помогал Давыдову советами и держал его в курсе событий в среде высшего начальства армии.

Появляясь в Москве, Михайловский-Данилевский старался повидаться с Давыдовым. Две недели, проведенные там с конца августа по начало сентября 1823 года, нашли отражение в «Журнале 1823 года», куда историк поместил свой единственный «неофициальный» отзыв²¹ о Давыдове: «Говоря о московских литераторах, нельзя умолчать о Денисе Давыдове, извест-

¹⁸ См. письмо 14.

¹⁹ С 1816 года Михайловский-Данилевский начинает активную публикаторскую деятельность в журналах «Сын отечества», «Вестник Европы», «Русский вестник» (см.: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. (Опыт источниковедческого изучения). М., 1980. С. 269).

²⁰ См. письмо 2.

²¹ Позднее Михайловский-Данилевский напишет биографию Давыдова, помещенную в его труде «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах», где живо и ярко обрисует уникальную личность партизана.

ном партизане, военном писателе, а более еще прославившемся своими оригинальными стихотворениями. Я с ним несколько раз виделся в Москве и всегда с новым удовольствием, потому что он столь же остроумен в речах, как и на бумаге. <...> Жаль, что Давыдов, снедаемый честолюбием, не доволен титулом храброго офицера и гениального поэта, и слишком много и часто в прозе и в стихах говорит о себе и подвигах своих и печатает в разных видах свою биографию. Он обижается также, что публика мало обращает внимания на действия партизанов в войне 1812 года, и беспрестанно твердит о партизанских своих похождениях.²² Далее Михайловский-Данилевский замечает, что «получал от него многократно письма», и цитирует финальную часть письма 1821 года, приводимого в настоящей публикации (письмо 4).

Неодобрительные нотки по отношению к развернувшейся публикаторской деятельности Давыдова²³ не случайны. В начале 1820-х годов в связи с политической ситуацией (восстание Семеновского полка, революции в Южной Европе) и с нарастанием освободительных устремлений в офицерской штабной среде, власти крайне неодобрительно относились ко всякого рода напоминаниям о произошедшей победе. П. М. Волконский 23 марта 1821 года делился с И. В. Васильчиковым: «Давно пора перестать говорить о кампании 1812 года или, по крайней мере, быть скромнее. Если кто-либо сделал что хорошее, он должен быть доволен тем, что исполнил свой долг, как честный человек и достойный сын отечества...» (Русский архив. 1875. № 5. С. 90). Этот курс правительства был очевиден, и Михайловский-Данилевский, уже отдалившийся от прогрессивно настроенного офицерства, несомненно, разделял его. Давыдов же еще в 1820 году, возражая Закревскому на мнение о частном характере воспоминаний, подметил: «Ты говоришь, что такие сочинения должно одним приятелям читать, а я думаю напротив. Благо есть, что про себя сказать, почему не говорить? Особенно в такое время, в которое стараются предать забвению и события и людей, ознаменовавших сию великую эпоху, коей слава есть собственность России».²⁴ Таким образом, к середине 1820-х годов происходит расхождение взглядов Давыдова и Михайловского-Данилевского на некоторые принципиальные моменты в осмыслении событий, ранее их сблизивших.

В начале 1829 года Михайловский-Данилевский после вынужденной отставки возвращается на службу. Переписка военных товарищей за этот период отсутствует, но факт возобновившихся контактов вновь подтверждается свидетельством Михайловского-Данилевского. На двух листках его дневника 1829 года, уцелевших среди бумаг Н. К. Шильдера, можно прочитать о встрече с Давыдовым: «Москва. 24 февраля. Проведя два года с половиною в деревне, я могу сказать с Дмитриевым: „В Москве ль я наконец?“ <...> Вечер. Пять лет я не проводил дня в такой рассеянности, как сегодня, ибо с утра до вечера был в гостях. Большую часть дня я был с Денисом Давыдовым, которого рассказы мне всегда приятны».²⁵

²² Записки А. И. Михайловского-Данилевского. 1823 // Исторический вестник. 1892. Т. 49. Авг. С. 300—301. Записки историка в 1890-е годы активно публиковал Н. К. Шильдер, в руки которого частично попал его архив.

²³ В этот период помимо «Опыта теории партизанского действия» (М., 1821; 2-е изд. 1822) Давыдов публикует в «Отечественных записках» отрывки из «Дневника партизанских действий 1812 года» (1820. № 1. С. 86—102, № 3. С. 12—17, № 8. С. 232—235; 1821. № 17. С. 262—276, № 18. С. 25—41; 1822. № 23. С. 324—336, № 24. С. 41—49).

²⁴ Письма Дениса Васильевича Давыдова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. 1815—1831 гг. С. 525.

²⁵ РНБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдер). Карт. 2. Ед. хр. 8. Л. 77. Опубликованные Шильдером в «Русской старине» (1893. Т. 79. С. 175—207, 356—387) «Записки А. И. Михайловского-Данилевского» 1829 года переносят читателя из нижегородского имения сразу в Петербург, хотя генерал-майор, как оказалось, на некоторое время задержался в Москве.

Вскоре оба генерала приняли участие в подавлении польского восстания 1830—1831 годов, за что Давыдов был произведен в генерал-лейтенанты. В конце 1831 года Михайловский-Данилевский, получив тяжелое ранение, отбыл в Россию. С этого времени он вплотную занялся изданием исторических трудов, материалы для которых приводил в порядок в 1826—1828 годах. В 1831 году были опубликованы две книги его воспоминаний о 1814 и 1815 годах. В 1834-м за «Записки о походе 1813 года» ему была пожалована Николаем I бриллиантовая табакерка с вензелем. 6 декабря 1835 года (после высочайшего поручения составить описание похода 1814 года) он производится в генерал-лейтенанты с назначением присутствовать в Сенате, а уже 9 декабря становится председателем Военно-цензурного комитета. Рескриптом от 24 февраля 1836 года ему было высочайше повелено составить описание Отечественной войны 1812 года, что сразу сделало его труд достоянием общественности. Работа по составлению «Описания...», а затем по внесению исправлений и сокращению (по указанию императора с пяти до четырех частей) продолжалась три года: с февраля 1836 года по январь 1839-го. Книга вышла вовремя: к юбилейным торжествам на Бородинском поле в августе 1839 года.²⁶

Этот новый карьерный взлет Михайловского-Данилевского был обусловлен благоволением Николая I к охранительному направлению изложения событий эпохи Александра I и представлению в них императора как незаурядного дипломата и восстановителя законности в Европе. С начала 1830-х годов происходит окончательный перелом в воззрениях Михайловского-Данилевского: он становится приверженцем официозно-монархических позиций. В его трудах неоправданно возвеличивается окружение Николая I (А. И. Чернышев, И. Ф. Паскевич) и умалчиваются или умалются заслуги неугодных власти (А. П. Ермолова, М. Б. Баркляя де Толли, М. И. Кутузова).²⁷ Упреки современников были связаны именно с этой стороной работ историографа, впервые, однако же, давшего целостную картину событий 1812—1815 годов.

Давыдов чувствовал происходящие с Михайловским-Данилевским перемены. Понимая груз ответственности в связи с возложенной на историка обязанностью, он призывал его к сколько-нибудь возможной объективности: «Ради бога не спеши, не взирая на требования от тебя поспешности. Это не такое дело, чтобы спешить. Ты пишешь историю великого 1812 года и пишешь ее на фактах, а не по ветру. Тебе надо отыскивать документы, сличать, сообразать и извлекать из всего этого хотя *приблизительную* (курсив мой. — И. К.) истину» (письмо 18), а предвидя различную реакцию на интерпретацию тех или иных событий, намекал: «...я не знаю, как вы, любезный друг, его (генерала Сакена. — И. К.) выпутаете из сетей, — а представить дело как оно было нельзя; не позволят» (письмо 13). И все же он, делаясь впечатлениями от книг Михайловского-Данилевского с друзьями, не мог не отметить слепого верноподданничества: «А все эти выходки Данилевского для чего? Для того, чтобы поравнять в военном отношении Наполеона с Александром; будучи не в состоянии возвысить последнего до первого — он решился унижить первого до последнего».²⁸ Позднее, в одном из частных примечаний (об А. И. Чернышеве, с 1832 года военном министре), которыми в последние годы жизни Давыдов сопроводил ряд своих очерков, и

²⁶ См.: *Гартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 206—208.

²⁷ См.: Там же. С. 202—212; *Михайловский-Данилевский А. И.* Журнал 1813 года. С. 302—305.

²⁸ Письмо Давыдова к А. С. Пушкину от 23 ноября 1836 года (*Пушкин. Полн. собр. соч.*: В 17 т. М.; Л.: 1949. Т. 16. С. 194).

которые стали общеизвестны в 1863 году,²⁹ он точно определил роль Михайловского-Данилевского при дворе: «Генералу Чернышеву удалось совершить замечательные подвиги в 1812 и 1813 годах, слишком преувеличенные и превознесенные его презренным холопом Михайловским-Данилевским».³⁰

Несмотря на заметный рост влияния историографа в правительственных сферах, его переписка с Давыдовым середины 1830-х годов отличалась особенной активностью (1835 год — 9 писем, 1836 — 7 писем, 1837 — 1 письмо), на что имеется несколько причин. Во-первых, Михайловский-Данилевский возобновил свою работу над описанием событий Отечественной войны и заграничных походов (получил официальный заказ от императора), в связи с чем рассылал письма их участникам. Давыдов как живой свидетель и военный человек высоких моральных понятий мог пролить свет на некоторые спорные моменты тех лет, быть источником важной информации, отсутствовавшей в официальных бумагах. Во-вторых, Давыдов обращался к нему с просьбами личного характера: подыскать учителя сыновьям, узнать правила приема в учебное заведение, в которое он собирался устроить сына Николая, а позднее — присматривать за поведением последнего. В-третьих, в связи с активной писательской деятельностью Давыдова, возникали просьбы делового характера: передать статьи издателю, получить гонорар и т. д. К тому же, учитывая должность Александра Ивановича в Военно-цензурном комитете, Давыдову важно было заручиться поддержкой надежного или, по крайней мере, доверенного человека.

На известие о поручении Михайловскому-Данилевскому составления истории войны 1812 года Давыдов пишет: «Повторяю вам, — готов всеми силами помогать вам в труде вашем доставлением всего того, что у меня и в памяти, и в портфеле. <...> прошу располагать мною по вашей воле и желанию; *я ваш батрак от всей души* (курсив мой. — И. К.)» (письмо 16). В этих словах отразилось его стремление быть максимально полезным в важном для Отечества деле. Он отмечал: «Этот рескрипт тронул меня неизъяснимо и относительно к вам и относительно к общей пользы. Если при нашем Императоре Россия останется неподвижною в умственных произведениях, то она никогда не двинется вперед» (письмо 15). Этот душевный порыв не остался пустой фразой: Давыдов много пишет сам, к чему призывает и боевых друзей, с которыми у Михайловского-Данилевского не было контактов (М. Ф. Орлов, А. П. Ермолов, Н. Н. Раевский-младший и др.), предоставляет в распоряжение историка свои дневники, наброски, копии с документов эпохи 1812 года и даже две печатные брошюры со статьями. Конечно, все эти старания не были лишены тщеславия, к тому же он, не раз сталкивавшийся с капризами власти, очень боялся, что о нем могут забыть. Опасениями о таком возможном повороте событий он делился с Пушкиным 23 ноября 1836 года: «Досадно, что Данилевский отсекает целые периоды от статей моих.³¹ Что делать! Я однако ни слова не намекну ему о том; боюсь рассер-

²⁹ См.: Записки Дениса Васильевича Давыдова, в России цензурую не пропущенные. Лондон; Брюссель, 1863.

³⁰ Давыдов Д. В. Сочинения. С. 491. Еще в двух примечаниях Денис Васильевич упомянул о некоторых промахах историка в отношении Ермолова и Кутузова (см.: Там же. С. 533, 538). Подобный вывод, можно полагать, стал реакцией на вышедшее в 1836 году «Описание похода во Францию в 1814 году», где Михайловским-Данилевским в подробностях расписан каждый поход Чернышева, его заслуги и полученные награды. О Давыдове же не упомянуто вообще, даже в изображении битв, за которые он получил звание генерал-майора.

³¹ Статьи Давыдова «Занятие Дрездена» и «О партизанской войне», написанные для «Современника», подверглись значительной правке Военно-цензурного комитета. Давыдовские рукописи просматривал и военный министр А. И. Чернышев, в общем-то и решавший судьбу его произведений, что также находит подтверждение на страницах писем Давыдова к Пушкину.

дить его. Он теперь пишет *двенадцатый год*; пожалуй с сердцов вычеркнет из него и дела мои». ³²

Эти страхи были не напрасны: во многом благодаря своему личному участию, партизан Давыдов стал символом народного сопротивления. Пока история войны была творением ее участников, позиция героя-партизана в коллективной памяти России не подвергалась угрозам. С появлением истории «академической» некоторые вещи могли подвергнуться пересмотру, тем более что такие «переходы» часто сопровождаются инстинктивным отторжением «старого». Однако Михайловский-Данилевский, по нашему мнению, в отношении Давыдова старался быть объективным, что самому Давыдову оценить, к сожалению, так и не довелось: книга появилась спустя четыре месяца после его кончины.

На страницах официального «Описания Отечественной войны в 1812 году» отражены две его главные заслуги: идея и организация партизанского движения в конце августа, накануне Бородинского сражения, а также взятие 8 декабря без кровопролития города Гродно — одного из последних оплотов наполеоновской армии (союзной австрийской), отошедшей после этих событий из российских пределов за реку Нарев.

О первом эпизоде сказано следующее: «Подполковник Давыдов вызвал первый на партизанские действия в главной армии, чему поводом было следующее обстоятельство: Поручик Орлов, отправленный в Смоленск для получения сведений о пленном генерале Тучкове, возвратясь рассказывал о беспорядках, совершавшихся в тылу Французской армии. „Она походит на Ксерксовы толпы“, прибавил Орлов, „и с сотнею казаков можно нанести неприятелю много бед“. Услышав слова сии, Давыдов испросил у Фельд-маршала ³³ отряд для налетов в тылу Французов, и получил под свое начальство 50 гусаров и 80 казаков. С ними пошел он, 25-го августа, к Юхнову, и постоянно находился в окрестностях Вязьмы до прибытия туда армии в исходе октября. (...) Командовавший в Вязьме генерал разослал по своим войскам описание примет Давыдова, и велел схватить его, живого или мертвого». ³⁴

Михайловский-Данилевский отразил и основные приемы действия партизан: быстрота перемещения, неожиданность нападения и основные направления их деятельности (отнимать и истреблять запасы, перехватывать курьеров, брать пленных, освобождать русских пленных и др.). В этом кратком описании чувствуется присутствие атмосферы книги Давыдова «Опыт теории партизанского действия», меняется даже сам слог изложения с сухого, сдержанного на живой, динамичный.

Относительно партизанства 1812 года историк пришел к однозначному выводу: «Малочисленность наших партизанских отрядов (...), новость партизанской войны, только что князем Кутузовым созданной, и не успевшей еще развиться, усовершенствоваться, (...) самый состав армии Наполеона не позволили партизанам ознаменовать себя такими набегами, какими прославились потом русские начальники летучих отрядов в заграничных походах. В Отечественную войну не было партизанского подвига, могущего сравниться со взятием Берлина, Люнебурга, Касселя, Бремена, Амстердама, Суссона». ³⁵ Ни один из городов, занятых неприятелем между Смоленском и

³² Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 194.

³³ Разрешение было получено у М. И. Кутузова через П. И. Багратиона.

³⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году: В IV ч. СПб., 1839. Ч. III. С. 100, 104. См. также упоминания о Давыдове: Там же. С. 98—99, 386.

³⁵ Практически все эти города были взяты лично отрядом А. И. Чернышева или при непосредственном его участии. Отметим, что в «Описании похода во Францию в 1814 году» среди перечисления этих же завоеванных в 1813 году городов упомянут и Дрезден, покоренный Давыдо-

Москвою, не был покорен партизанами; они не сорвали даже ни одного французского этапа. Не менее того действия их были чрезвычайно полезны, по беспрестанному вреду, наносимому ими ежедневно неприятелю, особенно тем, что своим появлением в разных местах поддерживали они воспламенение в народе, единодушно восставшем против врагов».³⁶

Весьма обстоятельно описано и освобождение Давыдовым города Гродно: «За четыре дня до вступления Васильчикова в Белосток, партизан Давыдов занял Гродно, тоже по мирному соглашению. Подойдя к Гродно, Давыдов взял двух австрийцев, и вследствие данного ему от Князя Кутузова повеления, возвратил им свободу. Начальствовавший в Гродно генерал Фрелих прислал благодарить за снисходительный поступок; завязались переговоры. <...> Полагая, что, может быть, за Давыдовым идут значительные силы, Фрелих сдал Гродно (без боя и обещанного пожара. — И. К.), со всеми огромными его запасами. <...> 9-го декабря Давыдов вступил в Гродно».³⁷ Далее Михайловский-Данилевский, отмечая дипломатические способности полковника Давыдова в умелом ведении переговоров, представляет его действия внутри города по установлению порядка: организация казачьих патрулей во избежание восстаний; опровержение известий о победах Наполеона (был повален столб, воздвигнутый по случаю взятия Наполеоном Москвы, сожжены аллегорические картинки с насмешками над русскими войсками); восстановление службы в православной церкви, превращенной неприятелем в фуражный магазин и др.³⁸ Более в «Описании...» историк не находит возможным упоминание фамилии Давыдова, изредка употребляя обобщенное «партизаны» или скрывая ее за именем полкового командира: «авангард», «корпус» И. В. Васильчикова.

Еще одна догадка, связанная с творчеством Давыдова, подсказана письмом от 30 марта 1835 года (письмо 7). Чтение «Записок о походе 1813 года» Михайловского-Данилевского всколыхнуло в Давыдове давнюю обиду, связанную с его геройским взятием Дрездена, которое было описано весьма скромно. Хотя он был признателен и за это упоминание, ведь ранее об этом событии вообще умалчивалось.³⁹ «Жаль только, что вам не известны были некоторые подробности, отчего по истине я был отослан Винценгероде в главную квартиру», — досадовал партизан и в результате изложил истори-

вым. При этом имени Давыдова здесь, впрочем, как и во всей книге, нет: подобным образом историк отметил подвиги и успехи казаков (см.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание похода во Францию в 1814 году: В 2 ч. СПб., 1836. С. 229).

³⁶ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. III. С. 110—111.

³⁷ Там же. Ч. IV. С. 314—315.

³⁸ Там же. С. 315—316. Упоминания о Давыдове см.: Там же. С. 5, 309.

³⁹ Вот строки, за которые Давыдов благодарил историка: «Летучие отряды за несколько времени прежде вошли в Саксонию, под начальством: Гейсмара, Давыдова, Орлова и Пренделя; некоторые из сих партизанов уже находились на левом берегу Эльбы. Давыдов занял предместье Дрездена, Нейштат, на основании заключенного им с одним французским генералом условия, которое, однако ж, не было одобрено начальством, ибо Государю не угодно было, чтобы вступали с неприятелями в какие-либо переговоры: за нарушение сего правила Давыдова на некоторое время отозвали от его отряда» (*Михайловский-Данилевский А. И.* Записки о походе 1813 года. СПб., 1834. С. 77—78). После смерти Давыдова (1839) этот же эпизод в «Описании войны 1813 года» предстанет в еще более сокращенном виде, с уточнением (на основании свидетельства самого Давыдова) имени французского генерала (Дюрют). Последнее измененное здесь предложение констатировало окончание карьеры Давыдова — командира собственного «летучего» отряда — и должно было объяснить причину, по которой его имя больше не появится на страницах описаний Михайловского-Данилевского: «За нарушение сего повеления, Давыдова лишили отряда» (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание войны 1813 года: В 2 ч. СПб., 1840. Ч. 1. С. 91). Позднее историк откровенно назовет его «действительно последним налетом» Давыдова (*Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. С. 11).

ку истинные причины поведения Винцингероде. Чтобы справедливость, наконец, восторжествовала, он решил написать обстоятельную статью — «Занятие Дрездена», но и в этот раз остался «в дураках от этого проклятого городишка»: ⁴⁰ Чернышев вычеркнул все, ради чего он писал статью, очистив давыдовскую исповедь от «заблуждений и неприличных выражений». ⁴¹ В таком искаженном виде она и появилась в пушкинском «Современнике» (1836, № 4). ⁴²

Возвращаясь к письмам середины 1830-х годов, отметим, что из их контекста можно узнать не только о радетьельном Давыдове-отце, но и о «нежном» отце — Михайловском-Данилевском (письма 6, 11), предложившим, несмотря на колоссальную занятость, присматривать и за поведением сына Давыдова, и даже брать его к себе домой по выходным вместе со своим сыном Леонидом из Императорского училища правоведения. Историк также находил время и для встреч с издателем статей Давыдова, А. Ф. Смирдиным, и с директором Училища, С. А. Пошманом. Михайловский-Данилевский познакомил Давыдова с Александром Васильевичем Висковатовым, создателем уникальной двадцатитомной «Хроники российской армии», к которому впоследствии тот обращался за некоторыми подробностями (см. письмо 18).

Не преувеличивая, но и не умаляя значения дружбы двух великих деятелей своей эпохи, отметим, что в середине 1830-х годов она переросла в плодотворное сотрудничество. Михайловский-Данилевский оставался для Давыдова «хорошим приятелем». ⁴³ Перерыв переписки в месяц-два (если, конечно, Давыдов не находился в Петербурге, где имел возможность непосредственно общаться с военным историком) уже считался длительным. Письмо же 1837 года (письмо 22) пришло в столицу с перерывом в несколько месяцев, долгое молчание объяснялось серьезным доводом: «Давно я не писал к вам, любезнейший друг Александр Иванович, и думаю, что хорошо сделал: грех теперь всякому Русскому отрывать вас от ваших священных занятий на что другое, кроме 1812 года». Это послание, последнее из дошедших до нас, практически полностью посвящено заслуге Ермолова в разрешении конфликта между главнокомандующими двух армий накануне Бородинского сражения. Давыдов, предвидевший предвзятость в отношении двоюродного брата, несправедливое равнодушие к его подвигам и переживавший за его судьбу, писал: «По моему мнению, этот подвиг Ермолова достоин Истории, особенно когда возьмет в уважение его неважный чин, его 35 лет только от роду, такую эпоху, как 1812 год, и такие обстоятельства, в каких мы были под Смоленском; не будь Ермолова, который несовершененно достиг своей цели, но много укротил гнева Ахиллеса на Агамемнона — бог знает, что было бы еще до приезда Кутузова!» Однако об этой роли Алексея Петровича на страницах «Описания войны в 1812 году» умолчено. ⁴⁴

Сокращению переписки способствовало и то, что в 1837 году Давыдов привез сыновей в Петербург для поступления в учебные заведения. Бывая у детей, он заглядывал и к Михайловскому-Данилевскому. В письмах к сыновьям напоминал, чтобы те не забывали историка, и журил их, если они

⁴⁰ Из письма Давыдова к Пушкину от 18 мая 1836 года (*Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 118*).

⁴¹ Подробнее об этом см.: *Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные плотины». Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., 1972. С. 255—259.

⁴² С восстановленными купюрами публикуется в современных изданиях. См.: *Давыдов Д. В.* Сочинения. С. 424—451.

⁴³ Из письма Давыдова к Пушкину от 2 марта 1836 года (*Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 88*).

⁴⁴ О соединении армий см.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. II. С. 65—67.

давно его не навещали. Сказывалось все же и назначение Михайловско-го-Данилевского председателем Военно-цензурного комитета, которое со временем способствовало охлаждению отношений между писателем и историкографом. Многочисленные «потери» в искаленных цензурой (в большей мере военным министром) давыдовских статьях, а также пылившиеся с 1837 года где-то в Комитете собрание его сочинений, которое Давыдов так и не увидел,⁴⁵ крайне огорчали поэта-партизана. Едва сдерживаемая закипавшая обида на председателя Военно-цензурного комитета, не оказывавшего ему, несмотря на дружеские отношения, должной защиты и поддержки, вылилась в упомянутом примечании в презрительное «холоп» Чернышева.

Уже после смерти Давыдова его старший сын Василий вспоминал, как Михайловский-Данилевский буквально преследовал его, настойчиво испрашивая разрешения ознакомиться с некоторыми рукописями отца.⁴⁶ В 1847 году вышел третий том из серии «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах», где под номером десять историк разместил довольно подробную биографию Дениса Васильевича Давыдова, вобравшую характеристику его увлечений, особенности личности и даже внешних черт. Не осталась без внимания и «Автобиография» Давыдова, сведениями из которой, особенно касающимися периода, когда они не были знакомы, пользовался Михайловский-Данилевский: «Вообще, при описании жизни Давыдова, мы имеем редкую для биографа выгоду изображать многое в жизни его собственными его же словами, выгоду приятную и для читателей, тем более что они или повторяют уже читанное ими с наслаждением, или узнают превосходное дарование того человека, который был им известен только как храбрый воин. Мы думаем, что немного есть на русском языке таких красноречивых, увлекательных отрывков, какими красуются все прозаические статьи Давыдова».⁴⁷ Конечно, торжественно-возвышенный тон статьи в некоторых ситуациях развенчивается с позиций современных знаний. Однако в статье проглядывает авторское отношение к изображаемому «сподвижнику»: Александр Иванович иногда был достаточно искренен. Считаю целесообразным поместить одну из его ярких зарисовок: «Вообще всякий, кто узнавал его ближе, не мог не любить его пламенной, поэтической души, ума острого, пронизательного, соединенного с каким-то воинским простодушием. В беседе он был отменно любезен, и, прибавим, любезен совершенно по-своему, оригинально. Редко можно было встретить человека, более увлекательного в рассказе, даже в разговоре, и, что также бывает редким соединением, он был равно пленителен в беглом огне французского разговора с женщинами и в дружеской беседе с людьми чисто русскими. Всегда умел он находить меткие выражения для своих мнений и мыслей, поражать и увлекать собеседников. Из острых слов и замечаний Давыдова можно было бы составить любопытную книгу. С такими свойствами ума и души, любимый, радостно встречаемый всюду, он не скучал жизнью, но ум его требовал занятий больше сильных для неукротимой деятельности его. Всегда занимаясь словесностью, он предался в Москве особенно военной истории, и начал описывать события своего воинского поприща, излагать свои мысли и замечания о разных вопросах военного дела. Плодом таких занятий был „Опыт теории Партизанского действия“ (...) В последние годы своей жизни он еще больше развил свои мысли о партизанской войне, осо-

⁴⁵ «Сочинения в стихах и прозе Дениса Васильевича Давыдова» вышли посмертно в 1840 году, хотя цензурное разрешение было получено еще 24 декабря 1837 года.

⁴⁶ Давыдов В. Д. Заметки о записках моего старика-отца Дениса Давыдова // Русская старина. 1872. Т. 6. Окт. С. 400—401.

⁴⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. С. 13.

бенно в применении к России. (...) Можно было бы надеяться, что он обогатит русскую литературу образцовыми в своем роде сочинениями, к чему давали ему столько средств жизнь, богатая событиями, деятельность и дарование, усовершенствованное образованностью и опытом; но смерть прекратила дни его, рано для новой славы автора, для наслаждения и пользы его соотечественников». ⁴⁸ Так Михайловский-Данилевский представил деятельность Давыдова по прошествии двадцати лет с момента известного нам отзыва в «Журнале» 1823 года.

* * *

Публикуемые письма Давыдова хранятся в двух архивохранилищах: Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН и в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. 22 письма, впервые выстроенные в один комплекс, позволили установить датировки более чем половины из них: четырнадцати писем без обозначения года и двух, ошибочно датированных при публикации (письма 9 и 22). Пять писем, выбор которых объяснялся значимостью информации, публиковались: в XIX веке — четыре письма в журнале «Русская старина» и в собрании сочинений Давыдова (1893) и в XX веке — одно письмо в журнале «Звезда». 17 писем публикуется впервые.

Благодаря архиву Михайловского-Данилевского, хранящемуся в Пушкинском Доме (ф. 325) можно составить представление о тщательности, с которой он вел переписку с многочисленными адресатами: почти все письма разобраны по годам и переплетены в огромные книги. Реестры входящей корреспонденции за отдельные годы сохранились в фондах Российской национальной библиотеки и Российского государственного военно-исторического архива (см. прим. к письмам 1 и 16).

Почти все письма Давыдова 1830-х годов написаны на гербовой бумаге с вензелем Николая I. Невыделенные знаками препинания выдержки из статей, названия произведений, всегда подчеркнутые Давыдовым, берутся в кавычки. Подчеркивания в тексте заменены курсивом. Письма публикуются с сохранением авторского написания отдельных слов, фамилий и географических названий.

1

⟨Первая половина ноября 1815 года. Варшава⟩

Почтеннейший Александр Иванович! Князь Петр Михайлович¹ обещал мне исходатайствовать переименования на армии прежде отъезда царя в Петербург² — иначе я останусь совершенно в пропасти — ради бога постарайтесь о сем ему напоминать — я надеюсь на вашу дружбу и уверен будучи в хорошем ко мне расположении князя³ ласкаю себя надеждою вырваться из когтей притеснителя.⁴

ваш покорнейший слуга

Денис Давыдов

ответы на ваши вопросы
я доставлю после обеда
лично.⁵

⁴⁸ Там же.

Печатается по: РНБ. Ф. 488 (А. И. Михайловский-Данилевский). Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1—2. Письмо имеет характерный вид записки (было сложено в четыре раза) с подписью на обороте: «Его Высокоблагородию Александру Ивановичу Данилевскому».

¹ Волконский Петр Михайлович (1776—1852), светл. кн. (1834) — генерал, генерал от инфантерии (1817), генерал-фельдмаршал (1843), министр Императорского двора и уделов (1826—1852). В кампанию 1813 и 1814 годов находился при государе в звании начальника Главного штаба.

² Историю о возвращении Давыдову звания генерал-майора и о причинах его задержания в Варшаве см. во вступительной статье к данной публикации.

³ П. М. Волконский.

⁴ Великий князь Константин Павлович.

⁵ В бумагах Михайловского-Данилевского обнаружена опись входящей корреспонденции в 1815 году (РНБ. Ф. 859. Карт. 2. № 6). На последнем листе огромного списка (Л. 7 об.) рукой Александра Ивановича несколько адресантов написаны карандашом: под № 357 значится имя Дениса Давыдова, упоминаемое единожды. Эта записка, вероятно, и есть то первое и единственное письмо Давыдова 1815 года, зарегистрированное будущим историографом.

2

Июня 2-го <1816 года>. Г<ород> Елисаветград¹

Почтенный и милый Александр Иванович! Мне хочется на досуге заняться общею историею партизанов.² Ремесло его мне несколько известно; к тому ж имею собственные записки³ — но о себе говорить я не умею, а журналов и документов других партизанов не мог достать; вот почему вы можете мне, любезный Александр Иванович, быть очень полезным, я знаю, что под вашим ведением хранятся все бумаги, касающиеся до 1812-го, 13-го и 14-го года Кампаний; не можете ли вы приказать списать донесения и прочие бумаги наших партизанов, особенно Фигнера, Сесловина, Кудашева и Чернышева,⁴ вы бы меня чувствительно обязали.

Пора русским заняться собственною славою, материалов, слава богу, довольно, стоит только разобрать их и расставить по местам. Я знаю, что сей особый род действия, принеся великую пользу российскому оружию, приобрел по сему много себе хулителей из числа чиновников, коих ограниченные способности отвлекали от отдельных препоручений, а оскорбленное самолюбие не прощало успехов осмелившихся разумыть лучше своих начальников.⁵ Но что на них смотреть? На войне мы им отвечали и будем отвечать успехами, а в мирное время возьмемся за оружие, которое, я надеюсь, не хуже сабли подтвердит права наши на признательность товарищей.

Вот план моего сочинения:

1-е. Точное определение долга партизана. Общее обозрение истории первых партизанов в 1620-м году гр. Мансфельда и Христиана Бруншвецкого,⁶ и в 1742-м году Менцеля, Тренка, Надасти и Франкини.⁷

2-е. Польза введения сего рода действия в российскую армию. Мысли о<б> образовании партий и рассуждение о<б> операционных местных линиях в России, относительно к действию партизанов.

3-е. Некоторые новые замечания на войну партизанов, отданные примерами русских партизанов Фигнера, Сесловина, к<нязя> Кудашева и Чернышева.

4-е. Заключение.

Если вы найдете, что сего недостаточно, то снабдите меня вашими мыслями, и сделайте милость: дайте ответ на мою просьбу, — чего с нетерпением ожидаю.

С истинным почтением имею честь быть

ваш покорнейший слуга

Денис Давыдов.

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 325 (А. И. Михайловский-Данилевский). Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 48—48 об.

¹ Елизаветград (с 1939 года Кировоград) — уездный город Херсонской губернии (с 1803) на реке Ингул (приток Южного Буга) в 1454 верстах от Петербурга. В мае-июне 1816 года Давыдов находился в Елизаветграде (подробнее даты его поездок в 1816 году указаны В. Э. Вацуро в кн.: Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984. С. 207).

² Это слово заимствовано из французского языка, где «partisan» («сторонник, участник последователь») от итальянского «partigiano», произведенному от «parte» — «часть». Слово восходит к временам Тридцатилетней войны, когда некоторые лица набирали наемные войска и объявляли себя сторонниками одной из противоборствующих сторон. В конце XVIII—начале XIX века партизанами именовались участники отдельных небольших вооруженных групп, действовавших вне постоянной связи с высшим командованием. Более крупные группы с сохранением в них обычных тактических единиц (например — два батальона пехоты, эскадрон конницы, казачья сотня) именовались отрядом, а несколько десятков всадников — партией, хотя четкого деления не было. Употреблялось и слово «команда» для обозначения отдельного подразделения небольшой численности. На Кавказе, например, в отряды иногда входило несколько полков.

³ По собственным воспоминаниям, Давыдов вел походные записки, куда входили не только его личные впечатления и т. п., но и переписанные донесения, письма и др. (см. письмо 17). На их основе впоследствии были написаны многие работы партизана.

⁴ Фигнер Александр Самойлович (1787—1813) — полковник, создатель партизанского отряда, действующего в тылу французской армии на территории России, Польши и Германии (1812—1813). Сеславин Александр Никитич (1780—1858) — генерал-майор, командир Сумского гусарского полка (с декабря 1812). Осенью 1813-го и в 1814 году он командовал передовыми отрядами армии союзников, участвовал в сражениях под Лейпцигом и Фершампенуазом. Кудашев Николай Данилович (1784—1813), кн. — генерал-майор. В начале сентября 1812 года был назначен командиром армейского партизанского отряда, действовал с ним под Москвой, участвовал в преследовании отступавшей французской армии в составе корпуса генерала М. И. Платова. В ноябре 1812 года отличился в боях при Красном. В 1813 году командовал кавалерийским отрядом. Чернышев Александр Иванович (1786—1857), светл. кн. (1849) — генерал-адъютант (1812), генерал от кавалерии (1826), военный министр (1832—1852). С конца 1812 года отличался своими удачными партизанскими предприятиями. Участвовал в многочисленных сражениях похода 1813—1814 годов.

⁵ Вероятно, Давыдов намекает на знаменитый эпизод со взятием Дрездена в марте 1813 года, когда он опередил своего непосредственного начальника, барона Ф. Ф. Винцингероде, о чем изложено в статье партизана «О занятии Дрездена». Известны многочисленные случаи умаления значения действий партизан в рапортах к главному командующему армии и к императору, а следовательно и в официальной историографии. Император старался всячески игнорировать роль «летучих отрядов» в исходе Отечественной войны и заграничных походов.

⁶ Мансфельд Петр Эрнст II фон (1580—1626), гр. — предводитель партизан Тридцатилетней войны. Брауншвейг-Вольфенбюттельский мл. Кристиан (Braunschweig-Wolfenbüttel Christian von; 1599—1626), принц Брауншвейг-Вольфенбюттель, епископ Гальберштадтский — один из первых партизан, немецкий протестантский военачальник времен Тридцатилетней войны, заслуживший репутацию авантюриста и опасного фанатика.

⁷ Силезские войны в эпоху Фридриха Великого благоприятствовали развитию партизанской войны, где прославились австрийские партизаны: Менцель, Морац, Франкини, Надасти и Лаудон, Тренк. Наиболее известно имя последнего. Тренк Франц фон (1711—1749), барон — офицер австрийской армии, командовал пандурами — нерегулярными пехотными отрядами, формировавшимися в подвластных Габсбургам Венгрии и Хорватии. В 1746 году был обвинен в разбое и мародерстве и приговорен к пожизненному заключению в крепости Шпильберг в Брюнне (Брно).

3

18-го апреля <1821 года>. Москва

Любезный друг Александр Иванович. Я читал только твое писанное к сестрам Елисавете Александровне и Анне Александровне.¹ Не могу не поблагодарить тебя, любезный друг, за участие, которое ты берешь к братьям их! Ты так снисходителен, что решаешь утруждать тебя просьбою довершить твое благодеяние, а именно: при случае иногда бросить взор на их ученье, поведение, и потрудиться сказать их надзирателю, чтобы он совершенно прекратил их непозволительные *поиски и набеги* к гвардейским юнкерам

и прочим — словом, все опасные обычаи, о коих ты говорил в письме своем.² Сделай милость, не откажи в моей просьбе. Человеку, каков ты, не может быть равнодушна благодарность людей, умеющих рассуждать и чувствовать и уважающих тебя разумом и сердцем — вот тебе плата наша. Прости. Люби и помни любящего и почитающего тебя Дениса Давыдова.

Р. С. «Опыт» мой печатается,³ и тебе назначен экземпляр. Думаю, что будешь доволен.

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 62.

¹ Анна Александровна и Елизавета Александровна Чирковы — родственницы (двоюродные сестры) жены Давыдова, Софьи Николаевны (урожд. Чирковой).

² Судя по всему, речь идет о традиционном соперничестве воспитанников учебных заведений. В данном случае — Школы гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров (впоследствии Николаевское кавалерийское училище). Дело доходило до серьезных потасовок. «Поиск» на языке военных той поры — действие разведывательно-диверсионного отряда на территории, контролируемой противником.

³ 4 апреля 1821 года в печать была сдана первая книга Давыдова «Опыт теории партизанского действия». Однако этот тираж Давыдов уничтожил и, по совету А. А. Закревского, внося некоторые поправки, предпринял переиздание своего труда, вышедшее к концу 1821 года (цензурное разрешение от 31 октября 1821 года).

4

12 Июня <1821 года>. С(ело) Прикутово

Любезнейший друг Александр Иванович! Ты столько милостив к нашим маленьким Чирковым,¹ что я прямо прибегаю к тебе с моею просьбою — уверен, что за это не подосадуешь. Вот дело в чем:

Сестра их, Анна Александровна, идет замуж 10-го июля. *Юноши* просят на свадьбу, сестры этого желают и матушка позволяет, к тому же подошли дни отдыха, следственно нет препятствий. Сделай дружбу, любезный Александр Иванович, возьми на себя труд отправить их в *дилижансе*, и, если им нужны будут на проезд деньги, ссуди их некоторой суммою; по приезде их мы с душевною благодарностию оную возвратим. Сделай милость, прости, что я тебя избрал на сие беспокойство — впрочем, на себя пеняй: не будь так обязателен и был бы в покою.

На днях явится к тебе мой «*Опыт теории партизанского действия*», он на днях выходит из печати. Карай его, пожалуйста, без пощады. Этим меня обяжешь — ибо, пользуясь советами, я намерен во втором тиснении переменить погрешности.² Я теперь в деревне,³ покоен и счастлив! Как часто повторяю стих:

Heureux qui dans le sein de ses dieux domestiques
Se dérobe aux fracas des tumults publics
Et dans un doux abri fuyant tous le(s) regards
Cultive ses jardins les vertus et les arts.⁴

Мимо меня, то есть в несколько верстах от меня, проехали Розен и Подемкин,⁵ я в это время *копался в огороде*.⁶

Прости, любезный друг Александр Иванович, напиши иногда хоть строчку. И верь в душевной привязанности, и почтении, покорнейшего слуги

Дениса Давыдова

Если В. Р. Марченку⁷ увидишь, скажи ему душевное почтение.

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 61—61 об.

¹ Племянники Давыдова по линии жены.

² Давыдов вряд ли выполнил свое обещание: в письме к Закревскому от 15 августа 1821 года он сообщил другу, что кроме П. Д. Киселева, А. П. Ермолова и самого Закревского «никому

не дал ни одного экземпляра» (Письма Дениса Васильевича Давыдова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. 1815—1831. С. 530). Второе издание действительно было предпринято Давыдовым в 1822 году (книга вышла к сентябрю), однако оно, хотя и содержало благодарность военным людям за замечания, по которым автор исправил «погрешности» своего сочинения, явилось в сущности перепечаткой «Опыта», вышедшего в конце 1821 года. Именно в это переиздание 1821 года (см. прим. 2 к письму 3). Давыдовым были внесены значительные изменения (см.: Коциенко И. В. К истории создания «Опыта теории партизанского действия» Д. В. Давыдова // Легенды и реалии войны 1812 года в литературе и культуре. Сборник ст. (В печати)).

³ Письмо написано из имения Приютово (в 70 верстах от Москвы), которое в начале лета 1821 года приобрел Давыдов.

⁴ Счастлив, кто на лоне домашних богов
Прячется от шума общественных смут,
И, в сладостном убежище скрываясь от всех взглядов,
Возделывает свои сады, добродетели и искусства.

Начальное четверостишие песни II поэмы Жака Делиля «Сельский житель, или Французские Георгики» («L'Homme des champs ou les Georgiques françaises», 1776; напеч.: 1802). У Давыдова процитировано с неточностями во втором и третьем стихах, не меняющими смысла строк: вместо «tumults» (смут) у Делиля стоит слово «tempêtes» (волнений), и вместо «fuyant» (скрываясь) — «trompant» (избегая).

⁵ Генерал-лейтенант Григорий Владимирович Розен (1781—1841) и генерал-адъютант Яков Алексеевич Потемкин (1781—1831) были высланы из Петербурга из-за происшествия в Семеновском полку 16 сентября 1820 года, когда полк, недовольный новым командиром Григорием Ефимовичем Шварцем (1791—1882), взбунтовался и отказался идти в караул. Благодаря Потемкину, бывшему командиру полка, своим личным влиянием действовавшему на солдат, дело обошлось без кровопролития. Однако дело было представлено императору так, что Потемкин стал виновником распухлости семеновцев из-за мягкого управления ими в последние годы. 2 ноября 1820 года Александр I, находившийся тогда в Троппау, отдал приказ о раскассировании лейб-гвардии Семеновского полка; весь состав полка, как офицеры так и нижние чины, были переведены в различные армейские полки. В результате барон Розен 11 мая 1821 года был назначен начальником 15-й пехотной дивизии, а Потемкин 22 июля 1821 года — командиром 4-й пехотной дивизии, стоявшей в Рязани. Опала обоих, впрочем, продолжалась недолго: 12 декабря 1824 года Потемкин был пожалован за отличие в генерал-лейтенанты, а Розен в 1826 году произведен в генералы от инфантерии.

⁶ Давыдов, находившийся в отпуске, подчеркивал, что отошел от публичной жизни, не имея отношения и интереса ни к событиям, как-либо связанным с непорядками в армии, ни к тайным обществам. Он был полностью погружен в семью, творчество и вполне счастлив. Подобная позиция отражена во многих письмах этого периода.

⁷ Марченко Василий Романович (1782—1841) — действительный статский советник, в 1812—1814 годах состоял в Собственной его императорского величества канцелярии; тайный советник (1827).

5

〈Конец июля — начало августа 1821 года. Приютово〉

Получ(ил) авгус(та) 12¹

Крайне сожалею, любезный друг Александр Иванович, что я 〈не могу〉 видеть тебя на обратном пути твоём, но что делать? Хозяйственные хлопоты задерживают меня в моем *Приютове*.² Посылаем под покровительство твое бродящих наших рыцарей³ — продолжай к ним твою благосклонность, чем нас очень обяжешь.

Не забудь об обещании твоём стараться поместить мою рожу в собрание портретов.⁴ А я, если на то согласятся, ручаюсь прислать самый сходный мой портрет, только нашиши, и он на первой почте будет у тебя.

Я имею известие, что Горчаков⁵ жаловался на Гурку⁶ Государю — и Государь одобрил, что он ему отказал от команды, и спрашивал, кого он хочет? Горчаков просил Горчакова,⁷ что при Дибиче,⁸ — в чем ему отказано под предлогом, что он ему родня.

Хоть кого бы мне, чтобы ты был на месте Гурки — я уверен, что ты с Горчаковым уживешься, как я уживался,⁹ и тогда служба тебе будет очень приятная.

Мне бы хотелось также, чтобы прежде будущей весны никого не определяли к Раевскому — а весной чтобы меня определили туда. Но для сего я ни шагу не сделаю, будь судьба ворочает мною, как хочет.¹⁰ Прости, любезный друг, Свиньину¹¹ мой дружеский поклон.

Денис Давыдов

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 60—61 об.

¹ Помета Михайловского-Данилевского.

² Находясь в отпуске по болезни (с 17 марта 1820 года) Давыдов в этот период был занят срочной переделкой «Опыта теории партизанского действия».

³ Племянники Давыдова, обучавшиеся в Петербурге.

⁴ Речь идет о подготовке издания П. П. Бекетова «Собрание портретов, россиян знаменитых по своим деяниям воинским и гражданским, по учености, сочинениям, дарованиям, или коих имена по чему другому сделались известными свету, в хронологическом порядке, с приложением их кратких жизнеописаний». Это издание было рассчитано на четыре части, по 50 портретов в каждой, но вышла только одна часть (1821—1824), состоящая из пяти тетрадей по 10 портретов в каждой и посвященная деятелям XVII и начала XVIII века. Успеха предприятия Бекетова не имело, и в свет было выпущено лишь незначительное количество экземпляров. Но материал был подготовлен для всего издания, следовательно, и портрет Давыдова там тоже мог быть. Достоверно сказать невозможно, так как коллекция из 306 гравюр на меди с портретами была утеряна. В этот период портрет и жизнеописание Давыдова был напечатан С. И. Ушаковым в четырехтомнике «Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах» (СПб., 1822. Ч. IV. С. 203—229), прошедшем цензуру еще в 1818 году.

⁵ Горчаков Андрей Иванович (1779—1855), кн. — генерал от инфантерии (1819). В январе 1819 года назначен командиром 3-го пехотного корпуса, с февраля 1820 — командир 2-го пехотного корпуса. Оставался на службе до 1847 года, затем вышел в отставку.

⁶ Ромейко-Гурко Леонтий Осипович (1783—1860) — генерал-майор (1819), начальник штаба 2-го пехотного корпуса. В 1821 году вышел в отставку.

⁷ Горчаков Михаил Дмитриевич (1793—1861), кн. — генерал-адъютант. Участник кампании 1812—1814 годов. В 1820-м году назначен начальником штаба 3-го пехотного корпуса, с войсками которого участвовал в турецкой войне 1828—1829 годов.

⁸ Дибич-Забалканский Иван Иванович (1785—1831) — генерал-фельдмаршал (1829), граф (1827), почетный член Петербургской Академии наук (1826). С 1821 года Дибич-Забалканский входил в ближайшее окружение императора Александра I, с 1823-го — начальник Главного штаба; во время русско-турецкой войны (1828—1829) и при подавлении Польского восстания (1830—1831) — главнокомандующий.

⁹ В заграничном походе 1813—1814 годов Давыдов и А. И. Горчаков участвовали в сражениях под Лейпцигом, Бриенном, Ла-Ротьером.

¹⁰ В сентябре 1821 года Денису Васильевичу представилась возможность перевода дивизионным командиром на Кавказскую линию под руководство генерала от инфантерии Ермолова (двоюродного брата Давыдова). Настойчивые прошения партизана были проигнорированы высшей властью. Не помогли ни заступничество Закревского и Дибича, ни «домогательства» Ермолова, как он сам охарактеризовал свои бесконечные прошения руководству Главного штаба в течение четырех (!) лет (с октября 1821 года по июль 1825-го). См.: Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. 1812—1828 гг. // Сборник Императорского русского исторического общества. 1890. Т. 73. С. 372, 375, 378, 383, 384, 391, 396, 404 и др. Давыдов решил выйти в отставку и получил ее 14 ноября 1823 года. Причиной отказа в переводе являлось давнее (со времен юности писателя-воина) недоброжелательное отношение императора к Давыдову как сочинителю иносказательных сатирических басен, а также к его партизанской системе, к тому же оформившейся к концу 1821 года в книгу. Партизанство расценивалось как своего рода бунтарство, несущее опасность для армии, в которой нарастали освободительные устремления (восстание Семеновского полка), и особенно в офицерской штабной среде.

¹¹ Свиньин Павел Петрович (1787—1839) — писатель, журналист, издатель журнала «Отечественные записки» в 1818—1823 годах, где печатался Давыдов.

6

2-го марта (1835 года). Москва
На валу, в Зубове в доме Стрекалова¹

Отвечал 20 марта²

Я адресуюсь к старинному другу и боевому товарищу, а не менее того, к отцу семейства и к человеку ученому. Мне нужен учитель для сыновей моих, коих 5³ и из которых 4 уже учатся, и первому уже 12 лет.⁴ Вы, любезнейший Александр Иванович, в Петербурге, где более иностранцев, нежели здесь, — не можете ли вы приискать мне учителя? Я желаю, чтобы он был француз, знающий основательно свой язык и язык немецкий, или немец, знающий основательно свой язык и язык французский, также и словесность французскую и немецкую. К этому надо латинский язык, географию сферическую, физическую общую, историю и, если можно, начальные правила физики и химии; разумеется, чтобы нравственность соответствовала познаниям.

Нет ли у вас такого на виду? Бог знает, как одолжили бы вы меня, приискав такого учителя!

Вы сами нежный отец,⁵ — к кому мне лучше адресоваться, как не к вам? Помогите

Преданному вам душою

Денису Давыдову⁶

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 41—41 об.

¹ В самом начале 1830-х годов Давыдов переселился в одноэтажный особняк, принадлежавший подпоручику Н. Стрекалову (современный адрес: Смоленский бульвар, д. 3). Зубово — название местности при въезде в Москву, происходящее от фамилии полковника Ивана Зубова, командовавшего стрелецким полком, охранявшим этот въезд. С XVI века по Зубовскому, Смоленскому и прочим бульварам Садового кольца проходил вал Земляного города. Стрельцы караулили вал и несли дозор на башне. В 1820 году оборонительный земляной вал снесли и по его периметру обустроили бульвары. С одной стороны Зубовской площади образовался Смоленский бульвар, с противоположной — Зубовский.

² Помета Михайловского-Данилевского.

³ Всего у Давыдова было девять детей: пять сыновей (Василий, Николай, Денис, Ахилл, Вадим) и четыре дочери (Юлия, Мария, Екатерина, Софья).

⁴ Василию (род. в 1822).

⁵ От брака с Анной Павловной Чемодановой (1801—1832) Михайловский-Данилевский имел детей: Антонину, Лидию, Леонида и Ивана.

⁶ По тону и содержанию письма можно сказать, что оно стало первым после длительного перерыва в общении Давыдова и Михайловского-Данилевского.

7

30 марта 1835 (года). Москва
В Зубове, на валу
В доме Стрекалова

Милый и почтеннейший Александр Иванович! Истинно дружеское письмо ваше я получил, за которое весьма, весьма вам благодарен и на которое спешу отвечать.

Пока мне не нужно учителя; я взял к себе такого, коим я еще доволен, но в случае нужды позвольте мне вас, любезнейший друг, обеспокоить и прямо к вам прибегнуть. Вы будете моим резервом в критических обстоятельствах, как некогда старая гвардия была для Наполеона;¹ я на вас обопрусь, — а вы не изменяйте, как никогда она ему не изменяла. Итак, об учителе пока ни слова.

Записки ваши на 1813 год² я читаю во второй раз; они теперь лежат под моими глазами. Не буду вам ничего о них говорить; боюсь, чтоб вы меня не приняли за комплиментщика, чем я никогда не бывал, но не могу умолчать, что я вполне наслаждаюсь ими и как любитель словесности, и как военный человек. Благодарю, что вы и меня не забыли; ни в одном описании 1813 года Кампании не было упомянуто о занятии мною Ней-штада Дрезденского;³ вы упомянули о том.⁴ Жаль только, что вам не известны были некоторые подробности, отчего по истине я был отослан Винценгероде⁵ в главную квартиру, ибо вступление в переговоры с Дюретом⁶ о сдаче Ней-Штада была только личина;⁷ Тетенборн то же сделал при занятии Гамбурга и за то награжден чином.⁸

Дело в том, что тогда полагали невозможным, чтобы Наполеон когда-либо явился в Германию; думали, что пока он успеет составить новую армию, вся Германия подымется, и он сам не посмеет предпринять борьбу столь для него опасную; словом, уверены были, что *всему Конец*, и потому всякому начальнику хотелось увенчать этот Конец занятием или взятием какой-нибудь столицы, а как другой неприятельской столицы не было, кроме Дрездена, — все на нее метили. Вот почему Блюхер⁹ настаивал, чтобы Винценгероде шел вправо, т. е. к Торгау;¹⁰ Винценгероде с своей стороны требовал, чтобы Ланской,¹¹ командовавший авангардом его, шел туда же, а Ланской посылал меня, командовавшего его авангардом, по тому же направлению. Но я, будто мимоходом к Торгау, завернул к Дрездену и захватил Ней-штад, почти половину столицы, и все намерения начальников моих поставил вверх дном, ибо, как ни говори, *c'est moi qui a ent<r>ancé la ville*.¹² Как же было Винценгероде простить мне такую удалую штуку? К тому же я не был его поклонником, да был еще и русский, — а у него был Прендель¹³ — перекрещенный жид, друг и наперсник его; и так он одним ударом достал до двух предметов ему приятных: удалил меня и усилил отрядом моим отряд своего приятеля.¹⁴

Что касается до Алтенбургского дела Платова и Тильмана с Лефевр-Денуэтом,¹⁵ то, есть еще живые люди: граф Менсдорф,¹⁶ генерал-губернатор Богемии, и сам Тильман — они скажут, кто это дело решил и кто Андреевскую Ленту доставил Платову;¹⁷ это было в глазах всех. Платов шел от Пенига¹⁸ и остановил Лефевр-Денуэта под Алтенбургом за два часа до атаки Тильмана, шедшего по дороге от Цвикау,¹⁹ и коего авангардом я командовал. Услыша стрельбу на рассвете, я дал о том знать Тильману. Я, не дожидаясь повеления его, поскакал на выстрелы; у меня было в команде два полка:²⁰ полк Иловайского (Осипа Вас<ильевича>)²¹ и Горина.²² Я прибыл к Алтенбургу, когда весь отряд Платова был уже расстроен и 2 орудия у него взяты. Пользуясь ибсом, я обогнул правый фланг неприятельских войск и ударил на его резервы с тыла. Все дрогнуло и побежало. Войска, которые дрались с Платовым, видя это, то же сделали. Прибыл Менсдорф и Тильман и поддержали мои натиски; Платов также исправился и напирал на неприятеля. Мы вогнали его в Цейц,²³ приступили к городу и взяли его. Он хотел было расположиться на ночлег за речкою, протекающею у города. Мы не позволили: я слева, а Кудашев²⁴ справа переправились через речку и снова напали на французов. Тут уже они решительно обратились в бегство, которое прекратилось за Вейзенфельсом;²⁵ и так погоня продолжалась 5 миль; мы взяли 4 пушки и до 1500 человек пленными. Мне за это не было и спасибо *свыше*, и нигде об мне не упомянуто: ни в реляции, ни в описаниях сей кампании; вся награда моя ограничилась похвалою товарищей моих у бивачных огней — награда лестная, но пролетная, как дым пылавших костров, вокруг коих мы тогда отдыхали.

Вы спрашиваете, куда адресовать письмо Сеслаину. Не знаю. Я его три года или более тому назад потерял из виду; а зовут его Александр Никитич.²⁶

Вы также спрашиваете, не знаю ли я к кому отнестись, чтоб иметь сведения о походе 1814 года? Я думаю, что мало таких в живых осталось, а которые живы, то бог знает, где таятся. Что касается до меня, то я постараюсь вас снабдить вкратце всем тем, что я знаю на счет этой кампании.

Итак, простите, любезнейший Александр Иванович, верьте в неколебности дружбы

Вам преданного

Дениса Давыдова

Печатается по: РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 3—4 об.

¹ Наполеон всегда держал в резерве «старую гвардию» (ветеранов многих сражений), часто помогающую решить исход битвы. Так, знавший о подобной тактике французского императора Кутузов утром 27 августа 1812 года приказал отойти с поля сражения при Бородино ввиду больших потерь и принимая во внимание, что у Наполеона остался нетронутый резерв. Значительных резервов у русской армии в тот момент не было.

² Имеются в виду «Записки о походе 1813 года» (СПб., 1834).

³ Нейштаг (Новый город) — часть города Дрездена, расположенная на правом берегу Эльбы.

⁴ На тот момент известие об этом событии принадлежит самому Давыдову. Речь идет об «Автобиографии», напечатанной в 1828 году в журнале «Русский зритель» (Ч. I. С. 42—52) и открывавшей собрание его стихотворений 1832 года. Давыдов отрицал факт авторства статьи, приписывая его своему другу и сослуживцу, генерал-лейтенанту О. Д. Ольшескому. Вот этот емкий комментарий самого виновника произошедшего: «Давыдов предстает *пред лицо* генерала Винцингероде и поступает под его начальство. С ним пресмыкается он чрез Польшу, Силезию и вступает в Саксонию. Не стало терпения! Давыдов рванулся вперед и занял половину города Дрездена, защищаемого корпусом маршала Даву. За такую дерзость он был лишен команды и сослан в главную квартиру. Справедливость царя-покровителя была цитом беспокровного. Давыдов снова является на похищенное у него поприще, на коем продолжает действовать до берегов Рейна» (Давыдов Д. В. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова // Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 13). Здесь причиной смелого набега выдвинута размеренная военная жизнь, противоречащая представлениям Давыдова о боевом походе. По воспоминаниям одного из офицеров корпуса Винцингероде, А. К. Карпова, в Варшавском герцогстве стояли «спокойно и весьма хорошо», «имели хорошую и здоровую пищу от жителей», «ночевали без всякой тревоги», а «весь сей поход был похож на наше путешествие (<и> более приятен нежели изурительен» (Карпов А. К. Записки полковника Карпова. Витебск, 1910. С. 28—31). В биографии Давыдова, составленной Михайловским-Данилевским в 1847 году, будет написано: «Все сие событие в жизни Давыдова объясняется и тогдашним расположением умов, и удивительными обстоятельствами, в каких находились наши военные люди, и личными свойствами Давыдова. Схватить с маху, показать отвагу и смелость, не всегда слушаясь холодного ума, иногда просто в досаду умам медлительным — такова была одна из черт его характера, огненного, самобытного» (Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. С. 11).

⁵ Винцингероде Фердинанд Федорович (1770—1818), барон — генерал, из австрийской службы перешел на русскую (1797). Генерал-адъютант вел. князя Константина Павловича (1802). В 1812 году возглавлял один из первых партизанских отрядов, защищал дорогу на Петербург. Генерал от кавалерии (1813). Под Дюценом командовал всей конницей союзников (1814).

⁶ Дюрютт Пьер Франсуа Жозеф (Durutte Pierre François Joseph; 1767—1837), гр. — французский генерал, герой сражения при Ватерлоо.

⁷ Вовсе не самовольство в заключении капитуляции с французским генералом (неизвестный партизан приказ о запрете любых переговоров и перемирий) стало причиной отстранения Давыдова от командования отрядом и заключением под стражу на месяц, пока шли разбирательства. Как упоминает он сам в статье «Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта. (Из дневника партизана Дениса Давыдова)», это была месть генерал-адъютанта Винцингероде, который сам хотел овладеть городом и не мог простить опередившего его в этом Давыдова. Статья была опубликована в пушкинском журнале «Современник» (1836. № 4. С. 5—31) с цензурными купюрами, по выражению партизана, «с большими потерями».

⁸ Теттенборн Фридрих-Карл (1779—1845), барон — генерал-майор, до 1812 года служивший в австрийский войсках. В России был под начальством Винцингероде. С отличием командовал одним из партизанских отрядов. В марте 1813 года освободил город Гамбург, семь лет оккупированный французами. Сенаторы под ликующие крики народа вручили полковнику

Теттенборну ключи от города, удостоили звания первого почетного гражданина Гамбурга. Русское командование произвело его в генерал-майоры и наградило орденом Святого Георгия 3-го кл.

⁹ Блюхер Гебхард Леберехт фон (Blücher Gebhard Leberecht von; 1742—1819), кн. Вальштадский — прусский фельдмаршал, участник ряда Наполеоновских войн, командующий прусскими войсками в битве при Ватерлоо.

¹⁰ Торгау (Torgau) — город в Саксонии, 140 км южнее Берлина, на реке Эльба.

¹¹ Ланской Сергей Николаевич (1774—1814) — генерал-майор, в кампанию 1813 года был командиром 2-й гусарской дивизии в корпусе Винцингероде. Смертельно ранен в бою под Краоном.

¹² Я тот, кто вошел в город (фр.).

¹³ Прендель Виктор Антонович (1766—1852) — генерал-майор, командир партизанского отряда. В начале 1813 года, состоя в ведении генерала Винцингероде, Прендель участвовал в сражении под Калишем и за отличия был награжден чином полковника. После Лейпцигского сражения император Александр I назначил Пренделя комендантом Лейпцига, в должности которого он состоял до 1816 года. С 1816 по 1818 год был комендантом военной дороги в Альтенбурге и директором немецких лазаретов, а в 1819 году он возвратился в Россию в Киевский драгунский полк.

¹⁴ В статье «Занятие Дрездена» Давыдов описывает драматический эпизод передачи своего отряда полковнику Пренделю.

¹⁵ Платов Матвей Иванович (1753—1818), гр. — войсковой атаман Донского казачьего войска, генерал от кавалерии. Тилеман (Тильман) Иоганн Адольф (1765—1824), барон — генерал-лейтенант саксонской службы, в июне 1813 года принят на русскую службу с тем же чином и определен состоять по кавалерии. Командовал прусско-австрийско-венгерско-казачьим партизанским отрядом в Саксонии. Лефевр-Денуэт Шарль (1773—1822), гр. — генерал наполеоновской армии командир французской гвардейской конно-егерской дивизии. В результате очень удачных действий отряда Тильмана, в котором служил Давыдов, Наполеон вынужден был выдвинуть дивизию Лефевра, приказав ему очистить тыл армии от союзных партизан. Получив об этом сведение, главная квартира Богемской армии под начальством Витгенштейна, выслала для содействия Тильману казаков гр. Платова. Их совместное нападение (участвовал также отряд Э. Менсдорфа) на Лефевра 16 сентября 1813 года близ Альтенбурга (город в Тюрингии) привело к блестящей победе.

¹⁶ Менсдорф-Пуилье Эммануэль (Mensdorff-Pouilly; 1777—1852), гр. — австрийский полковник, командир партизанского отряда.

¹⁷ Давыдов намекал на свою заслугу в получении Платовым этого ордена: вовремя подоспевший отряд Дениса Васильевича переломил исход битвы при Альтенбурге, о чем он повествует в этом же письме. Орден Св. Андрея Первозванного, для ношения которого используется орденская лента голубого цвета, отсюда именуемая Андреевской, был пожалован Платову за Лейпцигскую битву (4—7 октября 1813 года). За сражение же у Альтенбурга Платов получил портрет Александра I для ношения на груди, украшенный алмазами; за преследование неприятеля (с 7 по 9 октября от Лейпцига по дороге к Веймару) — бриллиантовое перо для ношения на головном уборе с вензелем государя и лаврами. Поскольку награды следовали одна за другой, Давыдов мог точно не знать, за какую из операций была вручена Андреевская лента.

¹⁸ Пениг (Penig) — город в Германии, входит в состав района Средняя Саксония.

¹⁹ Цвиккау (Zwischau) — город в Германии, в Верхней Саксонии, к юго-западу от Дрездена, у подножия Рудных гор.

²⁰ На эти два полка Давыдов обращает внимание в статье «Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта», в финале которой обрисовывает свое дальнейшее участие в заграничном походе, упоминая и военачальника, ценившего партизана: «Самая огромная команда (два полка донских казаков) препоручена мне была осенью, после перемирия, но и тут не отдельно, а под начальством австрийской службы полковника графа Менсдорфа, с коим я приобрел многое: уважение его ко мне и неограниченную преданность к нему восторженного моего сердца благородным обхождением, его образованностию, геройским духом, военными дарованиями и высокою нравственностью. Он теперь, как я слышу, генерал-фельдмаршалом-лейтенантом и военным генерал-губернатором Богемии» (Давыдов Д. В. Сочинения. С. 448).

²¹ Иловайский Осип Васильевич (1775—1839) — генерал-майор. Во время Отечественной войны 1812 года отличился при Могилеве, Смоленске, Бородине, Малоярославце, Можайске, Тарутине, Вильно. В 1813 году в составе казачьего корпуса генерала от кавалерии графа Платова действовал на территории Германии. В конце июля полк Иловайского был включен в корпус генерала от кавалерии графа П. Х. Витгенштейна (Богемская армия). Со 2 августа в состав летучего отряда австрийского полковника графа Менсдорфа-Пуилье. 20 сентября полк снова был переведен в казачий корпус Платова.

²² Горин Дмитрий Филиппович — подполковник (1813), командир Донского казачьего полка, 9 августа 1813 года поступившего в летучий отряд графа Менсдорфа-Пуилье (по конец октября).

²³ Цейц (Zeitz) — город в Германии, в земле Саксония-Ангальт на реке Вейсе-Эльстер.

²⁴ Меньше чем через месяц Николай Данилович Кудашев будет смертельно ранен в Лейпцигской битве.

²⁵ Вейсенфельс (Weissenfels) — город в Германии, в земле Саксония-Ангальт на реке Заале.

²⁶ По окончании войны Сеславин долго лечился за границей. По возвращении в Россию 17 августа 1820 года он был уволен «по болезни за ранами»: завистники постарались в устраниении генерала от службы. Считая свои боевые заслуги неоцененными, он удалился в родовое тверское имение Есемоно, где и прожил более 30 лет в полном отчуждении и одиночестве. Скончался Александр Никитич 25 апреля 1858 года.

8

14 мая (1835 года) — Москва

Не знаю, как благодарить тебя, любезный друг Александр Иванович, за подарок твой — я долго не отвечал тебе от хлопот, теперь имею время *сказать только одно слово*: — благодарю, благодарю. Ты много одолжил меня твоим сочинением,¹ и *прибавим*: на первой почте ты получишь от меня огромное письмо, приготовься к терпению.

В этом письме будет два или три замечания на твои книги,² а потом очерк похождений моих с того времени, как мы с тобою расстались в Бре(сте).³

верный друг

Денис Давыдов

Печатается по: РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 15.

¹ В этот период Михайловский-Данилевский готовил «Описание похода во Францию в 1814 году», для чего собирал подробности кампании у очевидцев событий. Несколько раньше он выпустил книгу, основанную на собственных дневниках «Записки 1814 и 1815 годов» (1-е изд. — 1831, в 2-х кн.; 2-е — 1832). Скорее всего, Давыдов благодарит Александра Ивановича за это издание. Среди материалов историографа сохранился список лиц, кому было отправлено второе издание «Записок», где под № 39 значится имя Давыдова (всего в списке 113 фамилий) (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 3379. Л. 353).

² Имеются в виду две части книги «Записки 1814 и 1815 годов».

³ Когда произошла встреча, сказать достоверно не представляется возможным.

9

8-го июня 1835 (года)¹ — Москва

Я виноват перед вами, любезнейший Александр Иванович, что медлил ответом на милое письмо ваше. Медлению моему много было причин. Пребывание в Москве императора, и, следовательно, представления, балы, парады, ученья, гулянья и пр., а потом сбор мой к отъезду еще на год в дальнюю деревню,² все это увлекло меня от пера и бумаги. Теперь я свободен, и первая строка вам посвящается.

Вы хотите знать некоторые подробности кампании 1814 года во Францию. Но об этой кампании я ничего не могу вам сказать более того, что уже о ней известно. Я в течение ее служил в рядах и потому далее моего носу не мог видеть, — а нос мой не длинен.³

Про себя скажу вам, что я все время командовал Ахтырским гусарским полком в 3-й гусарской дивизии,⁴ находившейся тогда в армии Блюхера.⁵ Был в сражениях — под Бриеном и под Ларотьером;⁶ за последнее произведен был в генерал-майоры. Был под Монмирелем, до небес превознесенном французами и не стоящем этой славы,⁷ но замечательным нелепостию соображения Сакена,⁸ атаковавшего сильнее правым флангом, тогда как следовало ему атаковать левым, для связи одного с атакою Йорка,⁹ пришедшего от

Шато-Тиери, единственного убежища и Йорка и Сакена в случае неудачи.¹⁰ Посредством такового распорядка войска наши, дравшиеся на правом фланге, остались на произвол судьбы, когда от напора превосходного в силах неприятеля и Сакен, и Йорк принуждены были отступить к Шато-Тиери. Но так как русскому солдату определено провидением выносить на мощных раменах и на трегранном штыке своем все ошибки своих начальников, — отрезанные войска пробивались долго сквозь вдесьятеро сильнейшего неприятеля и соединились к утру с главными силами.¹¹

Я был в Краонском сражении, битве ужасно горячей.¹² Говорят, что спасло нас местоположение, не позволявшее неприятелю, вдесьятеро нас сильнейшему, обойти оба фланга нашего корпуса. Но видя препятствия эти собственными глазами, я и тогда находил их не столь крутыми, чтобы быть недоступными пехоте. Как бы то ни было, но фланги наши, примыкавшие к крутым отлогостям, оставались во все сражения без нападения. В этом сражении наш г(енерал)-лей(тенант) Ланской был смертельно ранен и умер от раны, г(енерал)-м(айор) Ушаков¹³ убит, Юрковский¹⁴ ранен, Дм(итрий) В(асильевич) Васильчиков¹⁵ ранен — словом, все кавалерийские генералы (кроме Лар(иона) Вас(ильевича) Васильчикова)¹⁶ были убиты или ранены, и я, будучи полковником, несколько дней командовал 3-ю Гусарскою дивизиею.¹⁷ Мне прострелили пулями кивер и рукав ментика, картечью отбило сабельные ножны и прострелило глаз у лошади.

Н. В. Я еще был тогда полковником, потому что генеральский чин за Ларотьер не вышел еще из-под пресса.¹⁸ Замечательно, что в сем деле около 10 тысяч конницы было послано в обход для нападения на правый фланг неприятеля, *полагая, что тем разобьют Наполеона*. Этой конницею командовал генерал Винценгероде, который, отошедши верст пять от поля сражения, остановился кормить лошадей и далее не пошел. Нашего брата за это засудили бы, но Винценгероде все с рук сходило.

Я также был под Фер-Шампенуазом,¹⁹ шел от Шалона²⁰ в голове Блюхеровой армии, командуя гусарскою бригадою, составленною из Ахтырского и Белорусского полков. От частых битв в течение сей кампании бригада моя состояла только в 900 всадниках, — не более.²¹ Я семь раз атаковал колонну Пактода²² — и все безуспешно. Несколько раз наезжал на рогатки штыков, подставленных этой колонною, и все тщетно. Причина упрямства моего состояла не в том, чтобы я надеялся врезаться в середину етой огромной массы, ибо я в сравнении с нею много уступал ей в численной силе,²³ — но для того, чтобы не давать ей ходу до прибытия и артиллерии, и большого числа конницы мне на подмогу, что и случилось. Прибывшая конноартиллерия прояснив несколько ряды сей колонны, мы бросились на нее, с одной стороны конно-егеря графа Павла Петр(овича) Палена²⁴ и Кинбурнский драгунский полк, а с другой моя бригада, и колонна легла под нашим лезвием. Вот, любезнейший Александр Иванович, все, что я могу сказать вам о сей кампании. Дай бог в добрый час!

Вам нравится статья моя о морозе 1812-го года;²⁵ я верю: вы русский душою. Я совсем не прочь, чтобы ее перевели на французский, немецкий и английский языки и напечатали бы в чужих краях. Пора и нам заступаться за себя пером. Если б я был в Петербурге, — то непременно нашел бы трех чужеземцев для перевода, но в Москве их нет, а в Симбирской губернии вряд ли когда и будут. А это дело отечественное. Я прибавил бы к этой статье и «Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона», изданный лет пять тому назад,²⁶ ныне пополненный новыми документами и проданный Смирдину.²⁷ Теперь занимаюсь опровержением замечаний ерцгерцога Карла на Италианскую кампанию Суворова и на переход им Алпов,²⁸ — а между

тем атакую Валтера Скотта за Кутузова,²⁹ в истории Наполеона³⁰ представленного как хотел Вильсон,³¹ чтобы его представили. Вы видите, что я веду войну не с тощими и гнилыми журналистами, а людьми, достойными возражений. Будет ли успех или нет, бог знает! По крайней мере, я исполняю долг русского солдата и в мирное время.

Итак, простите, любезнейший друг, — если будете в течение этого года в Пензе,³² уведомте меня заранее — я постараюсь с вами повидаться.

Преданный вам

Денис Давыдов.

Адрес мой: Симбирской губернии, Сызранского уезда в с. Мазу.

Печатается по: РНБ. Ф. 859. Карт. 32. Ед. хр. 28. Л. 1—2 об.

Впервые: Вацуро В. Э. Последнее «дело» партизана Давыдова // Звезда. 1984. № 7. С. 197—198.

¹ В публикации Вацуро письмо датируется 1838 годом, но ряд фактов свидетельствует о его принадлежности к переписке 1835 года: 1) Михайловский-Данилевский в начале 1835 года активно собирал сведения о 1814 году, что видно из переписки историка за этот период и в письме Давыдова от 30 марта (письмо 7). Результатом этой работы, ставшей первым поручением Николая I (см.: *Гартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 203—204), стало «Описание похода во Францию в 1814 году»; 2) Обещание в предыдущем послании прислать «преогромное письмо» и беспокойство в августе того же года о его получении (см. письмо 10); 3) Место отправления Давыдовым предыдущих писем этого периода (в Москве он пробыл практически всю первую половину 1835 года). А вот в 1838 году Давыдова сильно беспокоили старые раны, и он практически безвыездно жил в Мазе; 4) Характерное написание Давыдовым цифры «5», весьма близкое к написанию «восьмерки»; 5) В пользу уточненной датировки говорят и некоторые факты, упоминаемые в самом письме (см. соответствующие прим.).

² С 1832 года Давыдов жил с семьей в имении жены — селе Верхняя Маза недалеко от Сызрани, Симбирской губернии.

³ Давыдов был курнос. С его носом связан один анекдот в военной среде того времени. В начале 1807 года Денис Давыдов был назначен адъютантом к генералу П. И. Багратиону, с которым побаивался первой встречи из-за недавних шуточных стихов о его длинном носе. Багратион, завидев Дениса, сказал присутствующим офицерам: «Вот тот, кто потешался над моим носом». На что Давыдов, не растерявшись, ответил, что писал о его носе только из зависти, так как у самого его практически нет. Шутка Багратиону понравилась. С того времени, когда ему докладывали, что неприятель «на носу», Багратион переспрашивал: «На чьем носу? Если на моем, то можно еще отобедать, а если на Денисовом, то — по коням!»

⁴ Подполковник Давыдов по собственному прошению был переведен в Ахтырский гусарский полк 17 апреля 1812 года командиром 1-го батальона. 27 декабря 1812 года гусарские дивизии были созданы по родам кавалерии: 3 кирасирских, 4 драгунских, 2 конно-егерских, 3 гусарских и 3 уланских. Ахтырский полк вместе с Мариупольским, Александрийским, Иркутским гусарскими полками входил во 2-ю гусарскую дивизию (см.: *Шавенков П. В.* Российская регулярная кавалерия в 1698—1917 гг. Справочник. Н. Новгород, 2003.) Из-за реформирования состава дивизий во время заграничного похода и в последующие годы произошла некоторая путаница. Вот, например, как описывает Давыдов этот же период в автобиографии: «Во Франции он (Давыдов. — И. К.) командует в армии Блюхера Ахтырским гусарским полком. После Краонского сражения, в коем все генералы 2-й гусарской дивизии (что ныне 3-я) были убиты или ранены, он управляет двое суток всюю дивизиюю, а потом бригадою, составленною из гусарских полков — того же Ахтырского и Белорусского, с которыми он проходит через Париж» (*Давыдов Д. В.* Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова. С. 13).

⁵ Гебхард-Леберехт фон Блюхер стал во главе национального движения в Германии против наполеоновских войск и в 1813 году получил начальство над соединенными русско-прускими войсками в Силезии.

⁶ 29 января 1814 года под Бриенном Наполеон атаковал армию Блюхера, слабейшую из двух союзных, и заставил ее отступить на несколько километров к югу, где Блюхер соединился с Главной (Богемской) армией австрийского фельдмаршала Шварценберга. После соединения союзных войск Александр I настоял на наступлении. Войска под командованием Блюхера выжили 1 февраля Наполеона с позиции под Ла-Ротьером.

⁷ В результате сражения при Монмиралье (Монмирай; Montmirail) Наполеон 11 февраля 1814 года разгромил русский корпус под командованием Остен-Сакена и часть прусского корпуса Йорка во второй день так называемой шестидневной войны, когда французский император за пять дней (с 10 по 14 февраля 1814 года) в четырех сражениях практически уничтожил прусско-русскую армию фельдмаршала Блюхера. Об этой победе восторженно отзывались французские летописцы, хотя потери и у французов были немалые. Давыдов же намекал на самоотверженную храбрость русских войск, о чем поведал ниже. См. также письмо 17.

⁸ Остен-Сакен Фабиан Готтлиб фон дер (1752—1837), кн. (1832) — российский генерал-фельдмаршал (с 1826 г.). В Отечественную войну 1812 года сражался на вспомогательном южном направлении. В заграничном походе 1813—1814 годов командовал отдельным русским корпусом в составе Силезской армии Блюхера.

⁹ Вартенбург Иоганн Давид Людвиг Йорк фон (Johann David Ludwig Graf Yorck von Wartenburg; 1759—1830), гр. — русский генерал-фельдмаршал. В 1813—1814 годах отличился под Бауценом, на реке Кацбах, под Вартенбургом и др. 1 января 1814 года ему был пожалован чин генерала от инфантерии. После Монмираля прикрыл отступление разбитого корпуса Остен-Сакена.

¹⁰ В случае неудачного хода дела разрешалось отступить за реку Марну, в городок Шато-Тьерри (Chateau-Thierry).

¹¹ Пытаясь отрезать правый фланг Сакена, где сражался полк Давыдова, Наполеон провал центр русского расположения, но русские смогли пробиться штыками. Французам не удалось организовать преследование кавалерией: топкая и лесистая местность позволили отрезанной части отряда Давыдова отбиться (см. письмо 13). Ср.: *Михайловский-Данилевский А. И. Описание похода во Франции в 1814 году*. Ч. I. С. 180—182.

¹² Краон (Graonne) — озеро в 200 км южнее Парижа. Оборонительное сражение 23 февраля 1814 года на Краонских высотах на берегу реки Эна двух русских дивизий из армии Блюхера против 50-тысячной армии Наполеона. Тяжесть боя легла преимущественно на нашу передовую линию, которой начальствовал граф М. С. Воронцов. Во время отступления он был подкреплен двумя кавалерийскими дивизиями, под командой Васильчикова. Только успешный огонь всей нашей артиллерии, расположенной на выгодной позиции, окончательно остановил преследование французов. Сражение при расчете процента убитых и раненых от количества участников сражения, рассматривается как одно из самых кровавых за всю кампанию.

¹³ Ушаков Сергей Николаевич (1776—1814) — генерал-майор. В кампанию 1813 года командовал бригадой в сражении при Кацбахе и Лейпциге. Был убит во время атаки Курляндского драгунского полка на колонну противника под Краоном.

¹⁴ Юрковский Анастасий Антонович (1755—1831) — генерал-майор. В 1813—1814 годах сражался при Лигнице, Бунцлау, Кацбахе, Рейхенбахе, Герлице, Торгау, Лейпциге, Бриенн-ле-Шато, Монмирале, Мо, Круа, где получил сильную контузию от ядра. С 13 марта 1816 по 1826 год занимал должность коменданта Севастопольской крепости.

¹⁵ Васильчиков Дмитрий Васильевич (1778—1859) — обер-егермейстер (1832), генерал от кавалерии, брат И. В. Васильчикова. С 28 марта 1811 года — командир Ахтырского гусарского полка. Во время заграничных походов наиболее отличился в сражении под Кацбахом, в «битве народов» под Лейпцигом, под Ла-Ротьером. В начале 1814 года получил в командование бригаду 2-й гусарской дивизии, во главе которой в марте 1814-го вступил в Париж. С 1816 года командовал 1-й уланской дивизией. В 1822 году по болезни вышел в отставку.

¹⁶ Васильчиков Илларион Васильевич (1777—1847) — генерал-адъютант (1801), командир (1803), а затем шеф Ахтырского гусарского полка, командир отдельного гвардейского корпуса (1817—1822). В 1823 году он был произведен в генералы от кавалерии, в 1831 году возведен в графское достоинство, в 1839-м — в княжеское. В 1833 году назначен генерал-инспектором кавалерии и шефом Ахтырского гусарского полка.

¹⁷ В составе 3-й гусарской дивизии состояли Павлоградский, Белорусский, Ольвиопольский, Лубенский гусарские полки.

¹⁸ Наградной список вышел 21 августа 1814 года.

¹⁹ В сражении при Фер-Шампенуазе (Fère-Champenoise; деревушка во Франции, в 100 км от Парижа) 25 марта 1814 года кавалерия армии союзников атаковала и при поддержке конной артиллерии разбила французские корпуса маршалов Мармона и Мортье. Однако в письме Давыдов раскрывает еще один эпизод битвы, происходивший одновременно: в 12 км севернее кавалерия из армии Блюхера, при поддержке русской гвардейской кавалерии Главной армии, захватила большой конвой для Наполеона, совершенно уничтожив при этом прикрывавшие его части Национальной гвардии (4300 солдат, 16 орудий).

²⁰ Шалон-сюр-Марн (Châlons sur Marne) — город на северо-востоке Франции, на реке Марне, в 30 км от Фер-Шампенуаза.

²¹ Бригада состояла из двух полков. Каждый полк имел в своем составе одного полкового командира, 16 офицеров, 10 урядников, одного писаря и 550 казаков, всего 578 человек. Полк состоял из двух батальонов, а каждый батальон — из четырех эскадронов.

²² Пакто Мишель Мари (Pacthod Michel Marie; 1764—1830), гр. — французский генерал. Во время кампании 1814 года командовал национальной гвардией. Был окружен русской кавалерией во время битвы при Фер-Шампенуазе и попал в плен. Перешел на сторону Луи XVIII, короля Франции.

²³ Корпус национальной гвардии насчитывал в начале 1814 года около шести тысяч человек.

²⁴ Пален Петр Петрович фон дер (1778—1864), гр. — генерал от кавалерии (1827), генерал-адъютант (1827), посол во Франции (1835). После сражения при Смоленске по болезни покинул армию; в 1813 году вернулся снова. Участник сражений при Бауцене, Рейхенбахе, Ле-

венберге, Лейпциге, Либртваельквице. В 1814 году отличился в сражениях при Фальсбурге, Моране, Рюме-ли, Бар-сюр-Об, Лабрюсселе, Труа, Арси-сюр-Об, Фер-Шампенуазе.

²⁵ Статья «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?» была напечатана в журнале «Библиотека для чтения» (1835. Т. 10. С. 28—53).

²⁶ Статья была издана в 1825 году, т. е. 10 лет назад. Давыдов непринужденно говорит о примерной дате выхода в свет своего произведения, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть свою постоянную востребованность и занятость литературным трудом. Подобное лукавство встречается и в других письмах партизана. См., например, письмо В. Скотту от 10 января 1827 года: *Алексеев М. П.* «В. Скотт и Д. Давыдов» // Лит. наследство. 1982. Т. 91. С. 282.

²⁷ Статья с дополнениями вошла в «Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова» (СПб., 1840. Ч. 2. С. 96—152). Смирдин Александр Филиппович (1795—1857) — книгопродавец и издатель, значительно удешевивший стоимость книги и достойно оценивавший литературный труд своих авторов. В середине 1830-х годов Давыдов активно сотрудничал со Смирдиным, продавая ему статьи в журнал «Библиотека для чтения» (1834—1865; первый многотиражный журнал в России). Издатель дорожил этим сотрудничеством и предлагал Денису Васильевичу высокий по тем временам гонорар: в 1833 году по 200 руб.; с 1834 года по 300 руб. за печатный лист (см.: *Сочинения Дениса Васильевича Давыдова.* С. 187, 191).

²⁸ Карл Людвиг Иоанн (1771—1847) — знаменитый полководец. Написал несколько исторических сочинений. В письме Давыдов имеет в виду опубликованную в 1819 году в Вене «Историю кампании 1799 г. в Германии и в Швейцарии» («Geschichte des Feldzuges v. 1799 in Deutschland u. in der Schweiz»).

²⁹ Скотт Вальтер (Scott Walter; 1771—1832) — английский романист, поэт, историк; был в переписке с Давыдовым со второй половины 1820-х годов.

³⁰ Книга Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта» («Vie de Napoléon Buonaparte». Paris, 1827), где присутствуют некоторые критические рассуждения о Кутузове. В последнем письме к Скотту, которое не было отправлено в связи с известием о смерти писателя, Давыдов указал на погрешности книги в описании действий командования русской армией. В 1835 году это письмо было переработано в отдельную статью «Письмо к Вальтер Скотту» и опубликовано Смирдиным в 1840 году сначала в «Сыне отечества» (Т. 2. С. 323—356), а затем и в «Сочинениях в стихах и прозе Дениса Давыдова» (Ч. 3. С. 1—42).

³¹ Вильсон Роберт Томас (Wilson Robert Thomas; 1777—1849) — английский генерал, политический деятель, военный писатель. Пользовался личным доверием императора Александра I; с 1812 года состоял при штабе Кутузова как уполномоченный сильнейшей союзной державы; участвовал в заграничном походе. В 1817 году выпустил книгу «Очерк военной и политической мощи России: в год 1817» («A Sketch of the Military and Political Power of Russia: In the Year 1817»), в которой яростно критиковал компетентность русского военного командования и предостерегал об исходящей от России угрозе английским колониям.

³² Давыдов в эти годы часто бывал в Пензе, будучи увлечен дочерью местного помещика — Евгенией Золотаревой.

10

1835 ⟨года⟩ *Августа 13-го*
Симбирской губернии
Сызранского уезда С⟨ело⟩ *Маза*

Любезный и почтеннейший Александр Иванович! Я писал вам из Москвы длинное, длинное письмо, — получили ли вы его? Теперь пишу вам более просьбу, чем письмо, и вот в чем она состоит: в Петербурге образуется юридический институт.¹ Я хочу туда отдать второго сына моего, коему теперь 11-й год.² В нынешнем году отдавать его по его летам рано, да и надо знать, как приготовить ему для вступления, и потому покорнейше прошу вас сделать мне одолжение, как можно основательнее узнать и известить меня о следующем:

1. Можно ли его в нынешнем году записать в кандидаты?
2. Сколько лет он может после сего оставаться дома для учения и приготовления себя к требуемым познаниям при вступлении в институт?
3. Что требуется от кандидата при вступлении в Институт? т. е. какие науки, и до куда в каждой науке?
4. По каким книгам следует готовить его?
5. Каких лет он поступить должен в Институт?

6. Форма, как писать просьбу о принятии в кандидаты и к кому?

7. Так как стоит Институт под покровительством принца Ольденбургского,³ то, если мне нужно будет написать к нему партикулярное просительное письмо о принятии сына моего в кандидаты, какая форма этих писем? Я никогда к таковым особам не писывал и потому не знаю, как называть их: Королевским ли высочеством или просто высочеством, и как себя называть: покорнейшим ли слугою или другим каким названием?

8. В этом деле имеет ли влияние Дашков, — т. е. Министр Юстиции?⁴ Кажется, много зависит от него?

Извини, любезнейший друг Александр Иванович, за беспокойство мною тебе, старинному боевому моему товарищу, причиняемое, — но зная тебя, как я знаю, решаюсь терзать тебя моею просьбою и жду ответа скорого и основательного. Сделай милость, не откажи в моей просьбе, чем на век обяжешь

душевно преданного

Дениса Давыдова

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 89—90.

¹ Императорское училище правовередения было основано 5 декабря 1835 года.

² Давыдов Николай Денисович (1825—1859).

³ Ольденбургский Петр Георгиевич (1812—1881), принц — российский военный и государственный деятель, член российского Императорского Дома, племянник Николая I, генерал от инфантерии. С 1834 года присутствовал в Сенате и убедился в необходимости коренных изменений в деятельности судебной системы, нуждающейся в хорошо образованных людях. Проект Устава и штатов Училища правовередения был разработан принцем вместе с графом Сперанским и 9 мая 1835 года утвержден высочайшим Указом. Ольденбургский на свои средства создал Училище правовередения: приобрел дом, находившийся на набережной реки Фонтанки, напротив Летнего сада, и поручил архитектору В. П. Стасову работы по переустройству здания. Училище было закрытым учебным заведением. Закрытость была обусловлена особым отношением к нравственному воспитанию юношества, для чего требовался бдительный надзор и время, достаточное для того, чтобы оказать глубокое влияние в укоренении принципов права и добра. Этим определялся и возраст поступающих: не моложе двенадцати и не старше семнадцати лет. Все воспитанники жили в доме самого Училища.

⁴ Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839) — литератор, дипломат, министр юстиции, генерал-прокурор. Училище состояло в ведении Министерства юстиции.

11

17 сентября <1835 года>. Маза

Милое и дружеское письмо ваше, любезнейший друг Александр Иванович, я получил вчера и спешу благодарить вас, но как благодарить, не знаю. Слова не выразят чувств моих. Одолжение ваше за пределами обыкновенных, светских одолжений; оно бьет прямо в сердце отцовское, а для вознаграждения за такого рода одолжения, нет лексиконов и риторик; нет ни пера, ни языка; и так довольствуйтесь моим сердцем, вам на век преданным и благодарным.

Жду с нетерпением письма вашего с подробностями, как записать в кандидаты моего *второго* сына,¹ ибо, как я вас, кажется, уведомил, *старшего*² я приготавливаю в Институт Инженеров Путей Сообщений³ под непосредственное начальство почтеннейшего и всей душой уважаемого мною графа Карла Федоровича.⁴ Повторяю вам, что ему (т. е. второму) скоро 11 только лет, следственно, записав его в кандидаты,⁵ я хочу продержат его еще у себя для приготовления к тому, что по программе требуется.

Вы пишете о какой-то моей славе, что принц⁶ с радостью примет сына Дениса Давыдова; напоминаете о службе моей 1812 года и пр. Это дани вашей дружбы; вы так меня видите; вы, может быть, один в России. Ваша

прекрасная душа с отголоском на все отечественное, на все благородное и отважное, представляет меня каким-то историческим лицом, тогда как я — ничто как пахарь и иногда сотрудник Смирдина, и все тут. Кстати, о Смирдине, — читали ли вы последнюю статью мою? — о Суворове?⁷ Как она вам кажется? жаль мне, что он держит под спудом любимое мое детище: «Воспоминание о Пр(ейсш)-Эйлау сражении»,⁸ — эту статью я вам рекомендую; вы ею будете довольны, ручаюсь. В ней я говорю про вдохновение во время сражения; говорю, что оно столько же нужно полководцу, сколько витию и поэту, и потом вот слова мои: «принадлежность Суворова, принадлежность Наполеона поэтов и витий действия, — как Пиндара,⁹ как Мирабо¹⁰ полководцев слова». Это не дурно.

Не могу позабыть письмо ваше, — что ни говорю, что ни думаю, а все оно в голове у меня — нет, в сердце. Мало вам одолжать меня старанием о принятии сына моего в кандидаты, — нет, надо было еще предложить себя для надзора иногда за ним, и в праздничные дни брать его к себе в дом вместе с Леонидом.¹¹ Знаете ли вы, что это такое? — но что мне спрашивать вас, *Знаете ли?* вы Сами отец и страстный отец — следственно этот вопрос лишний, но лишний для уст, а не для сердца. Ничего не могу более вам сказать: да вознаградит вас Бог в детях ваших, за ваши мне одолжения.

Анекдоты о Ланском, Ушакове¹² и других я вам доставить не могу, ибо ничего не знаю. Кой-что, однако, напишу о Ланском и доставлю. Теперь я по уши занят: дописываю статью Смирдину и рыскаю по полям за волками, лисицами и зайцами.

Преданный вам душою

Денис Давыдов.

Печатается по: РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 7—8 об.

Впервые: Русская старина. 1893. Т. 77. С. 253—254.

¹ Николая.

² Давыдов Василий Денисович (1822—1882).

³ Институт Корпуса инженеров путей сообщения был открыт 13 ноября 1810 года.

⁴ Толь Карл Федорович (1777—1842), гр. (1824) — генерал-адъютант, управляющий путями сообщения и публичными зданиями (1833).

⁵ В Училище правоведения принимали детей с 12 лет.

⁶ Принц Петр Георгиевич Ольденбургский.

⁷ Имеется в виду статья Давыдова «Встреча с великим Суворовым» (Библиотека для чтения. 1835. Т. 11. С. 170—208).

⁸ Давыдов Д. Воспоминание о сражении при Прейсш-Эйлау 1807 года января 26-го и 27-го // Библиотека для чтения. 1835. Т. 12. С. 77—108.

⁹ Пиндар (греч. Πίνδαρος; ок. 518—442 гг. до н. э.) — самый выдающийся представитель торжественной хоровой лирики Древней Греции, отличавшейся сложностью стиха.

¹⁰ Мирабо Оноре Габриель Рикети (Mira beau Honoré Gabriel Riqueti; 1749—1791), гр. — деятель Великой французской революции, один из самых знаменитых ораторов и политических деятелей Франции.

¹¹ Младший сын Михайловского-Данилевского.

¹² Ушаков Федор Федорович (1744—1817) — адмирал, выдающийся российский флотоводец.

5-го ноября <1835 года> Маза

Почтеннейший и милый мой друг Александр Иванович! Я, право, не знаю, как благодарить вас; письмо ваше и все нужные наставления я от вас получил, теперь надо приступить к делу, то есть, к кандидатству. Досадно то, что грамота моя на дворянство находится в моем доме в Москве, куда пишу, чтобы скорее ее ко мне выслали; боюсь, что замедлю — тогда как

слышу, что охотников в кандидаты до 600, — а мест на 150.¹ Впрочем, употреблю все старание, чтобы успеть.

Вы пишете, что вам нравится мое «Воспоминание о Пр(ейсиш)-Эйлавском сражении». Это мое любимое дитя. Жаль, что г. Сенковский,² или не знаю кто, опакостил лучшие розы цветника моего. Я об этом писал и еще пишу Смирдину: пусть исправляют мои грамматические ошибки, — не зная грамматики, не только <не> буду в претензии за исправление этих ошибок, но еще и благодарен буду. Но изменять слог мой — хотя он и не превосходит, я не соглашаюсь. Одно переставленное слово часто отнимает всю душу периода. Возьмите, например: в «Встрече с великим Суворовым»; я кончаю так: «и Прага, залитая кровью, курилась»... В «Библиотеке» сказано: «и Прага курилась, залитая кровью защитников».³ Первое — последний мах кисти живописца, последнее — вялая фраза Сенковского; к тому же Прага залита была не одной кровью защитников, довольно было брызгов и нашей крови. Потом в «Воспоминании» сказано у меня: «все это мертво без вдохновенья, без какого-то порыва непонятого, неизъяснимого и пр. и столько же необходимого для поэта, для витии, как для полководца; принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова, — поэтов и витий действия, Пиндара, как Мирабо, полководцев слова». Как же в «Библиотеке» сказано: «который (порыв) равно необходим и поэту, и витии, и полководцу, и который составлял принадлежность Наполеона, принадлежность Суворова — поэтов и витий военного дела, принадлежность Пиндара и Мирабо, — полководцев слова».⁴

Ах! он сукин сын! поэтов и витий военного дела! Да и как весь период исковеркан!⁵

Теперь я пишу Смирдину, чтобы он статьи мои пересылал ко мне прежде, чем печатать их, немедленно по выходе их из станка Сенковского и цензуры. Иначе нельзя; что ни дай этим самозванцам литераторам — все они на свой лад переверотят.⁶

Я зимою буду в Петербурге на малое время⁷ и обниму любезнейшего друга Александра Ивановича от всей души. Пока до свидания.

Преданный вам душою

Денис Давыдов.

P. S.

На будущей почте пришлю вам последние две статьи, на которые подрядился я.⁸ Буду просить вас вручить их Смирдину и, взяв у него 2000 асс(игнациями), немедленно переслать ко мне, чем обяжете очень.

Печатается по: РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 9—10 об.

Впервые: Русская старина. 1893. Т. 77. С. 254—255.

¹ В Училище принималось не более 100 человек и только из сословия российского потомственного дворянства. Материальная обеспеченность, которую имели дворяне, представлялась Ольденбургскому основой независимости и честности будущих правоведов. В отношении прав и преимуществ, получаемых его выпускниками, оно было уравнено с Царскосельским Лицеумом.

² Сенковский Осип (Юлиан) Иванович (лит. псевд. — Барон Брамбеус, Тютюнджу-Оглу и др.; 1800—1858) — ученый-ориенталист, писатель, редактор «Библиотеки для чтения». Сенковский считал, что редактор должен «быть не просто передатчиком всяких, наудачу взятых, мыслей, взглядов и фактов, а передатчиком рассудительным и совестливым, сообщающим своей публике те мысли, взгляды и данные, которые, во-первых, согласны с его собственным убеждением и, во-вторых, доступны и полезны для ее образованности» (Сенковский О. И. Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1858. Т. 1. С. 80).

³ Давыдов Д. Встреча с великим Суворовым. С. 208.

⁴ Давыдов Д. Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау 1807 года января 26-го и 27-го. С. 97.

⁵ В письме к П. А. Вяземскому от 11 сентября 1835 года Давыдов не менее резко высказывался о вмешательстве Сенковского в его сочинения (см.: Сочинения Дениса Васильевича Давыдова: В 3 ч. / Вступ. статья, прим., сост. А. О. Круглого. СПб., 1893. Ч. 3. С. 204).

⁶ Вскоре Сенковский печатно изложил принципы своей редакторской работы: «У „Библиотеки для чтения“ есть ящик — что уж таится в этом! — есть такой ящик с пречудным механизмом внутри, работы одного чародея, в который стоит только положить подобный рассказ, чтобы, повернув несколько раз рукоятку, рассказ этот перемололся весь, выгладился, выправился и вышел из ящика довольно приятным и блестящим, по крайней мере, четким. Многие, многие им пользуются!.. В „Библиотеке для чтения“ редакция значит редакция в полном смысле этого слова, то есть сообщение доставленному труду принятых в журнале форм, обделки слога и предмета, если они требуют обделки...» (Библиотека для чтения. 1836. Т. 17. С. 7).

⁷ Давыдов пробыл в Петербурге менее месяца, с 20 января по середину февраля 1836 года.

⁸ Возможно, речь идет о следующих статьях: «О том, как я, будучи штаб-ротмистром, хотел разбить Наполеона» (Библиотека для чтения. 1836. Т. 15. С. 200—208; впоследствии под названием «Урок сорванцу»), «Письмо к Вальтер Скотту». Всего в предпринимаемых Смирдиным изданиях вышло восемь давыдовских статей.

13

13 ноября (1835 года). С(ело) Маза
Симбир(ской) губ(ернии) Сызран(ского) уезда

Новые милости — новая благодарность, любезнейший друг, Александр Иванович; программа получена,¹ но дело в том, что я еще не имею здесь разных документов, которые в Москве и о присылке которых я писал уже; впрочем, по программе я вижу, что первый прием для петербургских детей; к тому же моему нельзя вступить в Институт прежде трех лет, ибо ему теперь только 11 — следственно время терпит; я же зимою хочу побывать в Петербурге и обнять вас, милого друга, и прижать вас к сердцу моему, и лично поблагодарить вас за ваши одолжения неоплатимые, бесценные.

Вы пишете о Монмирале.² Куда бы мне хотелось вам помочь в етом! Но дело это у меня только в голове, в памяти — а не на бумаге. Вы спрашиваете: это дело проигранное ли только — или *deroute*?³ Я отвечаю вам: *deroute*, потому что пехота бежала врассыпную, потому что артиллерию насилу из грязи вытащили и то от того что Ланской дал половину моего полка (Ахтырского) и половину Белорусского, чтобы помочь артиллеристам; потому что правый фланг — (кажется, два пехотных полка и два эскадрона моего Ахтырского под командою подполковника Дуванова⁴ и майора Гореткина) был отрезан и только на другой день поутру, и то посредством большого обхода, соединился с нами на половине дороги от Монтироля⁵ в Шато-Тиери, — наконец, потому что я с своим полком и брат Петр Львович Давыдов,⁶ который командовал тогда Белорусским, — мы остались последними на поле сражения и видели весь хаос, в который приведен был несчастный наш корпус по милости Сакена. Дело в том, что преследуя неприятельский корпус к Мо,⁷ — он при получении известия от Карпова⁸ (которого Наполеон, по разбитии в Шампобере Олсуфьева,⁹ выгнал из Монмирала), что неприятельские конные и пешие колонны вступили в Монмираль, вздумал, что это не неприятельская армия, а ни что более как партизан;¹⁰ это я слышал своими ушами, ночью, на обратном походе нашем из St. Jean les deux jumeaux¹¹ к Монмиралу. Это мнение увлекло его к введению в дело вдруг весь корпус, в котором впрочем вряд ли было 10 тысяч.¹² Но это еще простительно — вот что непростительно: Йорк атаковал на дороге от Ш(ато) Тиери к Мо — следственно Сакену надлежало держаться Йорка и усилить свой левый фланг, а не правый, который он усиливал всеминутно в деревушке, кажется, *Vondoeuvres*¹³ и который остался отрезанным, когда прорвали центр наш у *Lepine aux bois*.¹⁴

По мнению моему Сакен тут так виноват, что нет оправдания, и я не знаю, как вы, любезный друг, его выпутаете из сетей, — а представить дело как оно было нельзя; не позволят.¹⁵

Я было хотел на этой почте прислать вам две статьи для Смирдина, но отлагаю это до будущей почты, ибо вторую не успел кончить. Итак, простите, любезнейший Александр Иванович, до свидания в генваре

Преданный вам душою

Денис Давыдов

Р. S. я получил от Карлгофа¹⁶ письмо. Он просит от меня статьи в альманахах «Сын».¹⁷ Я с радостью дал ему бы эту статью, — но у меня все похитил Смирдин. Разве написать нарочно? Да занят много: польская война губит много времени.¹⁸ Однако постараюсь без означения срока, скажите ему; да-ром, что я ему писал о том же.

Печатается по: РНБ. Ф. 859. Карт. 32. Ед. хр. 28. Л. 3—4.

¹ Программа для подготовки к вступительным экзаменам в Императорское училище правоведения второго сына Давыдова.

² 11 февраля 1814 года Наполеон разбил под Монмиралем русский корпус Остен-Сакена (с частью прусского корпуса Йорка), неосмотрительно поспешившего на помощь генералу З. Д. Олсуфьеву, который 10 февраля под Шампобером (Champaubert) принял неравный бой против всей армии Наполеона и попал в плен.

³ разгром (фр.)

⁴ Василий Никифорович Дуванов.

⁵ Монтюрель (Monthurel) — деревня в 8 км от Шато-Тьерри.

⁶ Петр Львович Давыдов (1777—1842) — генерал-майор, тайный советник, двоюродный брат Давыдова.

⁷ Мо (Meaux) — небольшой город в департаменте Сена-и-Марна, восточнее Парижа, на реке Марне.

⁸ Карпов Аким Акимович (1762, 1764 или 1767—1837 или 1838) — генерал-лейтенант, начальник отряда Донской казачьей артиллерии.

⁹ Олсуфьев Захар Дмитриевич (1773—1835) — генерал-лейтенант. В заграничном походе 1813—1814 годов командовал 9-м пехотным корпусом. Под Шампобером был окружен превосходящими силами французов, ранен в штыковом бою, взят в плен и представлен Наполеону. Из плена был освобожден через несколько недель после взятия союзными войсками Парижа.

¹⁰ Блюхер, предполагая, что имеет дело с отдельным французским корпусом, приказал Остен-Сакену и Йорку соединиться в Монмирале и разгромить противника. Однако Остен-Сакен 9 февраля двинулся из Монмирала в Лаферте, а когда вернулся назад — натолкнулся на Наполеона, предугадывшего соединение армий союзников (ср.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание похода во Франции в 1814 году. Ч. I. С. 177—178).

¹¹ Saint-Jean-les-Deux-Jumeaux — поселок в департаменте Сена-и-Марна в 35 км от Монмирала.

¹² В корпусе Остен-Сакена находилось на тот момент 14 тысяч человек, в корпусе Йорка — 18 тысяч.

¹³ Возможно, Давыдов все-таки ошибался, поскольку поселок Vandoeuvres находился далеко от Монмирала (около 100 км).

¹⁴ L'Épine-aux-Bois — деревня вблизи Монмирала (ныне входит в состав кантона Шарли-сюр-Марн (Charly-sur-Marne)).

¹⁵ Михайловский-Данилевский обходил «молчанием темные пятна, коими, к сожалению, изобразится всякое великое событие, умалчивая также о подробностях, коих невозможно было мне высказать по разным обстоятельствам» (цит. по: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 208—209). Историк в данном случае предоставил решение вопроса на суд читателей, максимально предупредив возможные нападки по поводу безрассудного поступка Сакена, «решительного» и «ревностного в исполнении повелений», данных ему Блюхером (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание похода во Франции в 1814 году. Ч. I. С. 184—185).

¹⁶ Карлгоф Вильгельм Иванович (1799—1841) — генерал-майор, писатель и переводчик, попечитель Одесского учебного округа.

¹⁷ Очевидно, Давыдов имеет в виду альманах «Сын отечества» Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча. К середине 1830-х годов альманах не выдерживал конкуренции с другими журналами, тираж упал до 400 экземпляров. Карлгоф, как следует из письма, помогал Булгарину привлекать знаменитых авторов. А. Воейков в «Доме сумасшедших» дал сатирический портрет Карлгофа, отражающий данную ситуацию:

Вот кадетом заклеянный
 Меценат К(арлго)ф, поэт,
 В общем мненьи зачерненный
 И Флюгарина клеветет.

(Поэты 1790—1810-х годов / Сост., вступ. статья и прим. Ю. М. Лотмана и М. Г. Альтшулера. Л., 1971. С. 805 (Библиотека поэта; Большая сер.)).

¹⁸ Давыдов в 1835—1836 годах занимался составлением истории войны с Польшей (1830—1831), последней, в которой он принимал участие. Она была опубликована в 1872 году в журнале «Русская старина»: «Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года».

14

22 декабря. — 1835 года. — Маза

Сейчас прочитал я в приказах о производстве вашем, любезнейший друг Александр Иванович, и спешу вас от всей души моей поздравить. Пора, пора и пора, — только жаль, что производство это сопрягается с назначением в сенаторы.¹ Рано еще вам менять поприще суда божия на поприще суда человеческого. Впрочем, сенаторство не мешает взмаху сабли, когда нужда потребует. Была бы только гроза, — зачернулась бы только туча на горизонте, и мы явимся и как Алкионы² выпечатаемся белым пятном на черной туче. За нами дело не станет, да то плохо, что грозы-то не предвидится. Как не пожалеть о нашей общей потере, о благодетеле нашем Наполеоне! Этот добрый человек не оставлял нас в тоске тунеядства. Ныне век болтунов; все болтает и на кафедрах, и в газетах, и в гостиных, и что из того проку? Бороды вместо бакенбардов, длинные ногти и золотые очки на носу! — Нам не для чего задирать других. Слава богу! одной рукою хватаемся за Северный мыс,³ другою — за Арарат,⁴ а ступней — в середине Европы; хоть бы нас задрали! да кому? Европа в халате, без порток, ест, пьет и сплетничает; ей тесен мундир и каска в тягость! И так видно нам с вами долго — а, может быть, и никогда уже не жить нашей истинной жизнью!

Я 2-го января выезжаю отсюда в Москву. В Москве пробуду дни три и поскачу в Петербург на несколько дней. Первой мой выезд будет к вам, — или лучше сказать, только что приеду, сейчас дам вам знать о моем приезде.⁵ Я нетерпелив обнять вас и поблагодарить за вашу милую, благодетельную дружбу, ибо есть дружбы разного рода.

Я полагаю, что вы уже получили посылку мою с двумя статьями для Смирдина. Пожалуйста, не щадите его и при отдаче ему статей тут же отберите от него статьи общественного блага, т. е. деньги. 2000⁶ — не могут быть нигде лишними, особенно в Петербурге.

Я с собою привезу еще одну статью, довольно любопытную; это занятие мною Дрездена. За нее я дешево не возьму, да ведает о том Смирдин и Комп(ания),⁷ ибо эта статья из партизанского дневника моего.⁸ Во мне возникла довольно оригинальная мысль года два тому назад: я вздумал все выдаваемые мною деньги за сочинения мои употреблять на прибавку жалованний учителям и на покупку книг детям моим, — а так как вояж, предпринимаемый мною теперь собственно для старшего моего сына, которого я намерен отдать в 1837 году в Институт Путей Сообщения, то на эту поездку я употребляю деньги из этой суммы. Мне хочется, чтоб в совершенном возрасте сыновей моих, они знали, что на воспитание их употреблены были не одни деньги пшеничные, но и те, которые я приобретал головою. Это может быть послужит им примером, — ибо хороший пример действительнее всякого словесного наставления.

Что вам более писать из глухих степей наших? У нас вьюги да метели, и все тут, — и так простите до свидания.

Преданный вам душою

Денис Давыдов

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 142—142 об.

Первые: Русская старина. 1893. Т. 77. С. 255—256.

¹ 6 декабря 1835 года Михайловский-Данилевский произведен в генерал-лейтенанты с назначением присутствовать в Сенате, а 9 декабря назначен председателем Военно-цензурного комитета.

² Алкион (Алкиона) (греч. «зимородок») — одна из плеяд, возлюбленная Посейдона, превращенная в зимородка, защитница моряков от плохой погоды (см.: *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / Пер. с англ. К. П. Лукьяненко; Под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. М., 1992. С. 124—125).

³ Северный мыс (Норд Кап; North Cape) — самая северная точка Европы, мыс на острове Магерё на севере Норвегии.

⁴ Арарат условно отделял Европу от Азии, однако после русско-турецкой войны 1876—1877 годов граница Российской империи с Турцией проходила именно по вершине этой горы.

⁵ Давыдов прибыл в Петербург 20 января 1836 года, о чем сообщил в письме к жене (см.: РГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 66).

⁶ Далее у Давыдова следует знак рубля — сокращение в скорописи слова «рубль», которое использовалось со второй половины XVII века до второй половины XIX века и представляло собой лигатуру, сочетание надстрочных букв «р» и «у». Со временем эта лигатура утратила свое первоначальное значение и к концу XVIII века превратилась в самостоятельный символ, соседствуя с современными буквами. Такой же знак рубля встречается в письме 20.

⁷ Журнал «Библиотека для чтения» был задуман О. И. Сенковским, привлечшим к его изданию А. Ф. Смирдина.

⁸ Статью «Занятие Дрездена» Давыдов передал Пушкину, предпочтя его приглашение участвовать в журнале «Современник».

15

25-го марта 1836 (года)
Симбирской губернии) Сызранского
уезда С(ело) Маза
отв(ечал) 16 Апреля¹

Начинаю поздравлением вам, любезнейший друг Александр Иванович, с Владимиром Вторым, а еще более с Рескриптом самым лестнейшим для военного писателя;² — Этот рескрипт тронул меня неизъяснимо и относительно к вам и относительно к общей пользы. Если при нашем Императоре Россия останется неподвижною в умственных произведениях, то она никогда не двинется вперед. Посмотрите, кому нет поощрения? военным за военные сочинения, фабрикантам за улучшение произведений, литераторам, стихотворцам, купцам — всем награды, только, чтобы они истинно достойны были наград, и Император ни минуты не колеблется. Когда это у нас было видимо? разве при Петре и при Екатерине — но при первом я не был, а при второй я был ребенком и следственно не помню, что происходило в ее царствование.³ Обращаясь к данному вам рескрипту, я не могу довольно не радоваться вашею радостью; надеюсь, что вы словам моим поверите: дружба наша не с вчерашнего дня, следовательно, я не могу душевно не разделить всего того, что с вами случается приятного и счастливого.

В бытность мою в Петербурге я доставил Смирдину последние две статьи, на которые я подрядился, и получил от него всю сумму сполна. Теперь дело в том, что он хочет печатать все ему проданные мною статьи, — особливо, — в одной книжке.⁴ Возьмите на себя труд послать за ним или увидеть

его и объявить ему, что я вам препоручил иметь надзор за тем, чтобы статьи эти не прежде поступили бы в печать, как по исправлении их мною, потому что я не хочу их видеть так искаженными, как они были в «Библиотеке».⁵ Эту оговорку он уже знает, но я нахожу нужным еще повторить ее через вас. Г-н Сенковский довольно поковеркал их, надо и честь знать.

Прошу вас сделать это, — и сверх того прошу вас убедительнейше точно не допускать к печатанию сих статей без моей поправки; эту услугу я почти дружеской услугою. Вы уже для сына моего старались; эти статьи так же дети мои; оградите их от посярбления. Напишите об этом мне хотя два слова, без того я не буду покоен.

Я выехал из Москвы на третьей неделе поста⁶ и думал еще доехать хорошо до моей Мазы, вместо того я измучился, то плыл, то полз по голой земле, то проваливался в зажоры,⁷ в которых сидел по часам, наконец, насилу добрался сюда 15-го марта.

Если увидите Графа Карла Федоровича,⁸ скажите ему мое глубочайшее почтение и будьте уверены, что я навеки веков

вам душою преданный

Денис Давыдов

Р. S. Когда выйдет в свет ваша Кампания 1814 года,⁹ то надеюсь, что меня не забудете, а я с своей стороны доставлю вам несколько неизвестных документов для 1812 года.

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 1—2.

¹ Помета Михайловского-Данилевского. На обороте письма: «прочит(ал) 16 апре(ля)».

² В начале 1836 года Михайловского-Данилевского наградили орденами Св. Владимира 2-й степени и Св. Георгия 4-й степени. Рескриптом от 24 февраля 1836 года ему было высочайше повелено составить описание Отечественной войны 1812 года.

³ Петр I царствовал с 1682 по 1725 год, Екатерина II — с 1762 по 1796-й. Когда умерла императрица, Давыдову уже исполнилось 12 лет.

⁴ В феврале 1836 года Смирдин также предложил Давыдову переиздать сборник его «Стихотворений» (1832). См. письмо к жене от 24 февраля 1836 года: РГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 66. А позднее — выпустить и собрание его сочинений. Сборник стихотворений был сдан Смирдиным в цензурный комитет 20 марта 1837 года (см.: РГИА. Ф. 777. Ед. хр. 31. Л. 14 об.—15), а рукопись «Собрания» в трех частях в конце этого же года. Однако книга не успела выйти в свет при жизни Давыдова. «Сочинения в стихах и в прозе Дениса Давыдова» Смирдин выпустил только в 1840 году, которые в 1848-м переиздал его сын.

⁵ В журнале «Библиотека для чтения».

⁶ Пасха в 1836 году была 29 марта, следовательно Давыдов выехал в Мазу в начале марта. В письме к Пушкину от 2 марта этого года сохранилось достоверное указание на точную дату отъезда: «Я сегодня еду отсюда в мои степи» (*Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 88).

⁷ Зажор — скопление рыхлого льда в виде плотной спрессованной крошки (шуга, небольшие льдинки) в русле, ограничивающее течение реки.

⁸ К. Ф. Толь.

⁹ Книга Михайловского-Данилевского «Описание похода во Францию в 1814 году».

3 мая 1836 (года)¹

Симб(ирской) губ(ернии) Сызран(ского) уезда. С(ело) Маза

Письмо ваше, любезный Александр Иванович, от 17-го апреля я третьего дня получил. Повторяю вам, — готов всеми силами помогать вам в труде вашем доставлением всего того, что у меня и в памяти, и в портфеле. Начиная присылкою вам двух моих брошюр: 1-я — «Замечания на некрологи Раевского»;² 2-я — «Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона»,³ диктованных Гурго⁴ на острове Св. Елены. О последней говорено было в «*Revue Encyclopédique*»,⁵ где, между прочим, сказано: «..... là fut

toute la faute (le séjour trop prolongé à Moscou), de là vinrent tous les désastres de notre armée et le témoignage d'un écrivain russe, qui se montre aussi impartial que zélé pour la gloire de son pays, devra être d'un grand poids aux yeux de l'histoire. Mr. Davidoff, nous aimons à le reconnaître, a conservé dans cette discussion toute la décence et la dignité que l'on pouvait attendre d'un homme digne d'apprécier le mérite militaire, et que son esprit et ses talents ont rendu aussi célèbre dans la société que sur les champs de bataille. «Soldat lui-même, il a respecté», dit-il, «la gloire du premier soldat de tous les siècles et la mémoire de celui que quelques-uns de ses anciens serviteurs, de ceux même qu'il avait comblés de bienfaits, ont eu plus d'une fois la lâcheté d'insulter et de calomnier».⁶

В этих двух брошюрках вы найдете кой-что немало интересного относительно к Отечественной войне.

Первую я посылаю вам для того, что в ней находятся некоторые опровержения сказаниям Бутурлина.⁷ Они писаны были самим Раевским⁸ и им самим были ко мне присланы еще в 1817-м году. Последняя — не полна; у меня был экземпляр в рукописи полнее, т. е. с большим числом документов, опровергающих слова Наполеона, но тетрадь эта у Смирдина, имеющего намерение поместить эту статью в книге, в которой он поместит все отдельные статьи мои.⁹

Партизанский дневник мой¹⁰ я прежде зимы не могу вам доставить; он много измаран; надо будет переписать его. К этому времени я надеюсь выдать четвертое издание «Опыта теории партизанского действия»;¹¹ оно вылиты в другую форму и много исправлено по совету знающих свое дело военных людей, — между прочим незабвенного Бурцова, убитого за Арцрумом и обещавшего нам отличного полководца.¹² В этом «Опыте» будет вся сущность партизанского искусства для русских войск.

Наконец, пришлю вам и обещанные мною документы, только с тем, чтобы никто не знал, что вы их от меня имеете. Сверх того, не только даю вам право, но прошу вас не щадить меня вопросами о подробностях каждого случая, события и обстоятельства этого бессмертного похода. Я много знаю и вряд ли не более многих, а для узнания того, что я не знаю, укажу вам на знающего. Словом, прошу располагать мною по вашей воле и желанию; я ваш батрак от всей души. Более писать некогда; почта не ждет, пора печатать письмо; обнимаю вас

Денис Давыдов

Печатается по: РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 13—14.

Впервые: Сочинения Дениса Васильевича Давыдова: В 3 т. СПб., 1893. Т. 3. С. 219—221.

¹ Письмо зарегистрировано Михайловским-Данилевским в реестре входящих писем 1836 года, относящихся к материалам для книги по истории Отечественной войны 1812 года (см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 3379. Л. 386).

² Давыдов Д. В. Замечания на некрологию Н. Н. Раевского, изданную при «Инвалиде» 1829 года, с прибавлением собственных записок на некоторые события войны 1812 года, в коих он участвовал. М., 1832.

³ Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона, Денисом Давыдовым. М., 1825.

⁴ Гурго Гаспар (Gourgau Gaspard; 1783—1852) — французский генерал, с 1811 года ординарец при Наполеоне, сопровождал его на остров Св. Елены, где прожил три года. Написал «Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène» (8 t. Paris, 1822—1825).

⁵ «Revue Encyclopédique» (Энциклопедическое обозрение) — периодическое издание, выходившее в Париже в 1819—1835 годах и заключавшее в себе обширный отдел иностранной корреспонденции.

⁶ Revue Encyclopédique. 1828. Т. XXXVII. P. 450. «В этом заключалась вся ошибка (слишком продолжительное пребывание в Москве), отсюда все бедствия нашей армии, а свидетельство русского писателя, который является настолько же беспристрастным, насколько и ревност-

ным к славе своей страны, должно иметь большое значение в глазах истории. Мы считаем приятным своим долгом признать, что Давыдов в этом разборе сохранил все приличие и достоинство, какого можно было ожидать от человека, способного оценить военные заслуги, и который, благодаря своему уму и талантам, сделался настолько же известным в обществе, как и на полях битвы. „Будучи сам солдатом, — говорит Давыдов, — он не переставал отдавать справедливость первому солдату веков и мира и уважать память того, который вызывал неоднократные бесстыдные нарекания и малодушные оскорбления некоторых своих прежних сослуживцев и даже людей, осыпанных его благодеяниями” (Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Т. 3. С. 219—220).

⁷ Бутурлин Дмитрий Петрович (1790—1849) — русский военный историк, генерал-майор, сенатор, член Государственного совета. Имеется в виду его сочинение «История нашествия императора Наполеона в 1812 году» (СПб., 1823—1824).

⁸ Раевский Николай Николаевич (1771—1829) — русский полководец, герой Отечественной войны 1812 года, генерал от кавалерии (1813).

⁹ Сочинения в стихах и в прозе Дениса Давыдова: В 3 ч. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1840.

¹⁰ Отрывки из «Дневника партизанских действий 1812 года» были опубликованы в «Отечественных записках» (см. прим. 23 вступ. статьи) и посмертно в «Сыне отечества» (1840. Т. 2. С. 67—97). Они вошли в «Сочинения в стихах и в прозе Дениса Давыдова» (Ч. 3. С. 137—170) под названием «Отрывки из партизанского дневника». Впервые полностью опубликованы в кн.: Сочинения Дениса Васильевича Давыдова: В 3 ч. 4-е изд., испр. и доп. По рукописям автора. СПб., 1860. Ч. 1. С. 3—188.

¹¹ Ранее это замечание расценивалось как «ошибка автора: в печати известны только два издания „Опыта теории партизанского действия” 1821 и 1822 годов» (Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. С. 220). Существовало еще одно издание «Опыта», о котором стало известно благодаря недавнему исследованию О. В. Ассиной «„Опыт теории партизанского действия” Дениса Давыдова в библиотеке А. П. Ермолова (к истории публикации текста)» (см.: Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета. М., 1997. С. 169—182). В 1821 году Давыдов выпустил книгу дважды: в начале лета (цензурное разрешение получено 4 апреля) и в конце года (дозволено к печати 31 октября). Первое издание не дошло до читателя, о чем позаботился сам автор, а срочная доработка была вызвана критикой друзей, которым Давыдов успел отправить ее первые экземпляры (А. А. Закревскому, П. Д. Киселеву, А. П. Ермолову). Издание, считающееся первым, на самом деле является переизданием, вышедшим на полгода позже. Последний вариант «Опыта теории партизанского действия» подготовленный Давыдовым в 1836 году (РГВИА. Ф. 194. Ед. хр. 14), не был опубликован, возможно, по причине постоянных притеснений цензурой его статей. В «Сочинениях» 1860 года напечатан более ранний вариант «Опыта», к тому же подправленный издателем.

¹² Бурцов Иван Григорьевич (1794—1829) — генерал-майор, участник войн 1812—1815 годов. В марте 1819 года, будучи уже в чине штабс-капитана, был переведен в лейб-гвардии Московский полк с назначением адъютантом к начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву, квартировавшейся в Тульчине, где и познакомился с Давыдовым. За участие в событиях 1825 года был заключен в крепость, а затем отправлен на службу в Грузию, где служил при графе И. Ф. Паскевиче. Стал одним из важнейших сподвижников графа. Бурцов был убит в Турецкую войну в сражении под Бейбутом в 1829 году. Об этой потере для русской армии сожалели многие. См. об этом, а также о роли Бурцова в развитии декабристского движения в кн.: *Ениколопов И. Грибоедов в Грузии*. Тбилиси, 1954. С. 66—68. Давыдов, упомянув о ценных советах Бурцова относительно его книги, имел в виду письмо Ивана Григорьевича от 5 октября 1821 года, благодаря которому тогда же успел внести в «Опыт» существенные дополнения. См.: *Кощенко И. В.* К истории создания «Опыта теории партизанского действия» Д. В. Давыдова (в печати).

17

14 сентября. <1836 года>. Москва
Пречистенка, соб<ственный> дом¹

Любезнейший друг Александр Иванович! Только и имею время уведомить тебя, что по приезде моем в Москву все препоручения твои относительно Орлова² и Раевского³ я выполнил. Последний писал в киевскую свою деревню, чтобы немедленно выслали к нему все письма и бумаги Н. Н.,⁴ а первый обещался в коротком времени дать тебе ответы на вопросы твои. Я беру на себя подстрекать его к этому.

Теперь пишу мало, потому что некогда, на будущей буду писать более. Обнимаю тебя.

Преданный Денис Давыдов

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 5.

¹ Давыдов приобрел огромный дом в 1835 году (сохранился до наших дней; ныне Пречистенка, 17). С историей дома связано появление одного из стихотворений Дениса Васильевича — «Челобитная». Осознав, что содержать такое здание семье не по силам, он хотел продать его московским властям, подыскивавшим усадьбу в центре Москвы для обер-полицейского. В стихотворении Давыдов обращается к директору Комиссии для строений Москвы А. А. Башилову с просьбой купить в казну его дом. Стихотворение было опубликовано Пушкиным (с согласия Давыдова), очевидно, после расстройства сделки (Современник. 1836. № 3).

² Орлов Михаил Федорович (1788—1842) — генерал-майор, флигель-адъютант Александра I (1812). В 1814 году вел переговоры о капитуляции Парижа и подписал выработанные условия. Активный член «Союза благоденствия», Южного общества. После восстания декабристов был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Благодаря заступничеству брата, А. Ф. Орлова, не понес тяжелого наказания, а был отставлен от службы и сослан в свою деревню Милытино Масальского уезда Калужской губернии, где жил под надзором полиции.

³ Раевский Николай Николаевич (1801—1843) — сын генерала Н. Н. Раевского, генерал-лейтенант, участник Наполеоновских войн и Кавказских походов.

⁴ После отставки 14 марта 1833 года Н. Раевский жил в Крыму, в своем поместье Тессели, бывая наездами в Москве. Выполняя просьбу Михайловского-Данилевского, младший Раевский писал в «родовое гнездо» семьи Раевских, любимое имение его отца — село Болтышка Чигиринского уезда Киевской губернии, где хранились документы, касающиеся военной деятельности генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского, умершего в 1829 году.

18

26 сентября <1836 года>. Москва

Любезнейший Александр Иванович! Я писал к Орлову о твоих вопросах, но еще не видал его лично — я уверен, что он не откажется удовлетворить твоё желание. Раевский писал уже, чтобы ему прислали бумаги отцовские.¹ Горчаков² — как я вижу по газетам, приехал в Москву. Ермолова³ на днях ждут туда же — и я намерен через две недели переехать из деревни в город;⁴ следственно — авосли, бог даст, к концу октября ты будешь иметь ответы на все вопросы, тобой мне данные.

Ради бога не спеши, не взирая на требования от тебя поспешности. Это не такое дело, чтобы спешить. Ты пишешь историю великого 1812 года,⁵ и пишешь ее на фактах, а не по ветру. Тебе надо отыскивать документы, сличать, соображать и извлекать из всего этого хотя приблизительную истину. Документы же у нас, иногда самые важные, не в руках правительства, а бог знает где валяются, — или гниют под спудом!⁶

Ты меня познакомил, кажется, с Висковатовым, трудолюбивым и умным писателем.⁷ Уведомь, как его имя и отчество, и где его жилище в Петербурге. Как ты думаешь? могу ли я иногда прибегать к нему с просьбами о справках по разным предметам военным? Например: теперь мне нужно следующее:

1. Новое образование армии нашей после Австерлица, на дивизии и бригады.

Я помню, что в нашей 11-й дивизии, которою командовал Милорадович,⁸ в 1806-м году были и гренадеры, и кирасиры, и драгуны, и казаки, и разного рода артиллерии. — Так ли все дивизии образованы были? Мне хотелось бы иметь сведения также, по сколько баталионов было тогда в пехотном полку и как сильны были роты и баталионы числом людей.

2. Сколько тысяч войск было в резервах действующей армии 1807 года при заключении мира в Тильзите, и где эти резервы размещены были.⁹

3. Во сколько сот тысяч была милиция и где она формировалась.

Сделай милость, если тебе есть время — удовлетвори мою просьбу или попроси о том Висковатова. — И познакомь меня с ним поближе, попрося у него позволение от меня к нему адресоваться в случае нужды. Прости, более писать некогда, ждут моего письма, чтобы ехать на почту.

Преданный Денис Давыдов

26 сентября

Пиши в Москву в собственный дом на Пречистенку.

Печатается по: РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 16—16 об.

¹ См. письмо 17.

² Андрей Иванович Горчаков владел селом Дарици, ныне Новодеревеньковского района Орловской области.

³ После вынужденной отставки в марте 1827 года Алексей Петрович Ермолов окончательно удалился от дел. Последние годы жизни проводил в своем орловском имении, в подмосковном имении Осоргине и в Москве. Несмотря на ясно выраженную монаршую немилость, он оставался общественнозначимой фигурой и был своеобразным «вдохновителем» Давыдова.

⁴ Из подмосковного имения Мышецкого в Москву, в дом на Пречистенке.

⁵ Работа по составлению, внесению исправлений и сокращению «Описания Отечественной войны в 1812 году» продолжалась три года: с февраля 1836-го по январь 1839 года (см.: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 206—208).

⁶ Трудно предположить, что Давыдов не знал о том, что вся документация о войне хранится в архиве военного ведомства в относительном порядке. «Бог знает где» валялись записки многих участников войны, способных выстроить контрверсию. Давыдов беспокоится именно о них. Он осознавал, что составление фундаментальной истории 1812—1814 годов на основании этого колоссального комплекса материалов неминуемо приведет к умалению его роли, даже вне зависимости от стараний его и других авторов.

⁷ Висковатов Александр Васильевич (1804—1858) — генерал-майор, русский военный историк. В 1834—1842 годах издал 20-томную «Хронику российской армии», содержащую описание истории всех армейских частей, участвовал в составлении «Энциклопедического лексикона» А. А. Плюшара и «Военно-энциклопедического лексикона» Л. И. Зедделера, публиковал истории полков, писал биографии для выпусков «Военной галереи Зимнего дворца» (Т. 1—6; после смерти Михайловского-Данилевского стал редактором этого издания). Современники видели в нем «живую летопись нашей военной истории» и вспоминали, что «со всеми, кто обращался к нему, он делился своими сведениями с безграничной готовностью и радушием, бескорыстно исписывая листы и тетради то справок, то связанного изложения» (Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. VI. С. 412).

⁸ Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825), гр. — генерал от инфантерии, генерал-губернатор Санкт-Петербурга (1818). В русско-турецкой войне 1806—1812 годов — командир корпуса, который 13 декабря 1806 года освободил от турок Бухарест, в 1807-м нанес поражение туркам при Турбате и Обилешти.

⁹ Эти сведения были необходимы Давыдову для работы над статьей «Тильзит в 1807 году. Отрывок из моих военных записок» (опубл.: Сто русских литераторов. СПб., 1839. Т. 1. С. 99—137).

19

1 октября (1836 года). Москва
Пречистенка. Собственный дом

Спешу уведомить тебя, друг любезнейший Александр Иванович — что я с Алексеем Петровичем Ермоловым виделся короткое только время, но все успел на два пункта узнать столько, чтобы удовлетворить тебя в твоём требовании. Вам его ответы:

1. Горчаков¹ оставил место от недоразумения. Князь Багратион сказал ему: *вы останетесь тут, пока ночью вас сменит Тучков* (Николай Алексеевич), *а утром вы выступите*. Ни ночью, ни утром рано Тучков не успел прибыть на это место, а Горчаков, держась буквального поведения, чтобы утром выступить, выступил, не дождавшись его. — Вот вся штука. Тут более глупости, чем нерадения.² О пакете, присланном под Вязмою Светлей-

шему от Милорадовича — в пакете, в котором не было донесения, Ал(ексей) Петр(ович) полагает, что это сделано было от торопливости, и что забыли положить туда донесение;³ впрочем, говорит он, — я об этом не знал и теперь впервые о том слышу. В следующем письме опишу тебе отображение обратно Раевского редута Ермоловым.⁴ Он вчера в первый раз мне рассказывал о том в подробности.

2. Не сделаешь ли ты и для истории твоей и для дружбы моей полезное дело? Не приедешь ли сюда в начале ноября, когда здесь будет царская фамилия? Ты мог бы здесь многое почерпнуть для твоего сочинения — а мне бы дал удовольствие с тобой видеться — что тебе стоит употребить на это хоть недели две?

Преданный тебе

Денис Давыдов

Печатается по: РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 17—18.

¹ Андрей Иванович Горчаков.

² Этот эпизод в истории отступления русских войск из-под Смоленска подробно описан в «Записках генерала Ермолова в Отечественную войну 1812» (см.: Записки Алексея Петровича Ермолова. С приложениями. М., 1865. Ч. 1 (1801—1812). С. 170—171).

³ Имеется в виду сражение под Вязьмой 22 октября 1812 года авангарда русской армии под командованием генерала М. А. Милорадовича и донского атамана М. И. Платова с французской армией. От полного разгрома французов спасло отсутствие на поле боя основных сил русской армии, которая не попала туда по недоразумению. Текст с донесением Милорадовича об атаке Вязьмы забыли впопыхах вложить в конверт, который пришел в штаб Кутузова пустым. Подобная оплошность не позволила кутузовской армии подоспеть к Вяземскому сражению.

⁴ Это письмо Давыдова в архивохранилищах не обнаружено. Речь здесь идет о следующем эпизоде Бородинского сражения. После нескольких ожесточенных атак значительная часть наполеоновской армии овладела центральным курганом, где располагалась батарея Н. Н. Раевского. Но русские войска, не дав противнику закрепиться на этом опорном пункте, перешли в контратаку. 3-й батальон Уфимского полка во главе с генералом А. П. Ермоловым, поддержанный егерскими полками Н. В. Вуича, атаковал с фронта. Во фланги врагу ударили пехотная дивизия И. В. Васильчикова (слева) и пехотная дивизия И. Ф. Паскевича (справа). Стремительная атака заставила французов отступить. В этом бою Ермолов был ранен и позднее награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

20

5-го ноября (1836 года). Москва

Отвечал 10 ноября¹

Почтеннейший и милый друг Александр Иванович! Сейчас прочел в газетах объявление о продаже славного вашего произведения.² Мог бы сей час же послать 25 [рублей] в книжную лавку и взять это произведение, — но я хочу его иметь от самого сочинителя с надписью руки его: *Денису Давыдову*, и потому напоминаю вам, любезнейший друг, и о себе, и о вашем обещании.

Что касается до меня, то я теперь переселился совсем в Москву и живу в собственном доме на Пречистенке. Занятия мои все те же — пишу и читаю. Теперь я исправляю мой «Опыт Партизанского действия», который думаю скоро кончить.

Когда нужны вам будут некоторые документы о моих действиях в 1812 году, то уведомите, я немедленно вышлю вам «Дневник»³ мой, требующий большой поправки, если б я вздумал его печатать, но как собрание документов — очень достаточен. Обнимаю вас от души.

Денис Давыдов

Печатается по: ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 3.

¹ Помета Михайловского-Данилевского.

² Имеется в виду «Описание похода во Франции в 1814 году».

³ «Дневник партизанских действий 1812 года».

21

17-го нояб(ря) <1836 года>. Москва
Соб(ственный) дом. Пречистенка
отв(ечал) нояб(ря) 25¹

Благодарю вас, любезный друг Александр Иванович, за письмо, за записку при критике *Полководца*² и еще более за посылку *Обозрения*³ вашего. Я еще не получил экземпляра, вами ко мне посланный, но надеюсь получить из моей Мазы, по расчету моему, около 1-го декабря; пока я пользуюсь принадлежащим экземпляром одному из моих приятелей. Я его получил вчера и потому только что в половине 1-го тома,⁴ следовательно, не могу еще, по желанию вашему, доставить вам никаких моих замечаний.⁵ Скажу вам только, что радуюсь как русский и как человек, вас давно любящий, что вы даром не убиваете время досугов и, сойдя с поля брани, продолжаете громить врагов России, оспаривающих ее подвиги и славу. Хвала вам!

При сем посылаю вам мой «Дневник» партизанский, дурно переписанный и не менее дурно составленный; я на днях принимаюсь за переделку одного от доски до доски, но так как вам надо одни документы, то он может служить вам и пером вашим обессмертить меня. Сделайте одолжение: не давайте эту рукопись никому в руки; я поручаю ее другу-товарищу, на скромность которого надеюсь, как на мою собственную; я уверен также, что по извлечении из нее всего вам нужного, вы ее возвратите мне немедленно.

Теперь прибегаю с просьбою: вам известно, что в бытность мою в Петербурге⁶ я записал кандидатом в училище Правоведения второго сына моего Николая и сам видел его имя в списке кандидатов 13-м; теперь приятель мой, прибывший из Петербурга и интересующийся во всем, что до меня касается, заезжал в училище пред отъездом своим и видел собственными глазами имя сына моего 21-м. Как же это случилось в училище, коего главная цель состоит в образовании детей и юношей к познанию законов правосудия? Прошу вас не показывать этого письма никому, но очень обязали бы вы меня, если б узнали о том достоверно — и если правда, то собственно от себя поговорили бы о том Г-ну Пошману;⁷ я уверен, что это не от него происходит, ибо благородство его мне давно известно. Жду на этот счет ответа вашего с нетерпением и авосли получу ответ удовлетворительный, что сын мой идет *наступательно*, а не *отступательно*.

Преданный вам душою

Денис Давыдов

Печатается по: РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 11—12.

¹ Помета Михайловского-Данилевского.

² Возможно, речь идет о статье Давыдова «Встреча с Великим Суворовым» (см. письмо 11).

³ Имеется в виду книга «Описание похода во Франции в 1814 году»; в письме к Пушкину, Давыдов также называет эту книгу «обозрением 1814 года» (см. прим. 5).

⁴ Книга вышла в двух частях.

⁵ Менее чем через неделю, 23 ноября 1836 года, в письме к Пушкину Давыдов довольно обстоятельно поделится своим впечатлением от книги: «...я *обозрением* его 1814 года довольно доволен. Присшествия изложены ясно, есть в нем документы неизвестные; конечно, ни одно выражение *не берет на штыки* читателя, зато всё сочинение проникнуто теплою любовью к России, что для меня варвара, человека без примеси русского, бог знает как усладительно, особенно при на-

стоящем духе Общего Гражданства, разливаемого нашими школьниками-Ликургами с очками на носу и в батистовых рубашках. Но неужели нельзя хвалить русское войско без порицания Наполеона? Порицание это причиною того, что всё сочинение отзывается более временем 1812 года, словом Сергея Глинки — когда ненависть к посягателю на честь и существование нашей родины внушала нам одни ругательства на него, — чем нашим временем, когда забыта уже вражда к нему и гений его оценен бесспорно и торжественно» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 194).

⁶ Январь-февраль 1836 года.

⁷ Пошман Семен Антонович (1788—1848) — статский советник, первый директор Училища правоведения.

22

9-го июня <1837 года>. Мышецкое¹
отв<ечал> 4 июля²

Давно я не писал к вам, любезнейший друг Александр Иванович, и думаю, что хорошо сделал: грех теперь всякому Русскому отрывать вас от ваших священных занятий на что другое, кроме 1812 года. Меня уверяют, что вы имеете самые любопытные материалы и документы для истории этого похода; но полна ли эта коллекция? Все ли вам доставлено? Например: есть ли у Вас письмо Графа Ф. В. Растопчина³ к Кн<язю> Багратиону? Это письмо от 12-го августа и получено было у Колоцкого⁴ в те минуты, как у Князя были в гостях (в авине, где был его бивуак)⁵ Василий и Дмитрий Васильевичи Ланские⁶ и я. Он нам читал это письмо. В нем Растопчин объявлял, что, если Наполеон овладеет Москвою, он найдет пепел и золу на том месте, где была древняя столица.⁷ Это, кажется, ясно. В 1815 году, когда Растопчин, бог знает отчего, вздумал слагать на других этот великий подвиг, я ему напомнил о письме его к Багратиону — он удивился, ибо совсем забыл о нем и, конечно, не привел себе на память ни письма этого, ни слов моих, когда решился писать и печатать в Париже: *La verite sur l'incendie de Moscou*.⁸

Потом: имеете ли вы письма Алексея Петровича Ермолова к покойному императору?⁹ Я полагаю, что они должны храниться у сына Барклая¹⁰ (ибо были отосланы Барклаю¹¹ покойным императором) или возвращены Барклаем Государю, — то должны находиться в секретном архиве. Я знаю содержание только двух из этих писем. В 1-м от 14 июля, Ермолов просит об единоначалии и о назначении Старшего над обоими Главнокомандующими, — или о назначении одного из них Главнокомандующим под отзыв другого.¹² Во 2-м письме от 27 июля, Ермолов не соглашается на движение к Поречью и одобряет движение на Рудню;¹³ потом снова обращается с просьбою об Единоначалии. Всех писем должно быть много,¹⁴ потому что, по Высочайшей воле, переписка продолжалась от Полоцка до приезда Кутузова.¹⁵ Сверх этих писем имеете ли вы три письма Ермолова к Багратиону,¹⁶ в которых он, с некоторого роду угрозами потомством и проклятием Отечества, — и ласкательством и всеми утонченными изворотами ума своего, старался примирить Багратиона с Барклаем? *Первое* письмо его от 3-го июля получено Багратионом 31-го в Выдре.¹⁷ *Второе* получено 1-го августа, а *третье* получено 6-го августа на марше из Смоленска к Дорогобужу. С последних трех писем я имею копии, которые я списал с оригиналов в минуты их получения князем; они лежали до сего времени в кипах бумаг моих, и на днях только отысканы мною в Подмосковной моей, куда я на некоторое время переехал и откуда вам пишу.

Я полагаю, что Барклай, узнав о переписке Ермолова с Багратионом, но будучи в неизвестности о содержании писем их, счел переписку эту за интриги, выдвинутые на него обоими ими. Вот чем объясняется ненависть его и к Ермолову, и к Багратиону, оказывавшаяся в известном оправдательном

письме его к Императору.¹⁸ Дай бог, чтобы всегда, всюду и все интриги в армиях клонились ни к чему другому, как к примирению и к восстановлению единства в предначертаниях, независимых один от другого и один другому содействующих вождей в решительных переломах судеб Государств и Престолов! По моему мнению, этот подвиг Ермолова достоин Истории, особенно когда возьмет в уважение его неважный чин,¹⁹ его 35 лет только от роду, такую эпоху, как 1812 год, и такие обстоятельства, в каких мы были под Смоленском; не будь Ермолова, который несовершенно достиг своей цели, но много укротил гнева Ахиллеса на Агамемнона²⁰ — бог знает, что было бы еще до приезда Кутузова!

Обнимаю вас от души и надеюсь повторить это лично в августе. Я везу двух старших в Петербург для определения, одного — в Институт путей сообщения, а другого — в Училище Правоведения. Последний²¹ еще теперь в Петербурге, он выдержал Экзамен, будет принят по приезде Принца, отпущен ко мне до августа и привезен обратно мною с старшим братом своим в начале августа.²²

Преданный вам сердцем

Денис Давыдов

9-го июня

С(ело) Мышецкое — но адресуйте письма в Москву
На Пречистенку в Собствен(ный) дом.

Печатается по: РНБ. Ф. 488. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 5—6.

¹ Подмосковное имение Давыдова было куплено в 1822 году и располагалось на берегу Круглого озера (Солнечногорский район Московской области). С 1825 по 1832 год он жил здесь почти безвыездно.

² Помета Михайловского-Данилевского.

³ Ростопчин (Растопчин) Федор Васильевич (1763—1826), гр. — генерал от инфантерии, фаворит императора Павла и руководитель его внешней политики, московский градоначальник и генерал-губернатор Москвы во время наполеоновского нашествия, предполагаемый виновник Московского пожара 1812 года.

⁴ В августе 1812 года при отступлении русской армии к Москве в женском (ныне мужском) Колодком монастыре, в 22 км к западу от Можайска, несколько дней в игуменском корпусе располагался штаб Кутузова. У Колоцкого вначале была избрана позиция для генерального сражения с французами, но главнокомандующий признал ее невыгодной: в тылу у русских войск оказывалась река, которая могла стать серьезным препятствием при отступлении. Армия получила приказ отойти восточнее, к Бородину. 24 августа около стен этого монастыря Давыдов принял командование партизанским отрядом, о чем свидетельствует памятная доска на колокольне монастыря.

⁵ В примечаниях к «Дневнику партизанских действий 1812 года» Давыдов уточняет местоахождение бивуака: «Это было при Колодком монастыре, в овине, где была княжая квартира» (Давыдов Д. Сочинения. С. 527). Овин — место для просушки зерна.

⁶ Вероятно, описка Давыдова в отчестве: нужно «Сергеевичи», а не «Васильевичи». Ланской Дмитрий Сергеевич (1768—1833) — действительный тайный советник, младший брат генерал-майора Василия Сергеевича Ланского. Ланской Василий Сергеевич (1753—1831) — генерал-майор, действительный тайный советник, сенатор. В 1812 году был главноуправляющим по части продовольствия соединенных 1-й и 2-й Западных армий.

⁷ Этот эпизод также описан Давыдовым в «Дневнике партизанских действий 1812 года».

⁸ Правда о пожаре Москвы (фр.). См.: *Rostopchine Th. V. La verite sur l'incendie de Moscou*. Paris, 1823. Переиздание статьи появилось в «Сочинениях Растопчина (Графа Федора Васильевича)» (СПб., 1835). В «Описании войны в 1812 году» Михайловский-Данилевский уделил вопросу о причинах пожара большое внимание (Ч. II. С. 393—402). Обозревая различные мнения, он пришел к выводу, что Растопчин не был главным виновником пожара: он отдавал приказ о первых стратегически необходимых пожарах. Остальные вспышки объяснял «патриотическими чувствованиями Русских, или врожденному в них свойству скорее уничтожить, чем уступить» (с. 399), а также активностью «французских поджигателей», подкрепляя рассуждения свидетельствами очевидцев.

⁹ Александру I.

¹⁰ Барклай де Толли Максим Михайлович (при рожд. Эрнст Магнус; 1798—1871) — полковник и флигель-адъютант.

¹¹ Барклай де Толли Михаил Богданович (при рожд. Михаэль Андреас; 1761—1818) — генерал-фельдмаршал (1814), военный министр, князь (1815). Командовал всей русской армией

на начальном этапе Отечественной войны 1812 года, совмещая с руководством 1-й Западной армией. Несмотря на назначение Кутузова единым главнокомандующим, Барклай де Толли остался главнокомандующим 1-й Западной армии.

¹² Речь идет о будущем соединении 1-й и 2-й Западных армий, которыми командовали враждебно настроенные друг к другу Барклай де Толли и П. И. Багратион. Соединились армии 21 июля 1812 года в Смоленске. Общее командование было передано Барклау де Толли до тех пор, пока 5 августа 1812 года специальным собранный чрезвычайный комитет принял решение назначить на эту должность М. И. Голенищева-Кутузова, чью кандидатуру поддержал и царь. Как начальник штаба 1-й Западной армии, Ермолов много сделал для сглаживания отношений между Барклаем де Толли и Багратионом и для успешного соединения двух армий под Смоленском. Этот момент отмечен Давыдовым в данном письме, но проигнорирован Михайловским-Данилевским в «Описании Отечественной войны в 1812 году».

¹³ После соединения армий стоял вопрос о тактике наступления русских войск: было решено, чтобы первая армия наступала по направлению на Рудню чрез селение Приказ-Выдра. С левой ее стороны, недалеко от Днепра, проходила вторая армия. См.: Записки генерала Ермолова в Отечественную войну 1812: В 2 ч. М., 1865. Ч. 1. С. 159—163.

¹⁴ Сохранилось четыре письма Алексея Петровича царю: от 16 и 27 июля, 3 и 10 августа 1812 года. См.: Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-учебного архива Генерального штаба. СПб., 1910. Т. 14: Боевые действия в 1812 году. С. 147—148, 260—261.

¹⁵ То есть примерно полтора месяца: с начала июля (под Полоцком располагался лагерь императора) и до середины августа (прибытие Кутузова в армию состоялось 17 августа). Давыдов свидетельствует о негласном распоряжении Ермолову царя — доносить обо всех действиях своего непосредственного начальника — Барклая, что вовлекло Алексея Петровича в интриги русских военачальников друг против друга в период отступления к Москве. Несколько оправдывая положение Ермолова, он писал: «Чрезвычайные обстоятельства, в которых была в то время поставлена Россия, вынуждали Государя иметь подробные и по возможности частые известия о всем том, что происходило в армии. Уезжая из Полоцка, Государь приказал Ермолову извещать его письмами о важнейших происшествиях армии» (цит. по: Гордин Я. Ермолов: Солдат и его империя // Звезда. 2010. № 6. С. 40).

¹⁶ Четыре письма Ермолова к Багратиону хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 3572; опубли.: Записки генерала Ермолова в Отечественную войну 1812. С. 178—182).

¹⁷ Селение Приказ-Выдра располагалось недалеко от Смоленска в направлении селения Рудня.

¹⁸ В октябре 1812 — апреле 1813 года Барклай написал четыре записки Александру I, в которых попытался изложить свое видение войны и причины отступления русских армий (см.: *Тотфалушин В. П.* «Оправдательные записки» М. Б. Барклая де Толли // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 524—525; *Ивченко Л. Л.* «Оправдательные письма» М. Б. Барклая де Толли: Их влияние на отечественную историографию // Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы IX Науч. конф. Москва, 21 апреля 2006 г. М., 2006. С. 25—42).

¹⁹ С 16 марта 1808 года Ермолов значился в чине генерал-майора. За руководство войсками в бою под Лубином (19 августа 1812 года) произведен в генерал-лейтенанты.

²⁰ Имеются в виду Барклай де Толли и Багратион.

²¹ Сын Николай.

²² В августе 1837 года Давыдов привез двух сыновей в Петербург с целью устройства в учебные заведения. Николай стал воспитанником Училища правоведения. Старший сын Василий не выдержал вступительный экзамен в Институт путей сообщения и решил стать юнкером гвардейской артиллерии, что было неодобрительно встречено Давыдовым-отцом. См.: *Давыдов В. Д.* Заметки о записках моего старика-отца Дениса Давыдова. С. 399—400; *Попов М.* Новое в эпистолярном наследии поэта-партизана // Давыдов Д. Записки партизана. Стихи / Сост. В. Осокина. М., 1984. С. 281—301.

ХВАЛА ИЛИ ХУЛА

(К СПОРАМ О СТИХОТВОРЕНИИ А. С. ПУШКИНА «НАПОЛЕОН»)

У малочисленных народов настолько силен инстинкт выживания, что они всегда настороже, всегда готовы сплотиться и дать отпор. С другой стороны, этот же инстинкт выживания заставляет их с гордостью и заботой относиться к своим гениям. Видимо, России как великому многочисленному народу нужны сильные потрясения, утраты, даже поражения, чтобы осознать и почувствовать боль этих поражений и утрат. Почувствовать очень остро, но не сразу, а спустя какое-то время. Вспомним Смутное время, вспомним войну с Наполеоном, вспомним Вторую мировую войну. Поляки в Москве, французы в Москве, отдана немцам почти вся европейская часть России. Нужна была встряска, череда поражений, чтобы возник единый порыв, возникла вера в свое великое предназначение. Знаменательно, что именно Пушкин увидел эту связь между поражениями, утратами, потрясениями и грядущим величием. В стихотворении «Наполеон» 1821 года, написанном после того, как поэт узнал о кончине великого полководца, есть такие удивительные строки:

Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал...¹

«Всепрощение» Пушкина и его готовность «рукоплескать» врагу России до сих пор вызывают недоумение. Так, в упрек поэту эти строки готов был поставить А. А. Любищев, автор статьи «Понятие великого государя и Иван Грозный»: «Несмотря на слова Пушкина: „Хвала! Он русскому народу / Высокий жребий указал...“, нельзя назвать Наполеона великим деятелем по отношению к России, так как в намерения его входило не возвысить Россию, а унижить ее».²

Ошибочно также полагать, что речь идет только о великодушии победителя к побежденному, на которое способны лишь благородные души. Так считал Полевой, который, защищая Пушкина от возможных упреков, писал: «Но, может быть, не всякий обращал на них полное свое наблюдение, не всякий понял, например, то высокое благородство, с каким Пушкин приветствовал тень Наполеона. Еще до сих пор на могиле великого человека раздаются вопли близорукого мщения; мнимое усердие к отечеству до сих пор бросает еще грязью в незабываемый истукан бессмертного; до сих пор, и в стихах, и в прозе, и в истории, и в мнимо патриотических романах, Наполеона представляют нам каким-то Пугачевым или много если Тамерланом и Аттилою. А Пушкин, в самые минуты Наполеоновой кончины, смело говорил ему, угадывая голос потомства и бессмертие Наполеона».³

На такое великодушие, незлобивость и, если хотите, толерантность, был способен даже малограмотный «шмельцер», автор «Похвальных стихов русского воинства»:

Токмо наши побеждают,
Токмо школят всех врагов,

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1947. Т. 2. Кн. 1. С. 216.

² Любищев А. А. Понятие великого государя и Иван Грозный // Звезда. 1995. № 8. С. 123.

³ Полевой Н. А. «Борис Годунов». Сочинение Александра Пушкина // Полевой Н. А. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 1. С. 168—169.

А скажи пардон, прощают,
Росс всегда бывал таков.⁴

При этом, конечно, не стоит забывать: то, что дозволено в стихах, не всегда было дозволено на поле боя, и вовремя произнесенное слово «пардон» мало кого спасало. Платов с гордостью писал, что его казачки в плен не берут, а Кутузов был в ужасе от того, что творили с французами крестьяне.

Однако те две строки в пушкинском стихотворении, которые, на мой взгляд, заслуживают особого внимания, говорят нам не только о великодушии, но и о необъяснимой, казалось бы, благодарности целого народа целому народу, который принес этому народу неисчислимые бедствия. И только Пушкин обратил внимание на то, что, одолев противника, считавшегося непобедимым, и освободив завоеванные им страны Европы, Россия *впервые* в своей истории ощутила себя двигателем мировых событий. Этого ощущения не могло быть во время победоносных войн, которые она вела при Петре I и Екатерине II. Именно с этого момента, когда Россия поверила в свое великое предназначение, началась новая эпоха в ее отношениях с Западом. Именно поэтому, несмотря на разрушительные последствия наполеоновского нашествия, русский народ может испытывать к Наполеону благодарность.

Однако не стоит обольщаться: гораздо более традиционные чувства, созвучные переживаниям если не большинства, то во всяком случае значительной части наших соотечественников, выражал В. В. Капнист, автор про странного «Видения плачущего над Москвой россиянина 1812 года октября 28 дня».⁵ Главный урок, который следует вынести из этих испытаний — это пагубность «западной скверны», «чужеземной заразы», занесенной в Россию реформами Петра I:

Теперь, нещастьем наученны,
Отвергнем иноземный яд:
Да злы беседы отравленны
Благих обычаев не тлят;
И на стезю склоняся праву,
Лишь в доблести прямую славу,
Существенну поставим честь,
Престанем чуждым ослепленьям
Развратам и предубежденьям
Подобострастно дани несть.⁶

Многие образцы русского красноречия, в том числе стихи, посвященные Наполеоновским войнам, предшествовавшим «русской кампании», были своеобразным предвосхищением грядущих побед.

⁴ См. датированный 1807 годом список из архива журнала «Русская старина» (ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 3. Ед. хр. 49. Л. 3). Текст куплетов в несколько отличающейся редакции первоначально был опубликован в книге «Дух россиян, или Сердечные чувства сибирского плавильного мастера Усердова и запорожского казака Твердовского, изображенные стихами по случаю победы, одержанной над Бонапартием 14 декабря 1806 года» (СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1807).

⁵ Беловой автограф «Видения плачущего над Москвой россиянина 1812 года октября 28 дня» см.: ИРЛИ. Ф. 122. Ед. хр. 9. Л. 2—10. Впервые опубликовано по черновому и беловому автографам одновременно А. А. Веселовским (Русский библиофил. 1912. № 5. С. 5—15) и Н. П. Канонькиным (Известия II Отд. Имп. Академии наук. 1912. Т. XVII. Кн. 4. С. 93—109). Как сообщает Канонькин, стихотворение было послано императрице Елизавете Алексеевне и А. С. Шишкову для прочтения Государю.

⁶ Цит. по: Русский библиофил. 1912. № 5. С. 15.

После отступления французов из Москвы этот мотив станет общим местом. Особенно показателен в этом смысле высочайший рескрипт на имя главнокомандующего в Москве, написанный А. С. Шишковым и датированный 11 ноября 1812 года: «Уже обращенный в бегство неприятель предал на посечение тыл свой, льет кровавые токи по следам своим. Глад и смерть текут за ним. Быстрота стоп не помогает ему. Долгота пути приводит его в отчаяние. Россия видит сие, и в скорости с радостью увидит вся Европа. И так, хотя великолепную столицу Нашу пожрал несытый огонь, но огонь сей будет в роды родов освещать лютость врагов и нашу славу; в нем сгорело чудовищное намерение всесветного обладания, приключившее толико бедствий всему роду человеческому и приготовлявшее столько же зол предбудущим родам. Россия вредом своим купила свое спокойствие и славу быть спасительницею Европы».⁷

Знаменательно, что этими же днями (8 ноября — 29 октября по ст. ст.) датируется приказ Кутузова по армии, написанный совершенно другим слогом и проникнутый заботой не столько о том, что впереди, как во времени, так и в пространстве, сколько о том, что сам главнокомандующий, его генералы, офицеры и солдаты оставляют сзади: «Идем вперед! с нами Бог; пред нами разбитый неприятель, за нами да будет тишина и спокойствие!»⁸

Война давно закончилась величайшей в истории России победой, умер в изгнании Наполеон, и в 1836 году один из героев 1812 года Денис Давыдов писал Пушкину, воспевшему победителей в своих стихах: «Спасибо и тебе, и Вяземскому и за Наполеона, и за то, что вы по Наполеонски (Так!) отломали бока этой шайки ярыжных писателей, которые вмешиваются не в свое дело и судят и рядят о благопристойности, о которой они не имеют понятия».⁹

Остается добавить, что пушкинские строки, которые, на мой взгляд, заслуживают особого внимания, с полным основанием можно отнести и к самому Пушкину. Но в этом случае они прочитываются иначе и обращены не к полководцу, а к поэту, который указал «высокий жребий» русской словесности. Во время Наполеоновских войн трудно было предположить, что уже в 1880-е годы в Париже, а вскоре и во всем мире Россия будет признана законодательницей моды в области литературы. Русские оказались талантливыми и благодарными учениками не только на поле боя.

⁷ Главнокомандующим в Москве был в 1812 году граф Ф. В. Ростопчин. Рескрипт написан А. С. Шишковым, который именуется «Рескриптом Главнокомандующему в Москве Графу Ростопчину о призрении разоренных Московских жителей» (см.: Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1832. С. 62).

⁸ Цит. по: Анекдоты или достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михайле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове Смоленском. Начиная с первых лет его службы до кончины, с приобщением некоторых его писем. СПб., 1814. Ч. 2. С. 64. Исторический приказ о завершении разгрома врага и об активном преследовании его главнокомандующий русской армией М. И. Кутузов подписал 8 ноября 1812 года в Ельне.

⁹ Письмо Д. В. Давыдова к А. С. Пушкину о знакомстве с Н. А. Дуровой от 10 августа 1836 года (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 2. Ед. хр. 57. Л. 3).

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ

© А. Г. Гродецкая

ТЕКСТ «ВОСКРЕСЕНИЯ» В РЕКОНСТРУКЦИИ Н. К. ГУДЗИЯ

(ПРИНЦИПЫ, ПОЛЕМИКА, ИТОГИ)*

Задача критической подготовки текстов, вновь поставленная в связи с изданием академического Полного собрания сочинений Толстого в 100 томах (120 книгах),¹ неизбежно заставляет вернуться на пятьдесят (и более) лет назад — к опыту текстологов, работавших над Юбилейным собранием сочинений (1928—1958). Полемика вокруг сложнейших текстологических решений тех лет и сейчас поражает накалом страстей. Развернувшаяся как закономерный итог работы сразу по завершении издания, она захватила, помимо научных журналов и сборников, и оттепельный «Новый мир» — каким бы удивительным ни казался этот факт сегодня. Но и сегодня новомирская статья Н. К. Гудзия «Что считать „каноническим” текстом „Войны и мира”?»² без преувеличения — захватывающе интересное чтение. Как, впрочем, и выступления его оппонентов.³

Случаи переработки Толстым печатных текстов своих произведений немногочисленны — так велика была в нем, как известно, сила отчуждения, отторжения написанного и опубликованного, поэтому и кардинальная переработка «Войны и мира», проделанная им для издания 1873 года при участии Н. Н. Страхова, — явление редкое. Если Н. К. Гудзий, поддержанный Б. М. Эйхенбаумом, выступал за то, чтобы печатать текст «Войны и мира» по изданию 1873 года (третьему), в котором историко-философские отступления были отнесены в Приложение, некоторые — вообще удалены и французский язык заменен русским, то его оппоненты — Н. Н. Гусев, Э. Е. Зайденшнур, В. А. Жданов, Л. Д. Опульская — отстаивали идею публикации романа по изданию 1868—1869 годов (второму).⁴ К единому мнению участники полемики так в итоге и не пришли. Последнее слово осталось за Л. Д. Опульской, посвятившей позднее проблеме дефинитивного текста романа не-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 09-04-00279а.

¹ К настоящему времени изданы шесть томов; том 1 (Художественные произведения: 1850—1856) вышел в Москве в 2000 году.

² Новый мир. 1963. № 4. С. 234—246. Об идеологическом контексте дискуссий 1952—1954 годов см.: Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 29—30; Одесский М. Блуждания текстологии между «канонической» и «динамической» моделями // Вопросы литературы. 2012. № 3—4. С. 287—290.

³ Эйхенбаум Б. М. 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого: (Критические заметки) // Русская литература. 1959. № 4. С. 221—223 (раздел: Об основном тексте романа «Война и мир»); Зайденшнур Э. Е. По поводу текста «Войны и мира» // Новый мир. 1959. № 6. С. 278—282; Гусев Н. Н. 1) О каноническом тексте «Войны и мира» // Вопросы литературы. 1964. № 2. С. 179—190; 2) Снова о каноническом тексте «Войны и мира» // Русская литература. 1965. № 1. С. 97—107; Гудзий Н. К. Еще раз о каноническом тексте «Войны и мира» // Вопросы литературы. 1964. № 2. С. 190—200; Жданов В. А., Зайденшнур Э. Е. Еще раз об издании сочинений Л. Н. Толстого // Русская литература. 1964. № 2. С. 133—139. См. также в коллективном обзоре: О Полном собрании сочинений Толстого («Юбилейном») // Лит. наследство. 1961. Т. 69: Лев Толстой. Кн. 2. С. 444—448.

⁴ Помимо названных изменений, в издании 1873 года весь текст романа подвергся серьезной стилистической правке и был разделен не на 6 частей (как в двух прежних изданиях 1868—1869 годов), а на 4. В поздних прижизненных собраниях сочинений Толстого текст романа печатался по-разному: в 1880 году — по третьему изданию (1873), в 1886 году — по второму (1868—1869).

сколько статей.⁵ Победе в дискуссии одной из сторон препятствовал (как это видится сейчас, издав далеко и без знания подробностей) высочайший научный авторитет каждого из текстологов, ее участников, и прежде всего — авторитет Николая Каллиниковича Гудзия. С 1928 года он входил в редакторский совет Юбилейного издания, подготовив к печати в общей сложности 10 томов с критически проверенными текстами «Анны Карениной», «Воскресения», «Крейцеровой сонаты», «Дьявола», «Власти тьмы», «Плодов просвещения», статьи «Так что же нам делать?» и др.⁶ «При всей своей доброте, доверчивости и терпимости, — вспоминал В. Е. Гусев, — Н. Гудзий был человеком большого гражданского темперамента, бескомпромиссной научной принципиальности, неуступчивой убежденности. В журнальной полемике, в публичных дискуссиях, на литературных собраниях он отстаивал свои позиции и почти всегда оказывался правым...»⁷ В «Автобиографии» Н. К. Гудзий писал: «Наряду с другими редакторами юбилейного издания с большой энергией принялся я за работу прежде всего по упорядочению перепутанных (...) рукописей и корректур порученных мне для редактирования произведений Толстого. Трудно передать захватывающее, радостное волнение, которое испытывал тот, перед кем воочию раскрывался процесс писательской работы гения, его творческая лаборатория, отпечатлевшаяся в громадном количестве черновых вариантов, в ряде предварительных редакций, содержащих драгоценные, впервые обнаруженные тексты, не вошедшие в окончательные редакции толстовских произведений».⁸

Среди своих текстологических трудов бесспорным достижением Н. К. Гудзий считал подготовленные им основной текст, рукописные редакции и варианты «Воскресения», составившие 32-й (1933) и 33-й (1935) тома Юбилейного издания. К 1935 году, когда отмечалось 10-летие начала работы над изданием и когда в печати появились первые критические замечания о помещенных в нем текстах, и к 1938-му — 10-летию выхода в свет первого тома издания, «Воскресение» оставалось единственным из трех толстовских романов, рукописи которого были опубликованы наряду с основным текстом. Том 20 с рукописными текстами «Анны Карениной», также под редакцией Н. К. Гудзия, был издан в 1939-м. Оценить его не дала война. Тома с подготовительными материалами к «Войне и миру» (13, 14 и 15—16-й) вышли, соответственно, только в 1949, 1953 и 1955 годах.

В 1939 году, рецензируя изданные к тому времени тома, в том числе 32-й и 33-й, П. С. Попов отметил: «В силу разных условий (главным образом, вследствие того, что рукописные фонды Толстого 60-х и 70-х годов сохранились хуже рукописного наследия последних десятилетий жизни Толстого) ни „Война и мир“, ни „Анна Каренина“ не дают такого обилия рукописей и корректур, как „Воскресение“, несмотря на меньший объем самого романа. Известно, что Бартнев просил Толстого не „колупать“ так, как Толстой это делал в корректурах „Войны и мира“, и, в конце концов, отказался вовсе от держания корректур по этому роману. Кор-

⁵ См.: *Опульская Л. Д.* 1) Как же печатать «Войну и мир»? // Страницы истории русской литературы. М., 1971. С. 306—315; 2) Лев Толстой и проблемы текстологии [1978] // Громова-Опульская Л. Д. Избр. труды. М., 2005. С. 417—426 (далее ссылки на это издание даны сокращенно: *Громова-Опульская*, с указанием страницы); 3) Актуальные вопросы текстологии художественных произведений Л. Н. Толстого [1986] // Там же. С. 427—428; 4) Основания «критики текста» [1997] // Там же. С. 473—476.

⁶ Основной областью научных интересов Н. К. Гудзия (1887—1965; с 1945 академик АН УССР) была история древнерусской литературы, но ему также принадлежит большое число исследований по русской и украинской литературе XVIII—XX веков, от Ломоносова, Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тютчева до символистов и Брюсова. См.: *Робинсон А. Н.* К семидесятилетию Николая Каллиниковича Гудзия: (Очерк жизни и деятельности) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 319—325; Хронологический список трудов академика АН УССР Николая Каллиниковича Гудзия // Там же. С. 326—344; *Гусев В. Е.* Николай Каллиникович Гудзий // Вопросы литературы. 1976. № 6. С. 161—177.

⁷ *Гусев В. Е.* Указ. соч. С. 162.

⁸ *Гудзий Н. К.* Автобиография // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., 1968. С. 141.

ректур «Воскресения» перерабатывались Толстым еще больше, поэтому изучение рукописей и корректур «Воскресения» и извлечение вариантов из него представляют совершенно исключительные трудности».⁹

П. И. Бартенев, напомним, державший корректуру «Войны и мира» в «Русском вестнике», писал Толстому 12 августа 1867 года: «Вы бог знает что делаете. Эдак мы никогда не кончим поправок и печатания». И 13 августа — о том же: «Ради бога, перестаньте колупать». На что Толстой отвечал: «Не мараь так, как я мараю, я не могу...»¹⁰ «Совершенно исключительными» текстологические трудности «Воскресения» можно было назвать только с учетом того, что «трудности» других толстовских текстов были — просто исключительными.

Еще раньше, а именно в 1935 году, т. е. в год выхода в свет 33-го тома с подготовленными Гудзием редакциями «Воскресения», в статье «Творческие стимулы Л. Толстого» Б. М. Эйхенбаум (заметив, что 90 томов Юбилейного собрания сочинений Толстого «больше, чем энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона») признавался: «Первое ощущение редактора, приступающего к работе над рукописями Толстого, — паника. (...) Он берет небольшую вещь — „Крейцерову сонату“, которая в печати занимает около пяти печатных листов; ему приносят целый тюк рукописей: 800 листов. Он берет совсем маленькую вещь — „Разрушение ада и восстановление его“; ему дают 400 листов, исписанных рукой Толстого или испещренных его поправками. Редактор начинает раскладывать эти листы, чтобы выяснить последовательность редакций: этих редакций получается 10, 15, 20. А что делать с такой вещью, как „Воскресение“? Рукописи этого романа занимают целый сундук».¹¹

Трудно сказать, читая эти строки, представлялся ли Эйхенбауму-текстологу вопрос, что делать с «Воскресением», к этому времени окончательно решенным. Ни он, ни П. С. Попов не упомянули о подробности (возможно, им обоим известной), о которой не умолчал в своей рецензии в том же 1935 году В. Б. Шкловский. «По нашим сведениям, — писал он, — после издания этих томов (32-го и 33-го. — А. Г.) найдены новые корректуры и новые тексты, которые изменили бы план издания, если бы были на руках у редакторов во время работы над текстом».¹²

На сообщение «сведений» Н. К. Гудзий отреагировал сразу: «К сожалению, новые корректуры и рукописные копии отдельных глав „Воскресения“, общим счетом в 415 листов,¹³ действительно, были обнаружены в Ленинской библиотеке после того, как оба упоминаемые тома были уже напечатаны. Вновь найденный материал составляет, приблизительно, $\frac{1}{20}$ часть материала, бывшего у меня под руками при редактировании романа. К счастью, не привлеченный не по вине редакции материал не повлиял сколько-нибудь существенно ни на установление окончательного текста, ни на объем и качество опубликованных в 33 томе черновых редакций и вариантов „Воскресения“. Дело в том, что авторские исправления в корректурных оттисках переносились переписчиками на запасные гранки, а исправленные рукой Толстого копии отдельных частей и глав романа вновь неоднократно переписывались переписчиками. В использованных мной корректурных и рукописных мате-

⁹ Попов П. С. Толстой и о Толстом. Обзор литературы за 1935—1939 гг.: Издание текстов Толстого // Лит. наследство. 1939. Т. 37—38. С. 726.

¹⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 61. С. 175—176. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

¹¹ Эйхенбаум Б. Творческие стимулы Л. Толстого [1935] // Эйхенбаум В. О прозе: Сб. статей. Л., 1969. С. 77.

¹² Шкловский В. Юбилейное издание Толстого // Лит. критик. 1935. № 11. С. 192—193. К 1935 году были изданы 24 тома — «цикл ранних произведений Толстого, „Анна Каренина“, „Война и мир“, „Воскресение“, два тома писем и два тома дневников» (Там же. С. 185).

¹³ Не учтенными в Юбилейном издании остались 467 листов корректур; они описаны, однако варианты этих корректур до сих пор не опубликованы (см.: Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого / Сост. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденштур, Е. С. Серебровская; Общ. ред. В. А. Жданова. М., 1955. С. 370). Далее ссылки на это издание даны сокращенно: *Описание*, с указанием страницы.

риалах „Воскресения” закреплены все стадии работы Толстого над романом и, таким образом, в общем, все моменты творческого труда Толстого в издании представлены с исчерпывающей полнотой и почти все детали основного текста критически проверены. Говорю „почти”, т. к. в отдельных случаях переписчики могли не разобрать того или иного слова, написанного Толстым, а сам Толстой мог не заметить ошибки переписчика. Однако такие случаи тут могут оказаться лишь в минимальном количестве, и все они будут мной приняты во внимание в следующем издании романа. В редакторской работе над этим изданием я, разумеется, использую все вновь найденные материалы».¹⁴

Прочитируем и еще один документ, в наши дни представляющий интерес с точки зрения не только истории филологии, но и политической истории. Это отчетная статья Гудзия в капитальном двухтомном Юбилейном сборнике АН СССР, изданном к 30-летию Октябрьской революции.¹⁵ Довольно бегло изложив исторический смысл работ Ленина о Толстом, автор подробно, увлеченно и, можно даже сказать, любовно рассказывает о богатой советской толстовиане. И в этом повествовании публикации заново подготовленного текста «Воскресения» он уделяет особое внимание. «Как известно, — начинает эту часть отчетной статьи Н. К. Гудзий, — „Воскресение” печаталось в течение 1899 г. одновременно в России и в Англии. В России, в журнале „Нива”, оно печаталось с большим количеством цензурных исключений и замен, в Англии же (в издательстве В. Г. Черткова «Свободное слово»), как принято было думать до сих пор, — без всяких цензурных изъятий и перделок. Однако ближайшее знакомство с сохранившимися в большом количестве рукописями и корректурами романа убеждает в том, что и издание „Свободного слова” не лишено было значительного числа (более 50) цензурных искажений. Произошло это в результате следующих обстоятельств, сопровождавших печатание „Воскресения” в „Ниве” и в издательстве „Свободное слово”. Обычно редакция „Нивы” отправляла Толстому первый набор гранок романа, в которых сама исправляла или зачеркивала синим карандашом те места текста, которые ей представлялись цензурно недопустимыми (редактор журнала Р. И. Сементковский проявлял в этом отношении такое усердие, что вмешательства внешней цензуры в печатание «Воскресения» совершенно не понадобилось). Толстой правил корректуру, в огромном большинстве случаев не считаясь с исправлениями и зачеркиваниями редакции „Нивы”, и В. Г. Черткову посылались в Англию из Москвы или Ясной Поляны дублетные экземпляры корректур, как правило, с неприкосновенным текстом Толстого. Но в отдельных случаях редакция „Нивы” посылала Толстому вторичный набор корректур, в котором уже были совершенно устранены цензурно неприемлемые места, и обратно в редакцию „Нивы” и В. Г. Черткову посылался текст этих новых корректур, в которых отсутствовали всякие видимые следы цензурных искажений. Это было основной причиной того, что в издание „Свободного слова” частично проникли те же цензурные искажения, какие были и в тексте „Нивы”.

Вот почему гарантия полной текстуальной точности романа могла быть обеспечена лишь обращением редактора его текста в юбилейном издании непосредственно к корректурам, сверявшимся, где нужно, с рукописями „Воскресения”. Корректуры явились единственно надежной основой для установления окончательного текста романа еще и потому, что по разным причинам в „Ниву” и в „Свободное сло-

¹⁴ Гудзий Н. К. Письмо в редакцию // Лит. критик. 1936. № 2. С. 236.

¹⁵ Гудзий Н. К. Работа над литературным наследством Льва Толстого за годы советской власти // Академия наук СССР. Юбилейный сборник, посвящ. 30-летию Великой Октябрьской соц. революции. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 806—821. Статья Гудзия — вторая из трех статей, посвященных литературоведению «за годы советской власти»; первая — статья М. А. Цявловского «Советское пушкиноведение», последняя — статья В. А. Десницкого «Изучение творчества М. Горького советским литературоведением».

во” посылались гранки разновременных стадий их авторской правки, а в одном случае вместо последней авторской корректуры (глава XXXVII первой части «Воскресения») была послана корректура предпоследняя.

Толстой многократно исправлял и переделывал написанное им. Почти всегда при переписывании автографов Толстого или исправленных им копий переписчики допускали ошибки, которых Толстой большей частью не замечал, как не замечал и ошибок наборщиков и корректоров. Эти ошибки, множась из копии в копию и из корректуры в корректуру, достигали иногда солидной цифры. <...> Обращение к рукописным и корректурным фондам сочинений Толстого позволило освободить его тексты также и от вмешательства лиц, бравших на себя редакторские функции в отношении толстовских произведений, как это делала, например, С. А. Толстая...»¹⁶

Собственно, в отчетной статье Н. К. Гудзий лишь повторил то, о чем писал в «Предисловии» к 32-му тому Юбилейного издания и в «Текстологических пояснениях» к роману — о доказанной им неавторитетности всех первопечатных текстов «Воскресения», как подцензурных, так и бесцензурных, и, следовательно, о необходимости «печатать роман по авторским корректурам <...> при систематическом контроле текста корректур рукописным материалом романа». «Корректурные гранки „Воскресения“, — отмечал редактор текста, — сохранились если и не в исчерпывающем своем составе, то все же в таком большом количестве, что дают вполне надежную основу для сконструирования окончательного, критически проверенного текста» (32, VIII, 522). Такое текстологическое решение было признано — уже по завершении Юбилейного издания — единственно правильным, хотя и смелым. «В этом вопросе редактор Н. К. Гудзий проявил смелость», — читаем в коллективном критическом «Обзоре» в 69-м томе «Литературного наследства», подводившем итоги издания.¹⁷ Однако и критика небесспорных методов «skonструирования» основного текста «Воскресения» звучала не однажды. Возвращение от печатных текстов к корректурным определило и другое не менее ответственное и смелое решение Гудзия: текст романа был им освобожден от всех посторонних вмешательств, не только цензурных, но и редакторских, включая и те случаи, когда «вмешательства» были санкционированы Толстым.

Об «исключительных трудностях» в работе с текстами Толстого речь шла и в статье «Вопросы текстологии», написанной Н. К. Гудзием совместно с В. А. Ждановым и опубликованной в 1953 году в «Новом мире».¹⁸ «Различные текстологические вопросы, — писали авторы статьи, — с предельной остротой выдвигаются при установлении окончательного текста сочинений Л. Н. Толстого. Критическая проверка всего рукописного наследия его особенно трудна и сложна. Равного по объему рукописного и корректурного фонда нет ни у одного писателя. Если напомнить, что рукописи „Войны и мира“ составляют 4700 листов, исписанных с двух сторон, „Анны Карениной“ — 2200 листов, „Воскресения“ — около 7500 листов, то станет ясно, какая огромная текстологическая работа должна быть проведена для последовательной сверки всех рукописей. И надо к тому же помнить, сколько раз рукописи перебеливались, исправлялись. Вряд ли встречаются еще у других писателей такие случаи, когда рукопись одного произведения была бы переписана десятью и более переписчиками».¹⁹

Здесь, помня «панические» признания Б. М. Эйхенбаума, имеет смысл дополнить статистические данные Н. К. Гудзия. Рукописи и правленные корректуры «Воскресения», согласно «Описанию рукописей», насчитывают 7044 листа (тогда как «Войны и мира» — 5202 листа).²⁰ Но это без учета оборотов листов в автогра-

¹⁶ Там же. С. 809—810.

¹⁷ О Полном собрании сочинений Толстого («Юбилейном»). С. 442.

¹⁸ Гудзий Н. К., Жданов В. А. Вопросы текстологии // Новый мир. 1953. № 3. С. 232—241.

¹⁹ Там же. С. 239.

²⁰ См.: Описание. С. 370—371, 95.

фах: односторонни, как правило, только листы копий, тогда как листы толстовских автографов заполнены текстом с обеих сторон. В действительности рукописей и корректур романа значительно больше. В архивном хранении они разделены на 210 отдельных рукописей (папок), объемом от одного до четырехсот, пятисот и более листов. Колоссальный объем (преувеличенные определения здесь неизбежны)²¹ авантекста «Воскресения», как можно догадаться, — не единственная «трудность» для текстолога. И почерк позднего Толстого не прост для чтения. Среди рукописей «Живого трупа» сохранилось выразительное свидетельство: переписчик толстовского автографа, дойдя до особенно трудного места, пометил в копии: «Ужаснулся и бросил».²² Однако в автографических текстах почерк просторно-размашист и уже благодаря этому читаем, тогда как в авторизованных копиях, составляющих основную часть рукописного фонда «Воскресения», скоропись Толстого из-за дефицита пространства становится убористой, плотно-тяжелой, возрастает количество слов недописанных (особенно во вставках на полях) или сокращенных (часто до одной буквы, как например постоянно — «б.» вместо глагола «быть» во всех его формах или «к.» вместо «который» и т. д.).

Упомянутые Н. К. Гудзием «десять и более переписчиков» относятся именно к «Воскресению». С рукописями романа копиисты работали с самого начала и до последних корректур, и если на начальных этапах это были люди, близкие Толстому, его руку хорошо знавшие (листы ранних редакций «Воскресения» переписывают Е. И. Попов, Татьяна Львовна и Мария Львовна, В. Г. Чертков, Н. Н. Иванов, М. А. Шмидт и другие), то на финальных этапах работы значатся 5, 10, 15 безымянных переписчиков. Толстовская правка в копиях как поверх перебеленного текста, так и на полях неизменно, от варианта к варианту, по мере нарастания «широко дыхания» художника становилась все более обильной. Заполненные поправками (иногда до совершенной многослойной черноты) копии снова переписывались и снова правились, так же шла правка и в гранках. «Рукописи Толстого принимали подчас такой вид, что прочтение их другим лицом требовало предельного внимания и умения разобраться во всех разбросанных вставках и дописках», — такое, сдержанное, определение нашла Э. Е. Зайденшур²³ для рукописей «Войны и мира», фронтальное исследование которых (уже после публикации романа в Юбилейном издании) позволило ей выявить в печатном тексте более тысячи ошибок переписчиков и наборщиков, пассивно авторизованных, т. е. не замеченных Толстым.

Варианты и редакции отдельных фраз, фрагментов, эпизодов в рукописях первой части «Воскресения» исчисляются десятками — ее отделке Толстой посвятил больше времени, чем работе над второй и особенно третьей частью, которая фактически и писалась, и переписывалась прямо в корректурах. Копии в одних случаях облегчают дешифровку автографов, позволяя уяснить прочтение, установить последовательность правки или позицию подвижных, менявших место вставок, в других — из-за ошибок переписчиков и пропусков текста, не замеченных Толстым (на последних этапах работы такие ошибки множатся), копии становятся источником порчи текста. Случалось также, что Толстой использовал резервные, «лишние» копии из предшествующих редакций просто как писчую бумагу, заполняя их новым текстом, ни хронологически, ни сюжетно не связанным с текстом-подстрочником, и прочитать этот подстрочник, как и отнести его к той или иной редакции, нелегко.

Изложенная в новомирской статье Н. К. Гудзия и В. А. Жданова среди прочих проблем теория «реставрации» текста, сторонниками которой они выступили,

²¹ По словам Л. Д. Опульской, критическая проверка текстов Толстого требует многолетнего труда, «ввиду колоссальности рукописного наследия» писателя (*Громова-Опульская*. С. 297).

²² См.: Там же. С. 318.

²³ *Зайденшур Э. Е.* По поводу текста «Войны и мира». С. 279.

была вскоре подвергнута основательной критике. В. С. Нечаева в статье «Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков» немало внимания уделила этой «ошибочной» теории (и практике). А именно она, заметим, определила принципы реконструкции основного текста «Воскресения» в Юбилейном издании. Вся сложность проблемы сохранения или устранения той редакторской правки, которая *авторизуется* печатным текстом, представлена в статье В. С. Нечаевой. «Известно, — пишет она, — как отрицательно относился Белинский к редакционной правке Краевского и что он ее терпел лишь потому, что иначе не мог бы печатать свои статьи. Обязанность текстолога освободить статьи Белинского от правки Краевского там, где это возможно, т. е. в тех случаях, когда до нас дошли рукописи Белинского с этой правкой. Совершенно иначе относился Г. И. Успенский к правке Салтыкова-Щедрина во время сотрудничества в „Отечественных записках“. Публикуя позднее свои произведения, он не стремился восстановить свой текст. Следовательно, там, где правка редакции „Отечественных записок“ не касалась непосредственно вопроса о проведении через цензуру, она должна быть оставлена.

Иногда нам неизвестно отношение автора к правке его редактора: возможно, что он принял ее и одобрил, и тогда текстолог не должен возвращаться к прежнему тексту; возможно, что автор согласился на исправления против воли, и тогда текстолог обязан снять исправления. К сожалению, случаи, когда текстолог находится в большом затруднении, как решить этот вопрос, не имея сведений о воле автора, очень часты. Но тем осторожнее должен он подходить к решению этого вопроса. Между тем именно здесь мы встречаемся с теорией, упрощающей сложность анализа исправлений в тексте, происхождение которых точно не установлено и остается неизвестным отношение к ним автора. Это теория „реставрации“ текста, возвращения его к автографу писателя как наиболее достоверной форме выражения писательской воли. Авторы этой теории Н. К. Гудзий и В. А. Жданов...»²⁴

Примеры в статье Н. К. Гудзия и В. А. Жданова иллюстрировали главным образом «вмешательство» в тексты писателя С. А. Толстой как переписчицы-редактора и, в поздние годы, как редактора-издателя. Так, ее «соавторство» в создании печатного текста «Крейцеровой сонаты» заставило Н. К. Гудзия принять решение о его реконструкции в Юбилейном издании «по последней авторизованной Толстым рукописи» (23, 607). В. С. Нечаева, ссылаясь на многочисленные примеры из статьи в «Новом мире», где речь идет об обязательном приведении прижизненного печатного текста произведения к его *последнему автографическому варианту* в тех случаях, где имело место как согласованное, так и не согласованное с писателем «соавторство» «случайных лиц», в полемике с Н. К. Гудзием замечала: «Тот факт, что писатель внимательно читал корректуру, внося в нее многочисленные исправления и оставляя без правки предполагаемые „ошибки“, что писатель скреплял в печати своею подписью этот текст, не смущает авторов статьи», в которой речь идет не только о мелких искажениях текста переписчиками, «речь идет о восстановлении таких выражений и отрывков, которые были в рукописи и которые или исчезли, или оказались не случайно и механически, а сознательно измененными в печатной редакции». И завершает полемику следующий вывод: «...требование возвращения к тексту автографа, невнимание к тем стадиям работы, которые хотя не были закреплены в автографе, но имели место на каком-то этапе перед публикацией произведения, является, по нашему мнению, ошибкой теории „реставрации“». У текстолога, по мнению В. С. Нечаевой, нет права «без всяких подкреплений другими соображениями и фактами отбирать из рукописи любые не вошедшие в печатный текст варианты и вставлять их в основной текст. Основани-

²⁴ Нечаева В. С. Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков // Вопросы текстологии: Сб. статей. М., 1957. С. 68—69.

ем для включения исправления по рукописи является прежде всего наличие бессмыслицы в тексте, неувязки слова или предложения со смыслом окружающего текста».²⁵

Вопрос «о принципах и возможных границах исправления основного текста по рукописям» в русле начатой В. С. Нецаевой полемики был поставлен и Л. Д. Опульской, признавшей, что «в совершенно аналогичных случаях текстологи поступают по-разному, на свой страх и риск, руководствуясь лишь собственным вкусом и усмотрением».²⁶ Обращаясь к «теории реставрации», Опульская отмечала, что «опыт текстологической работы над изданием Толстого подтвердил непререкаемость общего текстологического правила: если в результате вольной или невольной посторонней поправки или небрежности в последний авторизованный текст вкралась *ошибка*, искажающая смысл или стиль, ее *необходимо* исправить по автографу, копии или корректуре, передающим правильное, авторское написание». Однако само понятие *ошибка* часто толкуется «неоправданно широко» и ошибочным считается «любое разночтение, которое замечено в рукописях при непосредственном переходе из одной рукописи в другую». Принцип «реставрации», выдвинутый уважаемыми текстологами, приводит, по мысли Л. Д. Опульской, «к двум последствиям: 1) дает возможность исправить действительные искажения, смысловые и стилистические, которые по воле писца или наборщика попали в текст; 2) открывает широкий простор для замены текста окончательной редакции черновыми вариантами». То есть замена последнего авторизованного текста черновым может иметь место только в случае действительного искажения первого, «исправлять, исходя из одного сличения рукописей, абсолютно недопустимо».²⁷

С критикой подготовленного Н. К. Гудзием текста «Воскресения» выступили в 1964 году В. А. Жданов и Э. Е. Зайденшнур. «Создалось мнение, — писали они, — что текст „Воскресения“ был для юбилейного издания выверен по всем источникам. Однако анализ рукописей убедил, что были проверены только сомнительные места, полная же текстологическая работа не была выполнена. Результаты сплошной проверки оказались внушительными: в тексте „Воскресения“, рукописный фонд которого составляет более 8000 листов, а некоторые главы которого переписывались до 20 раз, содержится свыше 500 ошибок. Это те же типические ошибки переписчиков, как и в других произведениях: пропуски и перестановки слов, неправильно прочитанные слова, пропуски фраз, расположенных между одинаковыми словами, замена народных выражений литературными и т. п.».²⁸ Далее приводились некоторые из замеченных ошибок.

На критику Н. К. Гудзий ответил незамедлительно. О подготовленных им текстах «Анны Карениной» и «Воскресения» он писал: «От обоих романов дошло огромное количество рукописного материала с перепутанными листами и корректурами, которые необходимо было упорядочить. (...) Роман „Воскресение“ пришлось печатать по сохранившимся корректурам ввиду дефектности всех его печатных текстов. И неудивительно поэтому, что в отдельных случаях оказались замеченными некоторые ошибки переписчиков и наборщиков. Но все же трудно принять на веру утверждение В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур, что в юбилейном издании „Анны Карениной“ насчитываются „сотни ошибок“, а в издании „Воскресения“ — свыше пятисот, тем более что оба автора ничем не подтверждают своих подсчетов. (...) Утверждение В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур, что при сверке текста „Воскресения“ по рукописям „были проверены только сомнительные места“, — сущая неправда, в чем легко убедиться, обратившись к „текстологическим пояснениям“ в 32-м томе юбилейного издания. При наличии более 8000 листов, от-

²⁵ Там же. С. 69—72.

²⁶ Громова-Опульская. С. 297.

²⁷ Там же. С. 298—301.

²⁸ Жданов В. А., Зайденшнур Э. Е. Еще раз об издании сочинений Л. Н. Толстого. С. 134.

носящихся к „Воскресению”, и при сравнительно ограниченном времени, отведенном для редактирования романа, его комментирования, описания рукописей и извлечения вариантов, нелегко было учесть все ошибки переписчиков, но разве этого рода промахи не компенсируются публикацией романа по корректурам, работой чрезвычайно сложной, и устранением свыше пятидесяти случаев цензурного вмешательства, обнаруженных в бесцензурном, как казалось до тех пор, тексте „Воскресения”, изданном В. Г. Чертковым». ²⁹ Кроме того, Гудзий убедительно продемонстрировал спорность текстологических решений в примерах, предъявленных в качестве ошибок.

Ответом на критику была и его короткая реплика под строкой (в разделе «Текстологические пояснения») в осуществленном им вместе с Е. А. Майминым в 1964 году издании «Воскресения» в серии «Литературные памятники»: «В статье В. Жданова и Э. Зайденшнур {...} подвергнут сомнению самый факт проверки текста „Воскресения” для юбилейного издания по всем источникам. Решительно отвергая правомерность такого сомнения, заметим, что новое исследование огромного и сложнейшего рукописного фонда „Воскресения” может дать некоторые дополнительные результаты, однако результаты эти, в свою очередь, нуждаются в тщательном научном обсуждении и проверке». ³⁰ И как очевидный выпад звучали строки финального абзаца «Текстологических пояснений»: «Единственное исправление, которое вносится в текст „Воскресения” сравнительно с 32-м томом юбилейного издания, касается гл. I второй части. Вместо: „так что на этом рабстве” — следует: „потому что на этом рабстве”». ³¹ Этой единственной поправкой работа над каноническим текстом романа завершилась.

Самостоятельной проблемой, поставленной и решенной Н. К. Гудзием для «Воскресения» в Юбилейном издании, была систематизация и публикация «огромного и сложнейшего» рукописного и корректурного фонда романа. Редакционный комитет издания отказался от публикации предварительных материалов в полном объеме, публиковались только «варианты, представляющие интерес в художественном, биографическом или историческом отношениях» (1, XIV). Уязвимость такого подхода стала очевидной уже в процессе работы, и, следовательно, как писали авторы уже цитировавшегося итогового «Обзора» в 69-м томе Литнаследства, «не всё оказалось достаточно благополучно, далеко не для всех произведений рукописные варианты поданы с соблюдением научных требований». ³² Так, ошибочным было признано выделение «в особый раздел всех планов и конспектов как произведения в целом, так и его отдельных частей», поскольку «у Толстого планы появлялись не в одно время и связаны с разными творческими периодами. Выделение планов в особую группу как предварительного материала дает неправильное представление об этапах творческого труда Толстого». ³³ Соблюдение данного принципа, т. е. сохранение планов и конспектов в составе соответствующего документа (и публикация их внутри текста, а не под строкой³⁴), в настоящее время не оспаривается.

Впервые Н. К. Гудзием был решен вопрос о разграничении, реконструкции и публикации как ранних, незаконченных, так и более поздних редакций «Воскресения». В 33-м томе им были опубликованы тексты 1-й (целиком) и 2-й (только нача-

²⁹ Гудзий Н. К. По поводу статьи В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур об издании сочинений Л. Н. Толстого // Русская литература. 1964. № 4. С. 201.

³⁰ Гудзий Н. К. Текстологические пояснения // Толстой Л. Н. Воскресение / Изд. подг. Н. К. Гудзий и Е. А. Маймин. М., 1964. С. 548 (Сер. «Лит. памятники»). В дальнейшем ссылки на это издание даны сокращенно: «Воскресение» ЛП, с указанием страницы.

³¹ Там же. С. 550.

³² О Полном собрании сочинений Толстого («Юбилейном»). С. 457.

³³ Там же.

³⁴ В ряде случаев «конспекты, появлявшиеся в процессе создания рукописи правильно опубликованы вместе с текстом рукописи. Жалко лишь, что в этих случаях они вынесены под строку и напечатаны петитом, наравне с зачеркнутыми текстами» (Там же. С. 458).

ло) незаконченных редакций «коневской повести» (в дневниковых записях Толстого при начале работы «коневский» сюжет определялся и как повесть, и как рассказ), над которыми он работал в декабре 1889-го и, с перерывами, в течение 1890 года. 1-я незаконченная редакция повести, датированная 26 декабря 1889 года, сохранилась в виде автографа с обильной, неодновременной правкой Толстого (Рук. 1)³⁵ и авторизованной неполной копии, выполненной Е. И. Поповым (Рук. 2). Текст по автографу, без воспроизведения зачеркнутых вариантов, был впервые опубликован Н. Н. Гусевым в 1928 году,³⁶ и тот же текст, с расшифровкой крупных зачеркнутых фрагментов, помещен в 33-м томе (33, 3—18),³⁷ позднейшая толстовская правка в Рук. 2 (копии Попова) не воспроизводилась. Начало 2-й незаконченной редакции в Юбилейном издании опубликовано по неполному автографу (Рук. 3; 33, 19—22),³⁸ варианты авторизованной неполной копии этого автографа (Рук. 4) не отражены.

Пришло время сказать и еще об одной «совершенно исключительной трудности» поздних толстовских текстов — о неполноте рукописей (для «Воскресения» исключением является только самый первый автограф) вследствие их особого рода «текучести». Л. Д. Опульская по этому поводу замечала: «Если работа над производением длилась долго, автографы не только неоднократно переписывались, но и перекладывались, снова исправлялись — в составе уже другой редакции, с иной композицией. В поздние годы имел место и такой прием: оставшиеся чистыми кусочки копий вырезались ножницами и наклеивались в другую, следующую рукопись <...> „обрезкам“ теперь приходится находить свое место».³⁹ Это в полной мере относится к «Воскресению». Как отдельные чистые листы копий, так и небольшие по размеру чистые «обрезки» (чудом, можно сказать, избежавшие правки) перекладывались и переклеивались из рукописи в рукопись, порой далеко вперед, существуя, таким образом, в составе разных редакций и вариантов. При этом в них вносилась постоянно прирастающая правка, отражавшая новый этап работы над текстом. Вычленение самостоятельных редакций и вариантов требует поэтому расслоения правленных Толстым копий и восстановления листов копий в составе более ранних рукописей, т. е. фактически каждая рукопись и ее автономные фрагменты нуждаются в реконструкции. Текстологу же приходится, двигаясь вперед, постоянно возвращаться назад. Такая реставрационно-восстановительная работа осуществима только в ранних рукописях, более или менее компактных. По мере же разрастания и «перетекания» огромного материала подобные операции становятся рискованными, если не невозможными. Если же изначальное местонахождение обрезков и фрагментов рукописей установить невозможно, то воспроизводить разрезанный текст приходится в том объеме и в том виде, в котором он поддается прочтению. Границы рукописей при этом становятся нечеткими, зыбкими, исключительно сложна и их датировка.

К особенностям творческого процесса Толстого можно отнести и такую: «Прежде чем вновь приступить к работе над рукописью или продолжить ее, автор перечитывал и поправлял <...> близко стоящий предшествующий текст. Так что нижний слой рукописи нельзя считать чем-то единым».⁴⁰ В правленных копиях

³⁵ Здесь и ниже нумерация рукописей дана по *Описанию*.

³⁶ Воскресение: (Первая редакция начала романа) // Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сб. / Собрал и редактировал Н. Н. Гусев. М.; Л., 1928. С. 21—36.

³⁷ Перепечатан также: «Воскресение» ЛП. С. 385—400. Здесь заметим, что копия Е. И. Попова уточняет некоторые, очень незначительные, прочтения зачеркнутых и вновь восстановленных фрагментов.

³⁸ Впервые опубликован Н. К. Гудзием в кн.: Лев Толстой. Неизданные тексты. М., 1933. С. 173—177.

³⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Редакции и варианты худож. произведений: В 17 т. М., 2000. Т. 1 (19). С. 6 (От редакции).

⁴⁰ Там же. С. 7.

«Воскресения» работа идет именно так. Нижний слой (перебеленный текст автографа, авторизованной копии или авторизованных гранок) сначала незначительно правится, потом перерабатывается настолько радикально, что первоначальная правка нижнего слоя остается неучтенной, ненужной, и рукопись, таким образом, оказывается как минимум трехслойной.

По-толстовски избыточная вариативность, производящая впечатление избыточности, чрезмерности, — главное качество его рукописных текстов. Характер этой вариативности, ее сложная художественная логика едва ли в достаточной степени описана и изучена. Да и поддается ли она описанию? Есть, однако, в изменениях текста очевидные закономерности. Так, в черновиках «Воскресения» очевиден радикализм толстовской правки, когда в процессе переработки деталь, мотив, ситуация берутся в резко противоположных, контрастных вариантах. Пример радикального сдвига дает уже начальная фраза первого автографа (Рук. 1) с вариантом «ранней весной / поздней осенью»: «Это б(ы)ло [весной] [ранней весной] [*поздней осенью*] весной, ранней весной *в страстную пятницу*».⁴¹ Подобных полярных вариантов в рукописях романа много.⁴² Толстой как будто испытывает тот или иной художественный эффект в его крайних, пограничных возможностях — и между полюсами не может не возникнуть силового поля. Черновики романа демонстрируют не только поиск оттенков смысла слова, но и поиск вариантов наполняемости слова энергией, экспрессией. Радикальные сдвиги возможны у Толстого как на уровне мотива, так и на персонажном и сюжетном уровнях.

Помимо двух ранних незаконченных редакций «Воскресения» в 33-м томе Н. К. Гудзий целиком опубликовал *1-ю законченную* редакцию, впервые реконструированную им на основании ее *неполной* рукописи (Рук. 5, 103 листа) и последующих вариантов, в состав которых отдельные листы, относящиеся к данной редакции, но уже с обильной правкой, покрывающей и перекрывающей изначальный слой (см.: 33, 23—94), были позднее включены.⁴³ Текст *1-й законченной* редакции — результат возвращения Толстого после долгого перерыва к работе над повестью летом 1895 года (дата завершения в рукописи — 1 июля). В начале августа 1895 года в этой редакции Толстой два вечера читал «Воскресение» в Ясной Поляне, после чего слухи о нем проникли в печать. Во второй половине 1895-го и начале 1896 года Толстой многократно перерабатывал этот текст, в результате чего сложилась его *2-я редакция* (Рук. 6—31, около 1500 листов). Листаж в данном случае говорит сам за себя. Редакция эта в действительности состоит из нескольких промежуточных, ее относительная целостность определяется непрерывностью и общей направленностью работы Толстого.

За *1-й законченной* редакцией, согласно систематизации Гудзия, последовало еще *пять* редакций, из которых им были извлечены и опубликованы 155 вариантов. Как границы, так и состав каждой из этих пяти редакций, только в трех случаях имеющих финальную дату, вследствие «текучести» рукописей, о которой уже говорилось, не представляются бесспорными. И поставленная в новом 100-томном академическом Полном собрании сочинений задача реконструкции каждой — не из легких. Последовательность «перепутанных», по свидетельству Гудзия, рукописей он определял по многим параметрам, опираясь и на хронометрировавшие рабо-

⁴¹ Зачеркнутые слова даны в квадратных скобках, вписанные над строкой — полужирным курсивом.

⁴² Об этой закономерности в черновиках романа подробнее см.: Гродецкая А. Г. Подробность в пределах контраста (из наблюдений над рукописями «Воскресения») // Лев Толстой и мировая литература: Материалы VII Междунар. науч. конф. в Ясной Поляне. Ясная Поляна, 2012 (в печати).

⁴³ Впервые текст этой редакции был напечатан Н. К. Гудзием в кн.: Лев Толстой. Неизданные тексты. С. 81—172; позднее: «Воскресение» ЛП. С. 401—473. Здесь, согласно примечаниям редактора, текст *1-й законченной* редакции исправлен относительно публикации в 33-м томе на основании позднейших рукописей, от 5-й до 29-й (Там же. С. 551).

ту дневниковые записи Толстого. При этом в обстоятельно выполненном им «Описании рукописей и корректур, относящихся к „Воскресению”» (33, 423—474) не только нумерация, но и наполнение рукописей, начиная с Рук. 8, с *Описанием* под редакцией В. А. Жданова не совпадают. Разобраться в этом пока не удалось. Редактор текстов в Юбилейном издании исходил, видимо, из своего представления о движении текста, у составителей *Описания*, как можно предположить, были основания это движение видеть по-иному. Основные этапы движения текста отражены Н. К. Гудзием в статье «История писания и печатания „Воскресения”» (33, 329—422) и, несколько подробнее, в главе книги «Как работал Толстой».⁴⁴

История печатания «Воскресения» заслуживает отдельного изложения, что Н. К. Гудзий и сделал в большой статье «История печатания „Воскресения” Толстого».⁴⁵ Летом 1898 года в связи с остро вставшей проблемой финансирования переселения в Канаду духоборов Толстой возвращается ко 2-й редакции небольшой повести «Воскресение», объемом в 15 глав, предполагая опубликовать ее вместе с не законченными к тому времени повестями «Дьявол» (тогда «Иртенев») и «Отец Сергей». «Повести эти написаны в моей старой манере, которую я теперь не одобряю, — писал Толстой В. Г. Черткову 14 июля 1898 года. — Если я буду исправлять их, пока останусь ими доволен, я никогда не кончу. Обязавшись же отдать их издателю, я должен буду выпустить их *tels quels*».⁴⁶ Так случилось со мной с повестью „Казаки”. Я все не кончал ее. Но тогда проиграл деньги и для уплаты передал в редакцию „Русского вестника”. Теперь же случай гораздо более законный» (88—89, 106). В июле—августе в результате переработки возникает 3-я редакция «Воскресения» (40 глав) с датой завершения: 28 августа 1898 года (Рук. 32—39; более 800 листов). Условие с А. Ф. Марксом о печатании в «Ниве» повести в 12 печатных листов Толстой подписывает 12 октября, и с 22 октября по 5 февраля 1899 года формируется наборная рукопись «Воскресения» (89 глав). Это 4-я редакция (Рук. 40—46; более 1000 листов), которая не была, согласно комментарию редактора текста, «тщательно и систематически проверена и просмотрена автором: некоторые неразобранные и искаженные переписчиками места не были исправлены, и пропущенные из-за их неразборчивости слова не вписаны».⁴⁷ В работе над рукописями этой редакции были заняты десять переписчиков.⁴⁸ Именно она позднее дорабатывалась и частями отсылалась в «Ниву».

Дальнейшую историю текста, теперь уже не повести, а романа, лучше представить в изложении Н. К. Гудзия, передающем всю исключительную напряженность ситуации. «Работа над корректурами романа заняла у Толстого целый год и была закончена лишь в декабре 1899 года. В результате этой правки разница между текстом наборной рукописи и текстом окончательным получилась огромная. Материал был радикально переработан, увеличен раза в полтора и пополнен рядом эпизодов, в наборной рукописи отсутствовавших. Только для текста первых двадцати восьми глав первой части романа потребовался всего лишь один повторный набор. Что же касается всего остального материала, то он подвергся такой усиленной авторской правке и был настолько расширен, что исправленные корректуры приходилось вновь набирать два, три, четыре раза и больше. В ряде случаев корректура переделывалась Толстым настолько радикально, что она с поправками целиком переписывалась, затем вновь исправлялась, вновь переписывалась и т. д., пока вторично, опять с рукописного оригинала, не поступала в новый набор, за которым часто следовало еще несколько наборов (...) В процессе исправления корректур ро-

⁴⁴ Гудзий Н. К. Как работал Толстой. М., 1936. С. 78—212.

⁴⁵ Звенья. М.; Л., 1934. Вып. III—IV. С. 762—797. Статья с небольшими изменениями повторяет текст, опубликованный в 33-м томе.

⁴⁶ как они есть (*фр.*).

⁴⁷ Звенья. Вып. III—IV. С. 772.

⁴⁸ См.: Описание. С. 382.

ман был поделен на три части, и общее количество глав возросло до ста двадцати девяти. Третья часть была написана почти целиком заново, и в ней вместо первоначальных шести глав получилось двадцать восемь». ⁴⁹ Работа в корректурах шла одновременно с еженедельным печатанием романа в «Ниве», стартовавшим 13 марта (№ 11) и завершившимся 25 декабря (№ 52) с вынужденными перерывами — коротким летом и более длинным осенью, когда Толстой не успевал присылать в редакцию правленные корректуры. Отчаянные телеграммы А. Ф. Маркса этой поры не уступают процитированным выше письмам П. И. Бартенева (см.: 33, 394—395). ⁵⁰ «Корректурные» редакции, сложившиеся в процессе доработки наборной рукописи, составили, согласно систематизации Гудзия, 5-ю и 6-ю редакции «Воскресения» (Рук. 47—210; реальный объем в листах не определен).

Авантест романа открывает поразительные вещи. Парадоксально, например, но факт, что в наборной рукописи (т. е. осенью 1898 года) вообще нет политических заключенных, есть только уголовные. И лишь в эпилоге намечено, что в Сибири Катюша выходит замуж за бывшего политического Аносова (позднее он станет Вильгельмсоном и потом Симонсоном), который служит землемером и при этом «совершенно освободился от напущенного на себя революционерства и не мог даже подумать, зачем оно ему» (33, 148). То есть все, что связано с политическими заключенными, входит в роман только на последнем этапе работы — в 1899 году!

Первопечатные тексты «Воскресения» действительно поставили редактора текста перед сложнейшими текстологическими проблемами. Напомним, что роман печатался в «Ниве» со значительными цензурными изъятиями и искажениями. ⁵¹ Параллельно в собственном издательстве В. Г. Черткова «Свободное слово» в Лондоне роман выходил в бесцензурном варианте. По договоренности с А. Ф. Марксом Черткову отсылались дубликаты корректурных листов журнала с внесенной правкой, и их Толстой помечал «для *Нивы*» и «не для *Нивы*». В 1900 году Маркс выпустил «Воскресение» двумя отдельными изданиями, с указанием на титуле, что это 2-е издание, «исправленное по новым корректурам автора». ⁵² Пять глав последней части романа и эпилог печатались здесь по последним правленным корректурам, присланным Толстым в редакцию «Нивы» уже после завершения журнальной публикации. У Черткова в «Свободном слове» роман публиковался в течение всего 1899 года, как и в «Ниве», по мере присылки корректур в Лондон, сначала 13 отдельными выпусками, и в 1899—1900 годах вышли четыре его отдельных издания. Но и этого мало. В Лондон отсылались две копии правленных корректур — для русского издания и для одновременно готовившихся и уже проданных Чертковым иностранным издателям переводов романа на английский, французский и немецкий языки, т. е. переводчики работали не с печатным текстом, а с корректурным.

В процессе подготовки романа к публикации редакторские изменения, главным образом стилистического характера, в него вносил (по просьбе Толстого) Г. А. Русанов. В гранках «Нивы» текст прошел, помимо жесткой официальной цензуры, через цензуру редактора журнала Р. И. Сементковского, которым было сделано, по подсчетам Гудзия, более 1000 исправлений. В корректурах, посылав-

⁴⁹ Звенья. Вып. III—IV. С. 773—774.

⁵⁰ О переговорах и переписке Толстого с издателем «Нивы» ценный материал собран в книге: Динерштейн Е. А. «Фабрикант» читателей: А. Ф. Маркс. М., 1986. С. 53—65 (гл. «Звездный час»).

⁵¹ В. Бонч-Бруевич, причастный к подготовке лондонского издания, насчитал в романе 497 разного рода пропусков и искажений общим объемом в 16 250 слов; две главы были изъяты полностью, несколько глав, преимущественно в третьей части, сокращены вдвое и втрое (см.: Бонч-Бруевич В. По поводу русского издания «Воскресения» Л. Н. Толстого // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 316).

⁵² Первое издание вышло с текстом, идентичным журнальному. За ним последовали еще два: Воскресение. Роман в трех частях графа Л. Н. Толстого. 2-е изд., исправленное по новым корректурам автора. СПб., 1900; Воскресение. Роман в трех частях графа Л. Н. Толстого. (По новым корректурам автора). С рисунками художника Л. О. Пастернака. СПб., 1900.

шихся в Лондон, свои поправки в текст, хотя и немногочисленные, вносил Чертков. Редакторского участия доверенных лиц Толстой, как известно, не отвергал, и Черткову, как ранее Н. Н. Страхову, в этой роли им была дана *carte blanche*. Все случаи постороннего вмешательства в текст, как санкционированного, так и не санкционированного Толстым, были при сличении печатного текста с авторизованными корректурами Н. К. Гудзием установлены и устранены. Опубликовал он следующие варианты: печатные (32, 447—450), цензурные (32, 471—505), исправления Г. А. Русанова (32, 507—520).

Текстологическим решениям Н. К. Гудзия предшествовали несколько редакторских реконструкций текста «Воскресения» с учетом разных источников — как изданий А. Ф. Маркса, так и бесцензурных изданий В. Г. Черткова. Впервые текст романа реконструировал Г. А. Русанов, готовивший (видимо, по просьбе С. А. Толстой) «Воскресение» для 11-го Собрания сочинений Толстого (1903) и по своему усмотрению соединивший тексты двух изданий Маркса с изданием «Свободного слова», из которого внес изъятые цензурой отрывки. В 12-м Собрании сочинений Толстого, изданном в 1910—1911 годах, в тексте «Воскресения» (т. 18) были восстановлены отдельные фрагменты, исключенные редактором «Нивы» Сементковским, и отмечены точками некоторые цензурные изъятия. В 1913 году в Полном собрании сочинений Толстого под редакцией П. И. Бирюкова текст «Воскресения» (т. 17) печатался по изданию «Свободного слова» с учетом авторских исправлений, вошедших во 2-е издание Маркса. В 1918 году Б. С. Боднарский опубликовал «Воскресение» отдельным изданием в собственной «текстовой реставрации», явившейся, по его определению, «первым полным русским изданием» романа. Все восстановленные цензурные купюры и искажения в этом издании были выделены курсивом.⁵³ В 1929 году в Собрании художественных произведений Толстого под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума «Воскресение» (т. 13) печаталось по 2-му изданию Маркса с исправлениями по авторизованным гранкам «Нивы» (гл. I—XIV) и по изданию «Свободного слова».⁵⁴

Полемика вокруг текста «Войны и мира» привела к тому, что ошибки, найденные в Юбилейном издании, были учтены и исправлены в 20-томном Собрании сочинений Толстого (Т. 4—7, 1960—1963; работа В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур).⁵⁵ Оно и 22-томное собрание с идентично изданным текстом с тех пор считаются наиболее авторитетными. Текст «Анны Карениной» был уточнен по рукописям и заново критически подготовлен (также В. А. Ждановым и Э. Е. Зайденшнур) для издания романа в «Литературных памятниках» в 1970 году. И только дефинитивный текст «Воскресения», как и рукописные редакции и варианты романа, после редакторской работы Н. К. Гудзия предметом критического исследования не ста-

⁵³ Толстой Л. Н. Воскресение. Роман / Текстовая реставрация В. С. Боднарского. Первое полное русское издание. М.: Книгоиздательство «Народная мысль», 1918. Об этом издании стоит сказать особо. В. С. Боднарский (1874—1968) — книговед, библиограф, заслуженный деятель науки РСФСР (1945). С 1909 года он был членом Русского библиографического общества при Московском университете (в 1920—1929 годах — его председатель). Основной труд Боднарского «Библиография русской библиографии» содержит обзор русской библиографической литературы с 1913 по 1925 год; он же составитель «Библиографии произведений Л. Н. Толстого» (М., 1910). Обнаружив «неискаженную версию знаменитого романа», как писал в предисловии В. С. Боднарский, он считал необходимым «наглядно выделить те места, которые стали объектом цензурного насилия». Реконструкция не ставила академической задачи, т. е. мелкие, в том числе и стилистические разночтения, не восстанавливались, однако цель издателя, по его словам, «состояла в том, чтобы не пропустить ни одного характерного толстовского слова, перед которым трепетала самодержавная власть», «ни одной из мыслей Толстого, как философа-моралиста и великого учителя, в которых так нуждается именно теперь истстрадавшаяся душа русского гражданина» (Там же. Предисловие, без нумерации страниц).

⁵⁴ Сведения о предпринятых реконструкциях текста романа приведены в статье: Зайденшнур Э. Е. Конецкая повесть Л. Н. Толстого // В мире книг. 1975. № 7. С. 70.

⁵⁵ Многочисленные примеры ошибок см.: Зайденшнур Э. Е. По поводу текста «Войны и мира». С. 279—282.

ли. Свидетельством их «сплошной проверки», обнаружившей в тексте Юбилейного издания, по словам Жданова и Зайденшнур, «свыше 500 ошибок», осталось упоминание об этой проверке в двух абзацах их цитированной выше статьи. Позднее в небольшой статье «Коневская повесть Л. Н. Толстого» Э. Е. Зайденшнур свою критику «сконструированного» Н. К. Гудзием текста романа продолжила, проиллюстрировав ее примерами найденных в тексте ошибок.⁵⁶ Николай Каллиникович Гудзий умер в 1965 году. Результаты его текстологической работы, имеющие, по словам академика В. В. Виноградова, «очень большую теоретическую, методологическую и научно-методическую ценность»,⁵⁷ более чем с полувековой дистанции представляются поистине титаническими.

⁵⁶ См.: Зайденшнур Э. Е. Коневская повесть Л. Н. Толстого. С. 68—70.

⁵⁷ Виноградов В. В. Научно-исследовательский путь Н. К. Гудзия // Лит. наследство. 1965. Т. 75: Толстой и зарубежный мир. Кн. 2. С. 559.

© И. В. Федорова

АПОКРИФЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ В РУССКОЙ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XII—XIX ВЕКОВ:

1. АПОКРИФЫ О КРЕСТНОМ ДРЕВЕ*

Проблема включения в тексты «хождений» в Святую Землю апокрифических легенд и палестинских преданий поставлена в работах исследователей XIX—XX вв.¹ И. Я. Порфирьев привел значительный, но неисчерпывающий список апокрифических сюжетов, читающихся у наших средневековых паломников: «Игумен Даниил в своем путешествии говорит о главе Адамовой, погребенной на том месте Голгофы, где был распят Спаситель, приводит сказание о Мелхиседеке, сходное с апокрифическим словом Афанасия Александрийского, упоминает о столпе Давидове, на котором Давид псалтырь составил; Арсений Селунский также говорит о месте, где лежит глава Адама первозданного, о камне на берегу Иордана, под которым кости змиевы видети, что блюли рукописание Адамле; Трифон Коробейников рассказывает о гробе Мелхиседека в церкви под горою святыя Голгофы и о главе Адамовой на месте распятия Спасителя...»²

Однако систематическое исследование легендарного материала в составе «хождений» еще впереди и, можно прогнозировать, имеет большой потенциал как для реконструкции самого репертуара палестинских легенд, известных нашим паломникам, так и для исследования истории развития жанра паломнического «хожде-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Палестина и Россия: исторические и культурные контакты и связи» («Неизвестные описания Святой Земли русских паломников XVII—XIX вв.: исследование и тексты», проект № 10-04-00247 а/П).

¹ См., к примеру: *Веселовский А. Н.* К вопросу об образовании местных легенд в Палестине // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Май. С. 166—183; *Заболотский П.* Легендарный и апокрифический элемент в Хождении игумена Даниила и экскурс в область истории возникновения и развития легенды и апокрифа. Варшава, 1899; *Голубцова М. А.* К вопросу об источниках древнерусских хождений во Св. Землю. «Поклоненье св. града Иерусалима» 1531 г. М., 1911. С. 28—32; *Рождественская М. В.* Иерусалим и Святая Земля в древнерусских библейских апокрифах // Православный Палестинский сборник. М., 2007. Вып. 105. С. 178—183 (далее — ППС). См. также анализ апокрифического пласта в описаниях отдельных паломников: комментарии А. С. Норова к тексту «Хождения» игумена Даниила (Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века. (1113—1115 гг.) / Под ред. А. С. Норова. СПб., 1864), С. П. Розанова к «Перегринации» Ипполита Вишенского (Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. (1707—1709 гг.) / Под ред. С. П. Розанова. СПб., 1914. С. XXXV—XXXVIII. (ППС. Вып. 61)), а также рецензию на это издание В. П. Адриановой-Перетц (*Адрианова В. П.* Пелгримация Ипполита Вишенского в новом издании Православного Палестинского общества. Пг., 1915. С. 21—31) и ее исследование палестинской легенды в «Хождении» Арсения Солунского: *Адрианова В. П.* Хождение Арсения Селунского. (Из филологического семинария проф. В. Н. Перетца). СПб., 1913. 11—21; *Гурова С.* Разказът на Солунския дякон Арсений в контекста на гръцката и руската поклонническа проза през XIV — XVII век. (Текстологично проучване) // *Palaeobulgarica*. 1991. № 1. С. 96—108. Среди исследований последнего времени отметим работу итальянского ученого М. Гардзанити: *Garzanti M.* Les apocryphes dans la littérature slave ecclésiastique des pèlerinage en Palestine // *Apocrypha*. 1998. Vol. 9. P. 157—177.

² *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С. 4.

ния». В исследовании поэтики этой формы, начатом Н. И. Прокофьевым в середине прошлого века,³ уделяется большое внимание формальным признакам жанра и их трансформации, но легендарный и апокрифический материал вынесен за рамки такого изучения. Палестинская легенда в паломнических описаниях большинством исследователей воспринимается как статичный материал, не подверженный изменениям, в отличие от других жанровых признаков «хождения». Если рассматривать этот материал в диахроническом аспекте, то можно проследить изменения в передаче одного и того же легендарного сюжета паломниками разных эпох, понять причины выбора палестинских легенд странниками разного времени, а значит, оценить актуальность одних сюжетов и не востребованность других. Возможности такого исследования продемонстрируем на примере бытования в отечественной паломнической литературе апокрифов о Крестном древе.

* * *

Так называемые Крестные легенды (или апокрифы о Крестном древе)⁴ представляют собою ряд легенд, рассказывающих о древе, из которого был сделан крест для распятия Христа. Русской книжной культуре они известны по разным источникам: из Палеи исторической, где читается легенда о древе Лота; в более поздней Сокращенной Палее русской редакции рассказано о древе Моисея; из апокрифа «О крестном древе, о дву кресту разбойничю и о лбе Адамли», приписываемого Григорию Богослову, из «Слова о древе спасенного креста» Севериана, епископа Гевальского;⁵ сюжет о крестном древе также читается в составе «Беседы трех святителей», в Евангелии Никодима и в других памятниках.⁶ Как показывают исследователи, русские переводы Крестных легенд восходят к еврейским и греческим сочинениям, оригиналы которых не всегда сохранились. Одну из легенд Крестного цикла, рассказывающую о черепахе Адама, погребенного под Голгофою, фиксирует старший памятник русской паломнической литературы «Хождение» игумена Даниила, но всей апокрифической истории произрастания и обретения древа для креста наш древнейший паломник не знает, хотя его хождение и сохранило рассказ о паломничестве в монастырь Святого Креста и его описание: «И отъ того мѣста до честнаго Креста есть верста едина; и есть мѣсто за горою, на западь лицъ отъ Иерусалима, и на томъ мѣстѣ посѣченъ есть подножекъ Христовъ, на немъ же пригвоздиша пречистиѣ нозѣ Господа нашего Иисуса Христа. И есть мѣсто то градомъ одѣлано, и посредѣ града того создана есть церкви, велика вверхъ, во имя честнаго Креста, исписана есть добръ вся. И подъ великимъ олтаремъ, подъ трапезою глубоко, и есть пень древа того честнаго. И утвержено есть вельми, и покрыто есть надъ пнемъ тѣмъ дѣсками мрамора бѣлаго. И оконце продѣлано противу древу тому, и есть кругло. И то есть монастырь ивѣрьскый».⁷

³ См.: Прокофьев Н. И. 1) «Хождения» как жанр в древнерусской литературе // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1968. Вып. 288 (Вопросы русской литературы). С. 3—24; 2) Русские хождения XII—XV вв. // Там же. М., 1970. Вып. 363 (Литература Древней Руси и XVIII в.). С. 3—264; 3) Язык и жанр. Об особенностях языка древнерусских хождений // Русская речь. 1971. № 2. С. 16—25.

⁴ См.: Каган М. Д. Апокрифы о крестном древе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 60—66.

⁵ Публикацию текстов см.: Порфирьев И. Я. Указ. соч. С. 96—99, 101—103.

⁶ Там же. С. 65. Отметим, что в ряде случаев оба произведения включаются в сборники с «Хождением» игумена Даниила, см.: Рузский Н. В. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую Землю русского игумена Даниила в начале XII века // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1891. Кн. 3. С. 40, 58, 91, 96; Сидоров Н. И. Рукописи Императорской Археографической комиссии. Первое прибавление // Летописи занятий Императорской Археографической комиссии за 1904 г. СПб., 1907. Вып. 17. С. 9.

⁷ Житие и хоженье Даниила, русскыя земли игумена. 1106—1108 гг. / Под ред. М. А. Вевитинова. СПб., 1883. С. 82—83 (глава «Идѣже възрасте честное древо»). (ППС. Вып. 3).

Устроение монастыря Креста христианская традиция связывает с местом, где произрастало древо, из которого был сделан крест для Христа. По легенде, место было определено еще царицей Еленой в IV веке. Первая базилика, воздвигнутая на нем, датируется исследователями поздним византийским периодом, VI веком. Сам монастырь основан царем Багратионом в 1040 году по указу грузинского царя Марьяна I, получившего эту землю еще от императора Константина в IV веке; нынешнее здание обители построено Георгием II и грузинами-иверийцами в XIII веке. По другой версии, монастырь основан императором Юстинианом.⁸ Одна из Крестных легенд основание монастыря связывает с местом произрастания дерева, посаженного Лотом после разрушения Содома. Это сказание, у некоторых поздних паломников называющееся «Лотовым знамением», впервые в русской паломнической литературе передает русский перевод 1531 года греческого проскинитария «Поклонение св. града Иерусалима»: «От Ерусалима на западную страну 2 поприща есть монастырь Честнаго Креста, гдѣ посади Лоть 3 главни, принесена от Египта, прорастоша 3 древа — кипарис и певгъ и кедръ, и от того древа учинен бысть крестъ, на нем же распят бысть Христосъ».⁹

М. А. Голубцова, исследовательница памятника, высказала мнение, что краткая редакция апокрифа о Крестном древе, читающаяся в этом проскинитарии, может быть возведена к «Слову о древе спасенного креста» Севериана Гевальского,¹⁰ рассказывающему о Лоте, на которого в искупление греха была наложена епитимья: выращивать из трех главней дерево, впоследствии срубленное для построения храма Соломона. Казавшееся на земле длинным, поднятое на крышу, оно стало новилось коротким, из-за чего дерево не было использовано в строительстве храма, а по приказу царя Соломона положено в церкви, где служило скамьей. Царица Савская, придя к Соломону, отказалась на него сесть, провидя, что на нем будет распят Христос. Наблюдение М. А. Голубцовой о зависимости апокрифической заметки о Крестном древе из «Поклонения св. града Иерусалима» от Слова Севериана Гевальского можно оспорить. Обратим внимание на деталь, оставленную исследовательницей без комментария: указание в тексте на Египет как место обретения Лотом трех главней; в Слове Севериана Гевальского таковое отсутствует,¹¹ но в апокрифе, известном как «Слово святого Григория Богослова о честном кресте», рассказано, как Авраам отправил Лота принести три главни из Нила.¹² В древнерусской книжности Слово Григория Богослова, по наблюдениям исследователей, становится известно с конца XIV века, Слово Севериана Гевальского получает распространение чуть позже: рубежом XV—XVI столетий датируются ранние списки памятника.¹³

Текстуальной зависимости от обоих памятников рассказы наших паломников не имеют: сходство с ними, как и с другими памятниками, передающими исто-

⁸ Подробно о монастыре Креста см.: *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 1873. С. 313—316; *Торик И.* Энциклопедический путеводитель по Израилю. Иерусалим, 2008. С. 183—185.

⁹ *Голубцова М. А.* Указ. соч. С. 55.

¹⁰ Там же. С. 29. М. А. Голубцова подчеркивает, что традиционно в проскинитариях только отмечено место, где срублено Честное древо, а сам апокриф не приводится (Там же. С. 30).

¹¹ В Слове Севериана Гевальского епитимья, наложенная Авраамом на Лота (в тексте «нѣкоего мужа», без имени (!)), звучит так: «...аще хоцещи брате божественное умолити, три главня принеси ми. Мужъ же повелѣнное вскорѣ сътвори. И якоже от растоаниа пол поприща единого обоихъ рѣкъ отпешду» (имеется в виду Иордан, о котором было рассказано в Слове ранее. — *И. Ф.*) (*Порфирьев И. Я.* Указ. соч. С. 101—102).

¹² «Егда согреси Лот и прииде ко Аврааму на покаяние, егда же слыша Авраам грех его, и ужасеся велми и пусти Лота, да погибнет, и рек ему: иди, принеси огня, иже в Ниле реце. И шед Лот, обрете звери спяща, и взять три главни, и принесохъ ко Аврааму» (Там же. С. 96—97).

¹³ *Каган М. Д.* Указ. соч. С. 63—65.

рию Крестного древа, обнаруживается только на уровне сюжета. Его паломнические «хождения» тоже передают по-разному, очевидно завися от используемого источника, установить который в большинстве случаев достаточно трудно, так как Крестные легенды имели не только богатую письменную традицию, к которой, перерабатывая свои записи, могли обращаться паломники, но и пересказывались гидами-проводниками, сопровождавшими странников.¹⁴ Устное происхождение апокрифических легенд в составе паломнических рассказов предполагал еще И. Я. Порфирьев, обративший внимание на то, что ни один из наших средневековых паломников в своих описаниях «не указывает ни на какую апокрифическую книгу, а форма речи и вся обстановка рассказа дают знать, что сообщаемые ими сведения взяты не из книг, а из тех устных рассказов, которые они слышали во время самого посещения описываемых мест».¹⁵ Это наблюдение И. Я. Порфирьева верно как для восточнославянской паломнической традиции, так и для греческих проскинитариев, переводы которых на русский язык сохранились в списках XVI—XVII столетий.¹⁶ Так, в русском переводе Евфимия Чудовского «Проскинитария» Арсения Каллуди Крестная легенда передана следующим образом: «Во святомъ олтари подъ святою трапезою есть скважня кругла, и есть мѣсто, идѣже насадиа и возрасте жизнодательный садъ всесвятое древо честнаго Креста, еже прежде царь Соломонъ вложи во единъ мость, да преходятъ человекъи, горятъ надъ скважною кандила 10 предъ иконою Креста».¹⁷ Однако в греческой традиции этот апокриф можно встретить еще раньше, с начала XV столетия, с проскинитария, известного под названием Аноним Алляция, к тексту которого, по мнению М. А. Голубцовой,¹⁸ так или иначе восходят известные проскинитарии XV—XVII столетий, в том числе и переведенные в Московской Руси: «По направлению к Иерусалиму в двух милях есть монастырь Честного Креста, и под св. престолом есть место, где Лот посадил три головы, которые выросли в древо. Это самое древо срубили иудеи и сделали крест и распяли на нем Господа славы. Есть храм красивейший с куполом и построенный кругом как бы крепость и имеет дверь железную».¹⁹

На «греческие книги» как источник Крестной легенды прямо указывает Василий Григорович-Барский: «Повѣсть же, яже въ греческихъ обрѣтается книгахъ, есть сицева».²⁰ Показательно, что сама легенда записана им со слов монахов обители, которую ему и другим поклонникам — «мерхаджам» — рассказывали они «вкратцѣ греческимъ простимъ языкомъ» для «умягчения их сердец» во время прошения милостыни для монастыря («якоже есть обичай»), показывая место произрастания древа. Эти слова Барского — еще одно свидетельство бытования апокрифа как в устной палестинской традиции, так и в письменной форме. В «Странствовании» Василия Григоровича-Барского история Крестного древа начинается с

¹⁴ Прямое указание на это находим у В. Н. Хитрово: «Много в Святой Земле таких рассказов, в Евангелии их нет, а по преданию, у местных жителей сохраняются и нет причины им не верить» ([Хитрово В. Н.]. К животворящему Гробу Господню. Рассказ старого паломника. СПб., 1884. С. 74). Этими словами, как нам кажется, мог свидетельствовать паломник любой эпохи, выражая свое отношение к слышанной им там легенде.

¹⁵ Порфирьев И. Я. Указ. соч. С. 5.

¹⁶ А. Н. Веселовский в рассказах проскинитариев об устройении монастыря Креста видит «соборный характер пересказа» Крестного предания, который «заставляет сомневаться, чтобы сообщенные подробности отвечали какой-нибудь действительной редакции сказания» (Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1879. Ч. 10. С. 377).

¹⁷ Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима на греческом языке написал критянин иеромонах Арсений Каллуди и напечатал в Венеции в 1679 году, с греческого на славянский диалект перевел Чудовский монах Евфимий в 1686 году (из Синодальной рукописи, № 543) / Под ред. архим. Леонида // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1883. Т. 46. С. 60.

¹⁸ Голубцова М. А. Указ. соч. С. 2—3.

¹⁹ Там же. С. 72 (перевод текста М. А. Голубцовой).

²⁰ Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. / Под ред. Н. Барсукова. СПб., 1885. Ч. 1. С. 336.

падения Содома и Гоморры и грехопадения Лота (Быт 19: 24—38): «Въ время западения Содома и Гоморра, егда Богъ огнемъ сожже гради тия за преумножившиися ихъ беззакония, и егда праведнаго человекъ Лота съ женою и со чади изводиши отъ туду (якоже чтется въ Библии), заповѣданно бистъ имъ, да никакоже дерзнуть возрѣти воспятъ, жена же Лотова не стерпѣ и возрѣ и обратися въ камень слании, иже и доселѣ стоитъ за Иерусалимомъ, близъ Мертваго моря. Оставшу убо тогда отцу съ дщери двѣма и ноцующи, упоиша дщери отца своего Лота и грѣхъ сотвориша съ нимъ. Въ утрѣ же, егда отрезвѣ и возвистиша ему дщери о содѣяннѣмъ грѣсѣ, тогда печалень бивъ много, скорбяше дозѣла, не вѣдый, что творити и каковое би покаяние положить грѣху своему. Пойде же къ Аврааму патриярѣ и исповѣдася ему и моляше, да и разрѣшитъ отъ грѣха. И рече ему Авраамъ, яко грѣху твоему нѣсть равная эпитемия, токмо сотвори, якоже повелю ти. Рече же ему, да идетъ въ садъ Савековъ и возметъ тамо три главни отъ онаго огнища, идѣже хотяше сина своего Исаака заклати на жертву Богу, а главнѣ оние да возметъ отъ древа разнаго, едину отъ певга, вторую отъ кедра, третую отъ кипариса, и да посадить я въ долину оной, идѣже нинѣ Честнаго Креста монастырь стоитъ, внѣ Иерусалима, единъ часъ хождения, да носитъ же на хребтѣ своемъ воду отъ Иордана на лѣто едино трижды и поливаетъ оние главни, еже есть седмъ часъ расстояния, и сице да творить чрезъ три лѣта. И рече ему, аще убо тако сотвориши и узриши, яко оние главни оживуть и возрастуть въ древо, тогда разумѣй, яко отпущенъ ти есть грѣхъ отъ Бога. Се же все бистъ волею божественною и предъвидѣниемъ всемогущаго Творца, нашего ради спасения. Сотвори же праведный Лотъ повелѣнью ему, аще и не совершенно: заповѣда бо ему Авраамъ, да аще кто отъ него воспроситъ пити на пути, никакоже да возбранитъ ему, но абие да дастъ; аще кто напиется отъ води тоя, да не несеть ю къ тому на поливание главень онихъ, но да излиетъ вонъ и паки идетъ къ Иордану и возметъ другую, да ни отъ кого же начатою водою поливаетъ древа оние. И тако праведный Лотъ, творя повелѣнное ему, многий трудъ понесе чрезъ три лѣта, всегда бо или человекъ, или жена, или отрочище просяше отъ него на пути води. Се же бистъ частию отъ случая, найпаче же отъ врага диявола, пакостящаго намъ въ спасении нашемъ, иже наводящи множицею мужа или жену и творяше препятие покаянию Лотовому. Трудящися же сице чрезъ три лѣта, дважды точию начатаю водою поля главни оние, обаче Богу, видящи его истинное покаяние, сотвори приятися и ожити главнемъ тѣмъ, и тако сцѣпившиися въ купу три, возрасте древо едино отъ певга, кедра и кипариса, отъ него же жидове содѣлавше крестъ, роспяхе на немъ Господа нашего Иисуса Христа. Таковая азъ тогда слышавши, много чудихся прекрасной повѣсти оной и благодарствовахъ Богу въ сердци своемъ, яко сподоби мя самовидцемъ бити толь преславныхъ и достослышанныхъ вещей. Тогда, кто хотяша и можаше отъ хадзѣевъ, ущедри милостинею обитель святую».²¹ Благодаря этому свидетельству Василия Григоровича-Барского и учитывая консерватизм паломнической практики, поддерживаемой веками, можно говорить, что и большинство других паломников, записавших в свои «хождения» Крестную легенду, воспроизводили ее со слов своих проводников.

Возвращаясь к ранней фиксации апокрифа о Крестном древе в русском переводе 1531 года «Поклонения святого града Иерусалима», следует особо подчеркнуть, что он отсутствует у наших средневековых паломников, которые, как и игумен Даниил, посещали монастырь Креста, но Крестную легенду не приводили. Очевидно, она не была тогда актуальна для палестинской традиции. Так, в «Ксеносе» иеродиакона Зосимы (паломничество 1420 года) сообщено: «...пойдохъ въ монастырь иверский, идѣже усъчено древо кресту Господю; то быше мѣсто подъ престоломъ, еже знати и донынѣ».²² В «Хождении» Василия Гагары (1634—1637): «Да близъ

²¹ Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока... Ч. 1. С. 336—338.

²² Хождение инока Зосимы / Под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1889. С. 22 (ППС. Вып. 24).

Иерусалима, отъ града два поприща, гдѣ дѣланъ крестъ Господень, на немъ же плотно пострада, и на томъ мѣстѣ стоитъ монастырь Воздвижения честнаго Креста, а въ немъ живутъ грузинскія власти и мнихи». ²³ В «Хождении» иеродиакона Ионы Маленького (1649—1659): «...а отъ святаго Сиона къ полунощной же странѣ за горою вдалье версты монастырь Животворящаго креста Господня: на томъ мѣсте посѣчено было древо изъ нево же сдѣланъ бысть крстъ Христовъ. Есть пень того древа подъ святою трапезою, окладенъ мраморомъ, и три кандила горять; и въ томъ монастырѣ нынѣ живутъ иверы, а называется церковь Честнаго креста». ²⁴ Не зафиксирована Крестная легенда и у известных русских послов-паломников XVI века Василия Познякова и Трифона Коробейникова, в «Хождения» которых, как известно, вошла значительная часть текста «Поклонения св. града Иерусалима». У Василия Познякова читаем: «На полунощную страну стоит монастырь Воздвижение Честнаго Креста, на нем же Христось распятся». ²⁵ В «Хождении» Трифона Коробейникова отмечена связь монастыря с местом возрастания древа Креста: «На полунощную страну монастырь стоит Воздвиженье честнаго креста, гдѣ росло древо животворящаго креста, на немъ же Христось распятся» ²⁶ (курсив мой. — И. Ф.). Можно предположить, что монастырь эти паломники не посещали, во всяком случае, Василий Позняков. Такое предположение позволяет сделать его рассказ о Синае, в котором сказано, что в Синайском монастыре Святой Екатерины, откуда потом паломники отправились в Иерусалим, патриарх Софроний показал монастырские реликвии, среди них было «животворящее дрѣво, — цветомъ недобре, черно, кабы серо; немного его, с невеликой черенъ». ²⁷ Поэтому можно думать, что если бы Василий Позняков посетил монастырь Креста, а не просто его видел, то отметил бы связь монастыря с дровом Креста, как это сделал князь Николай Радзивилл, посетивший обитель в 1583 году, когда в Иерусалиме был и Трифон Коробейников. Русский перевод его «Путешествия в Святую Землю и Египет 1582—1584 гг.» выполнен в Московской Руси в последней трети XVII века с польскоязычного оригинала: «...къ монастырю святаго Креста Господня приѣхали: по лѣвую страну дороги стоять; греки зовутъ монастырь святаго Архангела; прилежить къ георгианомъ; уставъ свой имѣютъ, каковъ и въ монастырѣ святаго Саввы есть; безпрестанно тамо ихъ епископъ обитаетъ. Предание есть отъ древнихъ начальниковъ прародителей, понеже оттоле бѣ взято древо масличное на крестъ Господень, яко показываютъ диру подъ олтаремъ великимъ». ²⁸ Примечательны и фиксация предания князем на исходе XVI века, и указание на масличное дерево как древо распятия: оно отсылает к западному варианту Крестного сказания, ²⁹ которого не знают русские паломники ни «старшего», ни нового времени, но которое встречается у западных пилигримов. Так, в описании 1862 года доктора Сеппа ³⁰ находим ссылку на легенду о маслине

²³ Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары. 1634—1637 гг. / Под ред. С. О. Долгова. СПб., 1891. С. 59 (ППС. Вып. 33).

²⁴ Повесть и сказание о похождениях во Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона Ионы по реклому Маленького. 1649—1659 гг. / Под ред. С. О. Долгова. СПб., 1895. С. 48 (ППС. Вып. 42).

²⁵ Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи / Подг. текста, перевод и комм. О. А. Велобровой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 10. С. 84.

²⁶ Хождение Трифона Коробейникова / Под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1889. С. 34 (ППС. Вып. 27).

²⁷ Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи. С. 66.

²⁸ Похождение в Землю Святую князя Радивила Сиротки. 1582—1584 / Подг. к печати и комм. П. А. Гильтебрандта. СПб., 1879. С. 53 (Приложение к 15 тому «Известий Географического общества»).

²⁹ Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. С. 367—424.

³⁰ «Иерусалим и Святая Земля. Дневник пилигрима по Палестине, Сирии и Египту». Русский перевод дневника сохранился в рукописи РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4695/1. С. Пономарев называл труд д-ра Сеппа («Jerusalem und das heilige Land») «лучшей книгой в иностранной литературе», но ее перевод на русский язык в изданной ученым библиографии не учтен, см.: Пономарев С. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке и живописи и переводах. (Материалы для библиографии). СПб., 1877. С. 98. № 815.

или кипарисе как древе Креста: «Монастырь носит имя от сказания, что здесь росли маслина или кипарис, из которой был срублен крест Христов». ³¹ Далее в тексте приведен еще один вариант апокрифа: «У иаковитовъ в Страстную пятницу читается легенда, что Крест Христов был из миндального дерева, которое посадил Адам и Ной взял с собою в ковчег». ³² Происхождение Крестного древа от дерева из Ноева ковчега фиксирует и греческое описание святынь Константинополя, сохранившееся в латинском переводе XII века, с той разницей, что оно древом распятия называет виноградную лозу: «В том же дворце, в храме Михаила Архангела, где находится жезл Моисея и часть милоти Илии пророка, есть виноградная лоза, от которой Ной пил вино. Из ее древесины потом сделали Крест». ³³ Греческий первоисточник, положенный в основу латинского перевода, датируется исследователями 1063—1081 годами. ³⁴ Отголосок этой версии Крестной легенды можно услышать и в сообщении Антония Новгородского, посетившего Константинополь в 1200 году: «...и ту стоить крестъ въ лозѣ Ноевъ учиненъ, юже по потопѣ насадивъ...». ³⁵ В более поздних описаниях царьградских святынь русскими паломниками (Стефаном Новгородцем, а также автором анонимного «Описания Константинополя начала XIV века») этой легенды не обнаруживаем. Уникальность этой версии Крестного предания для восточнославянской книжности подчеркивает и традиция православного богослужения, которая древом Креста Христова называет сросшиеся кипарис, певг (средиземноморская сосна) и кедр: ³⁶ «Яко изволил еси распятися на кипарисе и на певге и кедре, плотию совоздвигаем» (Воскресный канон 2-го гласа, песнь 5), в Постной Триоди (среда четвертой недели Великого Поста, утренняя, канон Преполовению и Кресту, песнь 7): «Яко кипарис милосердие, яко кедр же благовонную, яко певк истинную любовь приносяще, Господню Кресту поклонимся, на нем славяще Избавителя пригвоздившагося». Об этом же свидетельствует третья паремия на Воздвижение Честнаго Креста. О кипарисе, певге и кедре (либо о «трех главных», «трех посохах») говорят и Крестные легенды, записанные восточнославянскими паломниками-писателями.

Впервые фиксацию Крестной легенды в русской паломнической литературе находим в «Хождении» Иоанна Лукьянова (1701—1703): «И пришли в монастырь к Честному Кресту, гдѣ честное древо расло. <...> А сказываютъ про то древо: посадил Лоть три главни по согрешении со дщерми и поливал то древо по повелѣнию Авраамову. И когда Соломонъ сталъ строить Святая Святыхъ, и то древо повелѣлъ съсѣчь на тябло. И мастера то древо смѣряли и потянули вверхъ — ано и коротко стало. Они же усумнешася, и отпустиша долу, и смѣряли — ажно и пришло в мѣру; потянули опять — ажно и опять стало коротко. Такъ мастера познали, что хочеть быть нѣкое таинство, и положили его к стенѣ — и бысть съдалище иудеом. И когда пришла Южская царица к Соломону и Соломонъ нача ея водити по своим царским сокровищам и показовати ей вся церковная здания внутрь ея, тогда Южская царица, когда пришла к честному древу и увидѣла его, и воспела: „О треблаженное древо!“ И от того времени не велѣлъ Соломонъ-царь на томъ деревѣ садит-

³¹ Иерусалим и Святая Земля. Дневник пилигрима по Палестине, Сирии и Египту. РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4695/1. Л. 226.

³² Там же.

³³ Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII века / Перевод, предисловие и комментарий Л. К. Масиеля Санчеса // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996. С. 440.

³⁴ Там же. С. 431.

³⁵ Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 году / Под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1899. С. 20 (ППС. Вып. 51).

³⁶ Обратим внимание на то, что все породы деревьев, называемые разными вариантами Крестного предания, действительно произрастают в Палестине, см., к примеру, об этом: *Архангельский В.* Святая Земля // Иерусалим и Святая Земля: Сборник статей по палестиноведению из журнала «Православный собеседник» за 1907 год, изданный к юбилею Императорского Православного Палестинского общества 21 мая 1907 года. Казань, 1907. С. 62—64.

ся, и с того числа бысть то древо в чести у иудеовъ. И когда жиды стали Христа распинать, и повелѣша ис того древа здѣлать Крестъ Христовъ, на нем же распяша Господа Славы. И тотъ пень в той церкви стоит, и дондесъ цель, и серебромъ обложенъ, и позлащенъ». ³⁷

Сообщение Крестной легенды, записанной Иоанном Лукьяновым, об использовании древа в храме Святая Святых как «сѣдалища иудеомъ» будут приводить и некоторые из последующих восточнославянских паломников. Вариативна по отношению к нему латинская версия предания, читающаяся в «Описании Святой земли» Ансельма Поляка, переведенном на русский язык, очевидно, в конце XVI века. ³⁸ Его текст рассказывает об использовании Крестного древа в виде мостка через ручей Кедронской долины: «На томже мѣсте того потока, гдѣ есть той мость каменный, царица Савва, видѣвши древо, и уразумѣ, яко на томъ древѣ Спасъ мира повѣшенъ быти имѣлъ, ис коего древа в то время сотворенъ бысть мость преходящимъ. Тѣмъ она, егда ѣха слышати премудрости Соломоновы, тамо преходити не восхотѣ, но инымъ мѣстомъ во градъ вниде. Егда же в домъ возвратися, о томъ древѣ царю Соломону втай возвѣсти, его же Соломонъ скрыти повелѣ» (РНБ. Q.XVII.147. Л. 51 об.).

Начиная с петровского времени можно говорить о том, что воспроизведение Крестного предания в описаниях восточнославянских паломников становится традицией. Так, Андрей Игнатъев в «Путешествии из Константинополя в Иерусалим и Синайскую гору в 1707 г.» привел краткую редакцию апокрифа: монастырь Честного Креста, сообщает он, «построенъ на томъ мѣстѣ, идѣже израсте древо, (...) его же возрасти Лотъ, водрузивъ главню за свое прегрѣшение, ношаше воду и от Иордана, то есть часовъ за 12...». ³⁹ Сведений о завещании Аврааму Лоту поливать головни, нося воду из Иордана до тех пор, пока они не прорастут деревом, свидетельствующим о прощении его греха, «Хождение» Иоанна Лукьянова, близкое по времени к Путешествию Андрея Игнатъева, не знает, но об этом сообщает Слово Григория Богослова, а Слово Севериана Гевальского говорит, что Лот должен был поливать древо 40 дней. ⁴⁰ Своеобразное осмысление срока, данного Лоту на исполнение епитимьи, предлагают тексты «Путника» инока Матронинского монастыря Серапиона, посетившего монастырь в 1749 году, и «Странствования» Василия Григоровича-Барского, процитированные ранее. Посетившие монастырь Креста приблизительно в одно и то же время, эти паломники отмечают, что древо Лот поливал три года, исполняя при этом еще одно условие Авраама — поить водой любого, кто ее испросит: «Лотъ хотя исполнити, да прощенъ будетъ отъ грѣха, начатъ повелѣнное ему творити со усердиемъ», — но дьявол, повествует Серапион, являлся ему в образе странника, испрашивая воду, а потому за три года Лот лишь трижды донес ее до места. ⁴¹ Таким образом, «Странствования» Василия Григоровича-Барского и «Путник» инока Серапиона можно считать первыми паломническими рассказами, в которых разработан сюжет об исполнении Лотом епитимьи.

³⁷ Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701—1703 / Изд. подг. Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова, С. Н. Травников. М., 2008. С. 83—84.

³⁸ Голубцова М. А. Указ. соч. С. 6. Русский перевод польскоязычного оригинала «Описание Святой земли» сохранился в нескольких списках XVII—XVIII вв., см.: Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 34.

³⁹ Путешествие из Константинополя в Иерусалим и Синайскую гору находившегося при российском посланнике графе Петре Андреевиче Толстом священника Андрея Игнатъева и брата его Стефана, в 1707 г. // Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени, или Путники во святой град Иерусалим. М., 1874. С. 34.

⁴⁰ Срок, данный Лоту для исполнения епитимии, в предании варьируется: упоминаются также 33 года и 40 лет.

⁴¹ Путник, или Путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инока Серапиона 1749 года // Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени, или Путники во святой град Иерусалим. С. 112—114.

Полносюжетная версия «Лотова знаменья» читается также в «Путевых заметках» подпоручика Ильи Степановича Сысоева из Старой Руссы, сохранившихся в рукописи РНБ, собр. ОЛДП, Q.623;⁴² в «Путешествии к святым местам» 1820—1821 годов Кира Бронникова;⁴³ внес ее в свой дневник и жидринский купец Анисим Симоченков, называвший «палестинские предания» источником своей записи: «Здесь не лишнимъ будетъ написать о Крестномъ древе. По палестинскимъ преданьямъ, Лоть, спасенный съ семействомъ отъ гибели Содомской, приходилъ ко Аврааму и исповедовалъ ему случившееся с нимъ искушения. Авраамъ из огня взялъ три головни, которыя были кипарисъ, кедръ и певкъ, и отдалъ ихъ Лоту, своему племяннику, и велелъ посадить ихъ и тщательню поливать, уверяя его, естли оне будутъ расти, то сие будетъ знамение прощенье греховъ его. Лоть со усердиемъ исполнялъ повеления дяди своего, и Богу было сие угодно — головни ети начали расти и срались въ одно дерево, которое существовало на корени до построения храма Соломонова. А какъ древа были нужны на построения того храма, то и сие древо было срублено и привезено во Иерусалимъ. Однако же оказалось не способнымъ и было оставлено вне храма вместо седалища. Когда же евреи вздумали распять Христа, искали древа, ис какого зделать тяжелый Крестъ, и, по произволу Божию, усмотрели сие древо, лежало ненужное. И расудили изъ его зделать Крестъ, на которомъ и распять былъ нашъ Господь Иисусъ Христосъ. Посему-та таинственная наша церковь и воспеваетъ ирмосъ кресту, песнь 4-я, „О треблаженное древо! и пр[очее]“, потому что оно выросло изъ трехъ древъ» (РНБ. Собр. Тиханова. № 827. Л. 135—135 об.).

Тиражирование «Лотова знаменья» в текстах наших паломников XVIII—XIX веков, на наш взгляд, может быть связано и со стеной росписью церкви Святого Креста, на которой в южной стороне собора сохранился цикл фресок, изображающих историю Лота, выращивающего древо.⁴⁴ Об этой связи свидетельствовали и некоторые из поздних паломников, о чем рассказал в своих «Путевых впечатлениях» архимандрит Иннокентий: «...по указанию 84-х летняго старца-молдаванина (бывшаго полковым священником у Дибича в 1831 году) мы спустились под престол, и здесь нам представилось и самое место древеснаго корня, а при нем дано нам ароматическое кропление. Благоговѣно поклоняясь месту, освященному древним преданием, сообщенным от древняго старца эконома Иоанна, *мы вышли опять в храм и там по стеному письму добрались до той повести, которая гласит*, что Авраам дал Лоту головню и велел ее поливать по эпитимии за грех. Из нее выросло трехствольное дерево, но почему-то не пригодилось на срубку в дело, а так брошено в овчую купель или водоем, и вот уже для устройства креста на распятие Господа взято из воды как бы для большаго отягчения крестнаго ига великому и первому в мире Крестоносцу»⁴⁵ (курсив мой. — И. Ф.). На отражение в росписи соборного храма монастыря известного апокрифического сюжета указывали и ученые-паломники А. Н. Муравьев⁴⁶ и архимандрит Леонид (Кавелин): «Легенда эта имеет несколько различных между собою редакций. Избираем ту из них, которая более соответствует живописному изображению ея на стенах соборного храма Крестного монастыря, а следовательно, и древнее».⁴⁷

⁴² Ср.: «Название монастыря Крестнаго потому, что на томъ месте построены, где древо было вырощено, с котораго Крестъ животворящий зделанный. А древо было посеченное царемъ Соломономъ. А вырощенное праведнымъ Лотомъ, поливанное Иорданскою водою въ три года. Могъ одинъ разъ полить потому, что воду просящие на дороги выпивали въсю, почему не могъ доносить для поливу до трехъ Лоть» (л. 45—45 об.).

⁴³ Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кириллом Бронниковым. М., 1824.

⁴⁴ О фресках церкви Святого Креста см.: *Вирсаладзе Т. Б.* Роспись иерусалимского Крестного монастыря и портрет Шота Руставели. Тбилиси, 1973. С. 24.

⁴⁵ *Иннокентий, архим.* Путевые впечатления при посещении и поклонении святым местам Палестины в 1872 году. СПб., 1883. С. 58.

⁴⁶ *Муравьев А. Н.* Путешествие ко святым местам в 1830 году. СПб., 1835. Ч. 2. С. 214.

⁴⁷ *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. С. 315.

Роспись храма датируется исследователями XI столетием,⁴⁸ в начале XII века она впечатлила игумена Даниила, подчеркнувшего, что церковь «исписана есть добръ вся». Но сами сюжеты храмовой росписи наш древнейший паломник, как и последующие писатели-паломники, не упоминал. У Иоанна Лукьянова читаем об этом: «В монастыре церковь зѣло предивна, писмо в ней стенное».⁴⁹ Ипполит Вишенский выразил свое впечатление от нее так: «Церковь прекрасная, изъ верху до низу вималиованая, муроваль царь грузинский».⁵⁰ Инок Серапион писал, что церковь «зѣло украшена, вся иконнымъ изображениемъ списана...»⁵¹ Очевидно, воедино апокрифическую историю и роспись храма связывали в своих рассказах «вожи», передававшие богомольцам «Лотово знамение». Почему же тогда Крестную легенду наши паломники не приводят ранее начала XVIII века? Ведь и до этого времени паломнические обходы совершались с гидами-проводниками. Причина, на наш взгляд, кроется в исторической ситуации, сложившейся в монастыре Святого Креста в конце XVII века.

Начавшееся еще в XVI столетии, после перехода в 1517 году Палестины под власть турок, ухудшение экономического положения монастыря Святого Креста привело к тому, что удержать обитель к концу XVII века иверийская община, которой она принадлежала на протяжении столетий, уже не могла: долги кредиторам помогла выплатить Иерусалимская православная патриархия во главе с патриархом Досифеем, тогда же освобожденный от всех закладных монастырь перешел под юрисдикцию Иерусалимского патриархата, а в начале XVIII века патриарх Досифей восстановил монастырь Святого Креста.⁵² Обратим внимание еще на один момент в многовековой истории храма: во время владения монастырем мусульманами (1273—1305 годы), превратившими его в мечеть, часть храмовой росписи была соскоблена. Более всего пострадали фрески, расположенные в нижнем регистре, среди которых — и «Лотово знамение», изображенное в нижней части алтарной абсиды под композицией «Введение во храм».⁵³ В 1643 году грузинской общиной храм был отремонтирован, поновлена старая роспись и добавлены новые фрески.⁵⁴ Возможно, все эти события, а главное — переход монастыря в руки Иерусалимского патриархата, способствовали активизации в начале XVIII столетия паломнической практики в обитель православных христиан и распространению среди них именно предания «Лотова знамения».

Памятью о «Лотовом знамении» и примером его тиражирования палестинской традицией в XVIII—XIX столетиях могут служить и иконы-евлогии «Топография Палестины». Эти распространенные палестинские реликвии благодаря удобству перевозки были популярны среди наших странников: иконы писали маслом на холсте небольшого размера (формат варьировался от 75,5×93,0 см до 92,0×145,0 см),⁵⁵

⁴⁸ *Вирсаладзе Т. Б.* Указ. соч. С. 12.

⁴⁹ *Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова.* С. 83.

⁵⁰ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. С. 94.

⁵¹ Путник, или Путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инока Серапиона. С. 114.

⁵² Подробнее об этом см.: *Каптерев Н. Ф.* Господство греков в Иерусалимском патриархате с первой половины XVI до половины XVIII века // *Каптерев Н. Ф.* Собр. соч. М., 2008. Т. 2. С. 712—740; *Цаферис В.* Путеводитель православного христианина по местам паломничества Святой Земли. Израиль, 2009. С. 134.

⁵³ См.: *Вирсаладзе Т. Б.* Указ. соч. С. 36.

⁵⁴ Там же. С. 12, 36, 46. По свидетельству архим. Леонида (Кавелина), в XIX веке монастырские фрески были в такой плохой сохранности, что греки, принимая паломников, говорили им, «что если кто-либо из могущих не возобновит уже значительно попорченную стенную живопись, они будут вынуждены закрасить ее вовсе» (*Леонид (Кавелин)*, архим. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. С. 316).

⁵⁵ См.: *Пятницкий Ю. А.* Паломническая евлогия «Топография Палестины» // *Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества: Сб. науч. тр. / Под ред. В. Н. Залесской.* СПб., 2001. С. 82; *Тысяча лет русского паломничества: Каталог выставки / Сост. и науч. ред. Е. М. Юхименко.* М., 2009. С. 129. № 309, 310.

сворачивали в рулон и уже на месте натягивали на деревянные подрамники. Специалисты обращают внимание на устойчивость традиции изготовления таких реликвий: «...на протяжении десятилетий сохранялись как общая композиция, так и отдельные сюжеты, детали, колористическое решение. Подписи на греческом языке в некоторых случаях продублированы русской скорописью».⁵⁶ В художественной программе евлогий обязательным было изображение «Лотова знамения», помещаемое в нижней части иконы. При всей традиционности композиции евлогий, в воспроизведении ими истории произрастания Честного древа, как и в паломнических рассказах, наблюдается вариативность. Так, на старшей (конец XVIII века) из сохранившихся в собраниях отечественных музеев икон «Топография Палестины» (ГМИР. Инв. № А-1645-IV)⁵⁷ апокрифическому сюжету предшествует изображение в левой части композиции построек монастыря Честного Креста; далее изображен Лот, поливающий древо, его искушение дьяволом, мешающим поливать; изображен сюжет о построении храма Соломоном, для которого и было срублено древо Лота. В иконе, считающейся самым ранним датированным памятником иконографии «Топография Палестины» (ГИМ 38183 И I 3023 1817 г.),⁵⁸ «Лотово знамение» начинается сценой наложения Авраамом на Лота епитимьи и передачи ему трех головней; далее изображены сцена возвращения Лотом древа и дьявольские козни ему, а также рубка дерева для храма Соломона. Завершает цикл миниатюр изображение переноса срубленного древа в Соломонов храм. Такой же набор миниатюр, судя по описанию К. Т. Никольского,⁵⁹ был помещен на евлогии 1771 года, принадлежавшей музею Археологического общества, и евлогии 1876 года из собрания Эрмитажа.⁶⁰ Подчеркнем, что изображение апокрифа на евлогиях следует за фресковой росписью храма.

Распространение «Лотова знамения» в палестинской традиции, отразившееся в описаниях наших странников, практически вытеснило из них другие варианты Крестного цикла, тем ценнее их редкая фиксация отечественной паломнической литературой.

Версию Крестной легенды, связывающую происхождение древа с историей Адама и его сына Сифа, встречаем только у паломников XIX века. Наиболее подробно она пересказана в описании ростовского крестьянина Якима Васильева (паломничество 1818—1819 годов). Ни сам Яким Васильев, ни сохранившийся в собрании А. А. Титова список его Путешествия,⁶¹ пока не привлекали внимания исследователей. Для нас Путешествие Якима Васильева представляет особый интерес, так как этот паломник имел особый вкус к палестинской легенде, о чем свидетельствует и приведенная им версия Крестного сказания: «От западныхъ Давидовыхъ воротъ идти в горы версты 3-ри, есть монастырь Кресной. Повествуютъ, в немъ росло древо на Крестъ Господень, на Адамове могиле», — начинает повествование этот паломник. Рассказом о возрастании Крестного древа на Адамовой могиле начинается и Слово Григория Богослова, заимствующее это сообщение из Апокрифа об Адаме и Еве, но на этом сюжетное сходство рассказа Якима Васильева и Слова Григория Богослова заканчивается. В дальнейшем рассказе Якима Васильева о том, как Сиф ходил в рай, можно проследить близость к упомянутому Апокрифу об Адаме и Еве⁶² и к рассказу о Крестном древе в версии «Сказания о

⁵⁶ *Перевезенцева Н. А., Юхименко Е. М.* Икона «Топография Палестины» (№ 310) // Тысяча лет русского паломничества: Каталог выставки. С. 129—130.

⁵⁷ Там же. С. 129. № 309.

⁵⁸ Там же. С. 130. № 310.

⁵⁹ *Никольский К. Т.* Греческая икона 1771 года, изображающая город Иерусалим с его окрестностями // Известия Русского археологического общества. СПб., 1881. Т. 10. Вып. 1. Стлб. 38—40. Миниатюры Крестного цикла описаны К. Т. Никольским очень подробно.

⁶⁰ *Пятницкий Ю. А.* Паломническая евлогия «Топография Палестины». С. 91, ил. 7.

⁶¹ РНБ. Собр. А. А. Титова. № 889.

⁶² Слово о Адаме от начала и до конца и како изгнан из райа // Порфирьев И. Я. Указ. соч. С. 216.

трех древах Григория Двоесловца». ⁶³ В последующем изложении апокрифического сюжета Яким Васильев с известными памятниками расходится.

Вернувшись, читаем в Путешествии Якима Васильева, Сиф не застал Адама в живых. Горюя по умершему отцу, «и плакавъ много, посади зерна в землю при гробе отца своего», от которых выросли «три леторасли кедрова и кипарисова и певгова». Дерево простояло до времени постройки Соломоном Святая Святых, когда оно было срублено, но, поясняет Яким Васильев, «по смотрению Божию не употребися въ здание церковное» и было положено в сенях храма, пока туда не пришла царица Савская: опаленная от него огнем, она пророчествовала о создании креста. Повелением Соломона дерево закопали недалеко от Овчей купели; земля со временем осыпалась, и дерево упало в купель, куда ради него раз в год спускался ангел и возмущал воду, давая исцеление первому, кто в нее окунется. ⁶⁴ Там оно было найдено, и из него сделали крест, «на нем бо Господа распяша и от него спасение изыде», заключает Яким Васильев.

Своего источника сказания о Крестном дереве Яким Васильев не называет, и, как уже было отмечено, с известными в русской книжности апокрифами напрямую он тоже не связан, но литературная обработка передаваемого сюжета, связность и детализированность изложения, его насыщенность диалогами заставляют предполагать, что апокриф не был записан паломником со слуха, а имеет книжный источник. Действительно, в передаче сюжета Крестного сказания Яким Васильев обнаруживает близость тексту «Поучения о четвероконечном Кресте» Дмитрия Ростовского, в котором также воспроизведена Крестная легенда, но непосредственным источником рассказа нашего паломника Поучение Дмитрия Ростовского не было. Не только текстуально, но и сюжетно они расходятся в передаче пророчества царицы Савской, оформленного в форме диалога царицы и народа в Путешествии Якима Васильева и пересказанного без подробностей в версии апокрифа Дмитрия Ростовского. Ср.:

Путешествие Якима Васильева

А о древе пишется: «От котораго древа преступление, от него и спасение». Когда Адама, Еве изгна, и рече ему: «Во время приидеши ты къ болезни. Приди или пришли паки в рай для врачевания болезни твоя». И когда Адамъ прииде къ старости своея и возлеже на одре болезни своея, посла сына своего Сифа ко ангелу, хранящему рай, просити врачества ради здравия и продолжения жизни на земли. Ангель же Божиимъ повелениемъ от древа заповеданнаго в раю, от негоже Адамъ вкусифъ, преступи заповедь Божию, даде ему три зерна. Сифъ же от ангела тыя зерна приемши, возвратися ко отцу своему Адаму и не обрете его в живыхъ, но умерша и погребена. И плакавъ много, посади зерна в землю при гробе отца своего. И от техъ зернъ возрастша три леторасли кедрова и кипарисова и певгова. Таже по многихъ летъ древа оныя срасташася во едино древо: от корени едино древа, въверху же ветви особь разделишася натрое. И пре-

Дмитрий Ростовский. Поучение о четвероконечном кресте

Крестъ святой, на немже Христосъ бѣ пригвожденъ, содѣланъ быше отъ древа пальмова (сиесть, финикова) и кедрова и кипарисова. О коемъ древѣ повѣствуютъ церковныи сказатели, яко Адамъ, егда разболѣся къ смерти, посла сына своего — Сифа, къ Раю, просити отъ Ангела врачества, соблюдения ради здравия, и продолжения ради жизни своея на земли; Ангель даде ему три зерна. Приемши Сифъ, возвратися ко отцу своему Адаму и уже не обрѣте его въ живыхъ, но умерша и погребена, посади убо зерна тыи при гробѣ отчемъ; отъ тѣхъ зернъ прозябоша три лѣторасли: пальмова (сиесть, финикова), кедровая и кипарисная. Таже лѣторасли тыи три срасташася въ едино древо велие, и пребысть то древо даже до дней царя Соломона. Созидаемой же бывшей церкви Святая Святыхъ во Иерусалимѣ от Соломона, и многимъ дресвамъ изряднымъ, отсюду бывшимъ приносимымъ, посѣчено бысть и оное древо,

⁶³ Там же.

⁶⁴ В этой части изложение Крестного предания Якимом Васильевым отсылает к рассказу Евангелия от Иоанна об исцелении Иисусом Христом одного из больных, лежавших в крытых галереях у бассейна «Овечья купель» и ожидавших возмущения ангелом воды. По поверью, кто успевал, когда вода забурлит, первым сойти в воду, получал исцеление (Иоан. 5: 1—9).

быть то древо до дней царя Соломона. Соломонъ же во Иерусалиме строивъ церковь Святая Святыхъ и собиравъ древа негниющие. И посечено быть оное древо, яко изрядное, и во Иерусалимъ къ зданию привезено. И по смотрению Божию не употребися въ здание церковное — на иномъ бо месте бываше долго, на иномъ же коротко. Того ради древо то оставлено, вытесанное брусомъ, и по окончании церкви положено в сенехъ при стене церковной в седалище приходящимъ людямъ и почти от труда хотящимъ. Егда же царица Савска, именемъ Никавля — едина от древнихъ пророчицъ — прииде во Иерусалимъ видети Соломонову премудрость, та разсмотря пречудное церковное здание, хотяше почти на оное древо. И опали ея огнь, баше бо на ней в то время женская немощъ бысть, возгласе и пророческимъ духомъ прорече: «О, о треблаженное древо, на немъже распнется Христосъ Господь». Хотящия она рещи: «О, о треклятое древо!», — но Духъ Святыя уста ей прорече: «О, о треблаженное древо!» Того ради повелениемъ царя Соломона древо оное закопано бысть в землю глубоко в горе противу Овчей купели, но по многихъ летехъ земля обсыпаше съ горы от воды, и Божимъ строениемъ древо оное изыде изъ земли и по воде купели Овчия плаваше, коего ради древа ангель Господень на всяко лето съхождаше в купель оную и возмущаше воду, то бо древо омывая и отираше и подаваше изъцеление, иже перее влязаше по возмущении воды окунется, здравъ бываше.

Егда же жидове емше Христа и Пилату на распятие предавше, искаше древа тяжчайшаго на крестъ, и увидевше оное древо въ воде купели Овчия водою намоченное, извлекоша его отгуду и вѣдаша на соделание изъ него креста Господня, иже толь тяжекъ бе, яко нужда баше, да кто въ ношени Христу поможетъ. И задяша Симону Киринейску понести крестъ Господень: на немъ бо Господа распяша и от него спасение изыде.

(РНБ. Собр. А. А. Титова. № 889. Л. 15—16)

яко изрядное, и въ Иерусалимъ къ зданию принесено. Но смотрениемъ Божиимъ не употребися въ здание церковное, на иномъ бо мѣстѣ бываше долго, на иномъ же коротко. Того ради древо то положено бысть на овчей купѣли вмѣсто моста, еже преходити по дрѣвѣ томъ купѣль.

Егда же царица Савска прииде во Иерусалимъ слышати Соломонову премудрость, та приступльши къ церкви, и узрѣвши на овчей купѣли древо оное, не восхотѣ по немъ ийти, и пророческимъ духомъ прорече, яко на томъ дрѣвѣ иматъ Богъ, во естество чловѣческое оболченный, умрети. Того ради древо то закопано бысть въ землю глубоко при тойже купѣли овчей, да никогдаже въ руки чловѣческия приидеть; но то по многихъ лѣтѣхъ изъ земли изыде и по водѣ купѣли овчя плаваше. Коего ради древа и Ангель Господень на всяко лѣто въ купѣль ону вхождаше, и возмущаше воду, древо то омывая, и подавая цѣльба болящему, первѣе по возмущении воды въ купѣль входящему.

Егда же Христосъ — Господь нашъ естество чловѣческое на Ся приемъ, на земли явися, и съ чловѣки поживе, жидове, емше Его и къ Пилату на распятие предавше, искаша древа тяжчайшаго на крестъ, дабы тяготу Христу содѣяти. Увидѣвше же прежде помянутое древо, въ воде купѣли овчя водою помоченное, и зѣло тяжко суще, извлекоша е отгуду, и вѣдаша на содѣлание изъ него креста толь тяжкаго, яко нужда бѣ, да кто въ ношени того Христу поможетъ: и задѣша Симону Киринейску понести Крестъ Его.

(Сочинения св. Димитрия, митрополита Ростовского: В 5 кн. М., 1840. Ч. 3 (Поучения на разные праздничные дни). С. 481—482)

Источникомъ Крестного предания в «Поучении» святителя Димитрия названо «Слово на Воздвижение честнаго Креста», помещенное в «Ключе разумения» Иоанникія Галяттовскаго «львовскаго типа», т. е. изданное во Львовѣ.⁶⁵ Вероятно,

⁶⁵ Речь идет о гомилетическомъ трудѣ «Ключъ разумения, священникомъ, законнымъ и свецкимъ належащій» Иоанникія Галяттовскаго (первое издание Киево-Печерскаго монастыря, 1659 год). Во Львовѣ «Ключъ разумения» издавался дважды: в 1663 году, объединенный под одной обложкой с еще однимъ трудомъ Иоанникія Галяттовскаго «Казаня, приданныи до книги, „Ключъ разумения“ названой», и в 1665 году — отдельнымъ изданиемъ в типографіи львовскаго печатника М. Слезки. Подробнее см.: *Левченко-Комисаренко Т. Л., Пидгайко В. Г.* Иоанникій

что и источник Крестного сказания, использованный в Путешествии Якима Васильева, принадлежит кругу памятников, близких по типу к «Ключу разумения» Иоанникия Галытовского. Возможно, что одним из книжных вариантов апокрифа воспользовался и редактор «Хождения» Трифона Коробейникова, интерполировавший в рассказ этого памятника об Овчей купели повествование о Крестном древе: «...то древо въ той купели Сиамской по единомъ лѣтъ аггелъ Господень вхождаше въ купѣль и возмущаше воду; и то древо омываше. Егда же обсудили Господа нашего Иисуса Христа на смерть беззаконныи иудеи и искаше древа тяшка создати крестъ, — не обрете тяшко древа и обретоша то древо въ купели Силуамской велми тяшко и ажно, извлекоша на создание креста, дабы досадили тѣмъ, которымъ кто имать крестъ его; отъ того есть созданъ крестъ Господень, ему же слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь».⁶⁶ Эту интерполяцию в текст памятника передают два списка Хождения XVII—XVIII веков из собрания Киевской духовной академии: Х. М. Лопарев, обративший внимание на это чтение, считал, что список Киевской духовной академии, № 212,⁶⁷ списан с более ранней рукописи из того же собрания, № 211.⁶⁸ По классификации Х. М. Лопарева, оба списка принадлежат наиболее распространенной в рукописях простой полной редакции с «некоторыми прибавлениями».⁶⁹ И хотя текстуально интерполяция в «Хождение» Трифона Коробейникова и соответствующий сюжет в Путешествии Якима Васильева расходятся, но общая линия в обоих рассказах об Овчей купели прослеживается.

Подчеркнем, что версия Крестного сказания, читающаяся в Путешествии Якима Васильева, встречается в паломнических описаниях крайне редко и текстуально от рассказа Якима Васильева не зависит. Среди паломнических рассказов встречаются тексты, фиксирующие одновременно обе версии Крестного предания, что характерно для «хождений» XIX столетия. Так, в «Странствии» инока Парфения (в миру Петр Агеев) рассказано о паломничестве в Крестный монастырь.⁷⁰ Его описание традиционно для паломнических рассказов нового времени: отмечено, что церковь «велика и прекрасна», пол выстлан «мусиею», выстроен храм «грузинскими царями». О главной святыне сказано: «...и ввели прямо в соборную церковь; и мы поклонились на месте, где росло крестное древо, которое срубил царь Соломон». Отмечена в описании Парфения и связь Овчей купели с Крестным древом: «Въ этой купѣли лежало и крестное древо, по свидѣтельству преданія».⁷¹ В конце книги инока Парфения, в отдельной главе 198, воспроизводятся оба предания о Крестном древе, известные русской паломнической литературе XVIII—XIX веков: «О семь дровъ крестномъ, на немже распяся Царь и Господь нашъ, Иисусъ Христосъ, такая есть два преданія».⁷² Первым приведен вариант, близкий версии, читающейся у Якима Васильева, об Адаме и Сифе; другой — «Лотово знамение», в именовании автора — «Второе предание, изображенное въ Крестномъ монастырѣ на стѣнахъ въ лицахъ и принимаемое православными палестинскими христианами». Обратим внимание на то, что инок Парфений выделяет именно вторую версию Крестной легенды как основную для «палестинских христиан»,⁷³ что

(Галытовский), архим. // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 83—84. Легенда о Крестном древе читается в львовском издании 1663 года на л. 325—326.

⁶⁶ Хождение Трифона Коробейникова. С. 38, прим. 7.

⁶⁷ По условному обозначению издателя — это список Киевский II (№ 132 валовой нумерации списков памятника). См.: Там же. С. LIX.

⁶⁸ Там же. С. XLIII, № 23.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Парфений [Агеев Петр]. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле. М., 1855. Ч. 4. С. 63.

⁷¹ Там же. С. 36—37.

⁷² Там же. С. 293—295.

⁷³ Напомним о том, что Слово Севериана Гевальского, фиксирующее «Лотово знамение», включено в Великие Минеи-Четьи митрополита Макария на 14 сентября, праздник Воздвижения Честного Креста.

не только нашло отражение в описаниях русских паломников конца XVII—XIX века, но и получило тиражирование в практических руководствах для наших богомольцев, широко распространенных в XIX столетии.⁷⁴ Оба варианта Крестного предания находим еще в одном описании паломничества XIX столетия под названием «Путешествие в Иерусалим на поклонение святым местам, или Путевыя записки», принадлежавшем безымянной монахини из Брянского уезда Орловской губернии.⁷⁵ По традиции паломница вспоминает о них при посещении монастыря Креста: «Потом нам дали свечи и повели темными сводами к тому месту, где росло животворящее древо Креста Господня. Корень его до сих пор виднеется под алтарем храма. Предание об этом древе вот что гласит...»⁷⁶ И далее пересказано предание о Сифе, ходившем за головнями к Ангелу Господню, и «Лотова знамение».

Помимо предания о трисоставном древе, из которого сделан Крест Христа, в книжной традиции сохранился апокриф и о трех древах — «Сказание о трех древах Григория Двоесловца. О кресте честном и о двою кресту разбойнических».⁷⁷ В восточнославянской паломнической литературе эта версия Крестного сказания распространения не получила. Только в «Хождении» 1704 года иеромонахов Новгород-Северского монастыря Макария и Сильвестра содержится намек на то, что Крестное древо было не одно: «...а престоль во той церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ *тѣ древесы стояли*»⁷⁸ (курсив мой. — И. Ф.).

Одновременно с распространением в паломнической литературе нового времени Крестных преданий некоторые писатели-паломники этого периода продолжают использовать повествовательную модель старших «хождений»: рассказывая о монастыре, они не воспроизводят само предание, как например в Перегринации Ипполита Вишенского: «В той же церкви, где престоль стоитъ, тамъ животворящее древо изросло, изъ него и здѣлано крестъ Христу. И тамо поклоншеса, пойдохомъ во Иерусалимъ».⁷⁹ Сходным образом об этом сообщает и паломница начала XIX века: «Еще отъ Иерусалима разстояние 3 версты монастырь прекраснѣйшій, гдѣ древо выросло на крестъ Господень».⁸⁰ Отсутствие апокрифа о Крестном древе в описаниях некоторых паломников Нового времени, на наш взгляд, не означает, что они его не знали: обратим внимание на «Путевыя записки» иеромонаха Киево-Печерской лавры Иерофея,⁸¹ посетившего Палестину одновременно с жиздринским куп-

⁷⁴ Приведу пример из «Путеводителя по Святой Земле», изданного в Одессе в 1886 году (Издание св. Ильинского Скита на Афоне): «В алтаре под престолом существует отверстие, соединяющееся с подземною пещерою, в которую спускаются входом, находящимся в северной стороне алтаря. Здесь, говорят, росло и срублено треблаженное древо, на котором распят Иисус Христос. Предание это основано на рассказе одной апокрифической сирийской летописи о насаждении здесь Лотом трех стволов: сосны, кипариса и кедра, из которых выросло „трисоставное“ дерево, из которого был сделан Крест. (...) Это апокрифическое предание, принятое отцами церкви и св. Иоанном Дамаскиным и другими песнотворцами христианской церкви, послужило поводом учреждения здесь монастыря и наименования его — „монастырем Честнаго Креста“» (с. 200—201). См. также: «Святая Земля. Прошлое и настоящее Палестины» (СПб., 1889. С. 119—120), «Путеводитель по святому граду Иерусалиму и вообще по святым местам Востока, составленный иеромонахом Пахомием в пользу русского Ильинского скита на Афоне» (Одесса, 1862. С. 55).

⁷⁵ Путешествие в Иерусалим на поклонение святым местам или путевыя записки. СПб., 1866. С. 179—180.

⁷⁶ Там же. С. 179.

⁷⁷ Текст см.: Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым. СПб., 1863. Т. 1. С. 308—313.

⁷⁸ Путь иеромонахам Макарию и Селиверсту из монастыря Всемилоственного Спаса Новгородка Северского до святого града Иерусалима поклонитися гробу Господню 1704 году // Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели петровского и послепетровского времени. С. 11—12.

⁷⁹ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. С. 94.

⁸⁰ Путешествие во святыи градъ Иерусалимъ села Лежнева девицы Анны Алексеевны и вдовы Параскевы Степановны 1819 года (РНБ. Собр. А. А. Титова. № 1307. Л. 35).

⁸¹ Дневныя заметки во время путешествия по святым местам Востока Киево-Печерской лавры иеромонаха Иерофея в 1857 и 1858 годах. Киев, 1863. С. 96—97.

цом Анисимом Симоченковым. 12 января 1857 года оба паломника побывали в монастыре Креста, но если Симоченков записал в своем дневнике Крестную легенду, то в описании иеромонаха Иерофея она не приводится: «Монастырь назван Крестным, как говорят, потому что он выстроен на том месте, где росло древо, на котором распят был Спаситель мира. Престол храма стоит именно на том самом месте, где росло это древо».⁸² В том, что некоторые паломники не приводят в своих записях Крестной легенды, скорее, следует видеть отношение странников к самой легенде, емко и точно сформулированное В. Н. Хитрово, паломником и исследователем Святой Земли: «Человеческое воображение с ранних лет создало целый ряд преданий о возникновении Крестного древа, мы их рассказывать не будем. (...) И действительно, не праздное ли человеческое любопытство допытываться до того, чего нет в Священных книгах? Важно не то, из какого дерева был сделан крест, а то великое спасительное для рода человеческого таинство, которое некогда на нем совершилось».⁸³ Однако такое отношение к апокрифу о Крестном древе правомерно для Нового времени. В эпоху средневековья, скорее, действовал иной механизм: так как в известном корпусе «хождений» XII—XVII веков апокрифы о Крестном древе не воспроизводятся — при том, что другие апокрифические сюжеты включены в повествовательную ткань этих произведений,⁸⁴ — то можно думать, что этот апокриф не был актуальным для палестинской традиции того времени, почему и оказался за рамками «хождений». Аналогичную ситуацию можно наблюдать и с апокрифическим рассказом о сне Варуха. По данным Ю. А. Пятницкого, эта апокрифическая история «прочно вошла в греческие проскинитарии XVI—XVII веков и упоминается при рассказе о поле Агриппы за стенами Иерусалима, куда послал пророк своих учеников за смоквами. Пещера Варуха не была особым местом почитания, и внимание паломников обращалось на нее, когда они проходили мимо».⁸⁵ В восточнославянской паломнической литературе систематическое воспроизведение этого апокрифа С. П. Розанов связывал с петровским временем.⁸⁶

Обобщая сказанное, подчеркнем, что с начала XVIII века апокрифический сюжет о Крестном древе становится актуальным для русской паломнической литературы, в отличие от ее средневекового периода развития. Отметим и распространение в паломнических рассказах Нового времени разных вариантов этого апокрифа, среди которых преобладало «Лотово знамение», что напрямую можно связать с тиражированием этого сюжета в греческой традиции, носителями которой для наших богомольцев выступали гиды-проводники. На наш взгляд, эту особенность паломнических описаний XII—XIX столетий стоит учитывать, реконструируя историю развития жанра «хождения».

* * *

Помимо предания о Крестном древе, описания наших паломников сохранили свидетельства и о бытовании в палестинской церкви частиц самого Животворящего древа.

⁸² Там же. С. 97.

⁸³ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 162.

⁸⁴ См., к примеру, анализ легендарного пласта в «Хождении» Василия Позняка (Голубцова М. А. Указ. соч. С. 42, 46—48). Обилие такого материала, представленного в форме топографических заметок, в «Хождении» игумена Даниила В. П. Адрианова-Перетца считала причиной включения памятника в XVI веке в индексы отреченных книг, см.: [Адрианова-Перетц В. П.] Апокрифы // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 73.

⁸⁵ Пятницкий Ю. А. Паломническая евлогия «Топография Палестины». С. 106.

⁸⁶ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. С. 149—150, прим. 137. Справедливости ради заметим, что в форме топографической заметки предание о пророке Варухе читается в тексте «Хождения» гостя Василия (Хожение гостя Василья. (1465—1466 гг.) / Под ред. архим. Леонида. СПб., 1884. С. 9 (ППС. Вып. 6)).

Как правило, само предание о Крестном древе в «хождениях» помещалось либо до описания места его произрастания, либо после. Некоторые из наших богомольцев позднего времени оставили подробное описание самого места, по которому читатель мог зримо его представить. Приведем свидетельство Василия Григоровича-Барского: «...ведомы быхомъ внутри олтаря, и поклоняхомся древу Честнаго креста, идѣже мѣсто оное нынѣ стоитъ подѣ престоломъ мраморнымъ, каменнымъ покровенно, въ немъ же просѣченна дѣра въ глубину на локоть и окована, якоже на Голгофѣ, во знамение и память бывшаго тамо древа. Тамо 3 кадила висятъ серебрянные непрестанно свѣтящѣе. Послѣ же слушахомъ Божественной литургии, и по окончаніи ея изнесе крестъ святыи от Животворящаго древа, содѣланныи величествомъ большій отъ яди; широтою же и толщиною, яко палець человѣческъ, серебромъ позлащеннымъ окрестъ окованъ, на немъ же колоръ перцовый зрящееся бити, якоже и въ Иерусалимѣ, въ великой церкви Воскресения Господня».⁸⁷ Интересные подробности можно почерпнуть из описания паломницы 1907—1908 годов рясофорной послушницы Серафимо-Дивеева монастыря Анны Ковригиной: «Место, где росло Крестное Древо — за олтарем главнаго храма в особом приделе под св. престолом, круглая яма, из которой дают св. землицы на благословение поклонникам. Здесь же служат молебны на русском языке (...). После обедни нам служили всем молебен в пределе Крестнаго Древа и потом угостили всех поклонников чаем с закуской, в то же время наплатили и духовно: прочитано было о том, как надо стараться правильно полагать христианам на себя крестное знамение, и какое предание имеется о том, как росло Крестное Древо; потом предложили, как принято у греков, записать своих родителей и дали на память всем по иконочке или кресту».⁸⁸

В паломнических свидетельствах разного времени о поклонении кресту от Животворящаго древа отразилось верование в его самовоспроизведение,⁸⁹ в то, как пишет доктор Сепп, что «сколько бы от него не брали частиц, как живое само себя пополняет — это образ целости церкви».⁹⁰ О бытовании креста из Животворящаго древа в жизни Иерусалимской греческой церкви читаем в «Проскинитарии» Арсения Каллуды: «Тамо (т. е. в Иордане. — *И. Ф.*) въ праздникъ Пооявлений грядущее христиане съ благоговѣніемъ и псалмопѣніемъ грузятъ животворивый Крестъ, и по погружении мыются мнози въ водѣ, за благоговѣніе».⁹¹ В «Хожде-нии» Иоанна Лукьянова паломник свидетельствует, что крест Животворящаго древа «в той церкви (Крестном монастыре — *И. Ф.*) стоит и дондес целъ и серебром обложенъ и позлащенъ», а в лавре Саввы Освященного паломникам «вынесли крестъ, здѣланъ от части животворящаго древа. Мы же целовахомъ тотъ крестъ и обрадовахомся радостію неизреченною».⁹² В «Путнике» инока Матронинского монастыря Серапиона (1749 года) описан обряд поклонения частице Животворящаго древа в самом монастыре Креста. Рассказав легенду о произрастании Крестного

⁸⁷ Странствования Василия Григоровича-Барского по святымъ местам Востока... Ч. 1. С. 334.

⁸⁸ Путешествие рясофорной послушницы Серафимо-Дивеева монастыря Анны Ковригиной во святыи град Иерусалим и другія святыя места Палестины, Синая, Бар-града и Рима в 1907 и 1908 гг. Моршанск, 1909. С. 73—74.

⁸⁹ Свойство самовоспроизведения приписывается преданиями и древу из Ноева ковчега. В «Путешествіи» Андрея Игнатѣева 1707 года при описаніи храма, построеннаго на месте пещеры, где во время бѣгства из Иерусалима жила Марія с Младенцемъ и Иосифом, приводится следующее предание: «...и тамо въ той пещерѣ по обою страну есть по 4 мраморныхъ столпа, и на о шей странѣ, назади ихъ, при двухъ столпахъ, положено, вмѣсто подкладокъ, отъ нѣкоего древа по малому бруску, и отъ того берутъ христианы многія благоговѣнства, рѣжутъ съ концовъ, но зѣло съ трудностію; видѣ того древа кофейной цвѣтъ, а по нашему яко бы гвоздичной, и колико рѣжутъ, но не убываетъ, и сказываютъ, что, де, оное древо Ноева ковчега» (*Леонид Кавелин*), архим. Паломники-писатели петровскаго и послепетровскаго времени. С. 44).

⁹⁰ РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4695/1. Л. 226.

⁹¹ Проскинитарій святыи местъ святого града Иерусалима на греческомъ языкѣ написалъ критянинъ иеромонахъ Арсеній Каллуда. С. 54.

⁹² Хожде-ние в Святыю землю московскаго священника Иоанна Лукьянова. С. 84, 85.

древа, Серапион продолжает: «Чтй, да разумѣтъ, что потому и сей монастырь Крестъ именуется; бо на томъ мѣстѣ, идѣже сие возросте древо, поставленъ, и гдѣ самое тое росло древо, тамъ теперь престолъ и трапеза, на ней же приносится жертва, выну хваления пожершемуса насъ ради на ономъ дрѣвѣ Христу. Тамъ, гдѣ корень онаго древа бысть, сущее древо, Животворящй крестъ Господень, стоитъ подъ престоломъ, затворенъ за стекломъ и предъ нимъ неугасимое всегда горитъ кандило, и когда туда хажеи, си есть поклонники, въ монастырь приходятъ, тогда, по литургии божественной, служащй иерей вынимаетъ его оттуду, и износитъ его на главѣ, предыдущимъ двомъ со свѣщами братьямъ протчимъ, „Спаси, Господи, люди своя” поющимъ, и полагаетъ его иерей со страхомъ на столпцѣ, среди церкви поставленномъ и украшенномъ, и тогда идутъ по два, и поклоняются, и лобызаютъ крестъ Господень».⁹³

О выносе креста для поклонения паломникам, пришедшим в храм Гроба Господня, сообщал и Яким Васильев: «А когда мы, поклонники, приходимъ, то выносятся крестъ небольшой от настоящаго древа Христова, и к нему прикладываемся, а изъ-подъ креста наделяютъ насъ по веточке с листьями растущаго древа в томъ монастыре, от корени древа креснаго».⁹⁴ В «Путешествии во святыи град Иерусалим» монаха Серапиона (1830—1831) сообщено, что паломникам «вынесли для облобызания из алтаря Воскресения Христова небольшую часть Животворящего Креста».⁹⁵ В третью неделю Великого поста, Крестопоклонную, по свидетельству инока Парфения, на утрени в храме Воскресения, «на великомъ славословии, со свѣщами и съ рипидами, митрополиты выносили крестъ — изъ самаго честнаго древа: крестъ очень порядочный. Когда вынесли и вокругъ аналоя обошли трижды, тогда положили, и было поклонение по уставу. Потом все подходили и лобызали, только с великою осторожностью и опасением (<...>). Этотъ крестъ я сподобился видѣть только единожды».⁹⁶ Василий Григорович-Барский в афонском монастыре Ксиропотам видел два креста Животворящего древа: «...отъ царя греческаго Романа Стараго дарованный, въ сребропозлащенномъ ковчезѣ, съ двома поперечными прелогы, содѣланъ отъ подножия Христова, си есть отъ оной части, на ней же пригвождена быша пречистии Его нозѣ; на немъ же и дира обрѣтается древня, въ ней же гвоздь бѣше. Которому азъ со страхомъ поклонившися, и съ вѣрою и благоговѣниемъ его лобызавшы, положыхъ его на чистый бумазъ и очертахъ его мѣру, яже есть неотмѣнно сичева, якоже здѣ на хартии представляю, си есть: вторый, нижайшй, прекладъ простирается едва не на пядь, вышний же, кратшй, шыроты имать на полторы пяди, ваги же драхмъ сто, якоже въ копѣи хрисовула свѣдѣтельствуется. Съе же цвѣтомъ или зракомъ не въ самой крайней черноты, но нѣкако черносвѣтель, и откровенъ есть отъсюду, точию по рогамъ мало златомъ упецренъ. Въ время же освящения води на чине прошение, снимаютъ тамо иноцы злато отъ единого рога, и той рогъ крестообразно въ водѣ погружаютъ, еже и мнѣ сотвориша.

⁹³ Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени... С. 113—114.

⁹⁴ РНБ. Собр. А. А. Титова. № 889. Л. 14 об. Свидѣтельство об этомъ читается в книге В. Н. Хитрово «Къ Животворящему гробу Господню. Рассказы стараго паломника»: «...зайдя по пути еще в Крестный монастырь, построенный на томъ месте, где, говорят, росло древо, из котораго сделан был крест, на котором распяли Иисуса Христа (<...>). В церкви прикладывались мы к части Животворящего Креста, а за олтарем — к месту, где росло Живоносное древо». Он же свидетельствует, что в храме Воскресения «из алтаря вынесли крест, в котором вложена часть от Животворящаго креста Господня» ([Хитрово В. Н.]. Къ Животворящему гробу Господню. Рассказ стараго паломника. С. 44, 80). О сохранении Животворящаго древа в храме Гроба Господня см. также: Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 289—294.

⁹⁵ Румановская Е. Л. Два путешествия в Иерусалим в 1830—1831 и 1861 годах. М., 2006. С. 53.

⁹⁶ Парфений [Агеев Петр]. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Зѣмле. Ч. 4. С. 82.

Еще же сей крестъ, по прошению христьянскому, износятся часто внѣ Святой Горы, въ окрестны гради, егда моровица нечаянно начнетъ людей губыти, и входятъ къ немощнымъ несумѣно, и не точию самы не вредятся, но и сотворившы въ нѣколицихъ домѣхъ освящение воды, и окропивши улицы и стогны, свобожаютъ дѣйствиємъ его весь или градъ отъ губителства». ⁹⁷ Там же Василию Григоровичу-Барскому показывали еще один «крестъ Животворящаго Древа, прежде сего въ обитель сию дарованный отъ царицы Пулхерии, иже есть такожде великъ, обаче далече менший перваго, со единымъ точию поперечиемъ, имѣяй долготы на пядь, широты же на персть, ваготы же драхмъ двадесять шесть; зракомъ же есть чернъ. Сей обрѣтается въ иномъ кивотцы, съ нимъже купно дароваса отъ предъреченной царицы, съ четиремадесять частицами святыхъ 40 мученикъ, тамо по чину окрестъ креста чинно и лѣпо и недвижимо улѣпленны, съ подписаніемъ именъ ихъ. И сей такоже, на премѣну, внѣ Святой Горы износиться въ мырѣ, и освященіемъ води изцѣляетъ различни немощи, и прикосновениемъ отгоняетъ недуги, съ вѣроу поклоняющимся ему». ⁹⁸

Жким Васильев, посетивший Афон в 1819 году, писал, что «во всехъ святогорскихъ монастыряхъ есть изъ частей Животворящаго древа Христова, на которомъ плотию пострадалъ, изъ него по одному небольшому кресту». ⁹⁹ Преосвященный Порфирий (Успенский), посетив Синай в 1850 году, рассказывал о сохранении в монастыре Святой Екатерины «девяти крестов серебряныхъ с животворящимъ древою разной величины. Части сего древа малы». ¹⁰⁰

Некоторые из паломников охотно рассказывают и о хранившемся, как они сами пишут, очевидно со слов гидов-проводников, «до недавнего времени» в алтарной части храма корне крестного древа, который, по словам купца Анисима Симоченкова, «разобран поклонниками», и на его месте осталась ямка, из которой паломники берут песочек и камешки. ¹⁰¹ Эту паломническую традицию отмечают преимущественно странники XIX века — Илья Сысоев, Кир Бронников, а также практические руководства для паломников, изданные в Петербурге и Одессе в последней трети XIX века. Они же сообщают о допуске в алтарь для поклонения святыни женщин. Помимо песка и камня, — скромныхъ свидетельствъ поклонения святыне, — известны и другие реликвии, связанные с почитаниемъ древа Креста Господня.

Как известно, в 1652 году из Ватопеда в Москву афонскими монахами были доставлены Животворящий Крест и глава св. Иоанна Златоуста. Согласно царской грамоте Ватопеду от 10 марта 1656 года, «великий государь тое святыню Животворящий Крест Господень и главу Иоанна Златоустаго изволили оставить у нас, великого государя». ¹⁰² А в «Житии Евфросинии Полоцкой» рассказано о получении

⁹⁷ Странствования Василия Григоровича-Барского по святымъ местамъ Востока... Ч. 3. С. 313—314.

⁹⁸ Там же. С. 314.

⁹⁹ РНБ. Собр. А. А. Титова. № 889. Л. 42 об.

¹⁰⁰ Второе путешествие архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1850 году. СПб., 1856. С. 102.

¹⁰¹ РНБ. Собр. Тиханова. № 827. Л. 135—135 об.

¹⁰² Фонкич Б. Л. Чудотворные иконы и священные реликвии христьянского Востока в Москвѣ в середине XVII в. // Очерки феодальной Россіи. М., 2001. Вып. 5. С. 94. Б. Л. Фонкичъ отмечаетъ попытку ватопедскихъ монаховъ в 1683 году вернуть реликвию обратно в монастырь, для чего они прибыли в Москву, где получили новую жалованную грамоту и деньги для монастыря (Там же. С. 95—96). Последующіе посланники Ватопеда вопросъ о возвратѣ святыни не поднимали. Б. Л. Фонкичъ обращаетъ вниманіе на грамоту 1688 года, в которой русскими правителями — Иоанномъ Алексеевичемъ, Петромъ Алексеевичемъ и великой княжной Софьей Алексеевной — было сказано, что «святыни бытъ в нашемъ царствующемъ великомъ граде Москвѣ для того, что привезена та святыня ко отцу нашему блаженныи и вечнодостоинныи памяти ко великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу на сохранение отъ насилія нечестиваго агарянскаго» (Там же. С. 95). Какъ отмечаетъ в той же статьѣ исследователь, Животворящий крестъ из Ватопеда находился в Успенскомъ соборѣ

для Полоцка бесценных святынь из Константинополя, среди которых названа частица древа Креста Господня с каплей крови Спасителя, положенная в ковчег, специально изготовленный по заказу преподобной.¹⁰³ Обратим внимание и на хранящийся в собрании Эрмитажа серебряный реликварий с частицей древа Креста Господня, обнаруженный М. К. Каргером при раскопках древнерусского городища в Хмельницкой области.¹⁰⁴ Этот «вещественный» мир русских паломников помогал материализовать память о совершенном богомолии. Сохранившиеся паломнические рассказы тоже можно рассматривать как своеобразные «реликварии памяти», хранившие не только воспоминания об увиденных святынях и легенды, с ними связанные, но и те эмоциональные переживания, испытанные странниками, о которых писал Анисим Симоченков — когда в монастыре Святого Креста, у самой святыни, «воспевали паломники ирмось Кресту, „О преблаженное древо, на немъже распяся Христос“».¹⁰⁵

ре Московского Кремля, откуда исчез после изгнания Наполеона из Москвы (Там же. С. 96—97, прим. 67). См. также: *Чеснокова Н. П.* Реликвии христианского Востока в России в середине XVII в. (по материалам Посольского приказа) // Вестник церковной истории. 2007. № 2 (6). С. 92—94, 102, 121.

¹⁰³ Воздвизальный крест, изготовленный мастером Лазарем Богшей, датируется 1161 годом (см.: *Довгялло Д. И.* Крест преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. Витебск, 1895; *Алексеев Л. В.* Крест Евфросинии Полоцкой 1161 года в средневековье и в позднейшие времена // Российская археология. 1993. № 2. С. 70—75).

¹⁰⁴ Об этом см.: *Пескова А. А.* Паломнические реликвии Святой Земли в древнерусском городе // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества: Сб. научных статей / Под ред. В. Н. Залесской. СПб., 2001. С. 113—118.

¹⁰⁵ РНБ. Собр. Тиханова. № 827. Л. 135 об.

© К. Н. Лемешев

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ «РИТОРИКИ» М. В. ЛОМОНОСОВА

Первое научное исследование источников ломоносовской Риторики содержала вышедшая в 1869 году работа А. С. Будиловича «М. В. Ломоносов как натуралист и филолог».¹ Автор начинает его с цитаты из «Словаря русских светских писателей» митрополита Евгения (Болховитинова), который первым назвал несколько источников Риторики и тем самым поставил источниковедческую и текстологическую проблему, изучение которой продолжается уже более полутора столетий: «Сия книга была первою на российском языке о сей науке, ибо в школах дотоле преподавали оную только на латинском. Ломоносова „Риторика“ собрана из тех же классических книг, и наипаче из латинской Кауссиновой большой и Помеевой „Риторики“, и вся составлена из общих правил с подведением только некоторых российских примеров подлинниками и переводами — из древних и новейших писателей. Но сии-то примеры были новостью для желавших знать красоту российского слога».² Буди-

¹ В своей работе А. С. Будилович рассмотрел только «Краткое руководство к красноречию». В дальнейшем изложении мы обращаемся к материалу обеих Риторик Ломоносова: «Краткому руководству к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1744 год) и «Краткому руководству к красноречию» (1748 год). Далее для их обозначения используются следующие сокращения: для «Краткого руководства к риторике» — Риторика 1744 и первая Риторика, для «Краткого руководства к красноречию» — Риторика 1748 и вторая Риторика.

² *Евгений (Болховитинов)*. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 2. С. 20.

лович называет эти слова «самым верным отзывом о „Риторике” Ломоносова», который «требует только незначительных изменений, чтобы сделаться прочным достоянием науки».³ Уточняя и дополняя его, он приходит к нескольким выводам, которые заложили основу всех дальнейших филологических исследований ломоносовского текста. Развивая утверждение митрополита Евгения о зависимости Риторике от других источников, он пишет: «Оригинал правил и примеров, принятых им [Ломоносовым] в свой курс, можно найти всего более в огромной, хотя и нескладной „Риторике” Кауссина и отчасти в „Риторике” Помея; глава о возбуждении страстей ... большею частью заимствована из книги Готшеда „Ausführliche Redekunst”, в которой впрочем этот вопрос изложен тоже несамостоятельно, а по Кауссину, с применением к Аристотелю; понятия логические — „о сопряжении простых идей” и „об изобретении доводов” — взяты Ломоносовым у Вольфа; в общем же расположении он следовал русским школьным риторикам, из которых одна, известная в рукописи конца XVII века (после 1696 года), хранящейся в Императорской Публичной Библиотеке, под № 1663,⁴ особенно поражает своим сходством с учебником Ломоносова».⁵ Как видно из приведенной цитаты, Будилович несколько расширяет круг источников, сравнительно с митрополитом Евгением, и сохраняет неизменным исходный тезис о компилятивном характере Риторике, завершая этот пассаж образным сравнением Риторике с «мозаической картиной», а процесс создания ломоносовского трактата сравнивая с «подбором уже раскрашенных камешков». Однако здесь же, помимо этих верных, хотя и весьма общих наблюдений, мы находим одно важное замечание, касающееся расположения материала: «...ему [Ломоносову] принадлежит... группировка, совершенно оригинальная, или по крайней мере очень отличная от расположения тех же материалов в источниках».⁶ И далее в подтверждение этого положения Будилович уже более подробно сравнивает Риторике с тремя источниками — риториками Коссена, Помея и рукописной риторикой из погодинского собрания — с точки зрения расположения частей и глав. Вначале идет подробное сопоставление с трактатом Коссена, уже охарактеризованным выше как один из основных источников «правил и примеров». Относительно учебника Помея Будилович замечает, что Ломоносов «еще менее удовлетворился» его расположением. Наконец, рукописная русская риторика признается наиболее сходной с ломоносовской.⁷

Отметим, что именно Будилович первым обратил внимание на необходимость учитывать «группировку и расположение материала» при анализе теоретической части Риторике. Однако его наблюдения носят характер скорее предварительных замечаний: сравнение с основными источниками ограничивается простой констатацией совпадений или несовпадений в последовательности глав и тематических блоков. Так, например, говоря о курсе Коссена, он отмечает сходство вступительных разделов этой латинской риторике и трактата Ломоносова и указывает, что «далее у Кауссина, как и Ломоносова, следуют главы об изобретении, об украшении и о расположении — *de inventione* (с. IV), *de elocutione* (с. VII) и *de distributive* (с. VI); но они отличаются от Ломоносовских расположением и объемом. *Amplificatio* (с. IV) у Кауссина отделено от *inventionis* (с. IV). Глава *de affectibus* (с. VIII) у Ломоносова вошла в учение об изобретении».⁸ При этом никаких выводов из этого сопоставления не делается, и вопрос о том, для какой цели Ломоносов отступает от традиционной схемы изложения материала в источнике, который сам же выбирает в качестве образца, не рассматривается и даже не ставится.

³ Будилович А. С. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб., 1869. С. 103—104.

⁴ Сейчас рукопись хранится в Российской национальной библиотеке (далее — РНБ), в собрании Погодина, № 1663.

⁵ Будилович А. С. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. С. 104.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 104—105.

⁸ Там же. С. 104.

Сопоставление с источниками естественным образом предполагает не только выявление степени и характера зависимости от них, но и определение оригинальных компонентов в содержании риторического трактата Ломоносова. Этот сложный вопрос Будилович рассматривает особо. Не ограничиваясь указанием на оригинальность в расположении и группировке материала, он предпринимает попытку определить фрагменты Риторики, независимые от источников, и приходит к заключению, что «в отношении теоретической части „Риторики“... если бы считать оригинальным все то, источник чего еще не отыскан, то сравнительно наиболее оригинальную частью должно бы назвать главу „о изобретении витиеватых речей“, следующую за ней главу „о вымыслах“ и последние главы „о расположении по хрии, силлогизму и разговору“ и „о расположении описаний и периодов“». ⁹ Обратим внимание на то, что и в данном случае исследователь предлагает перечень, не сопровождая его комментариями и не предлагая никаких объяснений. Зачем было вносить новшества в традиционный канон, если ломоносовская Риторика «не есть труд самостоятельный» и следует в русле традиции? И если перед нами действительно новации, результат творчества самого Ломоносова, почему они появляются именно в этих разделах?

Являясь по существу первым шагом в текстологическом изучении теоретической части «Краткого руководства к красноречию», работа Будиловича в большей степени была призвана выявить проблемы, чем сформулировать окончательные решения. И ценность ее состоит не в выводах и интерпретациях, а в том, как в ней определяются основные направления исследования и формируется своего рода исследовательская программа. Но А. С. Будилович не ограничивается отдельными верными наблюдениями общего характера. В заключение своего труда в Приложении III «Риторика Ломоносова в подлинных текстах» он представляет перечень цитат и параллельных мест из сочинений, которые, по его мнению, были использованы М. В. Ломоносовым для написания своей Риторики. Ссылки и выдержки из теоретических трактатов, приведенные им в этом списке, составляют материал, необходимость и ценность которого была подтверждена всеми последующими исследованиями ломоносовского текста.

Следующим шагом в этом изучении Риторики стал фундаментальный труд М. И. Сухомлинова, опубликованный им в составе академического собрания сочинений Ломоносова. В нем впервые было опубликовано «Краткое руководство к риторике», дошедшее до нас в рукописи, написанной учеником М. В. Ломоносова А. П. Протасовым, с собственноручными поправками Ломоносова. Бархатный переплет, листы с золотым обрезом и каллиграфический почерк дают основания предполагать, что она предназначалась для поднесения наследнику престола великому князю Петру Федоровичу. Датировка беловика известна из собственноручной записи Ломоносова в конце посвящения: «Генваря дня 1744», и с учетом времени, необходимого на переписывание рукописи, создание самого текста следовало бы относить к 1743 году, однако уже у Сухомлинова появляются сокращенные обозначения двух Риторик Ломоносова, закрепившиеся в последующих академических изданиях: Риторика 1744 года (по дате белового варианта рукописи) и Риторика 1748 года (по дате выпуска первого тиража, заново набранного после пожара 1747 года в здании Кунсткамеры, где размещалась Академическая типография).¹⁰

Введя Риторик 1744 в научный оборот, Сухомлинов не ограничился публикацией текста, но снабдил его, так же как и печатный текст 1748 года, подробнейшими комментариями, и кроме того, провел сопоставление текстов этих двух Риторик между собой. Сопоставление начинается с формально-структурного аспекта:

⁹ Там же. С. 107.

¹⁰ Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. Издание Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. III. Примечания. С. 18, 281.

Сухомлинов отмечает, что в Риториках «число частей, глав и параграфов не одинаково», а затем перечисляет части и главы, составляющие их текст. Далее на нескольких страницах следуют примеры, в которых приводятся тексты сходных по содержанию и темам параграфов.¹¹ Наконец, в разделе примечаний к Риторике 1748 в комментируемых параграфах регулярно приводятся ссылки на соответствующие параграфы первой Риторике. Общий вывод Сухомлинова о соотношении текстов Риторик заключается в следующем: «Некоторые из параграфов почти дословно сходны между собою в обеих Риториках. В иных параграфах — те же мысли, в той же последовательности и такие же примеры, так что вся разница состоит в замене одних слов другими, подобными. Иногда — те же мысли, но в другой последовательности. Нередко в одном параграфе Риторике 1744 года заключается в самом сжатом виде то, что гораздо пространнее изложено в двух, трех и даже четырех параграфах Риторике 1748 года».¹² Мы полностью привели этот абзац из труда Сухомлинова, так как его формулировки свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что различия между текстами не оцениваются им как принципиальные или значительные. Показательно, что в этом описании Сухомлинов несколько раз использует выражение «те же мысли» применительно к содержанию сравниваемых параграфов, а различие между ними усматривает лишь в более пространным изложении или «замене одних слов другими, подобными».

Сухомлинов сохраняет практически без изменений основные положения работы Будиловича, на которую неоднократно ссылается. Он отмечает как общую зависимость ломоносовского текста от риторических трактатов XVII—XVIII веков, так и особую роль отдельных авторитетных пособий: «Риторика Ломоносова представляет много сходных черт с учебными руководствами по этой науке, бывшими у нас в употреблении в конце семнадцатого и в начале восемнадцатого столетия... Главными пособиями служили для Ломоносова труды Каусина и Готшеда, имевшие весьма важное значение для современной им литературы... Ломоносов пользовался также и Риторикой Помея».¹³ Как видим, Сухомлинов в качестве основных источников называет те же риторические трактаты, что и Будилович. Упоминается им и рукописная риторика из собрания Погодина № 1663, о которой кратко сказано, что она «обращает на себя внимание по чертам сходства с Риторикой Ломоносова».¹⁴ Однако сравнительно с исследованием Будиловича, к группе основных источников, отмеченных и кратко охарактеризованных в Примечаниях, Сухомлинов добавляет один новый — конспект курса риторики, читавшегося в Славяно-греко-латинской академии в 1733—1734 годах Порфирием Крайским и озаглавленный в рукописи «*Artis Rhetoricae praeepta tres in libros divisa atque fundamentis ad instruendum oratorem selectioribus Eloquentiae fundamentis ad elegantiam styli in omni genere tradita Moscoviae. Ex Anno 1733 in Annum 1734 Octobris 17*».¹⁵ Сухомлинов замечает, что он «писан большею частью рукою Ломоносова, если судить по сходству почерка с автографами Ломоносова», однако сразу же оговаривается, что «нельзя утверждать это положительно, так как латинские тетради некоторых из питомцев московской академии того времени представляют по почерку довольно много сходства между собой».¹⁶ В дальнейшем изложении особое значение риторик Коссена и Готшеда неоднократно подчеркивается, а Николая Коссену даже посвящается небольшой фрагмент, в котором и сам французский автор, и его риторика получают чрезвычайно высокую оценку. В Примечаниях даны ссылки и на другие источники, в том числе труды Христиана Вольфа и Квинтилиана.

¹¹ Там же. С. 19—26.

¹² Там же. С. 20.

¹³ Там же. С. 26—27.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Рукопись хранится в РГБ (Ф. 183. Собрание рукописей на западноевропейских языках. № 279. Л. 160—287).

¹⁶ Сочинения М. В. Ломоносова... Примечания. С. 27.

Таким образом, зависимость от источников подтверждается, а список источников-образцов расширяется. Однако при этом появляются и новые оттенки в этой общей характеристике. Когда Будилович сравнивает Риторiku Ломоносова с мозаичной картиной, имея в виду присутствие в ней чужих текстов, в той или иной степени трансформированных и адаптированных, он ничего не говорит о том, как эта мозаичность, или, в современных терминах, компилятивность, соотносится с общей риторической традицией. Подробного описания причин и механизма возникновения этой компилятивности нет и в академическом издании Сухомлинова, однако в предисловии он делает следующее важное замечание: «Труд Ломоносова заключал в себе все те достоинства, удовлетворял всем тем требованиям, о которых могла быть речь при общем уровне литературной образованности того времени. То, что понималось тогда под именем Риторики, унаследовано от целого ряда поколений, дороживших преданием, восходящим ко временам классической древности. Вслед за Аристотелем у греков, Цицероном и Квинтилианом у римлян, постепенно вырабатывались общие начала и появлялись бесчисленные подробности, так что одно только то, что написано по поводу Изобретения (*Inventio*), может составить целую библиотеку».¹⁷ Таким образом, Сухомлинов подчеркивает, что Риторика Ломоносова является прежде всего частью общериторической традиции. Дальнейшие исследования подтвердили правильность именно такого подхода к изучению текстуальных связей и соответствий ломоносовского трактата.

В вопросе об оригинальности теоретических положений «Краткого руководства к красноречию» Сухомлинов, кажется, полностью согласен с Будиловичем и приводит обширную цитату из его работы с перечнем «наиболее оригинальных» и «всего менее оригинальных» глав, заключая ее признанием большой важности труда своего предшественника «для изучения не только Риторики, но и литературной деятельности Ломоносова вообще».¹⁸

Следующим важным этапом в изучении Риторики Ломоносова стал седьмой том Полного собрания сочинений, подготовленный Г. П. Блоком в сотрудничестве с В. Н. Макеевой.¹⁹ Публикаторами были сделаны важные уточнения и дополнения, касающиеся истории текста с точки зрения соотношения рукописной Риторики 1744 года и печатной Риторики 1748 года, а также истории прижизненных изданий второй Риторики. Что касается проблемы теоретических источников, то она осталась в целом в том же состоянии и на том же уровне, на котором находилась после работ Будиловича и Сухомлинова.

В дальнейшем основное внимание при изучении Риторики Ломоносова уделялось прежде всего анализу ее содержания, в том числе соотношению Риторики с европейской и русской литературно-теоретической мыслью, значению в разработке теории трех стилей, особенностям в изложении и трактовке отдельных частей риторической теории, при этом вопрос о непосредственных источниках ломоносовских трактатов специально не рассматривался.²⁰ Однако именно это углубленное изучение теоретического аспекта предопределило неизбежность возвращения к источниковедческой проблеме.

«Краткому руководству к красноречию» посвящен раздел книги В. И. Аннушкина «Язык и жизнь. Книга о русском языке — речи — слове». Исследователь

¹⁷ Там же. Предисловие. С. IV.

¹⁸ Там же. Примечания. С. 288.

¹⁹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7: Труды по филологии. 1739—1758 гг. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно — ПСС с указанием страницы.

²⁰ См., например: *Волперский В. П.* 1) *Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей.* М., 1970; 2) *Риторика в России XVII—XVIII вв.* М., 1988. С. 134—170; *Граудина Л. К., Миськевич Г. И.* *Теория и практика русского красноречия.* М., 1989. С. 45—61; *Лакманн Р.* *Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического.* СПб., 2001. С. 128—151.

определяет три области исследования и соответствующие им задачи — филологическую, риторическую и текстологическую. Говоря о направлениях текстологического изучения ломоносовского текста, Аннушкин приводит сведения и краткие выдержки из работ предшественников — Будиловича, Сухомлинова, комментариев Блока и Макеевой к седьмому тому Полного собрания сочинений, а также Г. Н. Моисеевой — и констатирует, что «вершиной источниковедческого изучения ломоносовского труда явилось дореволюционное академическое издание 1895 г.». Определяя круг конкретных источников Риторике Ломоносова, автор отмечает, что «из ссылок М. И. Сухомлинова ясно выделяются пять теоретических предшественников Ломоносова»: риторика в рукописи собрания Погодина № 1663, конспект курса Порфирия Крайского, риторика Коссена, Помяя и Готшеда.²¹ Аннушкину удалось установить, что текст в рукописи Погодинского собрания является одним из списков риторика Михаила Усачева. Подробное описание этой риторики по главам с указанием еще 14 списков содержится в другой работе автора.²² Сопоставив тексты обеих Риторик М. В. Ломоносова с некоторыми риториками петровского времени (сопоставление касалось в основном вступительной части), Аннушкин затрагивает и вопрос о соотношении ломоносовских риторик с общериторической традицией, делая следующее замечание: «Несмотря на значительные совпадения с некоторыми предшествующими риториками, едва ли стоит предполагать, что Ломоносов пишет свои руководства, имея перед глазами, например, „Риторику“ М. Усачева. Скорее всего, это прочное знание, полученное в процессе внимательного чтения и изучения этих риторик...».²³

Новейшая редакция VII тома, вышедшая в 2011 году в составе 2-го, исправленного и дополненного, издания Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова, подводит итоги более чем полутороковой истории изучения трактатов Ломоносова и одновременно закладывает основы нового этапа в освоении риторического наследия великого ученого. Составители и редакторы издания указывают новейшую научную литературу, а в примечаниях к Риторикам 1744 и 1748, автором которых является Л. И. Сазонова, удачно объединяют комментарии Блока и Макеевой с комментариями Сухомлинова, таким образом еще раз подтверждая ценность его источниковедческих разысканий и наблюдений.

Чрезвычайно ценными представляются и вступительные разделы примечаний к риторическим работам Ломоносова, в которых Сазонова определяет и формулирует характер отношений текстов Ломоносова с предшествующей и современной ему риторической традицией. Действительно, прежде чем говорить о заимствованиях, самостоятельности или несамостоятельности ломоносовской Риторики, необходимо уяснить те исходные условия и установки, которые довели над сочинителями риторических трактатов. Приведем несколько цитат, в которых предельно ясно сформулированы эти условия: «Риторика — нормативная литературно-теоретическая наука — укоренена в глубокой традиции... Составляя руководство по риторике, автор каждой историко-культурной эпохи, включая и век XVIII, не мог не ориентироваться на сочинения, имевшиеся в данной области знания».²⁴ Это в свою очередь определяет и специфику проблемы источников: «Какими источниками пользовался Ломоносов, создавая свою Риторику, — сложный и до сих пор не решенный со всей определенностью вопрос. Несомненно, однако, что он работал в весьма устойчивой традиции, которую и воспроизводит. Традиция эта включает использование готовых определений риторических понятий, правил, цитат, приме-

²¹ Аннушкин В. И. Язык и жизнь. Книга о русском языке — речи — слове. М., 2009. С. 212—213.

²² Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. М., 2003. С. 101—116.

²³ Там же. С. 210.

²⁴ Сазонова Л. И. Примечания // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 2011. Т. 7: Труды по филологии. 1739—1758 гг. С. 672.

ров». ²⁵ И далее: «Трудность определения источников Риторике Ломоносова объясняется самой природой данного жанра, предполагающего наследование традиции: сходные формулировки правил, одинаковые иллюстрации могут повторяться в десятках различных руководств по риторике». ²⁶

Приведенная цитата является своего рода итогом изучения Риторике Ломоносова. Авторы XIX века ограничивались в основном констатацией компилятивного характера труда Ломоносова. При этом само по себе понятие сходства применительно к риторическим текстам не обсуждалось и критерии этого сходства не формулировались. В новом издании Полного собрания сочинений утверждается такой подход, при котором отдельный текст рассматривается с точки зрения его взаимодействия с каноном и установками на воспроизведение этого канона.

Итак, благодаря всем предшествующим исследованиям мы сейчас можем с уверенностью утверждать, что существующая в европейском контексте Риторика Ломоносова была ориентирована, как и все риторики того времени, на воспроизведение традиции, восходящей через авторитетные европейские образцы к античным первоисточникам. При этом ломоносовские трактаты не являются ни переводом, ни механической компиляцией, когда отдельные фрагменты, хотя и заимствуются из разных текстов, тем не менее поддаются однозначной и определенной идентификации. Ориентация на образец неизбежна и предопределена самим жанром, но текстуальные связи при этом многообразны, многомерны и не предполагают цитатную точность соответствия, что, естественно, затрудняет текстологическое сопоставление. В этой ситуации «нетождественного сходства» сопоставляемых текстов целесообразно выявлять в их содержании элементы, на которые прежде всего следует обращать внимание, определяя наличие и характер заимствований. Речь идет о таких элементах, которые могут иметь разное текстовое воплощение, но содержательный анализ которых мог бы показать, что является общим для всех или большинства риторических трактатов, а что привнесено автором конкретного руководства. И в случае с Риторикой Ломоносова существует текстологический инструмент, который позволяет направить фокус исследования на такие принципиально значимые элементы содержания. Он заключается в сравнении Риторике 1744 и Риторике 1748. Очевидно, что эти две Риторике в своей последовательности отражают не только поиск Ломоносовым более точных формулировок для выражения «одних и тех же мыслей» и баланса между частями текста, но и движение, развитие самой авторской мысли, а их сравнение позволяет определить элементы текста, выражающие эту динамику.

Одно из возможных направлений исследования Риторике и могло бы состоять в таком текстологически ориентированном анализе содержательных «узлов», при котором определяется не столько степень совпадения отрезков текста, взятых из разных трактатов, сколько наличие содержательных элементов, значимость которых подтверждается и выявляется в результате сравнения двух ломоносовских Риторик.

Покажем это на примере понятия силлогизма — одного из ключевых понятий риторической теории. В риторику это понятие пришло из логики и рассматривалось как формально-понятийная схема, в соответствии с которой надо выстраивать риторические доводы, или аргументацию, в ораторском тексте. Описание силлогизма стало неотъемлемой частью риторических трактатов, и в Риторике 1744 оно находится в § 119 в III части «Расположение»: «Силлогизм составляют два предыдущие предложения и следствие, н. п.: „от всякого порока надлежит убежать” (первое предложение), „но леньсть есть порок” (второе предложение), „следовательно, от леньсти бегать надлежит” (следствие). Сии три части силлогизма располагать можно разным порядком, присовокупляя к ним причины и украшая их тропами и

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 673.

фигурами, чтобы они риторический, а не логический вид имели» (ПСС, 68). Далее рассматриваются частные разновидности силлогизма. Как можно видеть, описание состоит из определения и указания на особенности употребления силлогистической формы в тексте: 1) возможность вариантного расположения частей силлогизма; 2) возможность их распространения в риторическом плане — «причинами», тропами и фигурами.

Сравним это с описанием силлогизма в «Кратком руководстве к красноречию» 1748 года. Во второй Риторике он описывается дважды. Сначала в главе 5 «О изобретении доводов» (части I «О изобретении») в § 74 приводится традиционное определение силлогизма: «Силлогизм составляется из трех рассуждений, из которых два первые называются посылками, а третье — следствием, которое из посылок выводит». Затем в § 74 и 75 рассматриваются различные сочетания посылок с точки зрения выражаемых ими логических отношений и «прочие главные свойства прямого силлогизма», также относящиеся к логическому аспекту описания (ПСС, 154—155).

Повторно Ломоносов обращается к данному понятию в части III «О расположении» в 3 главе «О расположении по силлогизму». Принципиальная схема представлена в § 266: «По силлогизму... располагается слово таким образом: 1) полагается одна посылка, 2) присовокупляется к ней причина из какого-нибудь риторического места, 3) ежели есть другая посылка, то и она полагается, к которой 4) также причина придается, 5) напоследи все заключается следствием. Причины при каждой посылке могут быть две и больше, и оные увеличены и возвышены распространениями и вымыслами по произволению. В пример предлагается сей силлогизм. „Всяк, кто закон хранит, есть богу приятен, но всяк добродетельный человек закон хранит; для того всяк добродетельный человек есть богу приятен”» (ПСС, 311—312). И далее, в § 267, так же как и в Риторике 1744, указывается на варьирование порядка частей силлогизма в тексте: «Сверх сего знать должно, что сей порядок силлогизма не совсем необходимо нужен, но можно общую посылку... после особенной поставить, также и причина может быть наперед поставлена перед посылкою» (ПСС, 313). Заметим, что силлогизм, приведенный в качестве примера, вопреки описанию, не содержит «причин», указанных в пунктах 2 и 4. Однако здесь нет ошибки, поскольку данный пример фактически является лишь формулировкой темы. Дело в том, что в Риторике 1748 в «Расположении» силлогизм рассматривается как схема построения ораторского слова, то есть целостного ораторского произведения. И далее, в § 266, содержится пример такого слова, представляющего собой распространение указанного выше краткого силлогизма. И уже в этом законченном слове мы находим структурные части, указанные в общем определении, которые Ломоносов выделяет с помощью подзаголовков: «первая посылка», «причина от уравнения», «вторая посылка», «причина», «следствие» (ПСС, 312—313). Заметим, что структура самого силлогизма (сочетание двух посылок и следствия) остается неизменной и не зависит от того объекта, к которому он относится — отдельно взятому доводу или краткой ораторской речи.

Сравнение описаний силлогизма в Риториках Ломоносова позволяет выявить как сходства, так и различия между ними. Закономерное сходство обнаруживают, незначительно различаясь лишь в обозначении частей (см. выше), сами толкования понятия силлогизма в § 119 первой Риторике и § 74 второй Риторике: «предложения» и «следствие» из определения § 119 соответствуют «посылкам» и «следствию» из определения § 74. Из приведенных цитат также видно, что и в Риторике 1744, и в Риторике 1748 имеются указания на необходимость риторического распространения частей силлогизма («тропами и фигурами», «распространениями и вымыслами») и на возможность варьировать порядок частей. В целом все основные пункты как структурной характеристики силлогизма, так и описания его риторического распространения в обеих Риториках принципиально совпадают.

Наиболее явным отличием является расширение логического аспекта в описании силлогизма в Риторике 1748 в главе «О изобретении доводов». Этому соответствует и содержание предварительных замечаний, изложенных в § 73, который заканчивается следующими словами: «Но прежде, нежели покажем мы правила к изобретению доводов, должно истолковать части и сложение оных из логики» (ПСС, 154). Другое отличие касается формата объекта, относительно которого определяется силлогизм. В первой Риторике силлогизм рассматривается исключительно как модель построения отдельного довода в составе ораторского слова, в то время как во второй Риторике «по силлогизму» располагается слово как целостный ораторский текст. Еще два отличия между описаниями силлогизмов в Риторике 1744 и Риторике 1748, на первый взгляд, кажутся не столь значительными и состоят в том, что 1) в первой Риторике после указания на распространение и украшение силлогизма «причинами, тропами и фигурами» следует пояснение: «...для того чтобы они риторический, а не логический вид имели», в то время как во второй Риторике, несмотря на логически ориентированное описание пятой главы и предварительного пояснения § 73 об «истолковании частей [силлогизма] и сложения оных из логики», экспликация различия между риторическим и логическим типом силлогизма отсутствует; 2) в § 266 Риторике 1748 указывается конкретное число частей риторически распространенного силлогизма — краткого слова. Таких частей пять (чему соответствует пять пронумерованных пунктов описания, в котором уже учтены «присовокупляемые» причины), в то время как в Риторике 1744 в общем определении речь идет только о трех частях силлогизма, а о «присовокуплении причин» говорится чуть далее как об особенности употребления и без указания их количества.

Как мы уже говорили, в вопросе об источниках нас интересует не столько текстуальное сопоставление отдельных отрывков, сколько сопоставление значимых элементов содержания — характеристик описываемых риторических понятий, которые выявляются, в первую очередь, в результате сравнения первой и второй Риторике. Выше мы определили состав таких элементов, как совпадающих, так и несовпадающих, в характеристике силлогизма в обеих Риториках. Рассмотрим теперь, как они представлены в риторической традиции, отраженной в источниках ломоносовских трактатов.

В Приложении III у Будиловича в качестве параллельных мест к § 74 и 75 «Краткого руководства к красноречию» приведены отрывки из риторике Помея и «Логике» Вольфа, содержащие общее определение силлогизма и его составных частей — посылка, следствия и посредствующего термина.²⁷ Что касается описания в части «О расположении», то в полном соответствии с характеристикой главы «О расположении по силлогизму» как главы оригинальной, мы не находим указаний на источники для большинства ее параграфов. В частности, в примечаниях к § 266 и 277 Будилович ограничивается лаконичным указанием на предположительное авторство самого Ломоносова.²⁸ У Сухомлинова для теоретической части этих параграфов приведена только одна параллель: фрагмент из курса Порфирия Крайского (для § 266). Есть еще и отсылочное указание на § 78 Риторике 1748, смысл которого, впрочем, не вполне ясен, так как этот параграф посвящен описанию дилеммы, которая в § 266 вообще не упоминается.²⁹ Скорее всего, это опечатка, и отсылка должна указывать на § 74, в котором так же, как и в § 266, дается общая характеристика силлогизма и, что не менее важно, приводится тот же пример: «„Всяк, кто закон хранит, есть богу приятен” и т. д.». В качестве источника для § 74 и 75 Сухомлинов указывает «Логик» Вольфа.³⁰ Что же касается описа-

²⁷ Будилович А. С. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. Приложение III. С. 48.

²⁸ Там же. С. 71.

²⁹ Сочинения М. В. Ломоносова... Примечания. С. 520.

³⁰ Там же. С. 359—360.

ния силлогизма в § 119 в «Кратком руководстве к риторике» 1744 года, то здесь примечания у Сухомлинова подробны и содержат параллели из рукописи собрания Погодина № 1663, трактатов Помея, Коссена и Готшеда.³¹ Примечания к соответствующим параграфам обеих Риторик во втором издании Полного собрания сочинений содержат ссылки на примечания Сухомлинова. Таким образом, источниковедческие комментарии к параграфам первой и второй Риторике Ломоносова, посвященным общей характеристике силлогизма, указывают на пять основных источников, релевантных для сопоставления: риторику Михаила Усачева (по списку собрания Погодина), записи курса Порфирия Крайского «*Artis Rhetoricae praeserta*», «*Candidatus Rhetoricae*» Ф.-А. Помея, «*De eloquentia sacra et humana*» Н. Коссена и «*Ausführliche Redekunst*» И.-Ж. Готшеда.

В общем определении силлогизма какие-либо различия содержательного характера между трактатами закономерно отсутствуют. Приведем примеры. В риторике Михаила Усачева говорится: «Силлогизм есть довода образ, иже из двух предложений соизволенных третью нужно ко соизволению наводит., Все еже питается живое есть; но древо питается — живое есть».³² В риторике Помея дается такое определение силлогизма: «Умозаключение (...) Называемое иначе силлогизмом. Каковы его части? *Ответ.* Три главнейшие: большая посылка, меньшая посылка, заключение» («*Ratiocinatio (...) Syllogismus alio nomine vocatur. Quenam sunt ejus partes? Resp. Tres praecipuae: Propositio, Assumptio, Complexio*»)³³

Что касается особенностей употребления силлогизма в риторическом тексте, то и здесь источники содержат соответствующие параллели. В риторике Коссена в книге VI «*De dispositione et partibus oratoria*» в главе 27 находим отрывок, в котором так же, как и в § 119 первой Риторике Ломоносова, дается краткая рекомендация по риторическому распространению силлогизма: «Посылки должны появляться [в речи] не в чистом виде, но должны дополнительно подтверждаться другими доводами и постоянно иллюстрироваться украшениями фигур» («*Non simpliciter & nude propositiones exeant oportet, sed aliis insuper argumentis confirmentur, passimque figurarum illustrentur ornamentis*»)³⁴ Как видим, в качестве «распространителей» у Коссена выступают «аргументы» и «фигуры», что содержательно соответствует «причинам» и «тропам и фигурам» у Ломоносова. Рекомендации и пояснения к варьированию порядка частей силлогизма также отражены как в авторитетных трактатах, так и в практических учебных курсах. В риторике Помея, например, говорится: «Всегда ли нужно сохранять данный [прямой] порядок пропозиций? *Ответ.* Нет; но его, во избежание однообразия, разными способами необходимо варьировать, начиная [силлогизм] то с меньшей посылки, то со следствия». («*Est ne semper servandus ordo ille propositionum? Resp. Non; sed eum, ad vitandam satietatem multis modis variare oportet; modo ab assumptione, modo a complexione, & c. ducendo initium*»)³⁵ В курсе Порфирия Крайского находим следующее замечание: «Силлогизмы бывают прямые и измененные, или инвертированные. Прямой силлогизм есть тот, в котором на первом месте полагается большая [посылка], на втором — меньшая, на третьем — следствие. Измененный силлогизм есть тот, в котором не в таком порядке располагаются пропозиции, но в измененном» («*Syllogismus alius est rectus, alius turbatus seu inversus. Syllogismus rectus est, in quo primo loco ponitur major, secundo minor, tertio conclusio. Turbatus syllogismus est in quo*

³¹ Там же. С. 95—97.

³² РНБ. Собр. Погодина. № 1663. Л. 147. Цитаты из рукописи приводятся в упрощенной графике и орфографии.

³³ *Pomey François Antoine. Candidatus Rhetoricae, olim a Patre Franc. Pomey digestus. In hac editione novissima a Patre Josepho Juvencio auctus, emendatus, et perpolitus. Parisiis, 1712. P. 54.*

³⁴ *Caussin Nicolas. De eloquentia sacra et humana libri XVI. Editio quinta, non ignobilior praecedentibus. Lugduni, 1637. P. 341.*

³⁵ *Pomey François Antoine. Candidatus Rhetoricae... P. 55.*

non tali ordine ponuntur propositiones sed sunt transversae»).³⁶ Итак, все основные черты характеристики силлогизма, совпадающие в первой и второй Риторике Ломоносова, находят свои параллели в релевантных источниках.

Рассмотрим теперь, каким фрагментам в данных источниках соответствуют содержательные элементы, которыми различаются описания силлогизма в текстах ломоносовских Риторик. То, что было определено нами как расширение логического аспекта описания силлогизма в § 74 и 75 главы «О изобретении доводов» Риторике 1748, основано на заимствованиях из «Логики» Христиана Вольфа, на что единодушно указывали Будилович, Сухомлинов и все последующие исследователи (см. выше).

Не является чем-то новым для риторической теории и то, что в Риторике 1748 в главе «О расположении по силлогизму» речь идет о построении по силлогистической модели целого текста, а не отдельного довода. На это непосредственным образом указывает замечание в трактате Коссена: «Можно заметить, что большинство речей основано на силлогизме» («Orationes plerunque totas in syllogismo fundatas esse videas»).³⁷ В курсе Порфирия Крайского силлогизм также рассматривается как модель и для построения доказательства (внутри ораторского слова), и для «краткой речи» целиком: «Если оратор из трехчастного или пятичастного силлогизма хочет построить амплификацию или краткую речь, [он] должен, во-первых, следить за тем, чтобы силлогизм имел вид риторический...» («Si orator ex tripartito vel quinquepartito syllogismo velit construere amplificationem vel brevem orationem debet primo haec observare, ut syllogismus procedat modo rhetorico...»).³⁸

Что касается еще двух моментов, на которые мы указывали выше — экспликацию различия логического и риторического аспектов при описании силлогизма в Риторике 1744, а также точное обозначение количества частей риторически распространенного силлогизма в Риторике 1748, — то, как показывает материал, они оказываются определенным образом связанными между собой и поэтому будет целесообразно рассмотреть их совместно. В общем определении силлогизма у Помея, которое мы приводили выше, говорится о «трех главнейших» («tres praecipuae») частях силлогизма. Однако чуть далее в этой же главе описывается превращение силлогизма в пятичастную структуру. Превращение это осуществляется прибавлением подтверждающего основания («probatio, confirmatio») к каждой посылке: «Если к большей посылке прибавляется доказательство и к меньшей — подтверждение, будет пять частей, и из трехчастного станет силлогизм пятичастным» («Quod si propositioni subjiatur sua probatio, & sua item assumptioni adjungatur confirmatio, erunt quinque partes, & ex tripartita fiet Ratiocinatio quinquepartita»).³⁹ Это похоже на описание пятичастного силлогизма в Риторике 1748, хотя и относится к построению отдельного довода. Отметим, что у Помея эта трансформация указана просто как возможность, ее статус и соотношение с трехчастной формой никак не определены и не комментируются.

В трактате Готшеда «Ausführliche Redekunst» в главе 6 «Об основании довода» в § 20 и в главе 10 «Об устройстве слова» в § 7 описывается пятичастная форма силлогизма как одна из возможных форм ораторского довода. Увеличение количества частей (с трех до пяти) так же, как в Риторике 1748 и у Помея, происходит за счет прибавления к каждой из двух посылок подтверждающего основания: «Необходимо большую и меньшую посылку... подкреплять причинами» («man den Obersatz und Untersatz .. mit Gründen bestärken soll»).⁴⁰ Даже способ представления

³⁶ РГБ. Ф. 183. № 279: Artis Rhetoricae praecepta... Л. 216 об.—217.

³⁷ Caussin Nicolas. De eloquentia sacra et humana... P. 341.

³⁸ Artis Rhetoricae praecepta... Л. 217.

³⁹ Pomey François Antoine. Candidatus Rhetoricae... P. 55.

⁴⁰ Gottsched Johann Christoph. Ausführliche Redekunst, nach Anleitung der alten Griechen und Römer, wie auch der neuern Ausländer, geistlichen und weltlichen Rednern zu Gut, in zween Theilen verfasst und mit Exempeln erläutert. Leipzig, 1736. S. 123.

этой формы в виде нумерованного списка сближает текст Готшеда с Риторикой 1748: «I. Большая посылка. II. Ее доказательство. III. Меньшая посылка. IV. Ее доказательство. V. Заключение» («I. Der Obersatz. II. Sein Beweis.⁴¹ III. Der Untersatz. IV. Sein Beweis. V. Der Schlußsatz»).⁴²

При этом немецкий автор сравнивает трехчастную и пятичастную форму и отдает предпочтение последней. Он указывает, что именно из пяти частей должен состоять правильный ораторский силлогизм: «Ораторский силлогизм, который совершенно полон, должен состоять из пяти частей» («Ein oratorischer Beweis der recht vollständig ist, aus fünf Theilen bestehen muss»).⁴³ В 10-й главе Готшед прямо пишет о том (со ссылкой на Цицерона и соглашаясь с ним), что этот способ деления лучше, чем другой, предполагающий деление на три части: «Этот способ деления нравится Цицерону еще больше, чем способ тех, которые делят силлогизм только на три части. И я здесь согласен с ним, несмотря на то, что Квинтилиан предпочитал последний [способ]» («Dieser Art Abtheilung nun gefällt dem Cicero noch besser, als die Art derjenigen, die einen Beweis nur in drey Theile zergliedern. Und ich halte es gleichfalls mit ihm, ungeachtet Quintilian diese letztere vorgezogen»).⁴⁴ Далее, рассуждая о том, что именно 5-частная форма способствует развитию у начинающего (ein Anfänger) лучшего представления об обоснованности доказательства, он говорит, что было бы недостаточно сообщать начинающему, что риторическое доказательство также, как и логическое, имеет только три посылки: «Ибо таким образом получает начинающий, которому предписываются правила красноречия, гораздо лучшее представление об основательности в доводах и об искусном построении посылок, чем если ему просто скажут, что ораторский довод, так же как и логический, только три посылки имеет» («Denn dergestalt bekommt ein Anfänger, dem man Regeln der Beredsamkeit vorgeschrieben, einen weit bessern Begriff von der Gründlichkeit im Beweisen, und der geschickten Ausführung eines Satzes, als wenn man ihm schlechthin sagt, das der oratorische Beweis, so wie der logische, nur drey Sätze hat»).⁴⁵

Заметим, что у самого Цицерона этот вопрос изложен несколько иначе. В сочинении «Об изобретении», на которое и ссылается Готшед, в главах, посвященных силлогистическим видам аргументации, Цицерон уделяет большое внимание вопросу о разных способах деления умозаключений, и прежде всего силлогизмов, на составные части и сравнивает два подхода. Согласно одному из них, следует выделять в силлогизме пять частей, согласно другому, силлогизм всегда состоит не более чем из трех частей, хотя бы мы и вводили в него дополнительные элементы для подтверждения посылок. Вот как рассуждают, по Цицерону, сторонники этого последнего подхода: «Они говорят, что ни от большей посылки, ни от меньшей посылки их доказательства не должны быть отделены, и ни большая посылка полной, ни меньшая посылка совершенной им не представляются, если не подтверждены доказательством. Поэтому то, в чем другие насчитывают две части, пропозицию и доказательство, им представляется как одна часть, пропозиция, которая, если не была бы доказанной, не могла бы быть пропозицией аргументации» («Negan enim neque a propositione neque ab adsumptione adprobationes earum separari oportere, neque propositionem absolutam neque adsumptionem sibi perfectam videri,

⁴¹ В трактате Готшеда термин Beweis относится как к логически выстроенному суждению (доводу) в целом, так и к доказательству как отдельной его части. Определение оттенков значений и перевод риторических терминов представляют собой самостоятельную проблему, которая выходит за рамки данной статьи. В целях единообразия для передачи первого и второго значения Beweis здесь и далее используются термины «силлогизм» и «доказательство» соответственно.

⁴² *Gottsched Johann Christoph. Ausführliche Redekunst... S. 123.*

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. S. 200.

⁴⁵ Ibid.

quae approbatione confirmata non sit. Quare quas illi duas partes numerent, propositionem et adprobationem, sibi unam partem videri, propositionem; quae si adprobata non sit, propositio non sit argumentationis».⁴⁶ Итак, посылки не имеют смысла, если они не подкреплены доказательствами, а следовательно, сочетание посылки с доказательством представляет собой неразрывное единство, которое при описании силлогизма следует рассматривать как одну часть. Сам Цицерон полемизирует с этой точкой зрения и высказывается в пользу деления на пять частей: «Ибо то, что может быть и добавлено, и отделено от чего-либо, не может быть тем же самым, что и та вещь, к которой оно добавляется или от которой отделяется. Но есть такие умозаключения, в которых пропозиции не нуждаются в доказательствах, и такие, в которых пропозиции не имеют значения без доказательства, как мы покажем далее. Следовательно, пропозиция является [частью] отдельной от доказательства» («Quod enim et adiungi et separari ab aliquo potest, id non potest idem esse, quod est id, ad quod adiungitur et a quo separatur; est autem quaedam argumentatio, in qua propositio non indiget approbationis, et quaedam, in qua nihil valet sine approbatione ut ostendemus. Separata igitur est a propositione approbatio»)⁴⁷ Далее Цицерон приводит примеры таких пропозиций и делает вывод: «Из всего этого ясно, что доказательство иногда добавляется, а иногда не добавляется. Из чего мы познаем, что ни в большей посылке, ни в меньшей посылке не содержится доказательство, но, находясь [каждый из этих элементов] на своем месте, имеют свое собственное и определенное значение. Если это так, то надлежащим образом делят те, которые делят силлогизм на пять частей» («Ex hisce omnibus illud perspicuum est approbationem tum adiungi, tum non adiungi. Ex quo cognoscitur neque in propositione neque in assumptione contineri approbationem, sed utramque suo loco positam vim suam tamquam certam et propriam obtinere. Quodsi ita est, commode partiti sunt illi, qui in quinque partes tribuerunt argumentationem»)⁴⁸ Таким образом, согласно Цицерону, доказательства посылок являются отдельными самостоятельными единицами, образуя вместе с посылками пять частей силлогизма.

Однако следует отметить, что рассуждения Цицерона не касаются риторического применения силлогизма и исходят исключительно из логических отношений между его частями. Как указывает он сам: «Дело касается не столько ораторской практики, сколько теоретических постулатов» («res non tam ad usum dicendi pertinet quam ad rationem praeseptionis»)⁴⁹ То же самое мы находим и у Квинтилиана, которого Готшед упоминает в приведенной выше цитате из «Ausführliche Redekunst» как сторонника трехчастного способа деления умозаключения. Действительно, в своем трактате «Наставление оратору» Квинтилиан рассматривает этот вопрос и сообщает о существовании разных точек зрения, в том числе и о мнении Цицерона. Сам он при этом обосновывает правильность трехчастного деления, но характерно, что приводимые им доказательства так же, как и доказательства его знаменитого предшественника, носят сугубо теоретический характер и относятся к описанию логической структуры, а не к форме речевого воплощения: «Тем не менее мне и большинству авторов представляется не более трех [частей в силлогизме]. Ведь так обстоит дело по природе, что есть то, о чем спрашивается, и то, с помощью чего доказывается, третья часть может быть добавлена как бы из согласия двух предыдущих. Таким образом, будет первой [частью] большая посылка, второй — меньшая, третьей — заключение. Поскольку подтверждение первой и украшение второй [части] может быть включено в состав этих же [частей], к которым они прибавляются» («Mihi et plurimis nihilo minus auctoribus tres summum videntur. Nam ita se habet natura, ut sit de quo quo quaeratur, et per quod probetur: terti-

⁴⁶ De Inventione. I, 35.

⁴⁷ Ibid. I, 36.

⁴⁸ Ibid. I, 37.

⁴⁹ Ibid. I, 35.

um adjici potest velut ex consensu duorum antecedentium. Ita erit prima intentio, secunda assumptio, tertia connexio. Nam confirmatio primae, ac secundae partis exoratio, eisdem cedere possunt, quibus subjiciuntur».⁵⁰ Итак, трактовка античных риториков отличается от изложения немецкой риторики XVIII столетия: и у Квинтилиана, и у Цицерона данный вопрос носит исключительно теоретический характер, в то время как для Готшеда разное количество частей связано с различием риторического и логического типов силлогизма, что в свою очередь имеет непосредственное отношение и к ораторской практике, и к преподаванию основ этой практики «начинающим».

Изложение в контексте курса риторики Порфирия Крайского ближе к риторике Помея: силлогизмы с разным количеством частей описываются, но это количественное различие между ними никак не комментируется. В разделе, посвященном силлогизму, после стандартных определений его основной (трехчастной) формы и составных частей — большей посылки, меньшей посылки и заключения — говорится следующее: «От этих трех пропозиций силлогизм называется трехчастным. Если же прибавляется причина к большей посылке, другая [причина] — к меньшей, то будет силлогизм пятичастным, вследствие прибавленных к нему двух причин» («A tribus ergo his propositionibus syllogismus dicitur tripartitus, quod si vario addatur una ratio majori, altera minori, erit syllogismus quinquepartitus, ob additas sibi duas rationes»)⁵¹ Далее рассматривается практический способ построения трехчастного силлогизма «Omne quod removet a Deo est fugiendum. Sed peccatum removet hominem a Deo. Ergo peccatum est fugiendum» (Всего, что удаляет от Бога, необходимо избегать. Но грех удаляет человека от Бога. Следовательно, следует избегать греха). После чего подробно описывается превращение этого силлогизма в четырех- или пятичастный путем введения в его состав причин, обосновывающих посылки: «Таковы правила [построения] трехчастного силлогизма. Если же хочешь построить силлогизм четырехчастный или пятичастный, добавь причину к большей [посылке] следующим образом: „Всего, что удаляет от Бога, следует избегать, потому что по природе свойственно человеку избегать зла“. Так же добавь вторую причину к меньшей [посылке]: „Но грех удаляет человека от Бога, потому что из Божиего сына делает человека сыном дьявола, следовательно, греха должно избегать“, и становится силлогизм пятичастным вследствие [наличия] трех пропозиций и двух причин, прибавленных к большей и меньшей [посылке]» («Haec doctrina est pro syllogismo tripartito. Quod si vario velis formare, quadripartitum vel quinquepartitum syllogismum, addes rationem ad majorem sic, e. g. „Omne quod removet a Deo est fugiendum, quia naturaliter etiam homo fugere solet malum“. Item adde secundam rationem ad minorem hanc, e. g.: „Sed peccatum removet hominem a Deo, quia ex filio Dei hominem efficit filius diaboli, ergo peccatum est fugiendum“, et fiet syllogismus quinquepartitus, propter tres propositiones syllogismi, et duas rationes additas ad majorem et minorem»)⁵² В контексте курса Порфирия Крайского не содержится каких-либо теоретических интерпретаций различия между силлогизмами, состоящими из разного количества частей; они описываются как равноправные, одинаково возможные в риторически организованном тексте, и не связываются специально с областью логики или риторики.

Разные способы деления силлогизма рассматриваются и в риторике Михаила Усачева. В рукописи № 1663 находим пассаж, в котором данный вопрос трактуется подробнейшим образом, и при этом в характеристике типов силлогизма появляются дополнительные нюансы: «Разделяется же силлогизм диалектический от риторичного, яко диалектический точию из трех слагается: ис предложения большаго и меншаго, и ис заключения. Риторичный же пять частей имеет. Предложение, имъ-

⁵⁰ Institutionum oratoriarum. V, 14, 6.

⁵¹ Artis Rhetoricae praecepta... Л. 216 об.

⁵² Ibid. Л. 217.

же место полагается, от негоже вся сила утверждения истекает, и утверждение предложения сего, сиречь ради чего сие предложение бывает. Приятие, имже что из предложения к показанию надлежит приемлется, и утверждение приятия. Заключение, имже что слагается из всего силлогизму, кратко изъясняется, наприклад: предложение — „всякий мудрый честен есть”, утверждение предложения — „яко честное добро имат (сиречь мудрость)”, приятие — „но Цицero мудрый есть”, утверждение приятия — „яко весть чему последствовати и от чего хранитися”, заключение — „убо Цицero честен есть”.⁵³ Как видим, здесь описывается пятичастная схема: 1) предложение (то есть большая посылка); 2) утверждение предложения (доказательство большей посылки, причина); 3) приятие (меньшая посылка); 4) утверждение приятия (доказательство меньшей посылки, вторая причина); 5) заключение. Важно отметить, что эта схема приписывается именно «риторичному» силлогизму, который «разделяется от диалектичного», имеющего только три части.

Далее особо рассматривается случай, когда не все названные части представлены, но отсутствуют доказательства посылок: «Случается же яко и некоторая от сих часть убывает, и тогда силлогизм риторичный токмо четырехчастственный бывает. Случается же, яко и две части, сиречь утверждения предложения и утверждение превзятия отъемлется. И тогда силлогизм трехчастный нарицется, обаче от диалектичного разньствует, ибо диалектичный наг бывает и токмо сих словес употребляет, иже нужная бывают ко изъяслению предложения. Риторичный же употребляет словес и речения не токмо нужных ко изъяслению, но и ко украшению и расширению достойных».⁵⁴ В приведенном отрывке особенно важно то разъяснение, которое автор риторики дает по поводу «отъятия» доказательства и сокращения частей силлогизма: даже будучи трехчастным риторический силлогизм тем не менее отличается от логического («обаче от диалектичного разньствует») словесными украшениями и амплификацией («употребляет словес ... ко украшению и расширению достойных»).

Обобщая наблюдения над тем, как рассматривался и интерпретировался вопрос о количестве частей силлогизма в разных риториках, можно сделать следующий вывод. Для античных авторов этот вопрос лежит скорее в теоретической плоскости, и распространение силлогизма доказательствами является само собой разумеющимся. Разное количество частей возникает как следствие различия в понимании того, какие единицы следует считать самостоятельными. В конечном счете речь идет о корректном теоретическом описании структуры риторического силлогизма. Для поздней традиции, представленной в нашем случае наиболее отчетливо в трактате Готшеда и в тексте риторики Михаила Усачева, актуальным оказывается различие логического и риторического аспекта при описании силлогизма и выделение в соответствии с этим логического и риторического типов силлогизма.

Суммируя описания силлогизма в рассмотренных источниках и сравнивая их с описанием в Риториках Ломоносова, можно утверждать, что абсолютно все элементы характеристики силлогизма в Риторике 1744 и в Риторике 1748, как совпадающие, так и несовпадающие, включая и общее требование различать в силлогизме логическое и риторическое начало, находят свои параллели в риториках Коссена, Помея, Готшеда, рукописной риторике Михаила Усачева и записи лекционного курса Порфирия Крайского. Но, несмотря на это, именно с описанием силлогистических форм оказывается связанной оригинальность «Краткого руководства к красноречию».

Как мы уже отмечали выше, в Риторике 1748 силлогизм описывается дважды, причем первый раз Ломоносов обращается к нему в части I «О изобретении» в гла-

⁵³ РНБ. Собр. Погодина. № 1663. Л. 147—148.

⁵⁴ Там же. Л. 148—148 об.

ве 5 «О изобретении доводов». Кратко повторим основные пункты этого описания. Общая характеристика понятия дается в Риторике 1748 в § 73—75, при этом сразу заявляется именно логический аспект рассмотрения: «Но прежде, нежели покажем мы правила к изобретению доводов, должно истолковать части и сложение оных из логики» (ПСС, 154). Силлогизм далее определяется как структура трехчастная: «Силлогизм составляется из трех рассуждений, из которых два первые называются посылками, а третье — следствием, которое из посылок выводят» (ПСС, 154). Далее идет подробное описание составных частей и свойств логического силлогизма. При этом в тексте главы «О изобретении доводов» Риторике 1748 ничего не говорится о необходимости или возможности «присовокупления» к силлогизму «причин», об украшении посылок «тропами и фигурами» или «распространениями и вымыслами», о свободном порядке частей силлогизма, то есть о всем том, что неизменно являлось частью описания данного понятия как в рассмотренных риториках-источниках, так и в первой Риторике Ломоносова. И наоборот, в главе «О расположении по силлогизму» Риторике 1748, опять же в отличие от всех остальных рассмотренных нами текстов, вовсе не упоминается трехчастная форма, ранее уже «истолкованная из логики». Таким образом, в Риторике 1748 логический и риторический аспекты не просто выделяются, но в соответствии с этим различием корректируется и распределение материала: аспект логический разбирается в главе «О изобретении доводов», а особенности риторической реализации силлогизма рассматриваются в главе «О расположении по силлогизму». При этом данные аспекты описания и относящиеся к ним элементы характеристики ни разу не смешиваются и по существу находятся в отношениях строгого дополнительного распределения. Именно это распределение и отличает Риторик 1748 как от Риторике 1744, так и от всех рассмотренных текстов-источников. Данный вопрос требует, конечно же, дальнейшего изучения, однако, с нашей точки зрения, такое разделение аспектов в рамках одного трактата ведет, на самом деле, к их объединению в единую функциональную систему в качестве взаимодействующих компонентов. Подтверждением этого можно было бы считать расширение логического компонента в описании силлогизма во второй Риторике. Действительно, выделение логического аспекта описания в качестве самостоятельного компонента системы естественным образом должно было бы вести к более подробному рассмотрению этого компонента, относящихся к нему единиц и правил. Именно это и происходит в главе «О изобретении доводов» во второй Риторике. Тем самым подтверждается сделанное Будиловичем наблюдение о том, что Ломоносову в Риторике принадлежит группировка материала, «совершенно оригинальная, или, по крайней мере, очень отличная от расположения тех же материалов в источниках». ⁵⁵

Метод раздельного представления теоретического материала мог бы объяснить и отсутствие в Риторике 1748 прямо выраженной рекомендации придавать силлогизму риторический вид. Она безусловно необходима при объединенном описании логического и риторического типов силлогизма, но в условиях раздельного описания ее значимость снижается, поскольку само расположение материала является своего рода указанием на характер его использования. Таким образом, «распределенное» (между разными частями трактата) описание силлогизма в Риторике 1748, отличающее ее как от первой Риторике, так и от риторик-источников, и является в данном случае основной новацией, свидетельствующей о том, что, оставаясь в рамках строгого канона, Ломоносов намечает контуры новой модели риторики как единой функциональной системы.

⁵⁵ Будилович А. С. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. С. 104.

© М. Ю. Степина

К АТРИБУЦИИ КРИТИЧЕСКИХ ОТЗЫВОВ О Н. А. НЕКРАСОВЕ (1840-е ГОДЫ)

Авторство большей части критических отзывов о Некрасове известно со времени первых библиографий литературы о поэте. Литературоведение XX века восполнило часть пробелов, что отражено в академическом Полном собрании сочинений и писем Н. А. Некрасова и «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова» в трех томах. Однако проблема остается актуальной. Особенно сложными в этом отношении являются 1840-е годы, когда критические отзывы о Некрасове были лаконичными и зачастую анонимными.

В данной статье предлагаются соображения об авторстве нескольких отзывов, значительных для изучения раннего периода творчества Некрасова.

I

В раннем творчестве Некрасова первым крупным событием стал выход поэтического сборника «Мечты и звуки». В него вошли несколько стихотворений, напечатанных до того в петербургских периодических изданиях, а также не публиковавшиеся ранее. Несмотря на то что критические отзывы о сборнике многократно становились предметом внимания литературоведов, даже последние академические издания содержат частные неточности и пропуски.

В комментарии В. Э. Вацуру к «Мечтам и звукам» рассмотрены семь рецензий: П. А. Плетнева («Современник»), Л. В. Бранта («Русский инвалид»), Ф. Н. Менцова («Журнал Министерства народного просвещения»), В. С. Межевича («Литературная газета»), В. Г. Белинского («Отечественные записки»), Н. С. («Северная пчела») и анонимного автора («Библиотека для чтения»)¹.

Рецензент «Северной пчелы» в «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова» упоминается под криптонимом «Н. С.»² Между тем первое предположение об авторстве этой рецензии было высказано автором данной статьи в 1999 году,³ наряду с предположением, что автор рецензии и «Н. В. С.», которому было посвящено стихотворение Некрасова «Безнадежность» (1838), — одно лицо. В статье, опубликованной в 2008 году, обосновано предположение, что рецензентом Некрасова и человеком, которому Некрасов посвятил свое стихотворение, был Николай Васильевич Савельев-Ростиславич.⁴

В 1974 году Г. П. Верховский обнаружил восьмую статью, посвященную сборнику Некрасова и опубликованную в «Сыне отечества».⁵ Исследователь атрибутировал эту одобрительную рецензию Н. А. Полевому.⁶ Полевому также он атрибутирует анонимную рецензию в «Библиотеке для чтения». В. Э. Вацуру в комментарии к сборнику упоминает статью Верховского в связи с отзывами Ф. Н. Менцова,

¹ См.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1871. Т. I. С. 641—642. Далее ссылки на это издание даются в тексте (том, страница).

² Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова: В 3 т. СПб., 2006. Т. I. С. 60. Далее: Летопись.

³ Степина М. Ю. Первые рецензенты Некрасова (К вопросу об одной публикации) // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры: Тезисы докладов. Ярославль, 1999. С. 16—17.

⁴ Степина М. Ю. Н. В. Савельев-Ростиславич — один из первых рецензентов Н. А. Некрасова // Изв. СПбГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2008. № 38 (82). С. 326—330.

⁵ [Б. п.] Сын отечества. 1840. Т. I. (Ценз. разр. 31 декабря 1839). Отд. I: Критика и библиография. С. 894.

⁶ Верховский Г. П. С чего начинается некрасоведение? // О Некрасове: Статьи и материалы. Ярославль, 1975. Вып. 4. С. 169—172.

но не отмечает атрибуцию Полевому рецензии в «Библиотеке для чтения» и оставляет без внимания найденную и атрибутированную рецензию в «Сыне отечества» (I, 641—642). Рецензия в «Сыне отечества» отмечена Б. В. Мельгуновым в «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова», но также без указания авторства, как и рецензия в «Библиотеке для чтения».⁷ Ни В. Э. Вацуро, ни Б. В. Мельгунов не выдвигают контраргументов против соображений Верховского. И хотя случайное упущение двумя авторитетными исследователями разыскания и обоснования авторства маловероятно, его нельзя исключать.

Аргументация Верховского содержит убедительные факты. Первый — свидетельство Полевого о том, что «Сын отечества» «именно по отделениям Критики, Библиографии и Смеси» находился «в его редакции» в 1839 году и с января по апрель 1840 года.⁸ Употребление пословицы «С волками надобно выть» анонимным рецензентом «Сына отечества» и Полевым в «Летописи русских журналов»,⁹ оба раза не в общеизвестной форме «С волками жить — по-волчьи выть», может рассматриваться как дополнительное подтверждение догадки об авторстве Полевого.

К этим аргументам прибавим указание В. П. Горленко: «Беспощадный отзыв о ней (книжке «Мечты и звуки». — М. С.) Белинского и хвалебные — Полевого и Плетнева — известны. Приведем несколько строк из любопытной рецензии „Литератур(ной) газеты“ (1840 года, № 16)».¹⁰ Горленко имеет в виду не анонимную рецензию П. А. Плетнева¹¹ и не анонимную рецензию В. С. Межевича в указанном номере «Литературной газеты».¹² Анонимные рецензии на сборник Некрасова вышли также в «Библиотеке для чтения»¹³ и «Сыне отечества». Но Полевой сотрудничал у Сенковского в 1838 году, а в 1840 году конфликт Сенковского и Полевого стал уже очень острым¹⁴ и публикация Полевого в издании Сенковского маловероятна. Следовательно, упоминание о рецензии Полевого, с большей вероятностью Горленко имел в виду именно рецензию в «Сыне отечества».

Таким образом, правомерно отвести предположение Верховского об авторстве рецензии Н. А. Полевого в № 2 «Библиотеки для чтения» и рассматривать как принадлежащую ему рецензию в «Сыне отечества».

Авторство анонимной рецензии, опубликованной в № 2 «Библиотеки для чтения», до сегодняшнего дня оставалось неустановленным (I, 641).¹⁵

Авторство Сенковского представляется так же маловероятным, как и авторство Полевого. Сенковский охотно цитирует и пародирует рецензируемые стихотворные фельетоны Некрасова.¹⁶ Можно предполагать, что юмористическая и сатирическая фактура произведений Некрасова после поэтического сборника оказывалась более благодатным материалом для Сенковского. Одобрительный отзыв и цитация стихотворения Некрасова без оттенка иронии и словесной игры заключают несходство этой рецензии с общим стилем Сенковского.

⁷ Летопись. Т. I. С. 59.

⁸ Сын отечества. 1840. Т. 4. Кн. 2. Смесь. С. 903; *Верховский Г. П.* Указ. соч. С. 171.

⁹ Сын отечества. 1839. Т. 2. Отд. IV. С. 99; *Верховский Г. П.* Указ. соч. С. 172.

¹⁰ *Горленко В. П.* Литературные дебюты Некрасова // *Отечественные записки.* 1878. № 12. С. 150.

¹¹ [Плетнев П. А.] Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. // *Современник.* 1840. № 2. (Ценз. разр. 6 марта 1840 г.). Т. XVIII. Отд. III: Разбор новых книг. С. 133—134.

¹² [Межевич В. С.] Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. // *Литературная газета.* 1840. № 16. 24 фев. Стлб. 373—379.

¹³ [Б. п.] 1. Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н. 2. Стихотворения Алексея Леонова // *Библиотека для чтения.* Том 38. (Ценз. разр. 30 января 1840 г.). Отд. VI: Литературная летопись. С. 29—31.

¹⁴ См.: *Каверин В.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 338.

¹⁵ См. также: Летопись. Т. I. С. 59.

¹⁶ См., например, его рецензии на сказку «Баба-Яга, Костяная нога» (*Библиотека для чтения.* 1841. Т. XLIV. Отд. VI. С. 19—22) и на первый и второй тома книжки «Статейки в стихах, без картинок» (Там же. 1843. Т. 57. Отд. VI. С. 45—50; Там же. 1843. Т. 59 (1). Отд. VI. С. 1—11).

Опираясь на свидетельство В. П. Горленко, Б. В. Мельгунов утверждает: «1839. Вторая половина года. (...) Н(екрасов) принимает какое-то участие в Критико-библиографическом отделе „Библиотеки для чтения“». ¹⁷ Возможно, причастность автора поэтического сборника к журналу и появление в нем одобрительного отзыва имеют связь. Но сведений о личном знакомстве Некрасова с Сенковским практически нет. Лаконичное упоминание содержится в мемуарах Е. Н. Ахматовой, но относится не ранее чем к весне 1848 года. Ахматова излагает историю знакомства с А. В. Дружининым, с которым вначале она была в переписке. Их личная встреча состоялась после письма Дружинина от 25 января 1848 года: «Я познакомил его с О. И. Сенковским, они выжились и у меня по субботам, и у Осипа Ивановича (...) Потом и Н. А. Некрасов изъявил желание познакомиться с О. И. Сенковским и мы с А. В. Дружининым устроили пикник в Левашове, за Парголовым, а потом Н. А. Некрасов видел Осипа Ивановича у меня». ¹⁸ Таким образом, время личного знакомства также не дает оснований считать Сенковского автором положительной рецензии на «Мечты и звуки» Некрасова.

Рецензия могла быть написана Ф. Н. Менцовым, с 1839 года помещавшим в обзорах словесности в «Журнале Министерства народного просвещения» положительные отзывы о поэтических и прозаических опытах Некрасова. В рецензии, напечатанной в № 3 «Журнала...» за 1839 год, Менцов отмечает в Некрасове «не первоклассное, но весьма замечательное дарование», особенно хвалит стихотворение «Смерти» (I, 188) и приводит семь строк из девяти (выпустив вторую и четвертую). ¹⁹ Об этом факте он упоминает в пространной одобрительной рецензии на «Мечты и звуки»: «Мы привели даже в одной из книжек Ж. М. некоторые строфы из его прекрасной и даже, можно сказать, лучшей из всего изданного им ныне собрания пьесы: „Смерти“ (ЖМНП. Июль, 1839)». ²⁰ Анонимный рецензент «Библиотеки для чтения», хотя и сдержанно, также хвалит дарование автора сборника: «...господин Н. Н. имеет талант, который заслуживает одобрения», — и в доказательство таланта приводит стихотворение «Смерти» полностью. ²¹ Это был единственный рецензент Некрасова, столь высоко оценивший именно это стихотворение. Ф. Н. Менцов, ученик О. И. Сенковского, ориенталист, поэт и критик, сотрудничал во многих изданиях и публиковал свои стихи в «Библиотеке для чтения». ²²

Дополнительным аргументом в пользу авторства Менцова является авторитетная версия о большой вероятности его личного знакомства с Некрасовым. Б. Я. Бухштаб, указав на тематическую и стилистическую близость стихов только что приехавшего в Петербург Некрасова и второстепенного поэта Менцова, отмечает, что Менцов «узнал... Некрасова в инициальной подписи на сборнике „Н. Н.“ и, раскрыв ее, поставил в заголовке рецензии, в скобках, имя автора». ²³ Бухштаб задается вопросом: «Как попал Некрасов в этот ведомственный журнал? Не с помощью ли Менцова?» ²⁴ И наконец, и со ссылкой на С. А. Рейсера, Бухштаб приводит дату разрешительной визы цензуры — 6 февраля 1840 года, ²⁵ при этом отмечая, что Менцов известил читателей об издании Некрасовым книги своих стихотворений еще в 1839 году. ²⁶ Рукопись Некрасова была представлена в цензу-

¹⁷ Летопись. Т. I. С. 41.

¹⁸ Ахматова Е. Н. Знакомство с А. В. Дружининым // Русская мысль. 1891. № 12. С. 127—128.

¹⁹ Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Т. 23. № 3. Отд. VI: Обзорение книг и журналов. С. 79—80.

²⁰ Там же. 1840. Т. 25. № 6. С. 119.

²¹ Библиотека для чтения. Т. 38. (Ценз. разр. 30 января 1840 г.). Отд. VI. С. 29—31.

²² Ильин-Томич А. А. Менцов Федор Николаевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 10—11.

²³ Лит. наследство. 1949. Т. 53—54. С. 82.

²⁴ Там же. С. 83.

²⁵ Там же. С. 82.

²⁶ См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Т. 24. № 4. Отд. VI. С. 183.

ру 26 июня 1839 года, одобрена 25 июля 1839 года, но 8 августа 1839 года возвращена автору, так как на издание не хватило средств. Следующая попытка издать сборник была предпринята в декабре 1839 года при помощи К. А. Данненберга (I, 641) и Г. Ф. Венецкого (XIII, кн. 2, 47, 48), помогавших с распространением билетов на сборник. Анонс книги в журнале должен был способствовать ее успеху и мог быть жестом личной помощи со стороны рецензента.

Верховский (со ссылкой на Б. Я. Бухштаба) и А. А. Ильин-Томич²⁷ поддерживают предположение о личном знакомстве, опираясь на подчеркнуто одобрительный тон рецензий Менцова, его пристальное внимание к литературным опытам молодого поэта, а В. Э. Вацуро, согласившийся с этим предположением, также указывает на связь стихов Некрасова со стихами самого Менцова («Встреча душ», «Землетрясение», «День рождения»; см.: I, 642, 651, 655, 672).²⁸

Вероятность личного знакомства Менцова с Некрасовым и его участия в последнем отражена в нашем предположении, что Менцов, так же как Д. И. Успенский, Г. А. Окулов и «студент Медико-хирургической академии» (см.: XIII, кн. 2, 431—432), является одним из прототипов учителя латыни в автобиографических записях Некрасова (XIII, кн. 2, 47).²⁹

Таким образом, к ряду критических высказываний Менцова о Некрасове прибавляется второй его отзыв о сборнике «Мечты и звуки», опубликованный в «Библиотеке для чтения» без подписи, и авторство всех выявленных на сегодняшний день рецензий на сборник установлено.

II

В предыдущем разделе указаны три анонимных рецензии О. И. Сенковского, посвященные Некрасову: на сказку «Баба-Яга, Костяная нога»³⁰ и на два тома «Статеек в стихах, без картинок».³¹ К отзывам этого периода правомерно добавить четвертую — «Литературная летопись (New Year nig(h)t's dream). Трагедия-водевиль в одном действии». Она предшествовала рецензиям на «Статейки в стихах...» и была опубликована в т. 56 (1) «Библиотеки для чтения». Эта рецензия не отмечена в «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова». Приведем ее полный текст:

«Если вам угодно, если это вас не обидит, то у нас уже... нет литературы. Есть только картинки и, при картинках, несколько статеек, которые пишутся единственно для рисовального искусства и для гравера, а не для литературы и не для читателя. Не нравится вам это? — извольте подавать в отставку!»³²

²⁷ См.: *Верховский Г. П.* Указ. соч. С. 153; *Ильин-Томич А. А.* Указ. соч. С. 10—11.

²⁸ См. также: *Вацуро В. Э.* К литературной истории стихотворения Некрасова «Землетрясение» // Некрасовский сборник. Л., 1973. [Вып.] V. С. 276—277.

²⁹ См.: *Степина М. Ю.* Два сюжета из раннего Некрасова («Юность Ломоносова» в контексте творчества; о прототипе учителя латыни) // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сб. науч. трудов. СПб., 2012. С. 76—84.

³⁰ [Сенковский О. И.] Баба-Яга, Костяная нога. Русская народная сказка, в стихах, в восьми главах // Библиотека для чтения. 1841. № 2. Т. XLIV. Отд. VI. С. 19—22.

³¹ [Сенковский О. И.] Статейки в стихах, без картинок. Том первый // Библиотека для чтения. 1843. Т. 57. Отд. VI. С. 45—50; [Сенковский О. И.] 1. Статейки в стихах, без картинок. Том второй. 2. Статейки в прозе, с картинками, или Рассказ П. М., автора повести «Муж под башмаком» и других. 3. Статейки без стихов, без прозы и без картинок, или Энциклопедия русской поварахи, кухарки, экономки, скотницы, птичницы, словом сельской хозяйки, содержащая в себе, между прочим, наставление, как сочинять детские книги, полный лексикон рифм и правила кроения платьев, и извлеченная из собственных сорока, пятидесяти- и шестидесятилетних опытов Борисом Волжиным // Библиотека для чтения. 1843. Т. 59 (1). Отд. VI. С. 1—11.

³² Литературная летопись (New Year nig(h)t's dream). Трагедия-водевиль в одном действии // Библиотека для чтения. 1843. Т. 56 (1). Отд. VI. С. 9.

Название и стиль указывают на авторство Сенковского, который сам писал обзоры. На адресата рецензии указывает игра с названием некрасовского издания: «...у нас уже... нет литературы. Есть только картинка и, при картинках, несколько статей». Ср. с названиями рецензий: «Статейки в стихах, без картинок. Том первый»; «Статейки в стихах, без картинок. Том второй (...). Статейки в прозе, с картинками, или Рассказ П. М. (...). Статейки без стихов, без прозы и без картинок, или Энциклопедия (...)» (курсив мой. — М. С.).

В ироничной, насыщенной остротами и каламбурами рецензии на первый том «Статеек в стихах, без картинок» Сенковский перепечатал большой фрагмент некрасовского стихотворного фельетона. В рецензии на второй том «Статеек...» и два других издания: книги Петра Алексеевича Машкова³³ и В. П. Бурнашева³⁴ — также обыгрывается название некрасовского издания и упоминается «поэт Белопяткин».

Согласно «Летописи...», первый том «Статеек...» был сдан Некрасовым в цензуру 9 февраля, цензурное разрешение получено 14 февраля.³⁵ 27 и 28 февраля в газетах появилась реклама «Статеек...»,³⁶ и 3 марта первый том поступил в продажу.³⁷

Рецензия «Трагедия-водевиль в одном действии» является анонсом литературной новинки, интерес к которой, по-видимому, был подогрев в публике еще до выхода двух фельетонов Некрасова, рекламирующих его издание. Анонс был частью журнальной политики Сенковского, о которой высказался Некрасов в анонимной рецензии на второй том «Статеек...» — «книжечке», «которую один петербургский журнал, вероятно нуждавшийся в материале для „забавы“ своих читателей, почти всю сполна перепечатал под видом рецензии, и тут же обругал ее, чтоб прикрыть такую страгатею невинное похищение, произведенное им в ущерб бедному издателю книжечки» (XII, кн. 2, 16—17, 302).³⁸

III

Просмотр периодической печати дает основания предположительно атрибутировать пять отзывов о Некрасове В. С. Межевичу: один, опубликованный под криптонимом «Л. Ю.» в № 64 «Литературной газеты» 10 августа 1840 года, и че-

³³ Как аукнется, так и откликнется, или Ответ моим критикам. Статья П. М., автора повести «Муж под башмаком» и проч. [СПб.], тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1843.

³⁴ Энциклопедия русской опытной городской и сельской хозяйки, ключницы, экономки, поварахи, кухарки, скотницы и птичницы, содержащая в себе наставления и руководства по всем отраслям городского и сельского хозяйства, извлеченные из 40, 50 и 60 летних опытов русских хозяек *Борисом Волжиным* [псевд.]. С присовокуплением домашней бухгалтерии и описания дамского гардероба и наставления кроить и шить всякого рода платья и другие уборы. Ч. 1—4. СПб., В. Поляков, [1842]. Ср. с названиями других книг этого же автора, которые Сенковский иронически обыгрывает в названии своей рецензии: Энциклопедия молодой русской хозяйки. Сост. *Б. В-н* [псевд.]. В 2-х ч. Ч. 1—2. СПб., тип. А. Воейкова и К°, 1839; Прогулка с детьми по земному шару, *Виктора Бурьянова* [псевд.]. Изд. 2-е испр. Ч. 1—2. СПб., тип. Н. Греча, 1836—1837; Практическое руководство к кожевенному производству и всех его отраслей, с обстоятельным наставлением как устроить сельский кожевенный завод. Сост. *Владимир Бурнашев*. СПб., 1843; Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Сост. *Владимир Бурнашев*, чл. Имп. Вольного экон. О-ва. Т. 1—2. СПб., тип. К. Жернакова, 1843—1844; Новая энциклопедическая русская азбука и общепользная детская книга чтения. Сост. по иностр. образцам, с принорением к отечественному воспитанию *Виктор Бурьянов* [псевд.]. Изд. 2-е, испр. и умноженное. СПб., тип. К. Жернакова, 1843. 338 с., 9 л. цвет. илл.; Беседы петербургского жителя в Удельном земледельческом училище о сельском хозяйстве, составленные *Борисом Волжиным* [псевд.]. Вып. 1—3. СПб., тип. А. Воейкова и К°, [1838]—1845 и др.

³⁵ Летопись. Т. I. С. 124—125.

³⁶ Там же. С. 125, 126.

³⁷ Там же. С. 126.

³⁸ Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1843. № 7. Отд. VI. Библиографическая хроника. Русская литература. С. 6—8.

тыре анонимных фельетона в «Северной пчеле» от 8 марта, 7 апреля, 3 мая 1841 года и от 17 ноября 1842 года.

В Некрасововедении с именем Межевича связаны, во-первых, уничижительная статья о сборнике «Мечты и звуки» (1840) и, во-вторых, конфликт вокруг раскрытия тайны псевдонима «Перепельский», совершенного, как принято считать, 20 мая 1841 года в № 108 «Северной пчелы».³⁹ Реконструкция эпизода объясняет повторы и вариации одних и тех же тем в нескольких близких по времени текстах, напечатанных анонимно или под криптонимом.

Межевич по приглашению А. А. Краевского в январе 1839 года стал критиком «Отечественных записок», но вскоре разочаровал своего работодателя и в июле того же года уступил место В. Г. Белинскому. В 1839—начале 1849 года он печатался также в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции», в журналах «Репертуар русского театра» (1839—1841) и «Пантеон» (1842—1848). В 1840—1844 годах он сотрудничал в «Северной пчеле» как театральный критик и фельетонист, но скрывал этот факт от людей, близких к изданиям Краевского.⁴⁰ Ф. А. Кони, в 1937—1838 годах сотрудничавший в «Северной пчеле» в качестве театрального рецензента, в 1839 году перешел к А. А. Краевскому и в 1840 году принял должность «Литературной газеты», которую до него также неофициально занимал Межевич. Кони также был редактором «Пантеона русского и всех европейских театров», основанного в противовес «Репертуару русского театра». В полемике Межевича с «Отечественными записками», «Литературной газетой» и «Пантеоном русского и всех европейских театров» ощущается его чувство уязвленности, что совпадает с данной современниками характеристикой Межевича как человека слабого, мечущегося, конфликтного и обидчивого. Фигура Некрасова, испытавшего неудачу с поэтическим сборником и при участии Кони успешно пробующего себя на поприще водевилиста и журналиста, виделась Межевичу удобной мишенью.

Следует отметить, что молодой сотрудник Кони не был «жертвой». Инициативный и предприимчивый, Некрасов невольно спровоцировал развитие конфликта несколькими неосторожными авторецензиями, содержащими явную авторекламу готовящегося к постановке водевиля «Шила в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь» (XI, кн. 1, 283—292, 452; XII, кн. 1, 8, 380; XII, кн. 2, 186, 365). В них, между прочим, он замечает о сложности написания водевильных куплетов и о скудости удачных куплетов в настоящее время, публикует изъятые ранее в печати куплеты из своего водевиля и сообщает читателю, что автор был вызван публикой и раскланялся. Сделанное Некрасовым заявление о неурожайном для куплетов годе могло расцениваться недоброжелателями Кони как намек на упадок его творческой деятельности, и оно так и было воспринято. Написав множество имевших успех водевилей в 1830-е годы, в 1840-м Кони пишет «Деловой человек, или Дело в шляпе» и «Петербургские квартиры», после которых состоялся совместный с Некрасовым опыт написания «Утра в редакции». Затем до 1848 года⁴¹ в его деятельности водевилиста наступает перерыв, легко объясняемый большой редакторской работой. Стремясь к самоутверждению и позиционируя себя как успешного водевилиста и куплетиста на общем невыразительном фоне,

³⁹ Л. Л. [Межевич В. С.] Александринский театр // Северная пчела. 1841. № 108. 20 мая. С. 430—431; Летопись, I, 83.

⁴⁰ Подробнее см.: Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете». (Хроника, гипотезы, находки). СПб., 1995. С. 9; Кармазинская М. А. Межевич Василий Степанович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 562; Кошелев В. А. Кони Федор Алексеевич // Там же. С. 56—57. Мельгунов отмечает: «Сам редактор „Литературной газеты“ в 1841 году мало занимался этим изданием» (Мельгунов Б. В. Указ. соч. С. 26). Г. П. Талашов утверждает: «Кони редактировал „Литературную газету“ с августа 1840 по декабрь 1843 г. и с мая по декабрь 1845 г.» (Талашов Г. П. «Литературная газета» 1840—1845 годов. СПб., 2005. С. 5).

⁴¹ Кошелев В. А. Указ. соч. С. 56—57.

Некрасов на страницах «Пантеона русского и всех европейских театров» напоминает публике, что Перепельский известен «читателям „Пантеона“ по статьям его, помещенным в этом издании» (XII, кн. 1, 8), а в «Литературной газете» пишет, что он «молодой, почтенный сотрудник» «Литературной газеты», и его «забавные повести... вероятно, не раз заставляли вас улыбаться» (XII, кн. 2, 186). Эти заявления давали богатую почву для иронии, в особенности человеку, знающему «кухню» издания «изнутри». А им и был Межевич.

Предположительно атрибутируемые Межевичу криптонимное и анонимные высказывания укладываются в описанный причинно-следственный ряд и дополняют его существенными подробностями. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

Рецензия 1840 года, вышедшая в «Литературной газете» за подписью «Л. Ю.»: «Кроме того, мы тут встретили нигде не напечатанный роман покойного А. С. Грибоедова, и рассказ в стихах забавного псковского подъячего Феоклиста Ануфриевича Боба. Почтенный Феоклист Ануфриевич в экстазе от мелодрамы „Параша Сибирячка“ и изливает перед талантами Н. А. Полевого и А. И. Гусевой всю глубину своего уважения и признательности».⁴²

«Словарь псевдонимов» И. Ф. Масанова указывает лишь одного автора, подписывавшегося «Л. Ю.», — Леонида Наумовича Юровского (1884—1938), видного российского экономиста. Правоммерно предполагать, что в процитированной публикации присутствует опечатка: «Л. Ю.» напечатано вместо «Л. Л.» — криптонима, которым часто подписывался Межевич.⁴³ Под этим криптонимом он выступал в 1838 году в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», в 1839 году — в «Отечественных записках», в 1840 году — в «Репертуаре русского театра», в 1840—1841 годах — в «Литературной газете», в 1840-х годах — в «Северной пчеле».⁴⁴

Процитированная рецензия опубликована в «Литературной газете», редактируемой Кони, и посвящена «Пантеону русского и всех европейских театров», также выходившему под редакцией Кони. Этим объясняется нейтрально-доброжелательный тон по отношению к рецензируемому изданию и сдержанный юмор в оценке стихотворного фельетона Некрасова, имевшего успех. Последующие фельетоны 1841 года отражают историю шумного конфликта, поставившего под угрозу сотрудничество Некрасова и Кони.

8 марта 1841 года в «Северной пчеле» был напечатан без подписи фельетон «Журнальные заметки», в котором «г-ну Н. Н.» было указано на его оплошность — упоминание в театральном обзоре спектакля, которого он не видел: «Спрашивается: заслуживают ли после этого факта доверия критики издания?» — пишет фельетонист.⁴⁵ «Журнальным заметкам» предшествовало несколько разделов, один из которых — «Корреспонденция», — помещенный непосредственно перед «Журнальными заметками», подписан криптонимом Межевича «М.».⁴⁶ Правоммерно предполагать, что весь отдел «Смесь» был написан одним автором. «Летопись...» не содержит предположений об авторстве этого фельетона, тогда как принадлежность Межевичу другого фельетона, также подписанного «М.» и содержащего резкую критику водевиля Перепельского и его авторецензии в «одной газете» («Литературной газете» от 26 апреля 1842 года) (XI, кн. 1, 310),⁴⁷ самооче-

⁴² [Б. л.] Пантеон русского и всех европейских театров. Часть III. Книжка седьмая. Редактор: Ф. А. Кони. Издатель: Книгопродавец Поляков. Июль. 1840 // Литературная газета. 1840. № 64. 10 авг. Библиография. Стлб. 1444.

⁴³ Масанов указывает: В. М.; Л. Л.; М.; М-ч; М-ч, В; Читатель ex-officio (Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1957. Т. 2. С. 309).

⁴⁴ Там же. С. 93.

⁴⁵ Летопись. Т. I. С. 78; Северная пчела. 1845. № 54. 8 марта. Смесь. С. 215.

⁴⁶ Масанов И. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 136.

⁴⁷ Летопись. Т. I. С. 112, 109.

видна. Факты и логика событий также позволяют рассматривать большую вероятность авторства именно Межевича.

Как указывает Б. В. Мельгунов, с середины марта, после отъезда в Москву Ф. А. Кони, Некрасов «остаётся фактическим редактором „Пантеона” и основным сотрудником „Литературной газеты”». ⁴⁸ По предположению Мельгунова, Кони приезжал из Москвы в Петербург в первой половине мая. ⁴⁹ Положение дел объясняет, почему столь смелая автореклама появилась на страницах «Пантеона...» 7 апреля (ценз. разр. 28 марта) (XII, кн. 1, 380) и «Литературной газеты» 24 апреля (XII, кн. 2, 365). Объясняет и повышающуюся агрессивность Межевича, вскоре выразившуюся открыто: хотя Некрасов расценивал свое положение как недостаточно прочное и не удовлетворяющее его (XIV, кн. 1, 40), со стороны оно могло расцениваться как завидно быстрый рост.

7 апреля в «Северной пчеле», в разделе «Театральные и литературные известия», анонимный фельетонист сообщает о готовящемся 22 апреля бенефисе А. М. Максимова, который «будет составлен» из нескольких водевилей, в частности «оригинального водевиля Н. А. Перепельского: „Шила в мешке не утаишь, девушки замком не удержишь” (так! — М. С.)». ⁵⁰ Тон анонса нейтральный.

В пользу предположения авторства Межевича говорит наличие в фельетоне пассажа, в котором сочувственно говорится о тяжело больной В. Н. Асенковой. Именно Межевич спустя две недели составил ее некролог. ⁵¹

Номер «Пантеона...» с авторецензией Некрасова вышел в тот же день. ⁵² В этом же номере было напечатано «Необходимое объяснение» Некрасова по поводу попавшего в его театральное обозрение спектакля, на котором он не был (XI, кн. 1, 261). Объясняя свой промах, Некрасов выдвинул аналогичный упрек «Северной пчеле», что стало еще одним поводом к публичному конфликту.

3 мая анонимный фельетонист «Журнальной всякой всячины» в «Северной пчеле» писал о бенефисе В. А. и А. М. Каратыгиных и, в частности, заметил: «У нас в Петербурге, в последний бенефис, имел успех водевиль молодого автора г. Некрасова, скрывшегося под псевдонимом Перепельского: „Шила в мешке не утаишь”. Завязка основана на старом анекдоте, но игривость и веселость сцен возбудили веселость в публике, и довольно для водевиля!.....» ⁵³ Как явствует из текста, псевдоним «Перепельский» был раскрыт еще в фельетоне 3 мая, а не 20 мая.

В «Летописи...» анонимная статья от 3 мая цитируется, но не комментируется; цитируя статью от 20 мая, Б. В. Мельгунов повторяет закрепившееся в некроведении мнение, что именно в этой статье Межевич раскрывает тайну псевдонима. ⁵⁴ Как представляется, авторство Межевича доказывается текстуальным сходством и смысловой связью этого фельетона с рядом других, подписанных криптонимом «Л. Л.».

Первым в этом ряду оказывается широко известный фельетон, опубликованный 20 мая. Эта рецензия пространная и на первый взгляд комплиментарная. Опущая пересказ сюжета, приведем ее оценочную часть: «„Шила в мешке не утаишь, девушки под замком не удержишь”, водевиль г. Некрасова, принявшего псевдоним *Перепельского*, очень порадовал нас как первое произведение молодого писателя, только что вступающего на драматическое поприще. <...> Если хотите, в этом водевиле нет водевиля, нет пьесы <...>; но <...> куплеты так забавны и оригинальны, остроты и каламбуры так новы, что мы душевно порадовались за г-на Некрасо-

⁴⁸ Мельгунов Б. В. Указ. соч. С. 26.

⁴⁹ Там же. С. 27.

⁵⁰ Северная пчела. 1841. № 75. 7 апр. Смесь. С. 297.

⁵¹ Там же. № 90.

⁵² Летопись. Т. I. С. 79—80.

⁵³ Северная пчела. 1841. № 96. 3 мая. Смесь II. С. 382.

⁵⁴ Летопись. Т. I. С. 82, 83.

ва, порадовались тому, что он оставил *Мечты и звуки* и вступил на новое поприще, обличающее в нем дарование неподдельное. Он вступил на драматическое поприще скромно, так скромно, что даже с каким-то странным подобострастием написал в своем водевиле комплименты г-ну Кони, автору „Петербургских квартир“; положим, что господин Кони есть *известный и опытный литератор* (...) *драматический писатель* (...) *первый русский остряк и водевилист* (...) но это нисколько не доказывает, чтобы молодой человек с неподдельным дарованием, только что выступивший на драматическое поприще, не оставил с первого шага далеко за собою препрославленного „Отечественными записками“, „Литературную газету“ и „Пантеон“ автора „Петербургских квартир“ и „Женской природы“. Смелее, г. Некрасов! Идите своей дорогой; зачем вам покровительство людей, которые едва ли сами не нуждаются в вашем покровительстве, в вашем таланте, по крайней мере, ведь это знают все, читавшие „Пантеон“ и „Литературную газету“.....»⁵⁵

Раскрывая тайну псевдонимов автора водевилей и автора сборника «Мечты и звуки», Межевич указывал на прозрачность тайны авторства анонимных статей Некрасова — обозревателя театральных новостей в «Пантеоне...» и «Литературной газете», самовосхваление которого легко разоблачит читатель. Намек на признание его среди «читавших „Пантеон“ и „Литературную газету“» указывал на самохвалство начинающего автора. Оценка его дарования носит двойственный характер. Напоминание о «Мечтах и звуках» характеризует его как неудачливого поэта; в свете этого похвала куплетам, которые у себя похвалил дебютант, обретает обратный характер. Та же двойственность — в похвале водевила, в котором «нет пиесы». Благодаря утрировке Некрасов выглядит в фельетоне либо подобострастным новичком, ищущим покровителя, либо неудавшимся поэтом, который преуспел в журнале и газете Кони, где он публикует свои произведения и свои статьи и в них же себя хвалит. Сравнение Некрасова с Кони в пользу Некрасова содержит и оценку двум изданиям, в которых хвастливый и подобострастный новичок даровитее «известного и опытного литератора» и редактора. Хвалебный тон давал Межевичу возможность впоследствии изобразить Некрасова как неблагодарного юнца, забывающего тех, кто принимает в нем участие.

Поэтому конфликт лишь внешне сводился к нарушению тайны псевдонима. Спровоцированный авторецензиями Некрасова, Межевич заявил о его роли и значении, преувеличив их, выставив действительно полезного молодого сотрудника фактически хозяином положения, самовольно и безнаказанно заявляющим об этом в изданиях Кони, а себя — человеком, произнесшем вслух нечто очевидное. В ответном письме Некрасова «В редакцию „Литературной газеты“» (XIII, кн. 2, 6—7), написанном по требованию Кони и Белинского после многословных печатных объяснений Межевича с «Отечественными записками»,⁵⁶ мы наблюдаем коррекцию с преуменьшением. Некрасов предстает в этом письме «молодым литератором», делающим «первый шаг», благодарящим своего учителя, и — «сотрудником» Кони. Под письмом было напечатано «Послесловие к Письму в редакцию „Литературной газеты“ Н. А. Некрасова», принадлежащее Кони.⁵⁷ Перспективный, талантливый, деятельный, самобытный, вездесущий сотрудник объявлялся в нем «начинающим» и не имеющим имени. Не только газета «может и должна» «не знать его», завсегдатая литературно-театральных кругов и обозревателя, но и публика в театре: «Г. Перепельский в *первый раз* вступил на драматическое поприще; публика не могла знать, что это г. Некрасов: она вызывала *автора* пиесы; автор вышел и она убедилась, что видела *Перепельского*, которого имя выставлено на афишке. Поче-

⁵⁵ [Б. п.] Александринский театр // Северная пчела. 1841. № 108. 20 мая. С. 430—431.

⁵⁶ Л. Л. Фельетонная заметка // Северная пчела. 1841. № 123. 6 июня. С. 490.

⁵⁷ Послесловие к Письму в редакцию «Литературной газеты» Н. А. Некрасова (Литературная газета. 1841. № 66. 17 июня. С. 263). См.: Летопись. Т. I. С. 83, 86, 87.

му же может узнать публика, что Перепельский или вызываемый *автор* пьесы, — есть г. Некрасов?»⁵⁸ — пишет Кони.

Пренебрежение тайной псевдонима и название настоящей фамилии Некрасова повторяется в статьях Межевича 23 мая,⁵⁹ 6 июня,⁶⁰ 3 ноября;⁶¹ в последней подробно пересказывается история с «Мечтами и звуками», уснащенная, по-видимому, вымышленными подробностями. Плохое умение писать куплеты отмечается в статьях Межевича 5 декабря,⁶² 29 декабря,⁶³ а также в анонимной статье, напечатанной 17 ноября 1842 года.⁶⁴ Ирония в адрес Некрасова-водевилиста в статьях 5 декабря, 29 декабря, в обзоре «Александринский театр», напечатанном 18 мая 1842 года с подписью «М.» и цитируемом в «Летописи...» как принадлежащем Межевичу.

Анонимная статья от 17 ноября содержит критику куплетов, недовольство теми, «которые расхваливают эту драму, порицая в то же время безотчетно произведения лучших наших драматических писателей»; упрек переводчику, который «виноват в том, что он чрезвычайно дурно переводит пьесы, не зная вовсе французского языка и плохо владея русским»,⁶⁵ и неодобрительное упоминание «Литературной газеты», «которая долгом почла выписать <...> куплет в столбцы свои».⁶⁶

Эти упреки закрепляются в фельетонах «Северной пчелы»⁶⁷ и частично в памфлетных изображениях Некрасова.⁶⁸ Сопоставляя известные нам принадлежащие Булгарину статьи с анонимной статьей от 17 ноября 1842 года и известными статьями Межевича, укажем на стилистическое отличие. При их тематической общности, статьи Булгарина отличаются большей риторичностью, обилием интонационных знаков препинания. Это первичное наблюдение, указывающее на актуальность стилистического анализа критических статей. Но это — предмет отдельной работы. Здесь ограничимся рабочим выводом: достаточно очевидное стилистическое различие двух авторов склоняет к мысли, что фельетон, опубликованный 17 ноября, написан не Булгариным, а Межевичем.

⁵⁸ Литературная газета. 1841. № 66. 17 июня. С. 263.

⁵⁹ Л. Л. Александринский театр // Северная пчела. 1841. № 111. 23 мая. С. 442—443.

⁶⁰ Л. Л. Фельетонная заметка // Там же. № 123. 6 июня. С. 490.

⁶¹ Л. Л. Александринский театр // Там же. № 246. 3 нояб. С. 981—983.

⁶² Л. Л. Александринский театр // Там же. № 273. 5 дек. С. 1091.

⁶³ Л. Л. Александринский театр // Там же. № 290. 29 дек. С. 1157—1158.

⁶⁴ [Б. п.] Александринский театр // Там же. 1842. № 258. 17 нояб. С. 1049—1051.

⁶⁵ Впервые опубликовано: [Б. п.] Александринский театр // Там же. С. 1049.

⁶⁶ Там же. С. 1050.

⁶⁷ См., например, ближайшую к ним по времени анонимную статью Ф. В. Булгарина «Александринский театр» (Там же. № 261. 20 нояб. С. 1041—1043); Летопись. Т. I. С. 119.

⁶⁸ Счастье лучше богатства. Рукопись, найденная и изданная Ф. В. Булгариным и Н. А. Полевым. Часть третья // Библиотека для чтения. 1847. № 2. С. 50—51.

© К. А. Баршт

**«ПТИЦА», НО НЕ «ВОРОН СТЕПНОЙ»
МАКАРА АЛЕКСЕЕВИЧА ДЕВУШКИНА
(«БЕДНЫЕ ЛЮДИ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)***

В письме к Варваре Доброселовой, с которого начинается роман «Бедные люди», Макар Девоушкин воспроизводит стихотворную строку: «Зачем я не птица, не хищная птица!».¹ По общему мнению всех исследователей, это цитата. Расхождения касаются лишь того, какой именно текст имел в виду Достоевский, вклады-

* Автор выражает глубочайшую благодарность О. В. Миллер, оказавшей помощь в подготовке материалов для статьи.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 14. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.

вая эти строки, явно не без определенного умысла, в письмо Девушкина в самом зачине своего произведения. Некоторые ученые находят, что здесь присутствует неполное цитирование первой строки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной»)². Согласно версии, высказанной И. Д. Якубович, Достоевский в этой стихотворной строке воспроизводит фрагмент стихотворения украинского поэта М. Н. Петренко «Недоля», опубликованного в альманахе «Сніп» (Харьков, 1841 год): «Дивлюсь я на небо та й думку гадаю: Чому я не сокол, чому не літаю...»³. Косвенным доказательством этой гипотезы (высказанным ее автором в устной форме) является то, что Достоевский, при посредничестве И. Н. Шидловского,⁴ имел в 1840-е годы контакты с украинской диаспорой в Петербурге и мог почерпнуть эту аллюзивную связь во время встречи с представителями малороссийской интеллигенции, которые, вероятно, располагали указанным сборником. С другой стороны, В. Е. Ветловская в недавно опубликованной статье утверждает, что стихотворная строчка, которую воспроизводит главный герой первого романа Достоевского, не имеет отношения ни к М. Н. Петренко, ни к М. Ю. Лермонтову, определяя ее аллюзивный адрес в стихотворении В. Г. Бенедиктова «Порыв», опубликованном в 1839 году в «Одесском альманахе».⁵ В этом стихотворении также присутствует «птица», правда, смысловое сходство с цитатой из «Бедных людей» здесь весьма непрямо: «Как в кованой клетке дубравная птица, / Всё жажду я, грустный, свободного дня».⁶ Считая «невероятным» знакомство Макара Девушкина со стихотворением М. Н. Петренко, В. Е. Ветловская «ни при каких натяжках» не допускает возможности «увязывания» его с «весенними и любовными мечтаниями» героя.⁷ Кроме того, нельзя не заметить, что уровень доступности одесского издания для жителя Петербурга был примерно таким же, как и харьковского «Сніпа». Осознавая это как слабое место своей концепции, В. Е. Ветловская связывает с аллюзией не первую («одесскую»), но вторую публикацию стихотворения В. Г. Бенедиктова «Порыв» — в сборнике «Сто русских литераторов», вышедшем в конце мая 1845 года, меняя тем самым наше представление о творческой истории романа «Бедные люди», законченного, согласно общепринятому мнению, несколько раньше.⁸

Повышенный интерес Достоевского к творчеству В. Г. Бенедиктова, которому посвящена основная часть статьи В. Е. Ветловской, на наш взгляд, вызывает сомнения. Достоевский, конечно, знал стихи В. Г. Бенедиктова, доказанные аллюзии на них есть и в романе «Бедные люди».⁹ Однако все известные формы цитиро-

² Білецький О. Достоевський і натуральна школа в 1846 році // Білецький О. Зібрання праць: У 5 т. Київ, 1966. Т. 4. С. 330; *Belknap R. L. The Genesis of The Brothers Karamazov. The Aesthetics, Ideology and Psychology of Text Making.* Evanston, 1990. P. 32—33; *Барш К. А. «Бедные люди» Достоевского в литературном и историко-культурном контексте* // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19. С. 265.

³ Якубович И. Д. Достоевский в работе над романом «Бедные люди» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9. С. 54.

⁴ Шидловский Иван Николаевич (1816—1872) — историк и поэт, выпускник Харьковско-го университета, друг Достоевского, в эти годы — чиновник Министерства финансов.

⁵ Ветловская В. Е. «Зачем я не птица, не хищная птица!» // Русская литература. 2011. № 3. С. 81—82.

⁶ Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1983. С. 154 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁷ Ветловская В. Е. Указ. соч. С. 81—82.

⁸ По предположению В. Е. Ветловской, Достоевский работал над «Бедными людьми» в течение лета 1845 года, и «после первой встречи с Белинским — почти до самого выхода (и даже до самого выхода) своего романа в свет» (Там же. С. 91). Предположение, что дебютирующий писатель изменил текст своего произведения, получив восторженную оценку первого критика России, выглядит маловероятным, нормальной реакцией в таком случае является замысел нового произведения.

⁹ Например, выписка, сделанная Макаром Девушкиным из произведения Ратазьева о Степане Разине: «О, весело шаркать железом о камень...» (*Мельник В. И. Пародия на В. Г. Бенедиктова в «Бедных людях» Ф. М. Достоевского* // Русская литература. 1994. № 4. С. 178—179).

вания, связывающие стихи Бенедиктова с творчеством Достоевского, носят очевидный пародийный оттенок, отражая общее отношение писателя к творчеству этого стихотворца, на один из подобных примеров указывает и В. Е. Ветловская.¹⁰ В рассматриваемом случае нет речи о пародии, Девушкин цитирует стихи безо всякой иронии, прямо обозначая свое душевное состояние метафорой, заключенной в стихотворной строке. Нельзя не согласиться с мыслью В. Е. Ветловской, что «смысл, которым Достоевский все-таки наделяет „стишок” героя в широком контексте романа, имеет довольно отдаленное отношение к Бенедиктову».¹¹

В то же время В. Е. Ветловская обнаруживает сходство стихотворного размера цитаты из «Бедных людей» («Зачем я не птица, не хищная птица!») не только с указанным текстом Бенедиктова, но и с лермонтовским текстом («Зачем я не птица, не ворон степной»¹²),¹³ тем не менее выражая сомнение в стихотворении «Желание» как адресе аллюзии. В качестве основной трудности представлен тот факт, что стихотворение было опубликовано лишь в 1859 году (в «Отечественных записках»¹⁴). Известно, что «Желание» Лермонтов впервые прочитал (и, скорее всего, написал) 29 июля 1831 года в усадьбе Столыпиных Средниково, в присутствии Екатерины Сушковой, Александры Верещагиной, Варвары Лопухиной и др.¹⁵ Известно, что поэт высоко ценил это произведение, авторы комментария в собрании сочинений Лермонтова отмечают, что в его некоторых позднейших произведениях содержатся реминисценции из этого текста.¹⁶ Почему же Лермонтов не включил его в единственный прижизненный сборник 1840-го года? Причина, по-видимому, заключается в том, что «ранние стихотворения не предназначались поэтом для печати, хотя и распространялись в кругу его друзей и товарищей».¹⁷ Второй возможной причиной является то, что поэт не желал публиковать при жизни тексты, касающиеся личной жизни современников;¹⁸ возможно, правило распространялось и на него самого, ведь стихотворение касается родословной Лермонтова.

Возникает задача определения степени «реальности и возможности», знакомства Достоевского со стихотворением Лермонтова «Желание», поиска «данных, свидетельствующих о том, что Достоевский знал произведение Лермонтова по какой-нибудь рукописи...».¹⁹ Вопрос, действительно требующий ответа.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что Достоевский в начале 1840-х годов, конкретно — к 1844 году, началу работы над романом «Бедные люди», был основательно знаком с произведениями Лермонтова, включая и не опубликованные к тому моменту стихотворения, широко распространявшиеся в виде списков. В связи с этим мысль В. Е. Ветловской, что Макар Девушкин, извлекая цитату из «книжки» (1, 14), имеет в виду исключительно печатное издание, сомнительна. Под «книжкой» Девушкин мог понимать любое собрание литературных произведений, как печатное, так и рукописное, тетрадь или альбом. В понимании того, что в середине XIX века считали «книгой», могут помочь воспоминания близкого друга Лермонтова А. П. Шан-Гирея. Он пишет: «По возвращении моем с бабушкой в де-

¹⁰ Ветловская В. Е. Указ. соч. С. 84.

¹¹ Там же. С. 90.

¹² Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1979. Т. 1. С. 180.

¹³ Ветловская В. Е. Указ. соч. С. 83.

¹⁴ Отечественные записки. 1859. Т. 127. Отд. I. С. 259—260.

¹⁵ Автограф стихотворения содержит помету рукой Лермонтова: «(Средниково. Вечер на бельведере)», «(29 июля)» (Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 162).

¹⁶ «В основе зрелых стихотворений («Узник», «Памяти А. И. О(доевского)го», «Договор») находятся образы, отдельные строки и даже строфы ранних стихотворений («Желание», «Он был рожден для счастья, для надежд», «Прелестнице»)» (Голованова Т. П., Чистова И. С. Примечания // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4-х т. Т. 1. Л., 1979. С. 533).

¹⁷ Найдич Э. Э. Примечания // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1957. Т. 1. С. 334.

¹⁸ См.: Плаксин В. Т. Сочинения Лермонтова. С.-Петербург, 1847, в типографии Академии наук. Два тома. 390 и 510 стр., в 8-ю д. л. // М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. СПб., 2002. С. 163.

¹⁹ Ветловская В. Е. Указ. соч. С. 81.

ревню, куда привезены были из Пятигорска и вещи Лермонтова, я нашел между ними книгу в черном переплете in 8°, в которой вписаны были рукой его несколько стихотворений». ²⁰

Вспомним, что свои рабочие записные тетради Достоевский также называл именно «книжками»: «смотри в старых книжках» — писал он, обращаясь к себе во время работы над очередным произведением. ²¹ Отождествляя «книжку» с печатным изданием, мы невольно навязываем литературной культуре XIX века чуждые ей правила и понятия. В. Э. Вацуро отмечает, что изготовление альбомов, как правило, со стихами Пушкина и Лермонтова, являлось важной приметой быта дворянской интеллигенции в 1820—1850-х годах; теряя свою популярность, сохранялась эта традиция и далее. ²² Примером может служить хранящийся в настоящее время в РГБ «Pour souvenir», «альбом Катерине Дмитриевне» (1843), в котором были опубликованы стихи Лермонтова «К портрету», «Молитва», «Ангел», «В альбом», «Благодарность»; «Пансионные альбомы — наиболее распространенный и наиболее типичный вид массового альбома», от них отличаются «альбомы, вышедшие из мужских учебных заведений — альбомы лицейские, гимназические, университетские». Согласно наблюдению исследователя, широко были распространены «мужские массовые альбомы в 1830—1840-е годы», при этом «мужской массовый альбом в еще большей степени, чем женский, обнаруживал стремление к перерастанию в рукописный сборник». ²³

В. Э. Вацуро указывает также, что стихи Лермонтова в большом количестве присутствовали: в альбоме Воейковых (ИРЛИ, ф. 524, оп. 2, № 58), нескольких альбомах Е. Н. и С. Н. Карамзиных, не дошедших до нас, альбоме А. О. Смирновой-Россет (1809—1882; ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 180), альбоме М. А. Бартеновой (1816—1870), содержащем стихи Лермонтова в списках и автографе (1839—1841; ИРЛИ, ф. 524, оп. 1, № 54), альбоме В. С. Оболенской (1830—1855), который в числе прочих стихов Лермонтова содержал «Молитву» (Ф. 524, оп. 1, № 55), альбоме А. А. Альбрехт (Углицкой), троюродной сестры Лермонтова, куда он вписал свое посвящение «Ma chère Alexandrine» (1835; ИРЛИ, № 10047). ²⁴ Помимо названного, в Рукописном отделе ИРЛИ находится несколько других рукописных сборников со стихами Лермонтова, как опубликованных, так и не опубликованных к моменту заполнения того или иного альбома или рукописной «книжки». ²⁵ Такого рода личные рукописные сборники стихов, где, как правило, присутствовали стихи Пушкина и Лермонтова, составляли практически все представители дворянской интеллигенции; тетрадь с выписками из поэтов владел, например, В. Г. Белинский. ²⁶ Заметим, что именно таким образом — тексты черновиков, перемежающиеся рисунками карандашом и пером, — оформлял свои «записные тетради» и сам Достоевский, пародируя их затем в описании тетради Видоплясова из «Села Степанчикова». ²⁷

²⁰ Шан-Гирей А. П. М. Ю. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 52.

²¹ Например, «тип мечтателя. (Смотри в старых книжках)» (17, 7).

²² См.: Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 3—56.

²³ Там же. С. 44, 47—48.

²⁴ Там же. С. 27—29, 33—34, 52.

²⁵ Например: Рукописный сборник стихотворений. Начало XIX века // ИРЛИ. Ф. 682. № 678. 91 л.; Стихотворения (7) Лермонтова из альбома Верещагиной. 1831—1835 // Там же. Ф. 524. Оп. 2. № 167; Стихотворения (5) Лермонтова. Список рукой неизвестного // Там же. Ф. 141. № 26. 10 л.; Стихотворения (36) Лермонтова. Копии рукой неизвестного // Там же. Ф. 524. Оп. 2. № 143. 60 л.; Стихотворения Лермонтова. Список 1834 года // Там же. № 144. 10 л.

²⁶ Григорьян К. Н. Стихотворения Пушкина, перепечатанные Белинским в альбом Л. А. Бакуниной // Белинский. Статьи и материалы. Л., 1949. С. 242.

²⁷ См.: Баршт К. А. Рисунки в рукописях Достоевского. СПб., 1996. С. 3.

С другой стороны, важнейшей формой обнародования стихотворения в первой половине XIX века считался отнюдь не шрифтовой оттиск на бумаге, но публичное чтение, как правило, друзьям, в камерной обстановке или на заседании литературного кружка. Чтение только что созданных произведений вслух, последующее их переписывание и вписывание текстов в персональные альбомы было неотъемлемой чертой культурного кода эпохи, составляя едва ли не главный способ первой публикации стихотворных произведений, отчего стихи расходились намного быстрее, чем при тиражировании в печати. Образующиеся таким образом «книжки стихов» хранились и перечитывались, передавались друзьям, для чтения и копирования, чем занимались и сами владельцы, а чаще — профессиональные переписчики, зарабатывавшие на этом деньги. Как вспоминает мемуарист, таких переписчиков занимал в 1840-х годах и сам Достоевский.²⁸

В письме к Вареньке Девушкин комментирует смысл указанной стихотворной цитаты следующим образом: «Тут же подумал я, Варенька, что и мы, люди, живущие в заботе и тревожении, должны тоже завидовать беззаботному и невинному счастью небесных птиц... У меня там книжка есть одна, Варенька, так в ней то же самое, всё такое же весьма подробно описано...» (1, 14). Согласно свидетельству А. Е. Ризенкампа, И. Н. Шидловский, который находился в этот период в постоянной переписке с Достоевским, получал от М. М. Достоевского все литературные опыты последнего.²⁹ Достоевский искренне и многократно восхищался стихами своего брата, считая его талантливым поэтом. Трудно себе представить, чтобы он хранил его тексты не так, как это было принято в те годы, в виде рукописного сборника, некой «книжки» или «тетрадки». Наличие такой рукописной «книжки» с понравившимися стихами было характерной приметой быта дворянского сословия, поэтому не исключено, что в таком сборнике («книжке») содержались стихи и других авторов. Такого рода рукописным сборником стихотворений владеет Макар Девушкин, о чем он упоминает в письме своем к Вареньке, обещая «достать стихов» и добавляя, что у него есть «тетрадка одна переписанная» (1, 25). Не оттуда ли герой «Бедных людей» взял процитированную им стихотворную строку?

При каких обстоятельствах у Достоевского мог появиться текст не опубликованного к этому времени стихотворения Лермонтова, копировалось ли стихотворение «Желание» в период, предшествующий окончанию Достоевским романа «Бедные люди» — весной 1845 года? Сбор материалов для Лермонтовского музея в Петербурге (основанного 18 декабря 1883 года при Николаевском кавалерийском училище) показал, что рукописные копии стихотворений Лермонтова, как опубликованных, так и не опубликованных, ходили по рукам и хранились в личных архивах в великом множестве экземпляров. Об этом свидетельствуют списки материалов, переданные в музей в 1880-е годы и опубликованные в нескольких номерах «Русской старины».³⁰ Среди сотен единиц хранения, полученных музеем от разных лиц, нашлись и анонимные рукописные сборники стихов Лермонтова. А. А. Бильдерлинг отметил особенно ценное поступление в музей, автограф стихо-

²⁸ Ризенкампф А. Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Лит. наследств. 1973. Т. 86. С. 331.

²⁹ Там же. С. 327.

³⁰ Эти списки в немалом количестве поступили затем в Лермонтовский музей, процесс формирования которого детально освещался в «Русской старине»: 1881. Т. XXX. С. 709—713; 1883. Т. XL. С. 731—738; 1884. Т. XLI. С. 240; 1884. Т. XLII. С. 425—432, и др. Здесь же публиковались материалы, связанные с открытием новых текстов и фактов биографии поэта: Валерик / Сообщ. П. А. Ефремова // Русская старина. 1874. Т. X. С. 172—185; Ефремов П. А. Наброски стихотворений и письмо Лермонтова // Там же. 1875. Т. XIV. С. 57—60; N. N. [Висковатов П. В.] Михаил Юрьевич Лермонтов. Неизданные стихотворения // Там же. 1882. Т. XXXV. С. 387—392; Костенецкий Я. И. Воспоминания о Лермонтове // Там же. 1875. Т. XIV. С. 60—66, и др.

творения «Исповедь», которое «содержит 124 стиха».³¹ В публикации названа и рукописная «школьная тетрадь Лермонтова, присланная в музей князем Н. Н. Манвеловым», которая «представляет собой переплетенную книжку из 134 страниц, 1/4 листа, кругом покрытую рисунками пером и карандашом».³² Следует отметить, что активно копировались юношеские тетради Лермонтова, содержащие его ранние стихотворения. Так, среди поступивших в музей материалов обнаруживаются «копии с 3 и 11-й юношеских тетрадей Лермонтова от П. А. Ефремова».³³ Обратим внимание на то, что в 11-й тетради, в самом ее начале, под № 2, находится стихотворение «Желание» («Зачем я не птица...»). Таким образом, можно считать доказанным, что текст стихотворения «Желание», вместе с другими юношескими стихотворениями Лермонтова, распространялся в рукописных копиях.

Известно, что Лермонтов, равно как и другие хранители его архива, например А. П. Шан-Гирей и П. А. Ефремов, не делал секретов из своих стихотворных опытов, щедро делился ими с друзьями и знакомыми. В юнкерском училище — с М. Г. Хомутовым, Н. И. Поливановым, В. А. Вонлярлярским, многими другими. Согласно мнению автора публикации в «Русской старине», Лермонтов не стремился отделять себя от круга однокашников, образовавших благоприятную обстановку, в которой «талант Лермонтова мог свободно развиваться». Согласно этому свидетельству, «шумная, веселая, кутящая молодежь школы имела и возвышенные идеалы», любимый способ времяпровождения был связан с «художественными произведениями литературы, которые часто громко читались в среде товарищей». Автор публикации не сомневается, что друзьям поэта в юнкерском училище были хорошо известны произведения, написанные к этому моменту: «Многие из товарищей Лермонтова понимали, ценили и увлекались его талантом, как бы предчувствуя в нем великого поэта».³⁴ Известно, что Лермонтов не только позволял свободно декламировать свои стихи, но и сам не раз читал их публично; также охотно вписывал свои стихи в рукописные сборники друзей и знакомых.³⁵ Альбом Н. А. Тухачевского (1825—1848; ИРЛИ, р. I, оп. 42, № 89), состоящий из переписанных стихов разных авторов, содержит выписки из Лермонтова («И скучно, и грустно...», «Бородино», а также многочисленные рисунки и шаржи).³⁶ Стоит также упомянуть о свидетельстве Е. А. Сушковой: «У меня есть заветная тетрадка, в которую я вписывала, по несколько раз в день, все его слова, все, что я слышала о нем».³⁷ Тетрадь эта считается утерянной, хотя ее следы обнаруживались в Одессе, в семейном архиве Фадеевых.³⁸

Таким образом, публичное чтение и рукописные списки были основным средством распространения произведений Лермонтова в первой половине 1830-х годов: он много писал и давал переписывать, но не решался предлагать свои произведения для печати. Эта форма публикации литературного произведения в 1830—1840-е годы имела для пишущего стихи молодого дворянина значительно большее значение, нежели оттиск текста на бумаге. В полном соответствии с нормами дворянской культуры того времени, когда статус профессионального литератора только лишь устанавливался и был для некоторых чем-то не вполне приличным, Лер-

³¹ Бильдерлинг А. А. Лермонтовский музей в С.-Петербурге, основан 18-го декабря 1883 г. // Русская старина. 1890. Т. 65. С. 590.

³² Там же.

³³ Там же. С. 593.

³⁴ Там же. С. 592.

³⁵ См.: Голованова Т. П., Чистова И. С. Примечания. С. 534; Мануйлов В. А. Лермонтов и Карамзины // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л., 1979. С. 331; Гиллельсон М. И. Лермонтов в воспоминаниях современников // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 27.

³⁶ Вацуро В. Э. Указ. соч. С. 48.

³⁷ Сушкова Е. А. Из «Записок». 1830 // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 128.

³⁸ Гиллельсон М. И., Миллер О. В. Комментарий // Там же. С. 524—525.

монтов вовсе не стремился непременно «напечататься». Способ рукописного распространения стихотворных текстов имел настолько мощную традицию, что некоторые поэты пренебрегали печатной публикацией, предпочитая именно такой метод обращения к читателю (например, Ф. И. Тютчев). Согласно свидетельству многих современников, именно в списках они впервые познакомились со стихами Лермонтова. Однокашник поэта Н. Н. Манвелов вспоминал, что таким образом с поэмой «Хаджи Абрек» познакомился их преподаватель словесности, В. Т. Плаксин, который затем с кафедры торжественно произнес: «Приветствую будущего поэта России!»³⁹

Первая печатная публикация Лермонтова, поэма «Хаджи Абрек», сопровождалась едва ли не скандалом. Современник вспоминает об этом так: «С нами жил в то время дальний родственник и товарищ Мишеля по школе, Николай Дмитриевич Юрьев, который после тщетных стараний уговорить Мишеля печатать свои стихи передал, тихонько от него, поэму „Хаджи Абрек“ Сенковскому, и она, к нашему немалому удивлению, в одно прекрасное утро появилась напечатанною в „Библиотеке для чтения“. Лермонтов был взбешен, по счастью, поэму никто не разобрал, напротив, она имела некоторый успех, и он стал продолжать писать, но все еще не печатать».⁴⁰ Позже, оправдываясь, О. И. Сенковский утверждал, что Лермонтов сам хотел этой публикации,⁴¹ но, по общему мнению, выглядит это не очень убедительно. В последующие годы популярность Лермонтова резко возросла, особенно после 1837 года, и его тексты, не только «Смерть поэта», копировались с удвоенной энергией. Работал политический подтекст, для современников были важны не только литературные достоинства его стихотворений, но и то, что речь шла об опальном поэте, находившемся в ссылке.

Важную роль в распространении неопубликованных стихотворений Лермонтова сыграл Аким Павлович Шан-Гирей (1818—1883), троюродный брат и близкий друг Лермонтова, хранитель его рукописей. Известно, что Шан-Гирей «принадлежал к числу немногих друзей, посвященных в творч(еские) замыслы поэта. Л(ермонтов) диктовал ему свои сочинения», еще в 1834 году он получил от Лермонтова разрешение переписывать его стихи под диктовку; в 1841 году, незадолго до гибели, Лермонтов встретился в Петербурге с Шан-Гиреем и передал ему «связку рукописей»,⁴² где была и указанная 11-я тетрадь, содержащая текст «Желания». В своих воспоминаниях он пишет: «Срок отпуска Лермонтова приближался к концу; он стал собираться обратно на Кавказ. Мы с ним сделали подробный пересмотр всем бумагам, выбрали несколько как напечатанных уже, так и еще не изданных и составили связку. „Когда, бог даст, вернусь, — говорил он, — может, еще что-нибудь прибавится сюда, и мы хорошенько разберемся и посмотрим, что надо будет поместить в томик и что выбросить“. Бумаги эти я оставил у себя, остальные же, как ненужный хлам, мы бросили в ящик. Если бы знал, где упадешь, говорит пословица, — соломки бы подостлал; так и в этом случае: никогда не прощу себе, что весь этот хлам не отправил тогда же на кухню под плиту».⁴³ Нет никаких сомнений,

³⁹ См.: М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 146. Редакционное замечание «Русской старины» к этому высказыванию Плаксина звучит так: «Покойный В. Т. Плаксин, весьма долго потом бывший преподавателем русской словесности в 1-м кадетском корпусе, часто вспоминал и рассказывал нам, в 1858—1860 гг., о своем гениальном ученике Лермонтове и утверждал, что он, В. Т., рано провидел в нем необыкновенное поэтическое дарование» (*Бильдерлинг А. А.* Указ. соч. С. 593).

⁴⁰ *Шан-Гирей А. П.* Указ. соч. С. 42.

⁴¹ О. И. Сенковский писал об этом: «Тщетно уговаривали мы тогда даровитого Лермонтова не печатать своей *первой поэмы* ... (...) Юный поэт не отставал: он был уверен, что этот „Абрек“ доставит ему бессмертие...» ([*Сенковский О. И.*] Последний Хеак. Поэма В. Зотова // Библиотека для чтения. 1842. Т. 54. Ч. 2. Отд. VI. С. 31). Ср.: *Гиллельсон М. И., Миллер О. В.* Комментарий. С. 502.

⁴² Лермонтовская энциклопедия. С. 618.

⁴³ *Шан-Гирей А. П.* Указ. соч. С. 52.

что Шан-Гирей знал и стихотворение «Желание». После известия о смерти Лермонтова, в 1842—1843 годы, Шан-Гирей раздавал друзьям и знакомым полученные от Лермонтова рукописи: В. Ф. Одоевскому, Н. А. Столыпину, Л. И. Арнольди и др.⁴⁴ Важно, что это были именно рукописи ранних произведений, на что совершенно определенно указывает Шан-Гирей: «ученические тетради и стихи первой юности».⁴⁵

Разумеется, этими текстами А. П. Шан-Гирей охотно делился и со старшим другом Лермонтова, большим почитателем его таланта и его учителем литературы в Юнкерской школе (а также и своим преподавателем в годы пребывания в Артиллерийском училище), профессором словесности Василием Тимофеевичем Плаксиным (1795—1869).⁴⁶ Во все годы учебы у Плаксина, в начале 1830-х годов в Московском университете, позже — в Юнкерской школе, Лермонтов передавал свои стихи ему без всяких ограничений. В. Т. Плаксин вспоминает, что был знаком со стихами Лермонтова, не напечатанными при его жизни. Например, «он написал остроумно-забавный рассказ „Монго“ (...) [который] никогда и нигде не был напечатан. Тогда же он начал писать свою поэму „Демон“; многие из его товарищей знали эти стихотворения наизусть; я читал их и, в качестве учителя, делал свои замечания». Текст стихотворения «На смерть поэта» «быстро распространялся в рукописях»,⁴⁷ вызывая интерес к другим произведениям Лермонтова. Важно, что Плаксин был не просто преподавателем Лермонтова, но в буквальном смысле учил его писать художественную прозу, именно по его индивидуальному заданию Лермонтов создал свое известное описание Москвы с птичьего полета; смысл задания сводился к практическому применению правил, которые были изложены в учебнике — «Кратком курсе словесности, приспособленном к прозаическим сочинениям».⁴⁸

Доказательством большого значения, которое имел творческий альянс профессора словесности и молодого поэта, является карандашный рисунок, изображающий Лермонтова и Плаксина у кафедры во время занятий по русской словесности, работы Е. Бектабегова (1915).⁴⁹ Разумеется, придавая творчеству Лермонтова столь большое значение, Плаксин был знаком со всем, что написал к этому моменту Лермонтов, тем более что для этого у него были все возможности: при жизни Лермонтова — непосредственно от самого поэта, после его смерти — с помощью ар-

⁴⁴ Одновременно Елизавета Алексеевна Арсеньева (Столыпина) после смерти внука раздавала знакомым и близким стихи Лермонтова в автографах и списках.

⁴⁵ Шан-Гирей А. П. Указ. соч. С. 53.

⁴⁶ Ученическая тетрадь Лермонтова «Лекции из военного слова» (ГПБ. Собр. рукоп. М. Ю. Л. № 31) представляет собой конспект лекций Плаксина, почти дословно совпадающий с изданным им в 1832 году «Кратким курсом словесности, приспособленным к прозаическим сочинениям».

⁴⁷ Плаксин В. Т. Голос за прошедшее // Сборник литературных статей, посвященных русским писателям памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина. СПб., 1858. Т. 1. С. 14.

⁴⁸ Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим сочинениям. Василия Плаксина. СПб., 1832. С небольшими дополнениями и расширениями отдельных разделов (при сохранении основного содержания) этот учебник издавался еще два раза: в 1833 (Руководство к познанию истории литературы. СПб., 1833) и в 1843—1844 годах (Учебный курс словесности, с присовокуплением предварительных понятий о человеке вообще, о его познавательных силах, о свойствах и связи мыслей; краткой теории изящных искусств и примеров во всех родах прозаических и поэтических сочинений, составленный Василием Плаксиным. Кн. 1—2. СПб., 1843—1844).

⁴⁹ Бектабегов Е. Лермонтов в школе гвардейских подпрапорщиков. 1915. Бумага, карандаш. 22 x 21. На изображении внизу справа карандашом: «Лермонтов в Школе: 1834 г. Преподаватель рус(ской) словесности Плаксин приветствует будущего поэта России, прочитав его сочинение в стихах „Хаджи-Абрек“. Товарищи Лермонтова: 1) Поливанов, 2) К. Чернов, 3) Волоцкой, 4) кн. Шаховской, 5) А. Чернов, 6) Хомутов, 7) Бенкендорф». Музей ИРЛИ РАН, № 2425. См.: Описание рукописей и избрательных материалов Пушкинского Дома. II. М. Ю. Лермонтов. М.; Л., 1953. С. 83—84.

хива А. П. Шан-Гирея и других частных архивов, гостеприимно открытых для него. Согласно позднему свидетельству самого Плаксина, он читал в рукописи ранние произведения Лермонтова, включая и произведения, над которыми поэт работал в период пребывания в Школе юнкеров,⁵⁰ более того, был первым критиком и наставником Лермонтова, «в качестве учителя делал свои замечания».⁵¹ Исходя из этого, трудно предположить, что Плаксин не знал о каких-то произведениях Лермонтова или не принял их во внимание. Затем, во время учебы в Юнкерской школе, Лермонтов вторично знакомил Плаксина со своими стихами, в том числе входившими в 11-ю рукописную тетрадь. Доказано, что он знал и другие стихи этой тетради, с которой его со всей очевидностью познакомил сам Лермонтов. Добавочным аргументом в пользу знакомства Плаксина со стихотворением «Желание» является то, что Плаксин знал «Хаджи Абрека», неудачное, по мнению Лермонтова, произведение.⁵² Тем более вероятно, что поэт познакомил Плаксина со стихотворением «Желание», которое считал одним из лучших своих творений.

В. Т. Плаксин как популяризатор творчества Лермонтова и одновременно профессор русской литературы, играет важную роль в истории написания романа «Бедные люди». После смерти поэта он еще более ревностно популяризировал творчество Лермонтова в своих лекциях в Главном инженерном училище, на которых присутствовал едва ли не самый внимательный его ученик, Ф. М. Достоевский.⁵³ Как свидетельствует мемуарист, Достоевский в эти годы «любил поэзию страстно», с большим воодушевлением декламировал стихи, и при этом «природная прекрасная декламация выходила из границ артистического самообладания».⁵⁴ Л. П. Гроссман подчеркивает, что знание молодых Достоевским современной ему русской поэзии было выдающимся даже в пределах возникшего вокруг него литературного кружка: «Начитанность Достоевского создала ему почетный авторитет среди товарищей и друзей».⁵⁵ В училищные годы (1838—1843), когда происходил процесс подготовки будущего писателя к созданию его первого произведения, он был более чем заинтересованным слушателем лекций по русской литературе, старательно делал записи во время занятий и выполнял учебные работы по курсу. В расписании Главного инженерного училища значилось: «Российская словесность // 2 лекции. 3 1/2 часа // По книге, изданной преподающим историю русской литературы // Коллежский асессор Плаксин // История литературы языка, с практическим упражнением кондукторов в сочинениях».⁵⁶ Будущий романист изучал курс изящной словесности Т. П. Плаксина «с увлечением и радостью», в том числе и потому, что Плаксин в своих лекциях «уделял много внимания» творчеству Лермонтова, своего ученика.⁵⁷ На занятиях Плаксин читал и комментировал стихотворения Лермонтова, как опубликованные, так и не опубликованные. Отсю-

⁵⁰ См., например: «На л. 3 авторизированной копии „Панорамы Москвы” имеется помета, сделанная карандашом, возможно, рукою Плаксина» (см.: Назарова Л. Н. Лермонтов в школе юнкеров // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979. С. 142—144).

⁵¹ Плаксин В. Т. Голос за прошедшее. С. 304.

⁵² Согласно воспоминаниям Н. Н. Манвелова, в 1834 году, до публикации поэмы в «Библиотеке для чтения», Лермонтов передал «преподавателю русской словесности Плаксину... сочинение свое в стихах „Хаджи Абрек”» (Манвелов Н. Н. Воспоминания, относящиеся к рисункам тетради М. Ю. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 186). Поэма «Хаджи Абрек» была опубликована в 1835 году, следовательно, Плаксин мог познакомиться с произведением только по рукописи.

⁵³ См.: Якубович И. Д. Достоевский в работе над романом «Бедные люди» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 9. С. 41—44.

⁵⁴ Ризенкампф А. Е. Указ. соч. С. 325.

⁵⁵ Гроссман Л. Достоевский. М., 1962. С. 35 (сер. «Жизнь замечательных людей»; Вып. 24).

⁵⁶ Максимовский М. Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819—1869. СПб., 1869. С. 64.

⁵⁷ Гроссман Л. Указ. соч. С. 31.

да ясно, что вероятность того, что Плаксин читал стихотворение «Желание» («Зачем я не птица...») с кафедры своим студентам (в том числе и Достоевскому), более чем высока. В студенческие годы Достоевский редактировал литографированную училищную газету «Ревельский сняток» и, со всей очевидностью, имел дело с литературными текстами, ходившими в списках по училищу. Возможно, такими текстами делился со своими воспитанниками их учитель литературы, Плаксин, не исключено, что и неопубликованными стихотворениями Лермонтова, которыми он располагал. Следует заметить, что стихи Лермонтова Достоевский держал в памяти и в более поздние годы.⁵⁸

Плаксин был заметной фигурой в литературной жизни России первой половины XIX века, регулярно печатался в известных журналах, издавал обширные монографии.⁵⁹ Блестящий лектор, с любовью относившийся к своим ученикам, он был противником зубрежки и всякого рода «нормативов». Склонный к либерализму, он с удовольствием преподавал в Инженерном училище все то, что носило оттенок фронды. Еще в молодости он был уволен из Санкт-Петербургского университета за вольномыслие вместе с рядом других профессоров в процессе известной идеологической «чистки» (14 июня 1822 года). Его взгляды носили очевидный демократический характер, и формулировка мотива увольнения — не способен по «нравственности», за «дух, в котором преподавались науки исторические», — не оставляет в этом никаких сомнений.⁶⁰ Особенностью преподавательской манеры Плаксина было чтение вслух поэтических текстов, которые он затем детально анализировал и комментировал. Содержание лекций В. Т. Плаксина, видимо, получило отражение в его известной рецензии на собрание сочинений Лермонтова, опубликованной в 1848 году.⁶¹ Свою работу о Лермонтове Плаксин опубликовал через пять лет после того, как Достоевский вышел из Главного инженерного училища; в статью естественным образом вошло то, что составляло основу его лекций. Кроме того, в бумагах Лермонтова «сохранился подробный конспект лекций, который близко совпадает с изданным Плаксиным „Кратким курсом словесности, приспособленным к прозаическим сочинениям“ (СПб., 1832)».⁶²

Среди прочих, Плаксин читал своим студентам такие стихи:

Где гнезда вьют одни орлы,
Где тучи бродят караваном,
Там можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь!

Затем комментировал: «Как понимать это воспоминание юности? С одной стороны, поэт называет этот возраст милым, „когда и сердце бьется с дивной силой, и мысль восторгами кипит“; с другой стороны, он прошедшее свое называет железной клеткой, а себя — молодым орлом, запертым в ней, и в будущем обещает летать там, где гнезда вьют одни орлы, чтоб там „крылья развернуть на вольный и широкий путь“. Но что же следует за этим пышным обещанием? Картина самой отвратительной действительности, от которой обомлела толпа людей, привыкших ко всем ужасам порока: казначей ставит на карту жену свою и проигрывает ее!

⁵⁸ См., например: Там же. С. 467.

⁵⁹ Библиографию трудов В. Т. Плаксина см.: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/101285/Плаксин

⁶⁰ См.: Назарова Л. Н. Лермонтов в школе юнкеров. С. 140—141.

⁶¹ Плаксин В. Т. Сочинения Лермонтова. С.-Петербург, 1847, в типографии Академии наук. Два тома. 390 и 510 стр., в 8-ю д. л. // Северное обозрение. 1848. Т. 3. Отд. 5. С. 1—20.

⁶² См.: Потапова Г. Е., Заварзина Н. Ю. Комментарий // М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. С. 992. Согласно мнению Л. Н. Назаровой, Лермонтов конспектировал лекции своего учителя, важно, что временами эти конспекты «дословно совпадают» с пособием Плаксина «Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим сочинениям» (Назарова Л. Н. Лермонтов в школе юнкеров. С. 143).

Чтоб изображать такую гниль человечества, не нужно иметь орлиный полет и подниматься так высоко, где вьют гнезда одни орлы!»⁶³

Здесь и в других своих работах о творчестве Лермонтова Плаксин выделяет важнейшую, по его мнению, тему: вывод лирического «я» за пределы «бездушного мира», стесняющего и калечащего душу человека. Судя по тому, что пишет Плаксин в своей статье о Лермонтове, как уже указывалось, содержательно совпадающей с его лекциями в Главном инженерном училище, он считал Лермонтова попавшим под влияние «бесхарактерного, безыдейного времени, которое он так живо изобразил в своей *думе*».⁶⁴ Одним из важнейших мотивов Лермонтова Плаксин считал именно тот, который звучит в цитате из «Бедных людей» Достоевского: моральная победа поэта над «холодным», «осмеянным им миром».⁶⁵ Плаксин находил в стихах Лермонтова «одну общую черту: преобладание страсти пред творческим воображением, так что самые картины, которые везде у него так живы, всегда происходят от страстей, даже безжизненная неорганическая природа нередко у него движется страстями: и небо, и горы, и реки то серебрятся, то негодуют, то ропщут; и страсти его всегда упорны, дики, непокорны и буйны. Из этого смело можно заключить, что страсти были господствующими двигателями Лермонтова; они вызвали его к поэтической деятельности и воспламеняли его воображение. В самом деле, в каком из произведений его вы найдете прямое отражение мира действительного, со всем его добром и злом, со всею ясною тишиною и грозными бурями, со всеми радостями и огорчениями?»⁶⁶ Эти тезисы Плаксин повторял и в своих более поздних работах о творчестве Лермонтова. Заметим, что одной из лучших иллюстраций этой мысли (разумеется, при всей ее дискуссионности) может служить стихотворение «Желание». Эта же мысль звучит и в известной оценке Достоевским творчества Лермонтова, которую мы видим в «Ряде статей о русской литературе» (1860), написанных сразу же после возвращения из ссылки. Отмечая необычайную популярность творчества Лермонтова в 1840-е годы, который «написал нам превосходных стихов», известных «наизусть», он указывал на главное впечатление от чтения его произведений: «нам становилось и тяжело, и досадно, и грустно, и жаль кого-то, и злоба брала нас», стихи Лермонтова свидетельствуют о том, что «он проклинал и мучился, и вправду мучился» (18, 59).

Нельзя не отметить и еще одну нить, связывающую творческую историю «Бедных людей» с училищным преподавателем Достоевского. В. Т. Плаксин не только дружил, но и сотрудничал с А. И. Галичем, совместно с ним издал «Летопись факультетов на 1835 год» (СПб., 1835), отмеченную несколькими рецензиями, в том числе и В. Г. Белинского.⁶⁷ Учитывая, что В. Т. Плаксин в своих учебных пособиях воспроизвел свои лекции — или наоборот, свои лекции строил как изложение того, что было им разработано в учебных пособиях, — не исключено, что своим студентам Плаксин рассказывал о своих встречах с Галичем, о его философии. В своей статье он пишет: «Однажды профессор философии Галич приходит ко мне и, между прочим, с озабоченным видом говорит: „Есть у меня заветная идея; я хотел бы написать книжонку, правда, довольно плотную, в виде введения к *истории человечества*...“ <...> Сказано и сделано. Книга эта — „Картина человека“ — Галичем написана».⁶⁸ Отметим, что Достоевский читал эту книгу в период учебы в Главном инженерном училище. Не по совету ли Плаксина? Отнюдь не случайно в своем первом романе «Бедные люди» Достоевский вводит книгу А. И. Галича «Картина

⁶³ Цит. по: Плаксин В. Т. Сочинения Лермонтова // Лермонтов: Pro et contra. С. 174—175.

⁶⁴ Плаксин В. Т. Руководство к изучению истории русской литературы. СПб., 1846. С. 397.

⁶⁵ Там же. С. 398.

⁶⁶ Плаксин В. Т. Сочинения Лермонтова. С. 167.

⁶⁷ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 2. С. 195—197.

⁶⁸ Плаксин В. Т. Голос за прошедшее. С. 27.

человека» в число тех немногих книг, которые составляют круг чтения Макара Алексеевича Девушкина.⁶⁹

Говоря о возможности знакомства Достоевского со стихотворением Лермонтова «Желание», нельзя не упомянуть об Игумнове, старшем писаре Главного инженерного училища, о котором оставил нам воспоминания А. И. Савельев, один из мемуаристов Ф. М. Достоевского. Военный инженер и историк инженерного дела в России, полковник (впоследствии — генерал-лейтенант) Александр Иванович Савельев (1816—1907)⁷⁰ в годы учебы Достоевского в Главном инженерном училище занимал должность ротного офицера, разумеется, был хорошо знаком и с В. Т. Плаксиным. Савельев оставил нам ценное свидетельство о стихотворных декламациях училищного писаря Игумнова. Согласно его описанию, это был «человек, прослуживший долго в строю, в армейском полку; весьма честный, добрый, весьма любимый кондукторами, большой любитель литературы и обладавший отличной памятью. Он имел большое нравственное влияние на молодежь (...) Игумнов в зимние вечера, по приглашению чаще всего Ф. М. Достоевским, приходил в рекреационную залу и становился посреди ее. Немедленно зала наполнялась всеми кондукторами, являлись скамейки и табуреты, и водворялась тишина. Игумнов, обладая хорошою памятью, изустно передавал целые баллады Жуковского и поэмы Пушкина, повести Гоголя и др. Присутствовавшие, приходившие в восторг от рассказов Игумнова, не ограничивались аплодисментами, но собирали ему каждый раз обильное денежное вознаграждение».⁷¹ Возможно ли, что Игумнов читал кондукторам стихи Лермонтова? Велика вероятность, ведь он с ними был хорошо знаком, учитывая, что обслуживал в качестве переписчика В. Т. Плаксина, штатного профессора Училища; нетрудно догадаться, откуда у него столь обширные познания в современной русской поэзии.⁷² Характер Игумнова, склонного к поэзии и философствованию немолодого писаря, совершенно очевидно обладавшего выдающимся для своего социального положения уровнем духовного развития, очень напоминает нам нрав переписчика бумаг и большого любителя литературы Макара Алексеевича Девушкина. Не из его ли стихотворных декламаций Достоевский взял лермонтовскую цитату? Или хранил это стихотворение в своей рукописной «книжке»? Или услышал это стихотворение на лекции В. Т. Плаксина? Одно не исключает, но, скорее, дополняет другое.

Несомненно, что творчество Лермонтова «было живо в худож(ественной) памяти Д(остоевского)», и «обращение к нему всегда имело глубоко продуманный и художественно значимый смысл».⁷³ Совпадение это или нет, но наиболее часто писатель цитировал именно те произведения Лермонтова, которые вошли в учебник-антологию В. Т. Плаксина, по которой будущий писатель учился в Главном инженерном училище («Дума», «Демон», «Русалка», «Молитва»), на протяжении всей жизни воспринимая его стихи как «нежную, чудесную музыку» и «запас ...

⁶⁹ Девушкин читал фундаментальный труд Александра Ивановича Галича (1783—1848) «Картина человека, опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий, начертанный А. Галичем» (СПб., 1834). Лицейский преподаватель Пушкина, профессор Санкт-Петербургского университета, известный философ-просветитель, в начале 1840-х годов пребывал в опале, и прямое упоминание его имени не могло пройти цензуру. Нравственные проблемы, поднятые в его книге, получили свое выражение в романе «Бедные люди» (см.: Жиликова Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844—1849). Томск, 1989. С. 20—26).

⁷⁰ Его перу принадлежат статьи в «Военном энциклопедическом лексиконе», а также многочисленные статьи по истории инженерного дела в России в журналах «Инженерные записки», «Древняя и новая Россия», «Русская старина» и «Исторический вестник».

⁷¹ Савельев А. И. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 1. С. 102.

⁷² Помимо Игумнова, в Училище было еще три писаря, делавших копии для преподавателей и воспитанников (Максимовский М. Указ. соч. С. 32).

⁷³ Лермонтовская энциклопедия. С. 143.

мыслей удивительных даже для мудреца». ⁷⁴ В 1843 году, в год начала профессиональной литературной деятельности, Достоевский был внимательным читателем журнала «Отечественные записки». Вряд ли он пропустил мимо своего внимания статью о творчестве Лермонтова (Отечественные записки. 1843. Т. XXVI. № 1. Отд. VI), написанную В. Т. Плаксиным. В декабрьском номере журнала за 1843 год были напечатаны восемь стихотворений М. Ю. Лермонтова; ⁷⁵ во второй номер за 1844 год, где был опубликован источник эпиграфа к «Бедным людям», «Живой мертвец» В. Ф. Одоевского, также входили произведения Лермонтова, ⁷⁶ включая стихотворение «Пророк», особенно любимое Достоевским. Имя Лермонтова всегда стояло для Достоевского рядом с Пушкиным, об этом он говорил не раз, в частности в траурной речи на похоронах Н. А. Некрасова (26, 111—113). Он был убежден, что «Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Островский, Гоголь... дали нам право на фактическое участие в общеевропейской жизни» (20, 10). Нет никаких сомнений, что на формирование этого убеждения, равно как и всех других следов серьезного внимания к творчеству Лермонтова, включая и цитату из романа «Бедные люди», повлияли все возможности обращения к творчеству поэта: ходившие по рукам рукописные «книжки стихов», лекции профессора В. Т. Плаклина, блестящие декламации писателя Инженерного училища Игумнова.

Обратим внимание на сочетание текстуального совпадения первой части процитированной Достоевским стихотворной строки («Зачем я не птица...») с нарочитым искажением стихотворного размера и лексики лермонтовского текста в конце высказывания. Возникает вопрос, почему Достоевский изменил вторую часть строки («...не ворон степной»)? Во-первых, Достоевский не мог не знать, что это стихотворение не опубликовано, возможно, усомнился в своем праве полностью воспроизводить чужой текст, существующий лишь в рукописи. Другой возможной причиной может быть то, что в финале романа Варенька Доброселова уезжает «в степь» к «помещику Быкову», и слово «степь», многократно повторяясь в прощальных письмах Девушкина, обрастает резко негативными коннотациями, становясь обозначением трагедии, которая вызвана разлукой Девушкина и Вареньки Доброселовой. Ассоциация Девушкина со «степным вороном» в этих условиях оказывала бы неприемлемое влияние на смысл произведения в целом.

С другой стороны, если «птица» взята из Лермонтова, то идея о «хищной птице» полностью принадлежит самому Достоевскому, это значение в лермонтовском стихотворении отсутствует. Аллюзивный план «хищной птицы», связанный с лермонтовской поэзией, может дополнить статья А. Д. Галахова, опубликованная в сентябре 1843 года. Обсуждая различные трактовки поэтического наследия М. Ю. Лермонтова, он полемизирует с С. П. Шевыревым, который высмеивал лермонтовский поэтический мир, где «и зверь с птицей, и облака, и скалы, и башни накинаны как ни попало». ⁷⁷ Защищая поэта, Галахов формирует важный, по его мнению, аспект лермонтовского нарратива: «хищный зверь, вместе с птицей, „внимает глаголу вод Терека, который ревет“». ⁷⁸ Не исключено, что «хищной птицей» Достоевский положил начало изложению своей любимой темы — о «хищном» и «кротком» типах людей, которую он разрабатывал на протяжении всей творческой жизни. ⁷⁹ Трактовки характеров литературных персонажей в связи с этой идеей сохранятся практически во всех произведениях Достоевского. Например, в «Вечном

⁷⁴ Опочинин Е. Н. Беседы с Достоевским // Звенья. М.; Л., 1936. Т. VI. С. 471.

⁷⁵ Отечественные записки. 1843. Т. 31. № 12. Отд. I. С. 193—196, 279—280, 317—318, 342.

⁷⁶ Там же. 1844. Т. 32. № 2. Отд. I. С. 197—200.

⁷⁷ Галахов А. Д. Ответ г. Шевыреву на разбор его «Полной русской хрестоматии». Статья II // Отечественные записки. 1843. Т. 30. № 9. Отд. VIII. С. 37.

⁷⁸ Там же. С. 39.

⁷⁹ См., например, изложение концепции «инфернальной души» в «Братьях Карамазовых» (14, 446).

муже»: «Фу, черт! да вы решительно „хищный тип” какой-то! (...) — А хищно-то что ж? Вы сказали хищно? — Я сказал, что вы „хищный тип”, — в насмешку вам сказал. — Какой такой „хищный тип-с”? Расскажите, пожалуйста, Алексей Иванович, ради бога-с, или ради Христа-с» (9, 47). Мотив определения персонажа как «хищного» или, наоборот, «кроткого» типа присутствует также в «Записках из подполья», «Преступлении и наказании», «Бесах», «Идиоте», «Подростке», «Кроткой», «Братьях Карамазовых», есть и в «Дневнике писателя».

Однако уже в «Бедных людях» содержится достаточно точное и убедительное разъяснение того, что желает понять герой «Вечного мужа» о «хищном типе» в приведенной выше цитате. Девушкин следующим образом разъясняет Вареньке глубокое различие, существующее между «смирными» и «хищными» типами людей: «Я привык, потому что я ко всему привыкаю, потому что я смирный человек»: не «перехватил» ни у кого «чина», «награждение» никогда не просил, «кабалу» никогда не стряпал, не имею «способностей, достаточных для коварства и честолюбия» (1, 47). Понятно, что перечисленными «способностями» обладает антипод Девушкина — «не смирный» («хищный», «инфернальный») человек, явление более чем распространенное; в основе такого характера, как саркастически замечает Девушкин, лежит принцип «наибольшей гражданской добродетели»: «денегу уметь зашибить» (1, 47). Осознавая себя «человеком достойным», Девушкин отказывается от «хищной» «гражданской добродетели», о чем и свидетельствует во второй части стихотворной строки. Предположительно говоря о своей возможности стать «хищной птицей», он сознает нереальность этого предположения, в то же время понимая, что, следуя пресловутой житейской «мудрости», был бы избавлен от многих и многих «напастей», которые сыплются на него градом. Попытка жить по принципу «не нужно быть никому в тягость», своим, пусть и «черствым» «простым куском хлеба», «трусами добытого», «законно и безукоризненно» (1, 47) обходится ему дорого. Саркастическое предположение о себе как о «хищном типе», конечно, не сбудется: Девушкин описан Достоевским как этически совершенный человек, предтеча Мышкина («Идиот») и Алеши Карамазова («Братья Карамазовы»). Таким образом, лермонтовская стихотворная строка в переделанном виде содержит в себе базовую формулу сюжета: Девушкин как незаурядная творческая личность, философ и этически совершенный персонаж, втиснутый в низкую должность и прокрустово ложе социальной ячейки «маленького человека», тяжело и болезненно переживающий свое положение, с сарказмом предполагает, насколько ему в житейском смысле было бы легче, стань он «хищной птицей». Нельзя считать невозможным, что в создании не только текста, но и сюжета романа «Бедные люди» Достоевскому помогло обращение к стихотворению Лермонтова «Желание».

© Т. Б. Ильинская

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОЧЕРК Н. С. ЛЕСКОВА «О КЛИРОВОМ НИЩЕВРОДЕ»

Слово «неизвестный» в последние годы довольно часто входит в названия литературоведческих штудий, образуя своеобразную серию публикаций, весьма несходных по качеству.¹ Наряду с абсолютно оправданным заглавием некоторых

¹ Недавно в лесковиане появилась книга, на обложке которой значится «Неизвестный Лесков». Это монография А. Сажина, представляющая собой публикацию новых материалов творческой истории очерка «Обнищеванцы» (СПб., 2008).

книг (например, «Неизвестный Пропп»), встречаются заголовки по-журналистски броские, звучащие «коммерчески» и (или) слишком широковещательно.

Стремясь избегать эффектных слов, все же признаем, что в полной мере малоизвестный Лесков — это Лесков на страницах духовных журналов, и в частности «Церковно-общественного вестника», где удалось обнаружить не зафиксированный в лесковских библиографиях² очерк «О клировом нищеводстве»³ с характерным для писателя подзаголовком «Письмо в редакцию»,⁴ текст которого мы публикуем.

О КЛИРОВОМ НИЩЕБРОДСТВЕ (Письмо в редакцию)

Ввиду быстрых и, по-видимому, неудержимых уже успехов штундизма, вновь кажется пора позаботиться бы хоть о том, чтобы по возможности прекращать докучливое и унизительное попрошайничество на постройку храмов и содержание монастырей, с которыми беспрестанно сталкиваешься в Петербурге. То монахи и монахини с кружками пристают к прохожим и ходят по трактирам, где им не след бы и показываться; то вдруг разом получаешь по почте два, три печатные воззвания к пожертвованию на отделку «новозданного каменного храма», вместо деревянного. Воззвания эти рассылаются Бог весть по каким соображениям и попадают в руки людей не только не готовых чем бы то ни было жертвовать в пользу «новозданных храмов», но даже озлобляющихся этим попрошайничеством и видящих в нем не хорошее, а дурное. Так, в прошлом году здесь по Петербургу бродили два священника из Кишиневской губернии и надоели всем; потом появились священник из Харьковской губернии, который все просил на отделку каменного храма, построенного вместо деревянного, и собирал так неудачно, что сторонним людям пришлось делать складчину, чтобы отправить его на родину, к его старому деревянному храму; а теперь опять появилось несколько таких сборщиков и множество воззваний, присылаемых по почте. На все эти столичные люди, занятые делом и обремененные нуждами и заботами, смотрят не только неблагоприятно, но даже с явным недоброжелательством и раздражением. Беспрестанно слышатся на эти попрошайничества такие ответы:

— Бог даст; Бог даст; иди, мать, работай, — у нас есть кому своим помогать.

² В авторитетнейшем на сегодняшний день указателе И. Мюллер де Морог сотрудничество Лескова в «Церковно-общественном вестнике» прослеживается лишь с 1877 года. В библиографических указателях П. В. Быкова (1887 и 1890 годов) и труде С. П. Шестерикова «К библиографии сочинений Н. С. Лескова» этот журнал за 1876 год также пропущен. В более подробной рукописи С. П. Шестерикова «Труды и дни Н. С. Лескова» очерк «О клировом нищеводстве» не значится, хотя Шестериков просматривал «Церковно-общественный вестник» за этот год (так, в «июньской» части его летописи 1876 года обозначена помещенная в нем рецензия на лесковский рассказ «На краю света»).

³ Церковно-общественный вестник. 1876. 23 мая. № 56. С. 6.

⁴ Жанр письма в редакцию Лесков широко использовал в разные периоды своего творчества. Чаще всего лесковские письма в редакцию — это «литературные объяснения» (такой подзаголовок имеет письмо в редакцию «Нового времени» «О русском левше»). Этот род обращений в редакции можно назвать автокритикой: они вызывались потребностью писателя высказаться об источниках сюжетов, о творческой истории своих произведений, скорректировать их одностороннюю сложившуюся трактовку. Еще один тип писем в редакцию — это открытые письма писателя о своих личных обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть оглашены (отставка, юбилей). Наконец, значимая в творчестве Лескова разновидность писем в редакцию — это открытое высказывание на общественно значимую тему: например, в пору надежд на церковное обновление — «Возможна ли и рациональна ли чисто духовная цензура? (Письмо в редакцию)» (1870), «О семинарских манерах (Письмо в редакцию)» (1872), а в эпоху нападок на Толстого и толстовство — обличение вздорных слухов о Толстом «Курская трель о Толстом (Письмо в редакцию)» (1891). В последнем случае журнал (газета) используется как трибуна, дающая возможность обратиться к широкому читателю. К выступлениям такого рода принадлежит и очерк «О клировом нищеводстве».

Или:

— Служил бы ты, батька, хорошо в деревянной церковке, да учил бы как следует, так сама бы у тебя сложилась и каменная; а то видно ты и в деревянной-то не умел жить; ну так не надо тебе и каменной. Иди с Богом: мы все сами в деревянных церквах крещены.

И это еще хорошо, если так; а то бывает и хуже... Что слышат иногда бродящие по трактирам монахини, о том и говорить срамно. Игуменьи монастырей, конечно, что-нибудь знают об этом и в последние годы стали все посылать женщин пожилых, и все... безобразных; но что от этого проку? На сих днях, отыскивая в простонародном трактире одного нужного мне букиниста, я наткнулся на следующую безобразную и мерзкую сцену. Две монахини, одна лет 45, другая помоложе, но весьма безобразная, подошли к столику, за которым пили чай человек восемь мастеровых; монахини попросили, услышали отказ и уже отходили прочь, как вдруг из дверей соседней комнаты вывернулся разудалый парень и, хлопнув старшую монахиню с той стороны, откуда ее не хорошо бы хлопать, воскликнул:

— Эх, ты, старушка, божий дар! Ишь собрались, одна старушенция, другая мордушенция: присылайте-ка сюда поавантажнее, чтобы было с кого ряски снять, да порадоваться.

И пошлая толпа захотела пошлым и мерзким смехом, среди которого нахлопанные инокини удалились. Думают ли начальники и особенно начальницы монастырей, посылающие этих собирателей и собирательниц, что они через них собирают на свою голову? не пособие они собирают, а разве «углие горящее»? Думают ли посыльщики печатных воззваний, что их воззвания получают самые печальные истолкования? Думает ли наконец кто-нибудь, что все это более не годится, что всего этого нельзя более терпеть, что все это соблазн, срам и поношение, которые готовят страшный вред для нашей церкви?

Н. Лесков

Бесподписные статьи — весьма частое явление в публицистике Лескова. Поэтому естественно предположить, что писатель, подписывая свой очерк о клировом нищевродстве, стремился подчеркнуть собственную принадлежность мыслей о гибельности такой церковной тактики. Но даже если бы под этим очерком не было имени писателя, его чисто лесковский характер очевиден. На авторство писателя указывают и тема, и сюжет очерка, и особые лесковские словечки (например, посыльщики, собиратели и собирательницы в значении просящие), и особая интонация, строящаяся на переходах от чисто бытового к пророческому тону.

Попробуем вписать новонайденный очерк в контекст лесковского творчества.

При чтении очерка «О клировом нищевродстве» у всякого, знакомого с творчеством Лескова, встает в памяти довольно схожий эпизод из повести «Загадочный человек», написанной на четыре года ранее, в 1872 году. Совпадения простираются вплоть до расстановки персонажей (видной фигурой и в повести, и в очерке становится пьяный «разудалый парень»). Однако в повести трактирная сцена имеет совершенно иной финал, нежели в очерке «О клировом нищевродстве». Чтобы таким фоном оттенить своеобразие лесковского «письма в редакцию» о клировом нищевродстве, приведем из повести «Загадочный человек» сцену сбора пожертвований на храм в питейном заведении, куда отправляются «сходиться с народом» революционеры-«агитаторы» Ничипоренко и Бенни:

«Среди шума, гвалта и толкотни в толпе мелькала маленькая седая голова крохотного старичка, который плавал по зале, как легкий поплавок среди тяжелых листов водяного папоротника. Он на секунду приостанавливался у какой-нибудь кучки и опять плыл далее и так обтекал залу.

— Видите, какая сила, — говорил Ничипоренко, кивая головою на народ. — Какова громадица, и ведь бесстыжая — все под себя захватит, исковеркает и перемелет, только сумеете заговорить с ним их языком.

— Симеону Богоприимцу и Анне Пророчице на возобновление храма божия будьте укладчики! — тихо и молитвенно пропел над ним в эту минуту подплывший к ним седой старичок в сереньком шерстяном холодайчике, с книжечкою в чехле, с позументным крестом.

Ничипоренко взглянул на старичка и сказал:

— Проходи, дед, проходи: у нас деньги трудовые, мы на пустяки их не жертвуем.

Старичок поклонился, пропел:

— Дай вам бог доброе здоровье, родителям царство небесное, — и поплыл далее.

— Когда? как церковь-то сгорела? — слышал Бенни, как начал расспрашивать один из соседей подошедшего к нему сборщика.

— На семик, на самый семик, молоньей сожгло. Старичок еще поклонился и добавил:

— Жертвуй Симеону и Анне за свое спасение.

Мещанин вынул пятак, положил его на книжку и перекрестился.

Старик ответил ему тем же, как отвечал Ничипоренке, — ни более ни менее как то же: „Дай бог тебе доброе здоровье, родителям царство небесное”.

Старичок уже стоял перед третьим столиком, за которым веселая компания тянула пиво и орала песни.

— Что? — крикнул пьяный парень, обводя старика посоловевшими глазами. — А! собираешь на церковное построение, на кабашное разорение, — это праведно! Жертвуй, ребята, живее! — продолжал парень и сам достал из лежавшего перед ним картуза бумажный платок, зацепил из него несколько медных копеек, бросил их старику на книжку и произнес:

— Будь она проклята, эта питра́, — унеси их скорее, божий старичок.

Бенни встал, догнал старичка и положил ему на книжку рублевый билет.

Старик-сборщик, не выходя ни на секунду из своего спокойного состояния, отдал Бенни свой поклон и протянул ему то же: „Дай бог тебе доброе здоровье, родителям царство небесное”.⁵

Различия двух сцен сбора денег на храм очевидны, и очерк о клировом нищевроде представляет событие как раз во вкусе «нигилиста» А. И. Ничипоренко, который изображен в повести с явной издевкой как человек, самонадеянно полагающийся на атеистические и антицерковные настроения в народе, а на самом деле народа не знающий.

Чем же вызвана такая разница в освещении просьбы о церковных пожертвованиях, которую по прошествии четырех лет писатель назовет нищевродством и покажет, что у трактирной публики она вызывает не памятование о Боге, а лишь цинично-глумливую реакцию?

Ответ на этот вопрос неоднозначен, его поиски требуют увидеть в одновременности самые разные обстоятельства лесковского творчества.

Наиболее очевидная причина такого «противоречия» двух кабацких сцен: Лесков изображал народ со всевозможной широтой и в его праведности, и в то же время «не скрывая его мерзостей и гадостей».⁶ По словам А. А. Горелова, Лескову

⁵ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 3. С. 304—306. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома римской цифрой, страницы — арабской.

⁶ Известное признание Лескова, ставшее источником заголовков многих статей о писателе: «...я знаю русского человека в самую его глубь (...) мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. Я с народом был свой человек (...) Я перенес много упреков за недостаток какого-то неизвестного мне уважения к народу, другими словами, за неспособность лгать о народе (...) имею уверенность, что нисколько не обижаю русского народа, не

удалось показать, что «российскую действительность впрямь составляли взаимоисключения».⁷

Стоит обратить внимание и на существенное различие двух трактирных сцен. Если в повести «Загадочный человек» сбор на храм является подвижничеством, то в «Клировом нищевроде» — профессиональной рутинной. Своей молитвенной настроенностью, отрешенностью и незаинтересованностью в деньгах старику из повести «Загадочный человек» удалось сильно взволновать посетителей питейного заведения, недаром глава пьяной компании называет его «божий старичок». Лесковский «божий старичок»-странник напоминает некрасовского Власа, дело жизни которого также находит отклик:

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары;

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божи
По лицу земли родной...

(1855)

Поэтому в «Загадочном человеке» сбор «на церковное построение» понимается пьяными как «кабашное разорение», как праведное дело («Это праведно!»), а в «Клировом нищевроде» вызывает раздражение шаблонная церковная практика.

Ключевым словом, определяющим разное авторское отношение к двум трактирным эпизодам, станет слово «клировый». Оно ведет нас к тем обстоятельствам, которые и определяют основное различие тональностей двух кабацких сцен. Посмотрим на их противоположность еще с одной стороны — со стороны меняющихся взглядов Лескова на современное состояние православной церкви в России. Слово клир (в значении церковнослужителя⁸) появляется в лексиконе Лескова начиная с конца 1874 года, а затем становится все более заметным на страницах его произведений (в то время как другое слово заголовка — «нищевродство» звучало уже и у раннего Лескова⁹). Любопытно, что в 1875 году для Лескова это слово еще требует некоторого пояснения. В письме И. С. Аксакову он дает его: «...мы говорили о церковных делах и о церковниках, то есть о клире по поводу известной брошюры Гагарина» (X, 419). В дальнейшем слово «клир» появляется и в лесковской публицистике, когда писатель вспоминает о своих «столкновениях с представителями нашего клира»,¹⁰ и в художественном творчестве. Так, во «Владычном суде» упоминается о «нравах нашего клира» (VI, 130), в «Некрещеном попе» — о некоем г. Р., «большом знатоке клирового быта» (VI, 160).

скрывая его мерзостей и гадостей, от которых он не свободен, как и всякий другой народ. Возводить его в перл создания нечего, да и не для чего» (Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1996. Т. 3. С. 206).

⁷ Горелов А. А. «Я знаю русского человека в самую его глубь...» // Горелов А. А. Соединяя времена. СПб., 2011. Кн. II. С. 840.

⁸ Ранее у Лескова использовалось слово «клир» в значении «клирос» (что соответствовало бытованию этого слова и закрепилось в поговорке: «Правый клир поет, левый в алтаре пиво пьет»).

⁹ Слово «нищевродство» употребляется у Лескова и при передаче простонародной речи, и в речи близкой к образованному сословию, и в авторской: «Да кто вам, нищевродам, не пообещает! Выпросите» («Некуда» — II, 594); «Начавшееся с этих пор христорадничанье и нищевродство Юлочки не прекращалось (...) Много „девка-чернявка“ натерпелась обид и горя в своей нищевродной жизни!»; «Вы знаете, в чем прошла моя жизнь? — в лганье, в нищевроде, в вымаливанье» (Лесков Н. С. Обойденные // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1989. Т. 3. С. 28, 34).

¹⁰ Лесков Н. С. Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения о духоборских и других сектах // Гражданин. 1875. Апр. № 15—16. С. 241.

Слово «клир» становится у Лескова знаком отчуждения «церковников» (см. выше) от мирян, образуя противопоставленность «они» и «мы». Оно лишено у писателя той теплоты, которое было в словах того же значения, — соборяне, жители соборной поповки. Савелий Туберозов в своих размышлениях о судьбах духовенства пишет о «бедности причтов», о жизни «русского попа», скорбит о невозможности «духовному нищенству» читать необходимые книги («для нас, духовных, книга о духовенстве запрещена» — IV, 70).

Дистанцирующее слово «клир» в лесковских письмах, очерках и рассказах становится предвестием размышлений богословов XX века об искажении церковности ее разделением на клир и мирян.¹¹ Лесков в своем творчестве обращался к раннему христианству — и в «византийских легендах», и в публицистике, и в эпистолярной литературе. Среди его размышлений по поводу необходимости возрождения первохристианских начал мысль о ложности разъединения церковного общества на клир и мир напрямую не встречается. Однако об этом косвенно свидетельствует звучащая обертоном идея разобщенности в слове «клир», которое становится у Лескова контрастным по отношению к слову «соборяне».

Завершая сопоставление двух трагических сцен — из повести «Загадочный человек» и из очерка «О клировом нищеводстве», — заметим, что, хотя их разделяют только 4 года (1872 и 1876), однако между ними пролегает пережитый Лесковым рубеж «разлада с церковностью»¹² (1875). В этом очерке, созданном на полпути от «Соборян» к «Мелочам архиерейской жизни», описаны разные церковные настроения — попрошайничество, отсутствие в церкви живого проповеднического слова («...учил бы как следует», — слышит упрек в свой адрес просящий на храм священник). Эти церковные беды и раньше ощущались Лесковым. О них идет речь в «Соборянах» — произведении близком по времени «Загадочному человеку» (Савелий Туберозов невозможность свободной проповеди определяет как жизнь «с платком во рту», а денежные поборы клира под видом треб его глубоко удручают). Какой же новый поворот получает эта давняя лесковская тема в очерке о клировом нищеводстве, написанном за два года до резко критических «Мелочей архиерейской жизни»?

Прежде чем перейти к изображению картин клирового нищеводства, автор напоминает читателю о ширящемся народном религиозном движении — штундизме. И это глубоко знаменательно для лесковских размышлений о вере и церкви во второй половине 1870-х годов, когда штундизм для него становится импульсом к замыслу произведений о церковных пороках («Ввиду быстрых и, по-видимому, неустойчивых уже успехов штундизма...» — так Лесков обозначает ситуацию невозможности продолжения «клирового нищеводства»).

Интерес писателя к штунде прослеживается с 1873 года, когда в статье «Адописные иконы» писатель защищает штундистов от обвинений в надругательстве над православными святынями. В 1874 году Лесков, воочию убедившись в силе и глубине этого нововерия (присутствовал на процессе над крестьянами-штундистами в Киеве), выступает уже как защитник штундистов и оппонент православной церкви, которую он упрекает за недостаточную действенность веры. Писатель ви-

¹¹ «...Старая, фактически дохристианская дуалистическая концепция деления церковного тела на клир и мирян, в основе которой лежит утверждение о несвященной природе тех, кого называют мирянами» (Шмеман А. *Протопр.* Водой и духом. М., 1993. С. 112); «Когда-то все христиане считали себя „уделом божьим“ среди язычников: теперь слово „удел“ (по-гречески «клир») применяется к сословию священнослужителей» (Аверинцев С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 32); «...Сказывается основное для католичества деление церковного общества на клир и мирян, на пасущих и пасомых, на учащих и учащихся, на активно-водящих и пассивно-ведомых» (Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 1990. С. 271).

¹² Выражение из письма Лескова П. К. Щебальскому: «Более всего разладил с церковностью, по вопросу которой власть начитался вещей, в Россию не допускаемых» (X, 411).

дит причину штундизма в том, что церковь не обнаруживает «живого христианского духа». ¹³ В письме И. С. Аксакову (декабрь 1874) Лесков замечает, что штундизм «идет не столько от немцев, сколько от небрежения нашего собственного духовенства, от дурной жизни клира и возмутительной холодности иерархов» (X, 370).

После 1874 года штунда, «вера мужичья», ¹⁴ становится у Лескова противником церковному официозу. Очевидная для писателя трещина между евангельским учением и церковной реальностью воплотилась и в его художественных откликах на штундизм, ¹⁵ который был для писателя осуществлением народного тяготения к практическому христианству.

Для лучшего понимания очерка о клировом нищевроде важно уяснить причины, по которым он размещен именно на страницах «Церковно-общественного вестника». Думается, это произошло не только в силу личных связей писателя с редактором А. И. Поповицким, хотя, безусловно, «Церковно-общественный вестник» был дружественным изданием, рекламировавшим Лескова (см., например, объявление: «Поступила в продажу у всех книгопродавцев новая книга „На краю света“...»). ¹⁶ Но гораздо важнее то, что лесковская публикация соответствовала направлению издания Поповицкого, его читательской аудитории. Лесков обращается к читателям, в основном духовенству, а также ко всем, интересующимся современным христианством и церковной жизнью. Издание Поповицкого действительно соответствовало своему названию, там помещались материалы, призванные соединить духовенство и мирян. Поэтому Лескову был близок этот журнал, где одной из главных тем стало сближение клира и мира, а также обсуждение тягот положения «русского попа».

Какое же место занимает лесковский очерк о клировом нищевроде на страницах издания А. И. Поповицкого? Лесковская публикация принадлежит к числу далеко не главных тем журнала в 1876 году. Главные же — спиритизм и восточный вопрос, прежде всего восстание в Герцеговине.

Вопрос о церковных злоупотреблениях в такой остроте поставлен в этом журнале именно Лесковым, хотя тема церковных поборов обозначена в нем в 1876 году двумя публикациями до лесковского очерка. Во-первых, 5 мая этого года появилась статья о зрителях училищ, бравших взятки. ¹⁷ Во-вторых, 9 мая, т. е. за две недели до лесковского очерка, напечатана другая статья, которая, возможно, способствовала кристаллизации идеи «Клирового нищеврода» и даже определила его образный строй. Это статья священника Петра Михальченко, которая называется далеко не в лесковском энергичном духе. Заглавие публикации по-семинарски громоздкое — «О праздничных и других хождениях духовенства по домам своих прихожан». ¹⁸

Сюжетная близость лесковского очерка о нищевроде этой статье-предшественнице в том, что и свящ. Михальченко, и Лесков оценивают как нищество просьбы священнослужителей о пожертвованиях. Так, у Петра Михальченко обход причтом домов прихожан — это «нищенство и колядничество», «хождение по домам за подачками» (с. 5). «Как священник, ходящий с крестом, так и причетник — с иконою, по моему мнению, такие же попрошайки, как всякий нищий и всякий колядник, только с оттенком другого свойства. Нищий обыкновенно просит подаяния вследствие бедности, происшедшей от каких-либо физических причин, а свя-

¹³ Лесков Н. С. Об обращениях и совращениях // Гражданин. 1874. 9 дек. № 49. С. 1239.

¹⁴ Лесков Н. С. Еще одно бойкое перо // Петербургская газета. 1886. 31 окт. № 299.

¹⁵ См.: Ильинская Т. Б. Русское разноеверие в творчестве Н. С. Лескова. СПб., 2010. С. 150—179.

¹⁶ Церковно-общественный вестник. 1876. 4 июня. № 61; 1876. 4 июля. № 73, и др.

¹⁷ [Б. п.]. Заметки о необходимости некоторых изменений в уставе духовных семинарий и училищ // Церковно-общественный вестник. 1876. 5 мая. № 49. С. 2.

¹⁸ Там же. 9 мая. № 51. С. 3—5.

щенник и причетник — во имя своей должности <...> Разнятся ли они в своей роли? Нисколько...» (с. 4).

Как и впоследствии Лесков, Михальченко также делает шаг от частного к общему, рассматривая церковные поборы на широком фоне современного устройства российской православной церкви: «Эти хождения <...> составляют очень темное пятно на светлом фоне нашей православной религии» (с. 4). Очевидно, насколько осторожен вывод автора этих строк по сравнению с пророчески-грозными словами Лескова, предупреждающего о страшных бедах, которые постигнут русскую православную церковь, если она не приблизится к евангельским заветам.

Важнее другое: гораздо более умеренная статья свящ. Михальченко проливает свет на смысл лесковского подзаголовка «письмо в редакцию». Становится понятен диалогический характер очерка о клировом нищebroдстве, который на фоне других публикаций «Церковно-общественного вестника» выглядит как отклик на прозвучавшую реплику, как продолжение темы.

Возможно, «Церковно-общественный вестник» был в 1870-е годы для Лескова не самой желанной трибуной, с которой в бойкотные для него годы все же звучали (хотя и не так громко) заветные мысли писателя о церковном учительстве, о корыстолюбии «требоисправителей». Впоследствии Лесков, задетый замечанием Суворина о своем былом сотрудничестве в духовных журналах, писал о вынужденном характере своей религиозной публицистики: «Замечания ваши о моих силах и ошибках во многом очень справедливы и метки. Одно забываете, что лучшие годы мне негде было заработать хлеба... Вы это упускаете <...> Что только со мною делали!.. В самую силу сил моих я „завивал в парикмахерской у монаха“ статейки для „Православного обозрения“ и получал по 30 рублей, изнывая в нуждательстве и безработице, когда силы рвались наружу» (XI, 384).

Однако даже если «Церковно-общественный вестник» стал для писателя вынужденным пристанищем, нельзя не заметить, что лесковские публикации в этом журнале носят отнюдь не вынужденный характер. Все они продиктованы потребностью писателя высказать жизненно важные его убеждения о церкви, пронизаны множеством связей с остальным его творчеством.

Что же касается степени лесковской свободы слова на страницах «Церковно-общественного вестника», то она превосходит возможности других изданий. Такой вывод можно сделать, сравнив разные лесковские статьи о современной церковной апатии. Так, в журнале «Гражданин» в 1874 году появляется очерк «Об обращениях и совращениях», в котором Лесков говорит о бессилии южнорусских церковнослужителей перед распространяющимся штундизмом: «А что же делают южнорусские церковные проповедники? Они, видя бесплодность своих усилий более уже не проповедуют и совсем умолкли. ...Будем ждать, не возопиют ли скоро камни, когда уже и „сии умолкли“».¹⁹

В очерке о клировом нищebroдстве библейская образность достигает еще большего накала: по Лескову, церковнослужители не пособие себе «собирают, а разве „угли горящее“». Лесковский итоговый возглас, завершающий картины церковного нищebroдства, по своей резкости сопоставим разве что с откровенностью, возможной в письмах писателя: «Думает ли наконец кто-нибудь, что все это более не годится, что всего этого нельзя более терпеть, что все это соблазн, срам и поношение, которые готовят страшный вред для нашей церкви?»

Поэтому, видимо, была и другая сторона, не только горькая, в работе писателя для религиозных изданий. В допобедоносцевскую эпоху духовная публицистика Лескова — вполне органичная часть его творчества, дававшая писателю возможность быть глашатаем своих убеждений. Вообще же тема «Лесков в духовной журналистике» содержит еще много вопросов, нуждающихся в более широком осмыслении.

¹⁹ Гражданин. 1874. 9 дек. № 49. С. 1242.

© С. А. Кибальник

О ФИЛОСОФСКОМ ПОДТЕКСТЕ ФОРМУЛЫ «ЕСЛИ БОГА НЕТ...» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО*

Знаменитая формула «Если Бога нет...» в различных ее вариантах представлена во многих произведениях Достоевского. Особенно значительную роль она играет в «Братьях Карамазовых». Как известно, «главный вопрос, который проведется во всех частях» «Жития великого грешника», Достоевский определял как «тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь — существование божие».¹

Напомню, что в книге второй «Неуместное собрание» Петр Александрович Миусов рассказывает об Иване: «Не далее как дней пять тому назад, в одном здешнем, по преимуществу дамском, обществе он торжественно заявил в споре, что *⟨...⟩ если есть и была до сих пор любовь на земле, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди веровали в свое бессмертие. ⟨...⟩ ...уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, всё будет позволено, даже антропофагия*» (14, 64—65; курсив мой. — С. К.).

Дальнейшую диалектику развития этого мотива «Братьев Карамазовых» тонко выявил Р. Джексон: «Мука Ивана Карамазова заключается в том, что он допускает существование религиозного нравственного закона, но не верит в бессмертие собственной души или в добро, заложенное в человеке. В конечном счете он жертва фатальной логики своей позиции: абсолютно веря в конкретную, как бы ежедневно-рутинную взаимозависимость добродетели и веры, но *не* обладая личной верой в бессмертие, он приходит к интеллектуальному положению, согласно которому „все дозволено“. Его нравственная природа не допускает открытого санкционирования смерти своего отца, но эти идеи воспринимаются его „учеником“ Смердяковым, который и воплощает их с безжалостной логикой.

Практические последствия для человека неверующего, исходящие из тезиса Ивана — „нет добродетели, если нет бессмертия“, схватываются немедленно Дмитрием Карамазовым.

„— Позвольте, — неожиданно крикнул вдруг Дмитрий Федорович, — чтобы не ослышаться: «Злодейство не только должно быть дозволено, но даже признано самым необходимым и самым умным выходом из положения всякого безбожника!» Так или не так?

— Точно так, — сказал отец Паисий.

— Запомню» (14, 65).

Дмитрий делает эти выводы, но в конце не поступает согласно им. Смердяков же, чей интеллектуальный процесс напоминает жесткие правила грамматики, приходит к тем же выводам и действует соответственно. „...*ибо коли бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели*“, — напоминает он Ивану во время последней встречи с ним, добавляя: „...да и не надобно ее тогда вовсе“ (15, 67; курсив мой. — С. К.).

Этот окончательный вывод, эта упрощенная дедукция, этот пьянящий прыжок в преступление и хаос — „да и не надобно ее тогда вовсе“, скрытый за рассуждениями Ивана, глубоко беспокоит Достоевского. Как преодолеть фатальную логику или—или: или вера — или людоедство; или блаженство — или нигилистическое

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного грантом РГНФ, проект № 12—24—08000а (м).

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 117. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.

отчаяние? Таковы крайности выбора, заключенного в положении Ивана о том, что „нет добродетели, если нет бессмертия”.

„— Блаженны вы, коли так веруете, или уже очень несчастны!”, — пронизательно замечает Ивану старец Зосима.

„— Почему несчастен? — улыбнулся Иван Федорович.

„— Потому что, по всей вероятности, не веруете сами <...> в бессмертие вашей души...” (14, 65).

Себе и человечеству Иван оставил мало места для маневрирования или нравственности. <...> Иван ничего не обнаруживает в человеке, никакого действия вечно закона в человеческом сознании, который мог бы противостоять его преступным тенденциям или направить его к спасению. Отсюда его опора на авторитарную церковь-государство. Позиция старца Зосимы совершенно иная. Как и Иван, он тоже верит во вселенскую церковь „в конце времен”. Но и пока что он не впадает в отчаяние. В то время как Иван рассчитывает на социально-религиозное принуждение и силу отлучения, Зосима верит в божественный закон, действующий в человеке, и в „закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести” (14, 60). По сути дела, Зосима утверждает веру в совесть человека, в его возможность свободно достигнуть понимания истины и добра путем собственной совести.²

Пытаясь воссоздать философский подтекст этого мотива Достоевского, Р. Джексон справедливо истолковывает противостояние Зосимы и Ивана как противоположность между пелагианством, утверждавшим «полную свободу человека в выборе добра и зла с тем, чтобы в конце концов обнаружить путь спасения», и «августиновской доктриной, или янсенизмом», согласно которым «человек после первоначального грехопадения не обладает силой воздержания от грехов и может быть спасен лишь благодаря благодати Божьей». Позиция Ивана вызвала у исследователя также и вполне обоснованные параллели с идеями Т. Гоббса,³ а в академическом издании «Полного собрания сочинений» Достоевского есть отсылка к Б. Паскалю (15, 536).⁴ Остается нерешенным вопрос о том, каков философский подтекст этого мотива в рамках современной Достоевскому европейской философии XIX века.

1

В связи с этой формулой обычно вспоминают реплику Ф. Ницше: «Бог умер» из его «Веселой науки», опубликованной уже после смерти Достоевского. Однако в период основных философских влияний, испытанных Достоевским и определивших его мирозерцание, был другой философ, который утверждал, что Бога, по крайней мере, в традиционном его понимании, нет, а религию объяснял как «опредмечивание» сознания, которое человек отрывает от себя и проецирует в потусторонность. Это сделал Л. Фейербах в книге «Сущность христианства» (1841), которая, как отмечено еще С. Н. Булгаковым,⁵ а затем показано в работах В. Н. Белопольского и И. П. Смирнова, безусловно, была в орбите внимания Достоевского и отразилась в его творчестве, по крайней мере, начиная с «Записок из Мертвого дома».⁶

² Джексон Р. Проблема веры и добродетели в «Братьях Карамазовых» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9. С. 125—127.

³ Там же. С. 126.

⁴ В приведенном В. Е. Ветловской высказывании Б. Паскаля: «Несомненно, что из того, смертна душа или бессмертна, вытекает полное различие в морали» (*Паскаль Б. Мысли (о религии)*. М., 1905. С. 239), — впрочем, только констатируется зависимость между моралью и верой или неверием в бессмертие души.

⁵ См.: *Булгаков С. Н. Религия человекобожия у Л. Фейербаха* // Булгаков С. Н. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 181.

⁶ *Белопольский В. Н. Достоевский и философская мысль его эпохи. Концепция человека*. Ростов, 1987. С. 165—185; *Смирнов И. П. Отчуждение-в-отчуждении. «Записки из Мертвого*

В формуле Ивана Карамазова «Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит все позволено» (14, 93) воспроизведено логическое умозаключение, которое сделал из антропотеизма Л. Фейербаха Макс Штирнер в своей шумевшей книге «Единственный и его собственность», вышедшей в конце 1844 года.⁷ Влияние этого мыслителя на Достоевского было показано в известной брошюре Н. Отверженно-го,⁸ в моем докладе «О философских истоках и природе иррационализма Достоевского»,⁹ сделанном на Международной конференции Бристольского университета «Russian Irrationalism in the Global Context», а также в докладе Т. Шимидзу «Достоевский и Штирнер», произнесенном на XIV Международном Симпозиуме Достоевского в Неаполе.¹⁰

Тем не менее, до настоящего времени не было обращено внимания на то, что вся первая часть книги Штирнера представляет собой как раз истолкование фейербаховской «Сущности христианства» как «уничтожения веры»¹¹ и обоснование того, что из признания человека Богом следует с необходимостью обоснование эгоизма и имморализма. Нравственные отношения, утверждает Штирнер, «только там моральны, только там соблюдаются нравственно-разумно, где считаются *религиозными сами по себе*» (с. 85). Коль скоро «„высшие силы“ существуют лишь потому, что я возвышаю их, а сам принижаясь», то во главу угла ставится сам индивид: «...я ничего не стану больше делать для него „во имя Бога“, ничего и „во имя человека“, и то, что я делаю, то делаю „ради себя“. Только так удовлетворит меня мир...» (с. 307). Уже предисловие к книге Штирнера заканчивается провозглашением решительной индифферентности к добру и злу: «Божественное — дело Бога, человеческое — дело человечества. Мое же дело не божественное и не человеческое, не дело истины и добра, справедливости, свободы и т. д. это исключительно *мое*, и это дело, не общее, а *единственное* — так же, как и я — единственный.

Для Меня нет ничего выше Меня» (с. 9).

Логичность реакции Штирнера на философию Фейербаха ощущалась многими философами, в частности С. Н. Булгаковым: «...антропотеизм в качестве вывода из атеизма содержит в себе внутреннее противоречие, ибо относительно частных утверждений утверждает то, что отрицает в общем и целом, именно, уничтожая Бога, стремится сохранить божественное, святыню. Внутренняя и необходимая диалектика атеизма ведет поэтому от антропотеизма к религиозному нигилизму, к отрицанию всякой святыни, всякой ценности или, что то же, к возведению факта, потому только, что он — факт, в ранг высшей ценности, к приданию религиозного значения факту как таковому. Эту диалектику атеизм совершил при жизни Фейербаха в учении

дома» в контексте европейской философии 1840-х гг. (Фейербах & Co) // Смирнов И. П. Текстомахия. Как литература отзывается на философию. СПб., 2010. С. 59—72.

⁷ *Stirner Max. Des Einzige und sein Eigentum. Leipzig, 1845.* О времени выхода книги см., в частности: *Отверженный Н. Штирнер и Достоевский. М., 1925. С. 10.*

⁸ *Отверженный Н. Указ. соч.*

⁹ См.: *Kibalnik S. 1) On Philosophical Sources and Nature of Dostoevsky's Anti-Rationalism // Russian Irrationalism in the Global Context. Bristol, 2012 (in print); 2) Достоевский и Макс Штирнер (О философских истоках антииндивидуализма и антирационализма писателя) // Достоевский и современность. Материалы XXVII Международных Старорусских чтений 2011 года. Вел. Новгород, 2012. С. 179—186.*

¹⁰ См. краткое его изложение: *Shimizu Takayoshi. Dostoevsky and Max Stirner // Dostoevskij — Mente filosofica e sguardo di scrittore. Dostoevsky — Philosophical Mind, Writer's Eye. Достоевский — Философское мышление, взгляд писателя. Abstracts. Traduzioni a cura di M. Venditti. Napoli. 2010. P. 102.* Некоторые наблюдения на тему «Достоевский и Штирнер» есть в статье И. П. Смирнова «Отчуждение-в-отчуждении. „Записки из Мертвого дома“ в контексте европейской философии 1840-х гг.» (С. 90—91).

¹¹ *Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994. С. 55.* Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

Штирнера, проповедника нигилизма, аморализма и „эгоизма”, „сокрушителя святынь” (Entheiliger)».¹²

Отрицание уже не только Бога, но и фейербаховского «Богочеловека», и провозглашение «принадлежности себе», «моей мощи» и «моего самонаслаждения» (с. 144, 173, 308; курсив мой. — С. К.) — главная идея книги Штирнера. Когда Иван Карамазов, по словам Миусова, утверждает, «что для каждого частного лица, например как бы мы теперь, не верующего ни в бога, ни в бессмертие свое, нравственный закон природы должен немедленно измениться в полную противоположность прежнему, религиозному, и что эгоизм даже до злодейства не только должен быть дозволен человеку, но даже признан необходимым, самым разумным и чуть ли не благороднейшим исходом в его положении» (14, 65) — или когда «черт» в «кошмаре Ивана Федоровича» (15, 69—84) пересказывает ему эти его мысли, то при этом воспроизводится идея немецкого мыслителя-бунтаря. Отчасти на это указывал С. Н. Булгаков, который, ошибочно полагая, что Достоевский, «никогда не знал Штирнера», цитировал его слова: «Ausser mir giebt es kein Recht» — и замечал, противореча при этом сам себе: «Как это все угадано Достоевским, который (...) глубоко проник в мировоззрение атеизма. Ведь приведенную немецкую фразу по-русски прямо же можно перевести роковой формулой Ив. Карамазова: *все позволено*, нет Бога, нет и морали. „Где стану я, там сейчас же будет место свято”».¹³

Если задаться вопросом о том, когда и каким образом Достоевский мог познакомиться с названными идеями Фейербаха и Штирнера, то совершенно очевидно, что это произошло еще в 1840-е годы, в пору участия его в кружке «петрашевцев». Как-то писатель произнес в нем речь «о личности и эгоизме», в которой он «хотел доказать, что между нами более *амбиции*, чем настоящего человеческого достоинства, и что мы сами впадаем в самоуменьшение, в размельчение личности от мелкого самолюбия, от эгоизма и от бесцельности занятий» (18, 129). Высказывалось весьма вероятное предположение, что эта речь была составлена Достоевским под впечатлением от книги Штирнера «Единственный и его собственность»;¹⁴ экземпляр его книги Достоевский мог позаимствовать из библиотеки М. В. Петрашевского.¹⁵

В комментариях к академическому изданию «Полного собрания сочинений» Достоевского в связи с образом Кириллова из «Бесов» вполне закономерно заходит речь об антропотейзме и при этом цитируются следующие слова Н. А. Спешнева из его писем к К. Э. Хоецкому (1847(?)): «Антропотейзм — тоже религия, только другая. Предмет обоготворения у него другой, новый, но не нов сам факт обоготворения. Вместо бога-человека мы имеем теперь человека-бога. Изменился лишь порядок слов. Да разве разница между богом-человеком и человеком-богом так уж велика?» (12, 222). При этом комментаторы отмечают, что Спешнев «тонко критикует антропотейзм, который „по крайней мере в той совершеннейшей форме, в какой он является у Фейербаха (...) тащит всего «человека» без остатка к богу»». «Это есть, — заключает он, — *второе вознесение бога-человека, или человека-бога, который, согласно легенде, взял с собой на небо и свое тело...*» (12, 222).¹⁶

¹² Булгаков С. Н. Религия человекобожия у Л. Фейербаха. С. 200. Еще Н. Н. Страхов отмечал, что «немцы очень весело встретили фейербахизм, находя в нем освобождение от разных авторитетов. Макс Штирнер нашел весьма приличным посвящать свое сочинение своей любовнице, он надписал под своею книгою: *meinem Liebchen Marie...*» (Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. СПб., 1882. [Кн. 1.] С. 70).

¹³ Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 194.

¹⁴ *Отверженный* Н. Указ. соч. С. 27—28. Впрочем, содержание этой речи, как его позднее формулировал Достоевский, не только проникнуто некоторыми элементами учения Штирнера об эгоизме, но и в то же время направлено против него.

¹⁵ Семевский В. И. М. В. Буташев-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922. Ч. 1. С. 168—170.

¹⁶ «Критику Фейербаха» видит в этом письме и Л. И. Сараскина. См.: Сараскина Л. И. Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба. М., 2000. С. 163. (Курсив мой. — С. К.)

Однако Спешнев здесь явным образом не сам критикует антропотеизм Фейербаха и Прудона (который он называет «обожествлением человечества»),¹⁷ а воспроизводит его критику Штирнером; не случайно письмо это написано на немецком языке. Ср. в «Единственном и его собственности» Штирнера: «...человек убил Бога, чтобы стать огненным „единым Богом на небесах“. *Потустороннее вне нас* уничтожено, и великий подвиг просветителей исполнен, но *потустороннее в нас* стало новым небом, и оно призывает нас к новому сокрушению его...» (с. 144). Не что иное как мысли Штирнера воспроизводит Спешнев и в других местах «Писем...»: «А ежели обособленность, не-мое-Я-бытие христианского бога есть такой великий грех, такая дурная вещь, разве иначе обстоит дело с антропотеизмом? *Разве я, пишущий Вам, так уж тождествен человечеству или „человеку“?* Разве все человечество — во мне и разве „человек“ настолько полно заключен во мне, что человек начинается мною и кончится мною и что мой самый причудливый каприз является волей „человека“, следственно — мировым законом? Если это не так, то „человечество“ и „человек“ тоже чужие, посторонние для меня существа, не тождественные мне, хотя и довольно похожие на меня, но чуждые мне авторитеты».¹⁸

Ср. у Штирнера: «Божественное — дело Бога, человеческое — дело человечества. *Мое же дело не божественное и не человеческое* (курсив мой. — С. К.), не дело истины и добра, справедливости, свободы и т. д., это исключительно *мое*, и это дело, не общее, а *единственное* (курсив мой. — С. К.) — так же, как и я — единственный» (с. 9); «Он (Фейербах. — С. К.) говорит, что мы ошиблись в своей собственной сущности и потому искали ее в потустороннем. Теперь же, когда мы убедились, что Бог — только наша человеческая сущность, мы бы должны были признать его снова своим и вернуть из потустороннего в наше здешнее бытие. <...> Вооружаясь силой *отчаяния*, Фейербах нападает на христианство во всем его объеме не для того, чтобы отбросить его, — о нет! — а для того, чтобы притянуть его к себе, чтобы с конечным напряжением совлечь его, давно желанного, вечно далекого, с его неба и навеки сохранить у себя. Разве это не борьба последнего отчаяния, борьба не на жизнь, а на смерть, и в то же время разве это не христианская тоска и жажда потустороннего? *Герой не хочет войти в потустороннее, а хочет притянуть его к себе и заставить сделать „посюсторонним“!* (Курсив мой. — С. К.) И с тех пор весь мир кричит — одни с большей, другие с меньшей сознательностью, — что *главное* — это то, что „здесь“, что небо должно спуститься на землю (курсив мой. — С. К.), и царство небесное осуществится уже здесь» (с. 31).

Очевидно, что Спешнев был, по крайней мере, отчасти штирнерианцем.¹⁹ Именно как «сильную» личность, имевшую на него чрезвычайное влияние, воспринимал его Достоевский.²⁰ Жизненный путь и поведение Спешнева были отмечены «своеволием» и вызвали к жизни образ Ставрогина.²¹ По-видимо-

¹⁷ Спешнев Н. А. Письма к Хоецкому // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 494.

¹⁸ Там же. С. 497. (Курсив мой. — С. К.)

¹⁹ Ср.: Гроссман Л. П. Спешнев и Ставрогин // Спор о Бакуinine и Достоевском. Статьи Л. П. Гроссмана и Вяч. Полонского. Л., 1926. С. 165. Судя по всему, Спешнев неплохо знал философию: М. В. Петрашевский предлагал ему «изложить на его вечерах или историю философии, или о религиях древности» (Петрашевцы: Сб. материалов. М.; Л., 1928. Т. 3: Доклад генерал-аудиториата. С. 51).

²⁰ См.: Майков А. Н. <Из письма к П. А. Висковатову> // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 248—249.

²¹ Гроссман Л. П. Спешнев и Ставрогин. С. 162—168; Сараскина Л. И. «Это было дерзкое поколение необузданных соблазнитель...». А. Н. и Н. А. Спешневы в биографиях героев Достоевского // Сараскина Л. И. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М., 2006. С. 139—156. В 1845-м году, возможно, именно после знакомства с книгой Штирнера, Спешнев называл себя человеком, «потерявшим совесть». (Цит. по: Сараскина Л. И. Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба. С. 125.)

му, в какой-то мере Спешнев сыграл роль и в рождении образа Ивана Карамазова.²²

В «Письмах к Хоецкому» Спешнев также предсказывал, что на «антропотейзм» «европейское человечество» «не остановится, что *антропотейзм* — не конечный результат, а только переходное учение — „момент, который разовьется в нечто высшее“, как говорят немцы. По-моему, он *есть лишь путь, по которому Германия и наука придут к полному и безусловному отрицанию религии*. Уже поэтому я не могу признать его центром и средоточием явлений нового времени».²³ Здесь он также по существу развивает мысль Штирнера, едва ли не констатировавшего, что «в общий обиход невольно вошел более или менее сознательный атеизм, который выражается внешним образом в широком развитии „бесцерковности“. Но то, что отнимали у Бога, отдавали человеку, и власть гуманности возрастала по мере того, как умалаялось влияние и значение благочестия. Человек как таковой и есть нынешний Бог, и прежняя богобоязненность теперь сменилась страхом человеческим» (с. 172).

В то же время утверждая, что «антропотейзм» «есть лишь путь, по которому Германия и наука придут к полному и безусловному отрицанию религии», Спешнев мыслил в сходном направлении с Достоевским, усматривавшим в философии Фейербаха решительный шаг к атеизму. Однако если для Спешнева атеизм закономерный и необходимый этап: «И в конце концов, неужели так обязательно свести явления определенного периода к одной единственной идее? Разве это не односторонность и разве действительность не богаче и не многограннее?»,²⁴ то для Достоевского это тревожный симптом, чреватый штирнеровским «самонаслаждением».²⁵

Естественный и закономерный характер появления философии Штирнера как реакции на «Сущность христианства» Фейербаха ясно ощущали русские религиозные философы. Так, С. Л. Франк в «Этике нигилизма» писал: «Рассуждая строго логически, из нигилизма можно и должно вывести и в области морали только нигилизм же, т. е. аморализм, и Штирнеру не стоило большого труда разъяснить этот логический вывод Фейербаху и его ученикам. Если бытие лишено всякого внутреннего смысла, если субъективные человеческие желания суть единственный разумный критерий для практической ориентировки человека в мире, то с какой стати должен я признавать какие-либо обязанности, и не будет ли моим законным правом простое эгоистическое наслаждение жизнью, бесхитростное и естественное „*carpe diem*“?».²⁶

Б. П. Вышеславцев в «Этике преображенного Эроса» даже подходил к осознанию связи между основной философской темой Достоевского и полемикой Штирнера с Фейербахом. Так, «Идею человекобожества» он формулировал следующим образом: «Почему не признать человека единственным известным нам *Богом*, раз он обладает полноценным свойством быть живой конкретной личностью? Такая мысль возникает с диалектической необходимостью и приводит к „*религии человечества*“, к единственной возможной форме атеистической этики», которая «мыс-

²² В бумагах Спешнева было найдено «рассуждение в форме речи о религии, в котором опровергается существование бога» (Петрашевцы: Сб. материалов. Т. 3: Доклад генерал-аудиториата. С. 53), которое он читал на вечере у Петрашевского (*Сараскина Л. И.* Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба. С. 161).

²³ Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. С. 496. (Курсив мой. — С. К.)

²⁴ Там же. С. 496.

²⁵ Отзвуком Штирнера звучит предсмертная записка «логического самоубийцы», о котором Достоевский рассказал в статье «Дневника писателя за 1876 год (октябрь) «Приговор»: «Для чего устраиваться и употреблять столько стараний устроиться в обществе людей правильно, разумно и нравственно-праведно? На это, уж конечно, никто не сможет мне дать ответа. Всё, что мне могли бы ответить, это: „*чтоб получить наслаждение*“. Да, если б я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение» (23, 147; курсив мой. — С. К.).

²⁶ Франк С. Л. Сочинения. М., 1990. С. 84—85.

лима в двоякой форме: или *единственная ценность и святыня для меня есть мое живое конкретное „я“* — все остальное ниже его и ему подчинено (Макс Штирнер); или *единственная ценность и святыня есть „человечество“, „коллектив“, „пролетариат“* (Фейербах, Маркс). *Изживание этой диалектики* в грандиозных размерах показано Достоевским, и она продолжает изживаться современным человечеством.²⁷

Впрочем, вопрос о специфической собственно для Достоевского форме «изживания этой диалектики» остается еще до конца не проясненным. Например, неясно, не становится ли Достоевский, отрицая Штирнера, на сторону Фейербаха? И если внимательно прочитать роман, то в нем, на первый взгляд, есть вещи, которые дают некоторые основания, чтобы думать именно так. Например, защита Ракитиным, которого возмущает штирнерианская теория Ивана Карамазова, атеистической морали: «Человечество само в себе силу найдет, чтобы жить для добродетели, даже и не веря в бессмертие души! В любви к свободе, к равенству, братству найдет...» (14, 76) — несколько напоминает позицию Фейербаха, видевшего «существо человека (...) только в общественности» и, по собственному самоопределению, превращавшего «этику в религию».²⁸ Однако показательно, что идея эта утверждается на страницах романа «семинаристом-карьеристом» Ракитиным (14, 71).

Позиция самого Достоевского сущностно иная. Кстати сказать, формулируя ее, Р. Джексон все же не совсем прав. Исследователь не доверяет декларации собственных убеждений Достоевского в разделе «Дневника писателя за 1876 год» «Голословные утверждения», полагая, что «высказывание Достоевского провокационно, иронично и направлено против собеседников, которые никогда не сталкивались с действительным страданием или никогда глубоко не реагировали на него».²⁹ Однако что же провокационного в следующих суждениях Достоевского, не раз повторенных им и в других местах: «Статья моя „Приговор“ касается основной и самой высшей идеи человеческого бытия — необходимости и неизбежности убеждения в бессмертии души человеческой» (24, 46), «Я объявляю, (...) что любовь к человечеству даже совсем немыслима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой» (24, 49)?

Невозможно согласиться в связи с этим и с другим утверждением Джексона: «Мы хотим показать, что в „Братьях Карамазовых“ Достоевский считает утверждение Ивана приемлемым лишь в качестве богословского трюизма, а именно: подтверждения божественного единства всех аспектов Божьего мира, но что как руководство к действию он находит это заявление ограниченным, догматичным и опасным».³⁰ Однако слова Ивана Карамазова о том, что «если есть и была до сих пор любовь на земле, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди веровали в свое бессмертие. (...) уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь» (14, 64—65) — это отнюдь не «богословский трюизм» в глазах Достоевского, а расхожий аргумент против философии религии Фейербаха, с которым был солидарен и который не раз высказывал от себя сам Достоевский.

Как это ни парадоксально,³¹ в своих исходных точках позиция Ивана Карамазова совпадает с позицией Достоевского. Он также убежден в незыблемой взаимосвязи веры в Бога и бессмертие души с нравственностью. Однако не обладая такой

²⁷ Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 115—116. (Курсив мой. — С. К.)

²⁸ Фейербах Л. О «Сущности христианства» в связи с «Единственным и его достоинством» (1845) // Фейербах Л. Избр. философские произведения. М., 1955. Т. II. С. 420, 419.

²⁹ Джексон Р. Указ. соч. С. 124—125.

³⁰ Там же. С. 124.

³¹ В действительности, внутреннее развитие Ивана Карамазова: «история борьбы богочеловека с человекобогом и победы богочеловека» (Волынский А. Л. Человекобог и Богочеловек // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 годов. Сб. статей. М., 1990. С. 85) — в общем воспроизводит духовный путь Достоевского.

верой, он, в отличие от Достоевского, но вполне логично, по мнению писателя, провозглашает безнравственность. Достоевский тоже полагал, что из философии Фейербаха с неизбежностью следует идея Штирнера об «эгоизме» и о «моем самонаслаждении», т. е. о «вседозволенности». Однако при этом, не разделяя анархического индивидуализма Штирнера,³² он полагал необходимым вернуться к отринутому Фейербахом «бессмертию души».

Когда Р. Джексон пишет: «Не добродетель через веру, но вера через любовь — таков ответ Достоевского Ивану»,³³ — то верна, с нашей точки зрения, только вторая половина высказывания. «Вера через любовь» — это, безусловно, так, но через любовь к ближним и соответственно доброе отношение к ним не достигается ли в то же время, по Достоевскому, и добродетель? «Деятельная любовь» Зосимы оказывается рецептом обретения веры в бессмертие не вообще, а именно в бессмертие своей души и одновременно камертоном нравственного поведения человека. Поцелуй Алеши, как и поцелуй Христа в поэме Ивана, представляет собой символический образ такой всепрощающей любви. «По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии бога, и в бессмертии души вашей, — советует Зосима госпоже Хохлаковой, — Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не сможет зайти в вашу душу» (14, 52).

Может показаться, что Достоевский предлагает вернуться от Штирнера к Фейербаху, также, по собственному определению, выставившему «на первый план любовь». Однако согласно Фейербаху, «любовь есть практический атеизм, отрицание Бога в сердце, в помыслах, в действиях» (курсив мой. — С. К.). Объявляя себя «коммунистом» в смысле «общественного человека»,³⁴ Фейербах понимал под «любовью» как раз «любовь к человечеству». Между тем именно принцип «любви к человечеству» не раз был предметом острой критики со стороны Достоевского. Еще в «Голословных утверждениях» он «объявлял», что «любовь к человечеству даже совсем немислима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой. Те же, которые, отняв у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни, „любовью к человечеству“, те, говорю я, поднимают руки на самих же себя; ибо вместо любви к человечеству насаждают в сердце потерявшего веру лишь зародыш ненависти к человечеству» (24, 49; курсив мой. — С. К.). Во второй фразе не в последнюю очередь имеется в виду Фейербах. Аналогичную скрытую направленность имеет переданное Зосимой признание «одного доктора»: «...я, говорит, люблю человечество, но дивлюсь на себя самого: чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц» (14, 53). «Всю жизнь свою любившим человечество» (14, 238; курсив мой. — С. К.) объявляет Иван Карамазов и своего «Великого инквизитора».

Сложную диалектику веры и нравственности, безверия и человекобожия, любви к ближнему и любви к человечеству невозможно понять в полной мере без учета ее философского подтекста в «Братьях Карамазовых».

2

Особое значение в этом контексте приобретает вопрос о происхождении образа «великого инквизитора». В комментариях к академическому изданию полного со-

³² Кстати, убеждение Достоевского в обреченности индивидуалистического отношения к жизни частично основано, по-видимому, также и на факте жизненной катастрофы и ранней смерти Штирнера (в 1856 году). Освободившись из каторги, Достоевский, несомненно, узнал о ней из тех или иных источников.

³³ Джексон Р. Указ. соч. С. 130.

³⁴ Фейербах Л. Указ. соч. С. 420.

брания сочинений Достоевского приводятся исторические сведения об испанской инквизиции и о деятельности первого великого инквизитора Томаса де Торквемады (1420—1498) (15, 557). Впрочем, никаких оснований, кроме, пожалуй, долгожительства («Это девяностолетний почти старик...» — 14, 227), связывать героя поэмы Ивана Карамазова именно с ним нет. Не больше оснований и для того, чтобы усматривать какие-то его черты и в последующих «великих инквизиторах» Испании. Между тем образ «великого инквизитора», хотя и чрезвычайно редко, встречается и в художественной литературе. В частности, например, он промелькивает на страницах одной известной книги, знакомство с которой Достоевского не подлежит никакому сомнению.

Еще Л. П. Гроссман ощущал, что в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» «раздаются отзвуки ранней социалистической литературы, питавшей мысль петрашевцев — „Иисус перед военными судами“, „Иезуитизм, побежденный социализмом“ Дезами или „Истинное христианство“ Кабе (в последней книге имеется глава «Иисус отвергает все искушения»)». ³⁵ Что касается Этьена Кабе, известного как своей революционной активностью во Франции 1840-х годов и созданием затем фурьеристской «коммуны» в США, так и своей публицистической и литературной деятельностью, то Достоевский не раз упоминает его в своих произведениях, ³⁶ а среди его сочинений есть одно, в котором прямо неоднократно заходит речь о «великом инквизиторе». Это пользовавшийся чрезвычайной популярностью в 1840-е годы роман-утопия «Путешествие в Икарию», который представляет собой самое известное литературное произведение, в популярной форме излагавшее принципы французского утопического социализма. ³⁷

Тридцатая глава первого тома этого романа «Театры» содержит описание театров Икарии, сделанное Алмаэсом в ответ на рассказы Евгения. В конце ее Алмаэс коротко излагает сюжет одной часто представляемой на сценах этих театров пьесы, о которой на следующий день он обещает рассказать подробнее: «Сюжет пьесы исторический: это знаменитый пороховой заговор, устроенный в 1777 году против Ликсдокса, и знаменитый процесс Калара, осужденного, хотя и безвинно, как виновный в организации и руководстве покушением.

Заговор был устроен сторонниками молодого претендента Коруга. Их провоцирует Ликсдокс при помощи одного преданного придворного, который их выдает, однако Ликсдокс хочет спасти настоящих заговорщиков, аристократов, и устраивает так, чтобы скомпрометировать и осудить Калара, опасного демократа.

Сначала идет совещание между Ликсдоксом и придворным; решение устроить заговор; обязательство, взятое одним графом, убить Ликсдокса; попытка выполнения; арест графа; его допрос в тюрьме; маневры, пущенные в ход, чтобы убедить графа обвинить Калара, скрывшись под видом угольщика; допрос Калара в тюрьме, его отказ отвечать и его мужество». ³⁸

Следующая, тридцать первая глава «Историческая драма. Пороховой заговор. Суд и осуждение невинного» содержит фрагменты из этой пьесы. Автор приводит

³⁵ Достоевский Ф. М. Собр. соч. М., 1958. Т. 10. С. 483.

³⁶ См.: Кибальник С. А. К вопросу о влиянии на Достоевского французской социально-утопической мысли и литературы (Достоевский и Этьен Кабе) // XIV Международный Симпозиум Достоевского. Достоевский — философское мышление, взгляд писателя. Неаполь, 2012 (в печати).

³⁷ Cabet Etienne. Voyage en Icarie. 5-me ed. Paris, 1848. Т. 1—3. См.: Кибальник С. А. 1) Достоевский и «Путешествие в Икарию» Этьена Кабе // Cuadernas de Rusistica Española. 2011. № 7. P. 149—155; 2) «Село Степанчиково...» Ф. М. Достоевского и «Путешествие в Икарию» Этьена Кабе // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: Материалы Международной научно-практической конференции 15—16 сентября 2011 г. Барнаул, 2011. С. 94—100.

³⁸ Кабе Э. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман / Статья Н. Л. Мещерякова; комм. Г. О. Гордона. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 410—411. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.

их «единственно для того, чтобы дать представление о нравственном содержании икарийского репертуара, ставящего себе главной задачей напомнить пороки старой политической и социальной организаций и показать их губительные, но неизбежные последствия...» (416). «Великий инквизитор» вместе с «великим прево», «великим судьей» и другими персонажами допрашивает у Кабе не Иисуса Христа, а одного из «вождей» заговорщиков против Ликсдокса — Калара (427—430). Отчетливое сходство с поэмой Ивана Карамазова начинает ощущаться со сцены восьмой, в которой *«несколько солдат приводят красивого человека, в разорванном платье, с непокрытой головой, с печальным, но спокойным видом... Один ударяет его палкой, другой хлыстом, один вырывает у него усы, другой его бакены... Это Калар! Его бросают на солому, и тюремщик оставляет ему немного черного хлеба и воды (...)* Скоро является великий инквизитор, великий прево, великий судья, министры, сеньоры и телохранители» (427; курсив мой. — С. К.). В соответствии с расхожим представлением французских социальных утопистов о том, что Христос был первым социалистом, портрет Калара явно стилизован под обычное его изображение, в особенности в момент ареста и конвоирования его в тюрьму.

Разумеется, допрос Калара «великим инквизитором» и другими, заканчивающийся в романе Кабе судом и осуждением Калара на смерть, не имеет ничего общего с разговором «Великого инквизитора» с Христом у Достоевского. Тем не менее, эпизод этот в «Путешествии в Икарию» также входит в рассказ о литературном произведении (о «драме», в то время как у Ивана Карамазова «поэма»), в котором представлен допрос заключенного в тюрьме, также заканчивающийся смертным приговором ему. Как и в тридцатой и тридцать первой главах романа Кабе (404—442), в «Братьях Карамазовых» Иван частью рассказывает о своем произведении, а частью представляет его фрагменты.

У Кабе приведенные фрагменты сохраняют драматическую форму, так что ремарка «Великий инквизитор» появляется на некоторых страницах романа всякий раз, как он что-то произносит. В отличие от так и ни разу не прерванного Иисусом в поэме Ивана Карамазова монолога Великого инквизитора, в драме, о которой рассказывается в «Путешествии в Икарию», это даже не диалог, а полилог (427—429). Вдобавок у Кабе Калар отказывается просить помилования и «исчезает навсегда, оставляя позади себя всех в слезах и все души исполненными гневом против тирании и удивлением пред преданностью свободе» (442; курсив мой. — С. К.). У Достоевского великий инквизитор также говорит Христу, что тот не имеет права «возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого» он «пришел», «чтобы не отнять у людей свободы, за которую ты так стоял, когда был на земле (...) Не ты ли так часто тогда говорил: „Хочу сделать вас свободными”» (14, 228—229; курсив мой. — С. К.). Так что проблематика «свободы» в главе «Братьев Карамазовых» «Великий инквизитор», безусловно, задана не в последнюю очередь и Этьеном Кабе, у которого она, конечно же, имеет иное, социально-утопическое освещение.³⁹

Разумеется, приведенные страницы романа Кабе послужили лишь первоначальным импульсом, а, возможно, и лишь одним из нескольких импульсов, давших начало поэме «Великий инквизитор». Тем не менее, сделанные сопоставления показывают, до какой степени образы и мотивы даже самых поздних произведений Достоевского определяют произведения французского утопического социализма, которыми он увлекался в ранней молодости. Хотя еще в «Дневнике писателя» 1873 года Достоевский называл Кабе «теперь совершенно забытым» (21, 11) писа-

³⁹ Гораздо в большей степени, впрочем, ее определяет другой источник происхождения образа Великого инквизитора в «Братьях Карамазовых» — драма горячо любимого Достоевским с юных лет Ф. Шиллера «Дон Карлос» (1787). См. об этом: Чижевский Д. И. Шиллер и «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19. С. 43.

телем, в своем позднем творчестве он нередко прибегал к образам, восходящим к его сочинениям и сочинениям других социальных утопистов.

Так, например, «счастливое человечество, пригрезившееся „смешному человеку”», по справедливому суждению В. Л. Комаровича, «так же изображено у Достоевского в 1877 году, как изображалось когда-то во французских социальных утопиях».⁴⁰ Если в целом рассказ «Сон смешного человека» написан как в известной степени метатекст романа В. Консидерана «*Destinée sociale*»,⁴¹ то в тексте его, безусловно, есть, как показала Н. А. Хмелевская, и некоторые реминисценции из «Путешествия в Икарию».⁴² Никогда не терявший веры в наступление «золотого века», Достоевский до конца своих дней находил некоторые близкие ему образы и мотивы у французских социальных утопистов, и далеко не в последнюю очередь у Этьена Кабе.

⁴⁰ Комарович В. Л. «Мировая гармония» Достоевского // Атений. Историко-литературный временник. Л., 1924. Кн. 1—2. С. 139.

⁴¹ Там же. С. 139—140; Хмелевская Н. А. Об идейных источниках рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // Вестник Ленинградского университета. Сер. истории, языка и литературы. 1963. № 8. Вып. 2. С. 137—140.

⁴² Там же. С. 139.

© Е. Г. Таран

АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВ И МОСКОВСКИЕ СИМВОЛИСТЫ

В литературной биографии Александра Кондратьева до сих пор продолжают существовать недостаточно проясненные эпизоды. Большое число публикаций во многих периодических изданиях при сравнительно малом количестве вышедших книг и отсутствие полной библиографии этих публикаций оставляют актуальным вопрос о творческой эволюции Кондратьева и истории формирования тех или иных его литературных замыслов. (При этом, конечно же, нельзя отрицать важности сделанного А. В. Лавровым, Р. Д. Тименчиком и В. Н. Топоровым.) То же самое можно сказать и о взаимоотношении Кондратьева с издателями, в особенности с издателями-символистами. Малое число его изданных книг объяснимо, с одной стороны, тем, что он находился в тени своих современников, а с другой — его собственным отношением к известности, к которой он отнюдь не стремился. Но это не означает, что Кондратьев не имел и других планов по изданию своих произведений.

На основании еще не опубликованного материала (это корпус писем Кондратьева к Брюсову) рассмотрим вопросы, связанные с работой Кондратьева над подготовкой и изданием двух сборников стихов и двух сборников прозы, а также его планы по дальнейшей публикации своих произведений, оставшиеся нереализованными. За рамками статьи сознательно оставлена деятельность Кондратьева — историка литературы и переводчика, так как это отдельные ипостаси, требующие своего детального рассмотрения. Не претендуя на какие-либо окончательные оценки, мы стремились выявить и обобщить факты, которые еще не были введены в научный оборот, и на основании их постараться восстановить этапы работы поэта над своими книгами. Вынесение же в заглавие именно московских символистов, притом, что Кондратьев был петербуржцем, связано с тем, что он испытывал сильное духовное тяготение к Брюсову, печатался в ведущих московских символистских журналах, а его роман «Сатиресса» вышел в московском издательстве «Гриф».

В печати Александр Кондратьев дебютировал, подобно Бальмонту, в журнале «Живописное обозрение».¹ В четвертом номере, датированном 24 января 1899 года, было помещено его стихотворение «Я иду судьбе навстречу...». Произошло это благодаря сочувственному отношению к нему издателя журнала А. К. Шеллера-Михайлова, о чем Кондратьев упоминает в 1906 году в своей автобиографии.² Кроме этого издания, он вскоре начинает печататься в журналах «Шут», «Почтальон», «Север» и многих других, а также в целом ряде газет. Его стихи и рассказы на античные темы добавляли нотки экзотики в еженедельные журналы для семейного чтения.

Соприкосновение с новым искусством возникает в 1903 году в редакции журнала «Новый путь», где Кондратьев начинает выполнять отдельные поручения. Тогда же в этом журнале появляются его произведения.³ Кроме того, он выступает участником сборника студентов Санкт-Петербургского университета, начинания, зародившегося в недрах литературно-художественного кружка, руководимого приват-доцентом Б. В. Никольским.⁴ В числе участников кружка был и Блок.

Когда владелец московского книгоиздательства «Гриф» Сергей Соколов подыскивает в Петербурге авторов для своего альманаха и — через Блока — знакомится с Кондратьевым, последний вполне может восприниматься Соколовым именно как много пишущий автор еженедельных журналов. Отсюда могла происходить и реплика Соколова «Повоздействуйте, дабы прислал, что получше»⁵ в письме к Блоку от 23 ноября 1903 года.

Стихов в конце концов становится достаточно для того, чтобы издать книгу. Неизвестно, пробовал ли Кондратьев найти издателя, заинтересовать его имеющимся материалом. От Соколова предложения, судя по всему, не поступало, а с Брюсовым знакомства еще не произошло. Книгу приходится издавать за свой счет в Государственной типографии, директором которой был отец Кондратьева. Обложку выполнил гимназический товарищ Сергей Панов, ставший художником. Сборник «Стихи А. К.» выходит в 1905 году. Брюсов откликается на него рецензией в «Весах» (1905, № 7) и, кроме того, пишет рецензию на третий альманах «Гриф» (1905, № 3), где также упоминает Кондратьева. Отзывы Брюсова критичны и не слишком ободрительны для молодого автора. Так, в рецензии на книгу Брюсов отмечает: «...Все одним и тем же бесцветным, бесстильным языком, все теми же случайными, общепринятыми размерами перелагает он мифы и предания разных веков и разных стран».⁶

В ответ Кондратьев пишет рецензию на сборник Брюсова «Στέφανος. Венок», содержащую достаточно резкие выпады, словно сводит с ним счеты. Текст содержит следующие пассажи: «Начинается сборник „Вечеровыми песнями“, где трудно узнать прежнего Брюсова, бодрого, подчас искусственного и дерзкого»; «Серая страна (Финляндия. — Е. Т.) мхов и гранита хорошо отразилась в них (стихах. — Е. Т.) со всею своею скукою, которая чувствуется даже в строках, говорящих о

¹ Первое выступление Бальмонта в печати — три коротких стихотворения в № 48 журнала «Живописное обозрение» за 1885 год.

² См.: *Лазров А. В.* Автобиографии А. А. Кондратьева // POLYTROPON: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 772.

³ В седьмом номере «Нового пути» за 1903 год были напечатаны три стихотворения Кондратьева: «Дионис Фракийский», «По лесам и оврагам, осторожны и тихи...» и «Резко павлины кричат...».

⁴ Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов Имп. Санкт-Петербургского университета с иллюстрациями студентов Имп. Академии художеств / Под ред. Б. В. Никольского и И. Е. Репина. СПб., 1903.

⁵ Переписка Блока с С. А. Соколовым (1903—1910) / Предисл., публ. и комм. К. Н. Суворовой // Лит. наследство. 1980. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 530.

⁶ *Брюсов В. Я.* А. К. Стихи // Брюсов В. Среди стихов: 1894—1924: Манифесты, статьи, рецензии / Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. М., 1990. С. 152.

любви»; «Отдел „Правда вечная кумиров“ посвящен богам и героям древности. Неприятное впечатление своим сходством с грубыми школьными виршами на ту же тему производят здесь „Адам и Ева“».⁷

Рецензия эта предназначалась к публикации в газете «Слово», однако была отвергнута ее редактором П. П. Перцовым. Кондратьев пояснял в письме к Брюсову: Перцов «вернулся из Москвы раньше, чем следует и статью эту мне вернул, говоря, что ему ее печатать неудобно, т. к. Вы сотрудник „Слова“».⁸ Черновик рецензии Кондратьев послал Брюсову 28 марта 1906 года вместе с письмом. Произошло это уже после их знакомства, состоявшегося у Вяч. Иванова на Башне. Брюсов, судя по всему, решает принять участие в литературной судьбе Кондратьева. К сожалению, переписка сохранилась не полностью и письма Брюсова нам неизвестны. Однако в цитируемом письме Кондратьев благодарит его за «любезную услугу», связанную с Литературными приложениями к газете «Слово», из чего можно сделать вывод, что Брюсов содействовал появлению публикаций. А в ответ на упреки в неточностях рифмы, которые выдвигал Кондратьев, он сообщает поэту о существовании ассонансов.⁹ Так началось их общение, которое продолжалось вплоть до самого отъезда Кондратьева из России.

В апреле 1906 года Кондратьев посылает Брюсову стихотворение «Ей» на предмет публикации в «Весах». В сопроводительном письме он замечает, что почти не может последнее время писать стихов. А в следующем письме объяснена и причина: Кондратьев в это время занят другими работами.¹⁰ Он пишет статью памяти В. Л. Полякова. Кроме того, готовит заметку о новом издании сочинений Алексея Толстого (отправлена Брюсову 3 сентября 1906 года).

Кондратьев ведет достаточно активную литературную жизнь в Петербурге, благо режим его работы в Управлении железных дорог это позволяет. Собирает писателей у себя дома, бывает в известных салонах. 30 сентября 1906 года он приглашает Блока, Вяч. Иванова, Анненского, Ремизова и ряд других литераторов на чтение своей «Сатирессы», над которой работал около трех лет. В письме к Блоку Кондратьев просит взять с собой и Соколова, если он вдруг будет у Блока.¹¹ Дело в том, что отрывок из романа уже напечатан в третьем номере «Золотого руна» за 1906 год, где Соколов заведовал литературным отделом.

Мифологический роман «Сатиресса» увидел свет в издательстве «Гриф» в 1907 году. И это был редкий случай, когда Кондратьеву не пришлось платить за издание. Не исключено, что свою роль в решении Соколова выпустить эту книгу сыграл сам жанр мифологического романа, достаточно редкий в символистской литературе. Ин. Анненский, однако, в своей рецензии задавался вопросом: «Г. Кондратьев назвал свою сказку романом. Зачем это? И где тот романист, который бы чему-нибудь не учил...»¹² Обложка была выполнена Яковом Бельзеном, иллюстрировавшим стихи Кондратьева в журнале «Шут» еще в 1901 году.

В начале 1907 года Кондратьев посылает Брюсову целый ряд стихотворений. Сам он характеризует их как «довольно плохие», но пишет также и о том, что ни сколько не удивится, если Брюсов их опубликует, так как ему случалось печатать и более слабые вещи.¹³ А уже в августе сообщает, что у него «накопилось печатного беллетристического материала (повестей и рассказов) на две небольшие книжки

⁷ РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 5. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ 11 апреля 1906 года Кондратьев писал: «Как ни грустно, но следует признать, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, что я лишь 7 апреля, получив Ваше письмо, узнал о существовании ассонансов» (Там же. Л. 5).

¹⁰ Там же. Л. 5, 7.

¹¹ Письма А. А. Кондратьева к Блоку (1903—1912) / Предисл., публ. и комм. Р. Д. Тищенко // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 1. С. 558.

¹² Перевал. 1907. № 4. С. 63.

¹³ РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 6. Л. 1.

или на одну объемистую». ¹⁴ Кондратьеву хочется увидеть их изданными ближайшей осенью или зимой. При этом он особо подчеркивает, что не предлагал эти произведения в «Гриф». Также ему не хотелось бы обращаться в «Оры» или «Шиповник», поскольку он слишком уж не подходит ни к тому, ни к другому книгоиздательству. В прилагаемом плане первый сборник называется «Темные боги», а второй — «Белый козел». Кондратьев указывает источники первых публикаций. Два рассказа, предназначенные для первого сборника, взяты из журнала «Перевал». Несмотря на разность идеологических установок, автор видит для себя возможность сотрудничества в журнале. Больше половины материалов, которые он помещает в «Перевале», это рецензии. Здесь интересным оказывается то, что Кондратьев пишет лишь о книгах, важных для него самого, для его художественных поисков.

В третьем номере за 1907 год он помещает рецензию на книгу Сергея Городецкого «Ярь. Стихи лирические и лиро-эпические». Разрабатывающий в собственных произведениях античную тематику, Кондратьев обращает внимание на то, что «долго дремавшие среди пожелтевших страниц толстых томов Афанасьева, Забелина и Сахарова, стали просыпаться понемногу тени древних славянских богов, полубогов, а также лесных, водяных и воздушных демонов... Настоящий момент можно охарактеризовать, как попытку разработать малоисследованные доселе образы нашей демонологии, которая становится тем богаче, чем ниже опускаемся мы по ранговой лестнице ее представителей». ¹⁵ Среди писателей, обращающихся к подобным образам, он называет З. Гиппиус, П. Соловьеву, Блока, Сологуба и Ремизова. В этот же ряд он ставит и Городецкого. Кондратьев словно предугадывает здесь свое собственное развитие как писателя. С другой стороны, его внимание к различным аспектам демонологии неминуемо должно было как-то проявиться и в творчестве. Недаром он еще в гимназии зачитывался романом Амфитеатрова «Жарцвет», построенного на мистических и магических мотивах. ¹⁶ И уже в октябре, в ответ на предложение Брюсова начать сотрудничество с газетой «Голос Москвы», Кондратьев пишет, что хотел бы послать туда «рассказ из деревенской мифологии». ¹⁷

В ноябрьском номере журнала «Весь» за 1907 год появляется, наконец, стихотворение Кондратьева «Ей», посланное Брюсову, как мы помним, еще в апреле 1906 года. Брюсов, судя по всему, продолжает критически относиться к его поэтическому творчеству. И 4 апреля 1908 года Кондратьев пишет ему: «...Вы, быть может, вспоминали обо мне, думали, что не дурно было бы пересмотреть имеющиеся в недрах редакционных столов мои стихи... и сообщить о том, что ни одно для напечатания в „Весак“ не годится?» И далее: «К кому следует обращаться в „Скорпионе“ с заявлением о желании издать вторую книжку рассказов „Семицветный пояс Иштар“, куда вошел бы печатающийся в „Золотом руне“ „Фамирид“, „В Пещере“ из „Перевала“ и некоторые другие вещи? Я бы согласился на самые удобные для издательства условия, ибо не корыстолюбив». ¹⁸

Уже вышедший к тому моменту сборник рассказов «Белый козел» издан за собственный счет, а обложку снова выполнил Сергей Панов. Между тем в течение 1908 года формируется замысел второго стихотворного сборника. Поиски издателя и здесь не увенчались успехом. 16 декабря Кондратьев пишет Брюсову: «...В начале 1909 г. (вероятно в январе) я рассчитываю выпустить второй томик своих стихов. Т. к. книгоиздательство „Скорпион“ на мое предложение ничего не ответило,

¹⁴ Там же. Л. 17.

¹⁵ Перевал. 1907. № 3. С. 57.

¹⁶ Кондратьев упоминает об этом в письме к Амфитеатрову от 22 марта 1930 года (см.: Кондратьев А. Письма Амфитеатровым / Публ., вступ. слово и прим. В. Крейда // Новый журнал. 1990. № 181. С. 142).

¹⁷ РГБ. Ф. 386. Карг. 90. Ед. хр. 6. Л. 21.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 7. Л. 2—3.

„Гриф” уклонился, а к грифам идти на поклон не хочу, то издавать придется самому». ¹⁹ Возможность найти издателя в Петербурге Кондратьев даже не рассматривает, потому что существующие издательства объединяют людей, так или иначе чуждых ему. Сборник «Черная Венера» выходит, как и планировалось, в 1909 году под обложкой работы Я. Бельзена.

Будучи, по-видимому, неудовлетворен ситуацией в литературном мире и испытывая трудности с символистскими издателями, Кондратьев задумывается о поиске альтернативных вариантов. Еще в апреле 1907 года он писал Б. В. Беру: «Мне приходит в голову мысль: основать в противовес „Орам”, где главенствует Вяч. Иванов и отсутствует Федор Сологуб, при помощи этого последнего новое менее символическое книгоиздательство с названием вроде „Нарцисс” или „Лилиит”. Можно было бы сочинить для него издательское клеймо, подобрать несколько подходящих имен». ²⁰ Из-за разногласий с Вяч. Ивановым для Кондратьева невозможен союз с ним. ²¹ Единственная крупная фигура в литературе, на которую он может опереться в Петербурге, — это Сологуб. В письме к Беру от 1 мая 1907 года Кондратьев сообщает о том, что ввиду отсутствия финансирования Сологуб предложил выпустить к осени альманах, участники которого выступили бы пайщиками. Привлечь планировалось Блока, Чулкова, Кузмина и Тэффи. Однако даже в таком виде замысел остался нереализованным. ²²

В марте же 1909 года Кондратьев словно подталкивает Брюсова к новым начинаниям и пишет ему: «...Если Вы хотите попробовать на свой страх затеять собственный журнал (а желание это я издаю читая в Вашей душе), то знайте, что я сочту за честь работать там совершенно бесплатно до тех пор, пока Ваш журнал не окрепнет». ²³ После прекращения издания «Перевала» Кондратьеву остро не хватает печатного органа, который он мог бы считать «своим».

26 мая 1910 года он вновь сообщает Брюсову о своем намерении издать вторую книгу рассказов, однако его «останавливает мысль, что можно напечатать предварительно в журналах еще 2—3 штуки». ²⁴ Вполне понятное желание привлечь читательский интерес. Несколько рассказов были отданы, по совету Брюсова, в журнал «Аполлон». «На неведомом острове» печатается в седьмом номере за 1910 год, а посвященный Сологубу «Царь Шедома» — в девятом. В то же время рассказ «Голова медузы» встретил затруднения с напечатанием. Кондратьев сообщал, что первоначально рассказ был забракован М. Кузминым. Затем его рассматривал С. Маковский и выразил готовность опубликовать при условии, что автор исправит «излишние „ритмичности языка”». ²⁵ В этом Кондратьев видел прямое влияние Иванова — противника ритмизированной прозы. Не желая идти на подобные уступки, он забрал рассказ из редакции «Аполлона» и переслал Брюсову, который напечатал его в третьей книге «Русской мысли» за 1911 год.

В октябре 1910 года Кондратьев упоминает о том, что мешает ему издать вторую книгу рассказов: «...я жду у моря погоды, иначе говоря, приезда из-за границы одного из родственников, который обещал мне некоторую ссуду на издание

¹⁹ Там же. Л. 7.

²⁰ Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921) // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 277.

²¹ В предисловии к публикации двух писем Кондратьева к Вяч. Иванову Н. А. Богомолов приводит, например, такой эпизод: «Во время обсуждения в „Академии стиха” доклада Вяч. Иванова, ставшего потом знаменитейшей статьей „Заветы символизма”, Кондратьев выступил с рядом возражений, отвергнутых Ивановым с „добродушным высокомерием”» (Два письма А. А. Кондратьева к В. И. Иванову / Публ. Н. А. Богомолова // Новое литературное обозрение. № 10. 1994. С. 108).

²² См. об этом: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921). С. 280.

²³ РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед. хр. 8. Л. 3.

²⁴ Там же. Л. 17.

²⁵ Там же. Ед. хр. 9. Л. 23.

книги».²⁶ В качестве возможного заглавия он рассматривает вариант «Семь бесовок», но опасается, что оно будет «слишком кричащим». В итоге книга получает название «Улыбка Ашеры» и выходит в свет в 1911 году. В течение 1912 года Кондратьев высылает Брюсову два рассказа: «Шепот Пана» и «Древнее Предание». Последний он характеризует как более слабый, как «шуточную попытку изложить встречающийся в греческой Антологии и подробно рассказанный Лукианом анекдот о Книдской статуе Праксителя так, чтобы к нему не могла придраться цензура».²⁷ Поэтому Кондратьев говорит о том, что не будет сокрушаться, если рассказ этот все-таки не появится в «Русской мысли». В итоге «Шепот Пана» был опубликован на страницах девятой книги за этот год. А «Древнее предание» появилось в 1914 году в юбилейном номере альманаха «Гриф».

В апреле 1914 года Брюсов посылает Кондратьеву вышедшие в издательстве «Сирин» II и XXI тома своего собрания сочинений. Кондратьев выражает сожаление, что не имеет возможности выпустить сейчас новый сборник рассказов, напечатанных в различных журналах, и прислать его в ответ.²⁸ А в ноябре, после получения III и XV томов, объясняет и финансовую ситуацию. Возможность издания может появиться после реализации некой не приносящей доход недвижимости.²⁹ В 1942 году в письме к Е. А. Ляцкому Кондратьев расскажет: «У меня лично была земля в Шлиссельбургском уезде (доходов она не давала). Во время войны осенью 1916 г. я ее продал (вместе с совладельцами). На мою долю досталось не то 125, не то больше тысяч рублей. 75 000 р. я отдал на военный заем. На остальные деньги отправил в Крым и держал там семью до осени 1918 г.»³⁰

Добавок к этому Кондратьев не расплатился еще до конца за конфискованное второе издание «Песен Билитис»³¹ и за «Улыбку Ашеры», о чем сообщает в письме Н. О. Лернеру 2 мая 1914 года.³²

Итак, ситуация для выпуска новой книги была не очень подходящая. К тому же нависла перспектива быть призванным в армию. Под влиянием мрачных настроений Кондратьев просит Брюсова в случае собственной гибели не дать залежаться в «Русской мысли» рассказу «Ехидна». В армию, однако, его не забирают и дают отсрочку до марта 1917 года. Отсрочка Кондратьева не столько радует, сколько оставляет неприятное чувство. В таком состоянии он практически не может писать стихов, но находит в себе силы «заниматься кропотливыми работами по мифологии или пересматривать свои заметки по истории литературы». 4 декабря 1915 года он пишет Брюсову: «Вожусь теперь над „реставрацией“ славяно-русской мифологии. Занятие дерзкое, чтобы не сказать больше. Приходится много читать всякого хламу».³³ Таким образом, углубленный интерес к теме, ставшей для него главной после вынужденного отъезда из России, возникает еще в Петербурге.

В письме к главному редактору журнала «Огонек» В. А. Бонди от 13 апреля 1916 года Кондратьев сообщал, что ему «давно пора бы было приступить к изданию целых двух сборников своих рассказов (один — на темы из славяно-русской мифологии, другой — на античные темы)...»³⁴ Как раз на страницах «Огонька» можно найти целый ряд рассказов Кондратьева по мотивам славянского фольклора

²⁶ Там же. Ед. хр. 8. Л. 20.

²⁷ Там же. Л. 12.

²⁸ Там же. Л. 26.

²⁹ Там же. Л. 27.

³⁰ Цит. по: *Лавров А. В.* Автобиографии А. А. Кондратьева. С. 778.

³¹ Первое издание перевода книги Пьера Луиса «Песни Билитис», воспевающей лесбийскую любовь, вышло в 1907 году и быстро стало популярным. Однако к тому моменту, когда свет увидело второе издание, в России началась кампания, направленная против появления «безнравственных» книг и весь тираж был конфискован. Кондратьев пробовал добиться отмены этого решения в суде, но безрезультатно.

³² РНБ. Ф. 430 (Архив Н. О. Лернера). Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 4.

³³ РГБ. Ф. 386. Карг. 90. Ед. хр. 10. Л. 10.

³⁴ РНБ. Ф. 90 (Архив В. А. Бонди). Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 2.

и мифологии, больше никогда не перепечатававшихся. В номере 14 от 6 (19) апреля 1914 года был опубликован рассказ «В ночь на светлую заутреню (Народное поверье)», в номере 22 от 31 мая (13 июня) 1915 года — рассказ «Весна (из славянской мифологии)», а в номере 27 от 5 (18) июля того же года — рассказ «Ярило (из славянской мифологии)».

Далее, однако, замысел претерпел новые изменения. Уже после выхода романа «На берегах Ярыни» Кондратьев писал Амфитеатрову: «Моею мечтою было написать роман из жизни славянских богов (вроде «Романа одного бога» Л. Якубовского), но европейская наука отрицает большинство этих богов, отчего мне и пришлось дать роман не мифологический, а фольклорно-демонологический. Славянскую мифологию я решил все-таки по мере возможности восстановить в форме книги сонетов...»³⁵ К чему все это в итоге привело, нам уже хорошо известно. Сборник «Славянские боги» был завершён в 1936 году.

³⁵ Кондратьев А. Письма Амфитеатровым. С. 143.

© Ан Чжи Ен (Республика Корея)

ЗАМЕТКИ О КУКЛАХ ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА *

Кукла — один из наиболее емких и впечатляющих символов европейского модернизма. В хаотичном безвременье *fin de siècle* образ куклы, заключающий в себе то беззащитность человека перед непобедимой силой судьбы, то механистичность современного общества и отчуждение человека в нем, стал весьма выразительным знаком времени. Безусловно, и сама эпоха, эпоха раздвоенности, как ее охарактеризовал Андрей Белый,¹ наложила свой отпечаток на этот архаический образ. Постепенно смысловой диапазон куклы расширился, ее образ вобрал в себя диаметрально противоположные черты, соединив сакральное и демоническое, народный примитив и декадентский урбанизм, детскую наивность и рефлексующее самосознание современного человека. Опозиция «балаган — храм», «буфф — мистерия», присущая смысловой структуре культурных явлений этого периода, имеет силу и при толковании образа куклы.²

Отмеченная двойственность образа куклы в русском модернизме интереснейшим образом претворялась, в первую очередь, в критической авторефлексии русского символизма. Если в произведениях символистов первого поколения куклы выступают, как правило, лишь объектом типично декадентского эстетического мирозерцания (см., например, стихотворение К. Бальмонта «Кукольный театр» (1903)), то у младших символистов в трактовке образа куклы уже очевидны метасимволистские контексты, в том числе демифологизация символистских мифологем предшествующего периода.

Безусловно, смысловой потенциал образа куклы в русском модернизме не исчерпывается метасимволистской составляющей. На смысловые характеристики

* Статья написана при поддержке гранта университета Кёнхи, Республика Корея (КНУ-20100636).

¹ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 210.

² В данной статье речь пойдет, в основном, об образе куклы, который зафиксирован в художественном сознании русского модернизма, а не о действующей кукле в реальном кукольном театре, к которому имели определенное отношение и русские модернисты. Об этом аспекте темы см.: Соломоник И. Н. Символисты и символизм на кукольной сцене // *Marionette Theater of the Symbolist Era*. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2002. P. 33—49; Уварова И. П. Мейерхольд и концепция куклы // *Ibid*. P. 181—194.

данного образа оказали влияние многообразные культурные факторы: литературная традиция немецкого романтизма (особенно Э. Т. А. Гофман и Л. Тик) и ее разнообразные вариации во французском модернизме; русский народный кукольный театр и балаган; творчество художников-«мирискусников» с его специфической кукольностью; интерес модернистов к различным формам традиционализма и примитивизма; феномен жизнетворчества и органически связанная с ним театрализация жизни и т. д. К тому же в эту сугубо театральную эпоху и маска, семантически во многом перекликаясь с куклой, глубинным образом воплощала экзистенциальный кризис человека рубежа веков. Сущность куклы может быть выражена «негативным определением» (negative definition): это *не* мертвое, но и *не* живое, а значит *псевдо-живое* существо, *псевдо-человек*, существо *без* лика, *без* сердца, *без* жизни.

Свою двойственную семантику кукла приобрела задолго до рассматриваемой эпохи. Как отмечает Ю. М. Лотман, с появлением в XVIII веке куклы-автомата семантическое поле образа резко расширилось. Прежде всего, ее появление придало «новый смысл древнему противопоставлению живого и мертвого» и с новой точки зрения осветило само понятие «жизни». Кукла «оказалась на скрещении древнего мифа об оживающей статуе и новой мифологии мертвой машинной жизни», и это породило «вспышку мифологии куклы в эпоху романтизма». Так в культурном сознании сложились два лица куклы: «одно манит в уютный мир детства, другое ассоциируется с псевдожизнью. <...> Первое глядится в мир фольклора, сказки, примитива, второе напоминает о машинной цивилизации, отчуждении, двойничестве».³

Русский модернизм обратил свой взор прежде всего на второе лицо куклы. Даже когда на сцене беспечно дурачились персонажи фольклорного кукольного театра, в их шутках зрители эпохи модерна слышали угрожающий сарказм и воспринимали их под знаком трагической иронии.

Как и многие современники, В. Э. Мейерхольд был заморожен гротескной стороной образа куклы. Кукла стала средоточием нескольких творческих интенций режиссера-новатора: он обращается к ней как к модному и продуктивному мотиву режиссуры, отводит ей важную формальную роль при создании «нового» театра. Более того, концептуализирует ее настолько, что ставит в центр собственного миропонимания. Не случайно на известном портрете работы Б. Григорьева (1916) режиссер изображен в виде куклы-марионетки.

* * *

Известно, что «Балаганчик» А. Блока в постановке Мейерхольда 1906 года является своего рода пратекстом «балаганного» в русском модернизме.⁴ Сам Мейерхольд признавал то огромное влияние, какое оказала на него эта коротенькая пьеса: «Первый толчок к определению путей моего искусства дан был <...> счастливой выдумкой планов к чудесному „Балаганчику“ А. Блока».⁵ Однако через шесть лет после того, как в результате творческого сотрудничества был создан один из самых знаменательных спектаклей экспериментального русского театра XX века, Блок подверг критике дальнейшую эволюцию творческого пути режиссера: «Он погибнет, если не опомнится, не бросит *вовсе кукольное* (выделено мной. — А. Ч.) и не вернется к человеку. Для последнего ему нужно, вероятно, *годы* поста, на что он не пойдет».⁶

³ Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 378—379.

⁴ См.: Минц З. Г. В смысловом пространстве «Балаганчика» // Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 558—566.

⁵ Мейерхольд В. Статьи, письма, речи, беседы. М., 1968. Ч. 1: 1891—1917. С. 103.

⁶ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. VIII. С. 410. Далее ссылки на данное издание даются в тексте с указанием тома римской цифрой и страницы арабской.

Если внимательнее посмотреть на совместную работу Блока и Мейерхольда в 1906 году, то уже с самого начала очевиден диссонанс между двумя художниками. Если режиссер был в это время захвачен идеей условного символистского театра, видя в нем альтернативу господствовавшему на сцене натурализму и психологизму, то «Балаганчик» стал для поэта знаком мучительного самоотрицания, зафиксировав этап расставания с прежним миром символистских ценностей. Эта разница особенно ощутима в отношении к творчеству М. Метерлинка. Для Мейерхольда и до «Балаганчика», и после драматургия бельгийского символиста служила источником сценического вдохновения. Блок же неоднозначно относился к его творчеству, считая его писателем, который «украл у западной драмы героя, превратил человеческий голос в хриплый шепот, *сделал людей куклами* (курсив мой. — А. Ч.), лишил их свободных движений, света, воли, воздуха» («Пробуждение весны», 1907; V, 195). Известно, что знаменитый эпизод, когда на сцене остаются одни пустые одежды мистиков, Блок мыслил как прямую пародию на метерлинковских персонажей.

По словам Блока, если бы он был уверен, что ему «суждено на свете постав- лять только „Балаганчики“», то он «постарался бы просто уйти из литературы (может быть, и из жизни)» (VIII, 209). Для него до абсурда хаотичный мир «Балаган- чика», где обитают мертвые куклы, у которых нет ни лица, ни сердца, являлся объектом преодоления, а не творческого устремления. Неудивительно, что он, усматривавший возможность возрождения современного сценического искусства в обращении к народному театру, с еще большим недоверием относился к мейер- хольдовской режиссуре именно в 1910-е годы, когда Мейерхольд как раз активно экспериментировал с эстетикой народного театра и увлекался его природной театр- альностью. Если вспомнить, что еще в 1908 году Блок, мечтая о возрождении на- родного театра, апеллировал к авторитету Мейерхольда,⁷ то смысл его расхожде- ний с концепцией режиссера становится еще значительнее. В основе резкого оттор- жения Блока от театра Мейерхольда лежало его неприятие эстетических установок режиссера на «кукольность».

* * *

В 1906 году Мейерхольд представил зрителям два типа кукол, по своему смыс- ловому наполнению сильно отличающихся друг от друга. Это неподвижные кук- лы-статуи в его самом известном символистском спектакле «Сестра Беатриса» и куклы балаганного театра в «Балаганчике». В 1905—1908 годах Мейерхольд, ак- тивно работая над постановкой символистских пьес, обращался, главным образом, к драматургии Метерлинка. Как замечает К. Рудницкий, «театр ему представляется в это время как своего рода храм, где актеры — жрецы, священнослужители, а зрители — верующие».⁸ Вспоминая постановки этого периода, Мейерхольд пишет: «Искусство Метерлинка здорово и живительно. Он призывает людей к мудрому созерцанию величия Рока, и его театр получает значение храма. <...> Разрешение ре- лигиозных вопросов может совершиться в таком театре. <...> Спектакль Метерлин- ка — *мистерия*: или еле слышная гармония голосов, хор тихих слез, сдавленных рыданий и трепет надежд (как в «Смерти Тентажиля»), или — экстаз, зовущий к

⁷ Ср. его слова, обращенные к Л. Д. Блок, в то время актрисе группы Мейерхольда: «Ре- альную почву может иметь теперь, конечно, только *народный* театр в самом широком смысле. <...> Мне очень интересно бы знать, что думает об этом Мейерхольд и знаешь ли ты всю *нереаль- ность* теперешней вашей работы (независимо от техники, навыка, учения и т. д.). Поговори с Мейерхольдом об этом и напиши мне свое и его мнение. То, что я говорю, более чем реально и, по-моему, истинно *празднично*. В вашей труппе я считаю очень важными для дела *народного* театра — Наталью Николаевну, тебя (по всей вероятности) и (очень возможно) — Мейерхоль- да, изобретательность которого можно направить по очень хорошему руслу» (VIII, 230).

⁸ Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С. 54.

всенародному религиозному действу, к пляске под звуки труб и органа, к вакханалии великого торжества Чуда (как во втором акте «〈Сестры〉 Беатрисы»)).⁹

В период символистской режиссуры Мейерхольд не только в идейном, но и в формальном плане боролся с перенасыщенным конкретностью и вещностью реалистическим театром. Создавая некое абстрактное пространство, являющееся местом действия символистских пьес, он денонсирует ренессансную коробку-сцену и аннулирует перспективу на сцене. Так, в «Сестре Беатрисе» задняя стена сцены располагалась непосредственно за спиной актеров (глубина сцены была не больше метра), обращали на себя внимание музыкальная структура спектакля и яркие цветочные символы.¹⁰

На сцене, поразившей даже Блока,¹¹ Мейерхольд-режиссер вступил в борьбу с привычной телесной пластикой человека-актера, с его бытовым психологизмом. По выражению Мейерхольда, актеры старой формации могли «блестяще выполнять роль купца XIX в.», но совсем не готовы были играть роль «Мировой души». Выход из сложившейся кризисной ситуации Мейерхольд находит в куклах. Тот факт, что свои символистские пьесы бельгийский драматург издал под заглавием «Пьесы для театра марионеток», стал для Мейерхольда поводом к размышлению в русле намеченных новаторских исканий: «Метерлинк хочет, чтобы драмы его ставились с крайней простотой, чтобы не мешать фантазии зрителя дорисовывать недосказанное. Мало того, Метерлинк боится, что актеры, привыкшие играть в тяжеловесной обстановке наших сцен, чрезмерно выигрывают все вовне, благодаря чему может остаться невыявленной самая сокровенная, тонкая, внутренняя часть всех его трагедий. Все это наталкивает его на мысль, что трагедии его требуют крайней неподвижности, почти марионеточности (tragédie pour théâtre marionnette)».¹²

В «Сестре Беатрисе» движения актеров-кукол были похожи не на действия в обычном смысле, а, скорее, на аккуратно организованную пластику, а их слова должны были «падать, как капли в глубокий колодезь».¹³ Они были похожи не на людей, а на статуи. Как свидетельствуют современники, эти статуи-актеры, выступавшие на фоне яркой цветовой гаммы фиолетового и голубого, создавали религиозный спектакль, дающий возможность верить в воскресение ритуальной функции куклы. Рецензент с восторгом отзывался о постановке: актеры «не играли в этом спектакле, они — священнодействовали».¹⁴

Как и Метерлинк, Мейерхольд обращает особое внимание на некую безличность куклы, помогающую устранить бытовой психологизм реализма, и ее особый способ существования — *между* живым и мертвым, что подчеркивает фатальную связь человека с высшими силами (Роком, Судьбой, Смертью). Своим особым бытием кукла выявляет «самую сокровенную, тонкую, внутреннюю часть» метерлинковских трагедий, т. е. «Рок и положение Человека во Вселенной», которые Мейерхольд назвал «осью трагедии».¹⁵ Именно это, по своей сути типично барочное театральное мировидение — человеческое существо как марионетка, актер, кукла, подвластная высшей силе, о чем будет сказано далее, очень долго сопутствовало режиссеру, что придавало оттенок кукольности многочисленным мейерхольдовским спектаклям.

⁹ Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 1. С. 132—133.

¹⁰ Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд. С. 82—87.

¹¹ Ср. в статье «Драматический театр В. Ф. Коммиссаржевской» (1906): «Метерлинк, имеющий успех у публики, — что это? Случайность или что-то страшное? Точно эти случайные зрители почували веяние чуда, которым расцвела сцена (...) Было чувство великой благодарности за искры чудес, облетевшие зрительный зал» (V, 98).

¹² Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 1. С. 125.

¹³ Там же. С. 133.

¹⁴ Мгебров А. А. Жизнь в театре. [Л.], 1929. Т. 1. С. 373.

¹⁵ Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 1. С. 125.

Символистская идея «театра-храма» не закрепилась надолго в творчестве Мейерхольда. Даже в то время, когда Мейерхольд-режиссера серьезно увлекала идея символистского театра, Мейерхольд-театральный деятель держал определенную дистанцию по отношению к «грезящему идеализму» Вяч. Иванова и Г. Чулкова, как и к их концепции «факельного театра». Начиная с 1908 года он отходит от основополагающей идеи символистского театра и спустя несколько лет в статье «Балаган» (1912) высказывает абсолютно противоположное мнение по поводу мистериального театра: «Строго разграничились две области публичных действий: мистериальная и театральная. (...) Прав Андрей Белый. Разбирая символический театр современности, он приходит к такому выводу: „Пусть театр остается театром, а мистерия мистерией“».¹⁶

В театральных исканиях эпохи сторонники «театра как такового» противопоставили себя не только реализму XIX века, но и символизму. В аспекте хронологии можно сказать, что моду на «театр-храм» сменила мода на «театр-балаган», но в действительности дело обстояло сложнее. В творческой практике режиссера нередко наблюдается скрытая коллизия, связанная с преодолением эстетического кодекса символизма. И «Балаганчик», поставленный режиссером в одном году с «Сестрой Беатрисой», находится в самой ее сердцевине.

* * *

Если куклы в «Сестре Беатрисе» непосредственным образом связаны с модулем сакральности,¹⁷ то куклы «Балаганчика» — иного происхождения, они — из лона народной ярмарки. Блок, надеясь на спасительную ауру «балагана», в письме к Мейерхольду подчеркивал: «Вы можете видеть, что я сам стараюсь „спрятать в карман“ те недовольства, которые возникают в моей лирической душе, настроенной на одну песню и потому *ограниченной*; я гоню это недовольство пинками во имя другой и более нужной во мне ноты — ноты этого балагана, который надувает и тем самым „выводит в люди“ старую каргу (...) для меня в этом *очистительный* момент, выход из лирической уединенности» (VIII, 170). И Мейерхольд, трижды ставивший «Балаганчик» в течение нескольких лет (1906, 1908, 1914 годы), обращая все большее внимание на моменты обнажения условной, игровой природы народного театра, все дальше уходил от лирической темы пьесы.¹⁸

Естественно, что куклы на сцене модернистского театра имели совершенно иной смысл и идеологический пафос, существенно отличающий их от кукол собственно народного театра, основанного на карнавальном мировосприятии и народной смеховой культуре. Кроме того, что в куклах нового века были отражены следы многовековых культурных трансформаций, они еще находились на стыке самых радикальных творческих устремлений своего времени.

¹⁶ Там же. С. 208—209.

¹⁷ О значении религиозного происхождения куклы-марионетки для символистской культуры см. предисловие К. Трибла к указанному сборнику «Marionette Theater of the Symbolist Era».

¹⁸ Так, во время второй и третьей постановки «Балаганчика» режиссера особенно занимали приемы преодоления границы между сценой и зрительным залом. В марте 1908 года по поводу задуманной им новой постановки «Балаганчика» он писал О. М. Мунт: «Вся пьеса на оркестре. Полный свет в публике. Вместо декораций по-японски легкие заставки и ширмы. Автор перед началом входит через маленький красный со звездами занавес на просцениуме и садится, приобщаясь к публике, и смотрит на представление вместе с ней. Потом, когда после первой части занавес сдвигается, автора, разболтавшегося, „помощник“ тащит за занавес за фалды. Когда Пьеро лежит один (впереди занавеса), на глазах у публики все исчезает. Остается пустой пол оркестры, просцениум, остается одинокий Пьеро на нем. Самый эффектный момент, когда паяц опускает руки в пространство между просцениумом (край рампы, так сказать) и первым рядом, крича о клюквенном соке» (Мейерхольд Вс. Переписка. 1896—1939. М., 1976. С. 111).

Среди разных культурных наслоений, которые можно выявить в куклах мейерхольдовского «Балаганчика», доминантной является гофманиада.¹⁹ Если для Мейерхольда «балаган» служил идеалом и символом изначально «театрального» театра, то гротеск представлял собой «излюбленный прием Балагана».²⁰ Гротеск, отвергающий тривиальные подходы к действительности, давал возможность показать на сцене динамическое восприятие мира и обнажить игровое начало. Улавливаемая в гротеске возможность двойственного отношения к происходящему на сцене способствовала разрушению установок на правдоподобие и обнаружению его иллюзорности.

Однако эта особая любовь режиссера к изображению динамичной зыбкости всего сущего, раскрываемой в гротеске, до крайности активизирует такие традиционные смысловые пары вокруг куклы, как «живой vs. мертвый», «искренний vs. неискренний», «настоящий vs. фальшивый» и т. д. И тут мейерхольдовские куклы оказываются органически связанными с театральностью самой эпохи. Как известно, утопическая идея символизма — «жизнетворчество», продолжая существовать вплоть до конца русского авангарда, насыщалась разнообразным содержанием. Почти болезненная страсть модернистов к претворению в «реальность» своего художественного идеала в первую очередь отражалась в их собственной жизни: жизнь становится творческой лабораторией, где производятся экстравагантные эксперименты. При этом наблюдалась определенная тенденция, которую можно обозначить формулой, уже в то время ставшей крылатой, — «театрализация жизни». Неизбежная дистанция между жизнью и искусством заполнялась «театрализацией жизни»: моя жизнь стала сценой, где играю я сам. Как утверждает Ю. М. Лотман, в такое время резко возрастает значение театра — сама жизнь транспонирует себя в систему игровых отношений. «Театрализируется эпоха в целом», и «специфические формы сценичности уходят с театральной площадки и подчиняют себе жизнь».²¹ Между прочим, по сравнению с предыдущими «театральными» эпохами, театр и театральность в культуре начала XX века имели специфические черты, определяемые, прежде всего, глубоким осознанием собственной «театральности» и, как следствие, самоиронией. В многочисленных образах кукол, масок, шутов, паяцев, которые активно проникают в разные жанры как элитарного, так и массового искусства, таится след горькой и зачастую трагической саморефлексии. Топика мейерхольдовских кукол прочно сплетается с «маской», создавая препятствия для их четкой дифференциации. Подчеркнем, что куклы в «Балаганчике» являются одновременно и куклами, и масками *commedia dell'arte*. Вообще в этой пьесе мотив куклы-марионетки присутствует не только в отдельных образах, но и в самой структуре пьесы — как «театрик в театре». Порывистые и неожиданные смены сцен и появления героев напоминают кукольный театр, где куклы с их неуклюжими движениями вдруг — неизвестно откуда — возникают и исчезают.

Как неоднократно отмечалось, формальная новизна «Балаганчика» — разрушение театральной иллюзии, обнажение условностей театра — в первую очередь служит средством осмеяния мистиков, которых Блок жестоко, до гротеска пародирует. Маски и маскарадные костюмы, надетые на них, обнажают иллюзорность их мировидения; условность и фальшивость их бытия, символизируемая театральным пространством, к которому они сами, не осознавая того, принадлежат, подчеркивает их марионеточность, мертвую кукольность.²²

¹⁹ В издании «Любовь к трем апельсинам. Журнал Доктора Дапертутто» (Доктор Дапертутто — псевдоним Мейерхольда, взятый из «Фантастических повестей в манере Калло» Гофмана) был даже специальный отдел под названием «Hofmaniana».

²⁰ Мейерхольд В. Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 1. С. 224.

²¹ Лотман Ю. М. Избр. статьи. Т. 1. С. 274.

²² В этом плане обращают на себя внимание дневниковые записи Е. П. Иванова (от 26 февраля 1905 года): «Пустышка-невидимка (...) — ходит по городу в „человечьем платье“. Звонится в квартиры. Отворяет, о ужас! стоит сюртук, брюки, в пальто, в шляпе, все одето, а на

Однако с другими куклами, которые своим подлинным лиризмом воплощают глубоко человеческое начало, т. е. с Пьеро и Арлекином, дело обстоит сложнее. Их прообразом является не карнавальнй шут, а эстетизированный и сентиментально-романтически трансформированный тип маски. Как замечает З. Г. Минц, «для Блока <...> „маски“ Пьеро и Арлекина — это „лирические“ маски, изображаемые „изнутри“, с позиции ее носителя».²³ В лирических масках, которые благодаря своей коренной связи с народной площадной культурой все же воспринимаются как частица какого-то иного мира, на первый план выступает трагизм лица, скрываемого под маской, — свободная самобытность маски исчезает.

В «Балаганчике» фатальный трагизм воплощается в образах Пьеро и Арлекина: когда Арлекин, в отличие от остальных персонажей пьесы, осознав иллюзорность и фальшивость своего бытия, пытается выйти в «настоящий» мир, его постигает судьба марионетки.²⁴ А надежды Пьеро, проснувшиеся в тот момент, когда на матовые щеки Коломбины-Смерти возвращается румянец, исчезают с появлением Автора. Человеческое начало и осознание трагизма своего «театрального» статуса не спасают этих маскаранных кукол-лириков.

Несмотря на эпатажные эксперименты над явной условностью и игровой стилистикой фольклорного театра, которым все глубже интересовался Мейерхольд в течение тех нескольких лет, когда он возвращался к постановкам «Балаганчика»,²⁵ трагическая лиричность, заложенная в его куклах, не ослабевала. Куклы «Балаганчика» непрерывно раскрывали свои лица, спрятанные за кукольной маской. В последней сцене Пьеро, как будто выходя из своей деревянной «кукловой шкуры», горько восклицает: «Мне очень грустно. А вам смешно?» (IV, 21), что звучало в унисон с художественной действительностью того времени.

Парадокс заключался в том, что, приближаясь к примитивным очертаниям старинной игры, режиссер не мог избежать аллюзий на современность. И всю пикантность этой двусмысленной ситуации Мейерхольд хорошо понимал. «Беззаботные и непритязательные по сюжету сценки словно намекают на некий скрытый за дурашливой забавой, таинственный и символический смысл. Грубая площадная игра обретает привкус горький и пряный. Балаган угрожает трагедией, клюквенный сок пахнет настоящей кровью».²⁶ Театроцентричное восприятие современным человеком самого себя и мира и смутное ощущение жестокой абсурдности миропорядка, перекликаясь с «жуткой и веселой» театральностью самой эпохи, оставляют глубокий отпечаток в куклах не только Мейерхольда, но и русского модернизма в целом.

кого — не видно, на пустышку! Лицо шарфом закрыл как маской <...> Манекен, маска, тот же автомат. Мертвец — кукла, притворяющаяся живым, чтобы обмануть пустой смертью». Он свидетельствует, что «Ал. Блоку очень это знакомо. Он даже на стуле изобразил, согнувшись вбок, как пустышка за столом сидя вдруг скривится набок, свесив руки» (Воспоминания и записки Евгения Иванова об Александре Блоке / Публ. Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова // Блоковский сборник. Тарту, 1964. Вып. 1). С. 392).

²³ Минц З. Г. В смысловом пространстве «Балаганчика». С. 565. А лиризм в принципе чужд пафосу, заложенному в масках истинно народного театра: сущность маски здесь заключается в «радости смен и перевоплощений, в веселой относительности, в веселом же отрицании тождества и однозначности» (Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 48).

²⁴ См. знаменитую сцену «бумажного окна»: «Арлекин: <...> О, как хотелось юной грудью / Широко вздохнуть и выйти в мир! / Совершить в пустом безлюдьи / Мой веселый весенний пир! / Здесь никто понять не смеет, / Что весна плывет в вышине! / Здесь никто любить не умеет, / Здесь живут в печальном сне! / Здравствуй, мир! Ты вновь со мною! / Твоя душа близка мне давно! / Иду дышать твоей весною / В твое золотое окно! Прыгает в окно. Даль, видима в окне, оказывается нарисованной на бумаге. Бумага лопнула. Арлекин полетел вверх ногами в пустоту» (IV, 19—20).

²⁵ Даже в постановке 1914 года специальные слуги на просцениуме разбрасывали апельсины в зрительный зал, чтобы создать ассоциативную игру с журналом «Любовь к трем апельсинам». См.: Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд. С. 176.

²⁶ Там же. С. 151.

После того как «Балаганчик» «случайно» открыл новый путь режиссеру, Мейерхольд начинает энергично экспериментировать с театральным языком народного кукольного театра, особенно интенсивно — с 1910 года. Именно в этом году он поставил такие знаменитые спектакли, как «Шут Тантрис» Э. Хардта, «Поклонение Кресту» П. Кальдерона, «Шарф Коломбины» А. Шницлера, «Дон Жуан» Мольера.²⁷ Среди них «Шарф Коломбины» служит весьма показательным примером, демонстрирующим, как «кукольность» становится доминантным приемом Мейерхольда.

Как и в «Балаганчике», в этом спектакле традиционные фигуры *commedia dell'arte* являются главными героями пантомимы, но, в отличие от «Балаганчика», здесь гротеск выступает более дерзко: лирические мотивы оказываются неожиданно слитыми с обыденным и грубым бытом современной действительности, а трагические — с откровенно буффонными. Зрители увидели в персонажах этой постановки не людей, а кукол: «Небывалое пополам со смешным, кукольное с человеческим — вот рецепт талантливого доктора. Что-то кошмарное à la Гофман чудилось на балу в сложных группах танцующих, в гримасничающем дирижере, в кричащей пестроте кукольного домика...».²⁸

Смелые эксперименты с фольклорным театром были органически связаны с весьма сложными идеологическими построениями. В этой постановке характерным образом выявилась природная связь мейерхольдовских кукол 1910-х годов с эстетическим кодексом символистского театра, в своей сущности, как было отмечено выше, основанного на сугубо театральном мировидении. Комментируя сцену бала в «Шарфе Коломбины», К. Рудницкий вполне справедливо указывает на мейерхольдовскую интерпретацию третьего акта «Вишневого сада» как на истинный источник этой сцены в пантомиме по пьесе Шницлера.²⁹

Это барочное театральное мировидение, приобретенное режиссером в ранний период творчества, сопутствует ему еще очень долго. Не случайно, что в постановке «Маскарад», осуществленной режиссером на сцене Александринского театра (1917), многие опять почувствовали отзвуки трактовок третьего акта «Вишневого сада». Ставя «Маскарад», Мейерхольд придал существенное значение фигуре Неизвестного, до тех пор считавшегося эпизодическим лицом, сделав его воплощением демонической силы, контролирующей ход событий в мире, исполненном зла и лжи. У Мейерхольда движущей силой драмы служит не одержимость Арбенина, а губительная власть Неизвестного над темным, слепым миром. Маскарад как бессмысленный танец марионеток, в котором никто, кроме Арбенина, не чувствует приближения трагической судьбы, повторяет третий акт «Вишневого сада» в трактовке раннего Мейерхольда: «Лейтмотив акта — предчувствие Раневской надвигающейся грозы (продажа вишневого сада). Все кругом живут как-то тупо: вот довольные — они пляшут под монотонное побрякивание еврейского оркестра и, как в кошмарном вихре, кружатся в скучном современном танце, в котором нет ни увлечения, ни азарта, ни грации, ни даже... похоти, — не знают, что земля, на которой они пляшут, уходит из-под их ног. Одна Раневская предвидит Беду и ждет ее, и мечется, и на минуту останавливает движущееся колесо, эту кошмарную пляску марионеток в их балаганчике. (...) Создается следующая гармония акта: стоны Раневской с ее предчувствием надвигающейся Беды (роковое начало в новой мистиче-

²⁷ По замечанию самого Мейерхольда, проблема «просцениума» и «маски» как в техническом, так и в тематическом плане еще долгое время служила продуктивным источником его режиссуры. Начиная с постановки «Поклонение Кресту» в Башенном театре Вяч. Иванова, такие новаторские приемы, как вход актеров через зал, устранение рампы, максимально выдвинутый в зрительный зал просцениум и знаменитые арапчата, которые держат занавес во время спектакля и прямо на глазах зрителей вносят и уносят бутафорию, неоднократно использовались режиссером и позже.

²⁸ Беляев Ю. Вечер в «Доме интермедии» // Новое время. 1910. 15 окт. С. 5.

²⁹ Рудницкий К. Русское режиссерское искусство: 1908—1917. М., 1990. С. 41.

ской драме Чехова), с одной стороны, и балаганчик марионеток, с другой стороны».³⁰

Кукла и соответствующее театральное мировидение сопутствуют режиссеру и далее: укажем хотя бы галерею восковых кукол в постановке «Ревизора» 1929 года. Несмотря на драматические коллизии эстетического и политического плана, кукла в творчестве Мейерхольда неизменно оставалась емким иконическим образом, символизирующим экзистенциальную сущность человека, который находится в плену некоей силы, проявляющей себя по-разному: в виде непреклонной судьбы или смерти, неразрешимых проблем действительности, политической реакции или абсурдности самого человеческого бытия.

* * *

Свою концепцию куклы Мейерхольд теснейшим образом связывает с пониманием онтологической сущности актера на сцене. Это можно проиллюстрировать красноречивым пассажем из уже цитированной статьи «Балаган»: «Два кукольных театра. Директор одного хочет, чтобы кукла его была похожа на человека со всеми его бытовыми чертами и особенностями. (...) Другой директор видит, что публику забавляют в его театре не только разыгрываемые его куклами остроумные сюжеты, но еще и то (и, быть может, это главным образом), что в движениях и положениях кукол, при всем их желании повторить на сцене жизнь, нет абсолютного сходства с тем, что публика видит в жизни. (...) Ему даже показалось, будто кукла всем существом своим противится варварской переделке. (...) Я описал два кукольных театра для того, чтобы заставить актера призадуматься: идти ли ему на смену куклы и продолжать ее служебную роль (...) или создать такой театр, какой сумела отстоять для себя кукла, не пожелавшая поддаться стремлению директора изменить ее природу. Кукла не хотела быть полным подобием человека потому, что ею изображаемый мир — чудесный мир вымысла, ею представляемый человек — выдуманный человек (...) а хочет она — не копировать, а творить».³¹

Кукла, в первую очередь, представляется как идеальная модель актера в его новом «театральном», или, по-другому, «условном» театре. И здесь слово «кукла» почти синонимично слову «маска» — символу театральности и, шире, символу художественной действительности, имеющей самостоятельную ценность наравне с реальной действительностью.³² Чувствуется и глубокая зачарованность режиссера театральностью той гротескной ситуации, в которой актер-человек подражает кукле, непрерывно напоминающей о зыбкой границе между жизнью и смертью, реальностью и фикцией, правдой и ложью.³³ Далее, по-разному называя актера нового театра — то маской, то шутком, то лицедеем, он противопоставляет его так называемому «актеру нутра». Цитируя слова Вольтера «танец — искусство, потому что он подчинен законам»,³⁴ он критикует «актера нутра», не владеющего достойной своего искусства театральная техникой.

И здесь мейерхольдовские куклы оказываются связаны с еще одной темой, волновавшей художественную мысль той эпохи: категоричное противопоставление

³⁰ Мейерхольд Вс. Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 1. С. 118.

³¹ Там же. С. 215—216.

³² Безусловно, в его словах об «актере-кукле» отражена и общая тенденция того времени — доминирование режиссерского театра, в котором роль актера стала ограниченной и в какой-то мере «докукольной».

³³ Ср.: «Когда кукла плачет, рука держит платок, не касаясь глаз, когда кукла убивает, она так осторожно колет своего противника, что кончик шпаги не касается его груди, когда кукла дает пощечину, то краска не отваливается со щеки побитого, а в объятьях кукол-любовников столько осторожности, что зритель, любясь их ласками на почтительном расстоянии, не спрашивает соседа — чем могут кончиться эти объятья» (Мейерхольд Вс. Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 1. С. 216—217).

³⁴ Там же. С. 217.

«актера-человека (лирика)» и «актера-лицедея» мы нередко встречаем в спорах о путях театра.³⁵ Блок же писал по этому поводу следующее: «Если писатель есть по преимуществу человек (...), то актер (...) — *лицедей*. Может быть, он чертовски талантлив, но это только усугубляет его лицедейство» (V, 248). Противопоставляя актера-лицедея старой школы новому актеру, он характеризует последнего именно как актера-лирика: «Новый актер сбросил со своих плеч традицию дутого героизма, потому что ему стало не до того (...) актер приобретает черты нового человека. Ему уже не чуждо страдание и сострадание, то, что снимает лживую маску с лица и открывает доступ к чужой душе» (V, 254—255).

Представленные антиподы «лирик (человек) vs. лицедей», в сущности, связаны с характерной для модернизма двойственностью и, тем самым, органически сплетаются с антиномией «лицо vs. маска» — доминантным смысловым элементом модернистской концепции куклы. В этом плане заслуживает внимания позиция Блока, который, с одной стороны, был пленен сложностью образа куклы, так удачно выражающей смысловые обертоны своей эпохи, но, с другой стороны, изо всех сил сопротивлялся ему, точнее — присутствующим в нем нотам скептицизма, перед которым все уравнивается: и «добро и зло, ясное небо и вонючая яма, Беатриче Данте и Недотыкомка Сологуба» (V, 346).³⁶ Примечательна дневниковая запись Блока 1912 года, свидетельствующая о глубоко проблематичном отношении поэта к режиссерским поискам Мейерхольда: «Мейерхольд говорил: я полюбил *быт*, но иначе подойду к нему, чем Станиславский; я ближе Станиславскому, чем был в период театра Коммиссаржевской (...) — Развил длинную теорию о том, что его мировоззрение, в котором есть много от Гофмана, от „Балаганчика“, от Метерлинка, — смешали с его техническими приемами режиссера (кукольность), доказывая, что он ближе к Пушкину, т. е. человечности, чем я и многие думаю. Это смещение вызвано тем, что в период театра Коммиссаржевской ему пришлось поставить целый ряд пьес, в которых подчеркивается кукольность. Театр, — говорит Мейерхольд, — есть игра масок; „игра лиц“, как возразил я, или „переживание“, как назвал то же самое он, — есть, по существу, то же самое, это только — спор о словах» (VII, 186—187).

Правда, в творчестве Мейерхольда, которое Блок нервно и иронично называл «мейерхольдией»,³⁷ присутствует проблематичный пункт, который трудно отнести лишь к «спору о словах». Это скорее спор об онтологических основаниях творчества, определяемых понятиями «природа» и «культура» и их противопоставлением. Справедливо, на наш взгляд, замечание И. П. Уваровой: «Смысл куклы как артефакта в том, что Мейерхольд вообще строил свой театр не на природе, а на культуре. И можно сказать, что он безусловно предпочел бы в сказке Андерсена искусственную птицу-соловья живой птичке, потому что механическую куклу сотворил искусный китайский мастер, а Мейерхольд мимо момента совершенного творчества не мог пройти».³⁸ В кукле и «кукольности» как одной из существенных состав-

³⁵ Например, в статье «Ненужная правда», которую Мейерхольд часто цитировал, Брюсов развивал мысль об актере-лирике. Для него сущность актерского искусства проявляется в глубинном самораскрытии души актера. См.: Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 65—66.

³⁶ Когда Ф. Сологуб и Ан. Чеботаревская предложили Блоку роль Юного поэта в пьесе «Ночные пляски», он мотивировал свой отказ следующим образом: «Вы думаете, что у меня нет искушения опять поддаться Маскараду? Преодолеть его гораздо труднее. В Маскараде — большой квиетизм и *laisser faire* [непротивление (фр.)], когда Маскарад *временный*. Страшно играть масками и подмостками. Можно пойти на такую игру, только зная с уверенностью, что после нее уже не проснешься. Или — так легко, как Бенуа. Но у меня нет такой легкости...» (VIII, 271—272).

³⁷ «Опять мне больно все, что касается *Мейерхольдии*, мне неудержимо нравится „здоровый реализм“, Станиславский и Музыкальная драма. Все, что получаю от театра, я получаю *оттуда*, а в *Мейерхольдии* — тужусь и вяну» (Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 209).

³⁸ Уварова И. П. Мейерхольд и концепция куклы. С. 190.

ляющих творческой ориентации режиссера очевидна общая тенденция модернизма к «дегуманизации искусства» (Х. Ортега-и-Гассет), направленная на пересмотр таких традиционных понятий, как «истина», «человечность» и т. д. Именно в этом пункте Блока не оставляют сомнения относительно мейерхольдовских кукол — очаровательных, но и весьма опасных: «Мейерхольд еще раз подтвердил, что ему не важны слова. Я понимаю это, он во многом прав. Но, думаю я, за словами стоят мнения, за мнениями — устремление ума — устремление сердца, а сердце — чело-вечье. Таким образом, для меня остается неразрешимым вопрос о двух правдах — Станиславского и Мейерхольда...» (VII, 187).

ВОСПОМИНАНИЯ В. Ф. БОЦЯНОВСКОГО О ФЕДОРЕ СОЛОГУБЕ, ЕВТИХИИ КАРПОВЕ, АЛЕКСАНДРЕ ИЗМАЙЛОВЕ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © А. С. АЛЕКСАНДРОВА)

Имя Владимира Феофиловича Боцяновского (1869—1943), литературного и театрального критика, драматурга, беллетриста, хорошо известно историкам литературы.¹ О своем происхождении и студенческих годах Боцяновский сообщал в автобиографическом письме к С. А. Венгерову: «Родился 15 июля 1869 г. в с. Скомо-рохи (Житомирск(ого) у(езда)), где (...) отец был священником. Образование получил сначала в Житомирской первой гимназии (окончил в 1888 году, а затем в петербургском университете, по историко-филологическому факультету, который окончил в 1892 году)».²

Литературную деятельность Боцяновский начал как публицист. Активно сотрудничал сначала в провинциальной газете «Волынь» (с 1885 года), а в 1890-х годах в крупных столичных журналах — «Историческом вестнике», «Русской старине», «Новом слове» и др. В 1900—1910-х заведовал отделом критики газеты «Русь» (1903—1908), являлся фактическим редактором журнала «Серый волк» (1907—1908), участвовал в издании газеты «Новь», сотрудничал как критик в газетах «Новая Русь», «Новое время», «Биржевые ведомости». В то же время Боцяновский писал и художественные произведения, публикуя их в массовых изданиях («Русь», «Утро», «Серый волк», «Солнце России», «Искорки», «Огонек», «Север» и др.). В начале 1918 года Боцяновский принял участие в коллективном проекте «Петроградского листка» — романе «Чертова дюжина» (или «Роман 13-ти»)³ Предполагалось, что на страницах «Листка» будет публиковаться роман «с продолжением», авторами которого выступают тринадцать известных литераторов: А. В. Амфи-театров, А. И. Куприн, В. И. Немирович-Данченко, Ф. Сологуб, А. Т. Аверченко, П. П. Гнедич, И. Н. Потапенко и др. Среди них был и Боцяновский.

¹ Подробнее см.: Кузнецова О. А. В. Ф. Боцяновский // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 321.

² Автобиографические сведения. (1903 г.) // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 582. Л. 3.

³ В заметке «Роман тринадцати!» Измайлов прокомментировал это начинание следующим образом: «...тринадцать авторов (...) разработают общий замысел увлекательного и содержа-тельного романа, на котором читатель немножко отдохнул бы от речей об аннексиях и контри-буциях, о последних выступлениях на заседании циксовдепа и т. д.» (Измайлов А. А. Роман тринадцати! // Петроградский голос. 1918. 4 мая. № 73. С. 2). Об инициативе создания коллек-тивного романа см. также: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Из-майловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 197, 286—287; Александров А. С. А. А. Измайлов — реформатор «Петро-градского листка» (1916—1918) // Русская литература. 2008. № 4. С. 141—142.

Значительное место в жизни Боцяновского занимал театр: он принимал деятельное участие в театральной жизни Петербурга, написал несколько пьес,⁴ публиковал исследования по истории театра.⁵

В 1920—1930-е годы Боцяновский читал лекции в Институте журнализма при РОСТА, преподавал технику журнального дела и историю литературы в Коммунистическом университете (Дворце Урицкого), вел курсы по истории литературы и технике сценария при Государственном техникуме экранного искусства, работал в Библиотеке Академии наук.⁶ И продолжал писать пьесы. В этот же период, согласно авторскому списку работ, были завершены драматические произведения «Патриарх Никон: Трагедия в 5-ти действиях» (1920), «Петр III: Драма в 5-ти действиях» (1921), «Дуэль Пушкина: Драма в 5-ти действиях» (1935), «Фленушка. Пьеса в 4-х действиях» (1938) и др.⁷ Часть своего времени Боцяновский посвящал историко-литературной работе, написанию мемуаров.⁸ Он вспоминал события насыщенной литературной и театральной жизни Петербурга 1900—1910-х годов, писал статьи о современниках, со многими из которых был лично знаком. Среди них А. И. Куприн, Л. Н. Андреев, А. А. Блок, Н. А. Клюев, Ф. Сологуб, А. А. Измайлов и др. Многие из воспоминаний Боцяновского так и остались неопубликованными. Между тем его мемуарные очерки (иногда совсем небольшие по объему) — ценные свидетельства активного участника литературного процесса.

К подобным зарисовкам относятся впервые публикуемые воспоминания, посвященные Ф. Сологубу, Е. Карпову и А. Измайлову. Поводом к их написанию стала смерть Ф. Сологуба в декабре 1927 года. Это событие всколыхнуло литературную общественность, появился целый ряд некрологов и воспоминаний. Отметим, что знакомство Сологуба с Боцяновским носило формальный характер. Это обстоятельство наложило отпечаток на очерк мемуариста о Сологубе, где много «общих мест» и минимум бытовых деталей.

К мемуарному очерку о писателе Боцяновский присовокупил воспоминания о еще двух современниках, ушедших из жизни в 1920-е годы. Ф. Сологуб, Е. Карпов и А. Измайлов хорошо знали друг друга, состояли в переписке, часто встречались на литературных вечерах и журфиксах. Еще одним обстоятельством, повлиявшим на объединение воспоминаний об этих литераторах в один очерк, стало их участие в «Союзе драматических и музыкальных писателей».

За год до смерти Ф. Сологуба, в январе 1926 года литературная и театральная общественность Петербурга проводила в последний путь режиссера и драматурга Е. Карпова.⁹ В начале 1900-х годов он был заметной фигурой в театральных кругах Петербурга и Москвы: в 1896—1900 годах — главный режиссер Александринского театра, в 1900—1908 годах — режиссер Театра Литературно-художественного общества, с 1916 года до конца жизни — вновь режиссер Александринского театра в должности «режиссера-гастролера». Неоднократно ставил пьесы А. Островского,

⁴ Некоторые пьесы были опубликованы. См.: *Боцяновский В. Ф.* 1) Натали Пушкина. (Жрица солнца). Драм. сцены в 4 д. [СПб.], [1912]. 34 с.; 2) Великая пророчица. Комедия в 4 д. СПб., [1913]. 42 с.; 3) За красным крестом. Драм. картина в 1 д. Пг., [1914]. 13 с.; 4) Петр III. Ист. драма в 5 д. и 9 карт. Пг., 1923. 126 с.; 5) Патриарх Никон. Трагедия в 5 д. и 6 карт. Пг., 1923. 127 с.

⁵ *Боцяновский В. Ф.* 1) К истории русского театра. Письма П. А. Катенина к А. М. Колосовой. 1822—1826 гг. СПб., 1893. 66 с.; 2) Н. А. Полевой, как драматург. (К 50-летию его смерти). СПб., 1896. 41 с., и др.

⁶ См.: Трудовой список В. Ф. Боцяновского // ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 763. Л. 9—11.

⁷ Там же. Л. 122.

⁸ См.: *Боцяновский В. Ф.* 1) Литературное наследство А. И. Куприна: (По поводу 50-летия его первого рассказа). Черновой автограф. 10 мая 1940 г. // ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 47; 2) Записка о встрече с Н. А. Клюевым. Автограф. 28 марта 1928 г. // Там же. № 45; 3) А. Р. Кугель: (10-летию его смерти). Автограф. 1938 // Там же. № 49; 4) На культурном фронте в 1918 году: (Из воспоминаний участника). Автограф. 1938 // Там же. № 65, и др.

⁹ *Боцяновский В. Ф.* Памяти Е. П. Карпова // Жизнь искусства. 1926. № 2. С. 11.

А. Чехова, М. Горького; в 1912 году Карпов инсценировал пьесу В. Боцяновского «Натали Пушкина (Жрица Солнца)», премьера которой состоялась в Русском драматическом театре А. Рейнеке. Его собственные пьесы не сходили с подмостков столичных и провинциальных театров («На земной ниве», «Сила любви», «Чары любви», «Сумерки», «Илья Муромец», «Житие привольное», «Рабочая слободка», «Рай земной», «Ранняя осень»). Современники считали Карпова драматургом-народником, приверженцем классических традиций в литературе. А. А. Измайлов в 1908 году в связи с 25-летием литературной деятельности режиссера отмечал: «Карпов закаливался в (...) горниле интеллигентской веры в соприкосновение с народом и в взаимодействии от него сил, по старинной легенде. То, что Успенские, Каронины, Златовратские говорили в беллетристике, он начал говорить в драме. (...) Карпов встал в ряды продолжателей этого дела, весь проникнутый идеализмом старых писателей и принявший от них целиком, без оговорок, правомерно весь реалистический прием писательства».¹⁰ В эпоху, когда театр был экспериментальной площадкой, когда шли поиски новых эстетических принципов в области сценического искусства, Карпов оставался верен заветам реализма, был, как о нем писали современники, «режиссером-народником», «бытовиком». В связи с этим в его карьере случались откровенные неудачи, а в глазах модернистов Карпов был безнадежным рутинером.¹¹ С его именем связан провал чеховской «Чайки» на сцене Александринского театра в 1896 году.¹² В 1900 году, когда Карпову пришлось оставить пост главного режиссера Александринского театра, в «Московских ведомостях» сообщалось: «Г. Карпов был упрям в своих художественных стремлениях. Он преследовал одну цель — реализм, а это не нравилось увлеченной декадентством дирекции».¹³ Впрочем, на счету Карпова было немало и творческих побед, многие поставленные им пьесы пользовались успехом у публики.

Последняя часть воспоминаний Боцяновского посвящена Александру Алексеевичу Измайлову, литературному и театральному критику, беллетристу, драматургу. Первые наброски очерка об Измайлове были сделаны сразу же после его кончины в 1921 году.¹⁴ Эти черновые записи послужили основой для третьей части «Ушедших». Творческие пути двух литераторов неоднократно пересекались: в 1900—1910-х годах они сотрудничали в «Биржевых ведомостях», в 1916 году по предложению Измайлова Боцяновский был введен в редакцию «Петроградского листка», где работал в качестве литературного и театрального критика. Судьба не разъединила их и после 1918 года, когда были закрыты все частные газеты и литераторы остались без работы. В это время Измайлов и Боцяновский жили случайными заработками. Они вели литературный кружок в одном из клубов Балтфлота, занятия с курсантами по технике газетного дела в Институте журнализма, а также подрабатывали чтением лекций перед киносеансами, чему в мемуарном очерке Боцяновского «На культурном фронте» посвящено несколько выразительных пассажей: «Больше всего удручали восседавшие в первых рядах „папиросники“, мальчишки от 9-ти до 14 лет. Они (...) приходили сюда развлекаться. Им ведь интересно смотреть картину, а не слушать, что говорит какой-то „оратель“. Известный (...) критик А. А. Измайлов как-то даже подслушал относительно себя описатель-

¹⁰ Измайлов А. А. Е. П. Карпов: (К 25-летнему юбилею литературной деятельности) // Русское слово. 1908. 24 янв. № 20. С. 2.

¹¹ См.: Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы. М., 1968. Ч. 1. С. 186—187.

¹² А. П. Чехов в письме к О. Л. Книппер-Чеховой от 22 апреля 1904 года дал следующую характеристику Карпову: «Был вчера у меня Евтихий Карпов, суворинский режиссер, бездарный драматург, обладатель бездонно-грандиозных претензий. Устарели сии фигуры, и мне скучно с ними, скучно до одурения их неискренняя приветливость» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1983. Т. 12: Письма. С. 94).

¹³ НЕМО. Письмо из Петербурга // Московские ведомости. 1900. № 283. С. 5.

¹⁴ См.: Воспоминания В. Ф. Боцяновского. А. А. Измайлов. Черновой автограф. 30 мая 1921 года // ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 36. 13 л.; А. А. Измайлов. Заметка. Черновой автограф. (1921 г.) // Там же. № 37. 4 л.

ное название: „Который из Форума”. Ударение на „у”. „Форум” — это кино на Васильевском острове, где он читал. За шесть лет такой работы мы завоевали себе известность, какой пользуются сейчас очень немногие конферансье». ¹⁵

Однако деятельность Измайлова «на культурном фронте» Советской России была непродолжительной: 16 марта 1921 года литератор скоропостижно скончался, похороны состоялись 19 марта на Смоленском кладбище. Публикуемые воспоминания, примыкающие к ним черновые наброски, а также отдельные страницы, посвященные Измайлову, в других мемуарных очерках Боцяновского — это уникальные и чуть ли не единственные источники о последнем периоде жизни петербургского литератора.

* * *

Воспоминания В. Ф. Боцяновского «Ушедшие» публикуются по авторизованной машинописи из его личного фонда в Рукописном отделе ИРЛИ (Ф. 439. Оп. 1. № 122). Текст приведен в соответствии с современными грамматическими нормами; фрагменты, вычеркнутые автором при правке, даны в квадратных скобках.

В. Ф. Боцяновский

УШЕДШИЕ

1

Федор Сологуб

В числе членов нашего Союза,¹ притом активных, был Федор Сологуб. Прикосновенность его к театру всегда казалась несколько непонятной и как бы случайной. Насколько был весь, казалось, театрален Леонид Андреев, настолько Сологуба можно было считать даже враждебным театру, по крайней мере тому театру, каким его создала наша современность.

Он всегда проповедовал «театр единой воли», причем признавал только одну волю, волю автора, драматурга.² По его плану, театральное представление должно было быть простым литературным чтением, как бы диктовкой автора, сопровождаемой разговорами и движениями актера. Самого актера, без которого мы не мыслим театра, Сологуб считал возможным превратить в живую, говорящую марионетку, в куклу, ровно, спокойно, односторонне воспроизводящую слова автора. Само собой понятно, что декорации менее всего были нужны такому театру. Когда однажды я сказал ему, что постановка моей пьесы затягивается, потому что не готовы декорации, он меня спросил:

— А зачем декорации? Разве они нужны?

Спросил он это своим обычным, спокойным, ровным, холодным тоном, очевидно таким, какого он требовал от актера и каким обыкновенно читал свои стихотворения и прозу сам.

Все сколько-нибудь декоративное и театральное, будь это внешняя обстановка или интонации голоса, было ему глубоко чуждо. Его костюм — всегда корректный сюртук, пиджак или смокинг, смотря по обстоятельствам, самый скромный, корректный галстук. Его кабинет — спокойно убранная, без малейшего намека на художественный беспорядок или какие-нибудь художественные вычурности, самая обыкновенная комната. Единственным ее украшением, но не носившим характера украшения, были портреты его друга и жены, так трагически погибшей Анастасии

¹⁵ *Боцяновский В. Ф.* На культурном фронте: (Из воспоминаний лектора). Автограф. (1938 г.) // ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 66. Л. 59.

Николаевны Чеботаревской,³ да еще всегда живые цветы перед ее портретом на столе.

Даже голодные годы, даже знаменитая «буржуйка», загрязнившая квартиры всех граждан, здесь оказалась бессильной внести беспорядок и нарушить обычную чистоту этого кабинета.

Небольшую, аккуратную чугунку Сологуб нередко сам топил аккуратно наколотой лучиной, хотя, правда, и не скрывал иной раз, что мог бы свое время использовать гораздо более плодотворно.

В полном порядке всегда были его книги, его рукописи.

Однажды вечером я застал его за разбором рукописей его стихотворений, которые он располагал в строгом хронологическом порядке.

— В порядок привожу, — пояснил он мне, — на всякий случай.

Поражало полное несоответствие экзотики, и часто вычурности, его произведений с исключительной простотой и даже шаблонностью обстановки, в которую помещал себя этот изысканный поэт и художник. По-видимому, так же точно, как он требовал устранения всего, что сколько-нибудь затушевывало бы его «главное», со сцены театра, так и в жизни, в своем быту бессознательно, инстинктивно, а может быть и нарочито, им культивировался шаблон, который не отвлекал бы ни на одну минуту внимания не только чужого, но, что еще важнее в данном случае, его собственного.

Все вокруг него было просто, равно, однотонно...

Сологуб смеялся и сердился, но выражение веселости и гнева у него было случайным, мимолетным.

Он тайною завесил
Страстей своих игру⁴

и не давал этим страстям, этой игре, насколько мог, пробиваться наружу. Даже резкие, гневные слова произносились им без малейшего повышения голоса. У него не было улыбки.

Его лицо, чисто выбритое, лицо римского патриция,⁵ всегда, неизменно сохраняло холодное, ровное, с оттенком величественности, спокойствие, которое так удачно запечатлел в его скульптурном портрете художник Б. М. Кустодиев.⁶

Эта основная черта характера Сологуба, несомненно, должна была бы отделять его от сцены современного театра, где все театрально, где совершенно не допускается та «только ровная передача слово за словом»⁷ пьесы и «спокойное воспроизведение положений картина за картиной»,⁸ как он того требовал.

Однако такого отдаления не произошло.

Бесспорно, присущая Сологубу антитеатральность не помешала ему написать целый ряд пьес («Ночные пляски», «Мечта-победительница», «Узор из роз» и др.) Пьесы эти шли в постановке Московского Художественного театра («Узор из роз»), театра Александринского и других.⁹ Ставились пьесы, конечно, не так, как это хотелось бы автору и как он намечал в своих теоретических статьях, посвященных театру,¹⁰ но он все-таки продолжал писать для театра, а за несколько лет до смерти даже переделал в пьесу свой замечательный роман «Мелкий бес».¹¹ Мало того. Все мы привыкли видеть его и на премьерах театральных, и собраниях Союза Драматических Писателей, посвященных исключительно вопросам театра. Совершенно больной, он до самого последнего времени посещал эти собрания, для чего приезжал из Детского Села,¹² где в последнее время жил и лечился. И не только посещал, но принимал в них самое активное участие. Такой, казалось, замкнутый, как будто обвешанный навьюми чарами, витающий в сказочной стране Ойлэ,¹³ он, в действительности, был редким общественником. Большой художник, поэт, он не отказывался, когда это было нужно, от самой мелкой работы. В голодные годы, заходя к нему, я не раз заставал его за машинкой, на которой он писал разного рода бу-

мажки по делам своего «домкомбеда», вплоть до повесток на собрания. Как странно, как невероятно, не правда ли? Сологуб, один из крупнейших художников, и за такой работой!.. А он стучал на машинке, топил буржуйку, писал и верил в грядущее торжество своей мечты. И, очевидно, не простой фразой должны звучать заключительные слова героя одной из его пьес, пророчащего, что «мечта-победительница будет вести нас от трудов к трудам, на самые беды набросит яркоцветное покрывало очарований, и даст нам силы войти в новую прекрасную жизнь, творимую по воле нашей».¹⁴

[Чувствуется, что здесь пророчествует сам Сологуб, что это он верит в победу своей мечты.]

2

Е. П. Карпов

[Сравнительно поздно примкнул к нашему союзу Евтихий Павлович Карпов, до этого состоявший в Московском союзе.¹⁵ Переход этот в высшей степени характерен и показателен прежде всего для самого Карпова. Живой, энергичный, несмотря на свои годы — ему в это время было уже за 60 лет, — Карпов играл в Московском союзе большую роль, но с каждым годом все больше и больше чувствовал, что «один в поле не воин», и его потянуло на Николаевскую 20,¹⁶ где, молодой по сравнению с Московским, наш союз все живее и живее развивал свою работу и группировал наиболее активных драматургов.] Карпов сблизился с нашим союзом уже стариком за 60 лет.

За последние годы режиссерской работы Карпова часто приходилось слышать голоса, говорившие о том, что он устарел, что «карповщину» пора сдать в архив... И когда ядовито говорилось о «хранителях духа и смысла» классических авторов, о «староверах», которые совершают преступления, выдавая свои «нафталинные» спектакли за подлинник Гоголя и Островского, — имелся в виду, конечно, главным образом Карпов.

Несомненно, Карпов резко расходился с новаторами, пытавшимися истолковать и осветить наших классиков по-новому.

Мне случалось сидеть рядом с ним в «Камерном театре» на представлении «Грозы». Е. П. Карпов все время «ерзал» на стуле, громко возмущался, ахал, охал и с нетерпением ждал антракта.

— Нет, — сказал он уходя, — не могу. Боюсь, не выдержу — или расплачусь, или выругаюсь.

И действительно ушел. Какая-то современная карикатура, в какую изо всех сил старались превратить комедию Островского, — особенно дорогого сердцу Карпова художника, — для него совершенно была неприемлема. Неприемлема не потому, что Карпов был против сатиры вообще. Он был настоящим общественником, вращался в начале своей жизни в революционных кружках, был близок к Плеханову, около десяти лет находился в ссылке...¹⁷ Его пьесы: «Рабочая слободка», «Шахта Георгий»¹⁸ и др. едва ли не впервые показали рабочего на той сцене, где преимущественно услаждали публику салонными произведениями Виктора Крылова.¹⁹ Рабочий, правда, был здесь изображаем в стиле Антона Горемыки или Глеба Успенского с подходом сентиментального народника, и этим он отличался от объективной мудрости Островского. В этом сентиментальном народничестве была дань эпохе, и все же главная черта Карпова было (так!) стремление к подлинной жизненной правде, и всякое кривляние его отвращало.

Я это особенно ясно и определенно почувствовал, присутствуя на репетициях моей пьесы «Натали Пушкина»,²⁰ которую он ставил. Я передал ему пьесу летом, а шла она в ноябре 1910 года. Чего-чего только не требовал от меня за эти несколько

месяцев Карпов! Я должен был ему принести и переписку Пушкина, и мемуары, и характеризующую эту эпоху литературу. Он читал сам, давал читать актерам и на репетициях совместно с актерами чеканил, добиваясь не столько внешнего оформления, сколько именно воскрешения подлинного духа эпохи и героев этой печальной драмы поэта.

Островский — был его любимым, это мало сказать, любимый — органически родной (так!) ему писатель. Мало-мальски неверное толкование его причиняло ему большую боль. Чувствуя, как мало у нас его знают и как, в сущности, быть может, даже непосильно охватить его отдельным исследователям и истолкователям, Карпов организовал посвященное Островскому общество,²¹ в котором, под его энергичным руководством, занимались изучением дорогого ему драматурга.

Карпов в качестве режиссера работал во многих театрах: начиная с Народного Дома и кончая Александринским... Ни в одном он долго не засиживался — приходил, уходил, снова приходил... Но где бы он ни был, он прежде всего и неизменно считал своим долгом поставить Островского... И, несомненно, самым большим для него праздником были спектакли Александринского театра, творившиеся неповторяемым ансамблем Давыдова, Варламова, Далматова, Савиной, Стрельской, а позднее — умершей почти в один с ним день — Чижевской...²²

В самом Карпове, во всем укладе его быта, было что-то от Островского. Всю свою жизнь он прожил на глубоко-глубоко провинциальной Гончарной улице.²³ Постоянно полной грохота ломовых телег и настоящей русской речи. Во дворе помещался какой-то склад сена и соломы. И запах этого сена, также как запах сигары, с которой Карпов никогда не расставался, для меня неизменно вызывает воспоминание о нем, об этом старике-художнике.

Должен, впрочем, сказать, что он мне никогда не казался стариком. Быть может, отчасти, потому что мы старились вместе, виделись с ним изо дня в день, то в театре, то в Школе русской драмы имени Давыдова при Александринском театре, где оба преподавали. А вернее потому, что он действительно духом не старел. Карпов умер в 69 лет. Возраст, бесспорно, старческий... Последние годы он ходил несколько замедленным шагом... Болезнь (диабет), выразившаяся в каком-то нашествии карбункулов, которые все время резали, несомненно, его угнетала. Лицо сделалось прозрачно восковым, точно превратилось в икону византийского письма... Но на этом матово-желтом, почти святащемся лице, как на контурных портретах Серова, еще ярче выделялись, еще живее сверкали черные живые глаза, живо отражавшие окружающую жизнь, загоравшиеся то гневом, то радостью, то присутствием ему юмором, и вы видели перед собой молодое лицо, чувствовали молодую душу.

Я всегда высказывал сожаление, что на заседаниях, происходящих в нашем союзе, и особенно в обществе имени Островского, не присутствовал стенографист. Кое-что, правда, из своих театральных воспоминаний сам Карпов напечатал при жизни,²⁴ но с уверенностью можно сказать, что напечатанное не составит и сотой доли того, что он рассказывал, притом рассказывал мастерски, живо, красочно. Кто не имел счастья лично слышать чтение Островского, тот, прослушав это чтение в передаче Карпова, мог составить себе полное представление о своеобразной, несколько заикающейся, речи драматурга. У Карпова, когда-то игравшего на сцене, был, безусловно, большой дар имитирования. Он, например, великолепно передавал интонации Савиной... Одну фразу из роли Жены «Жизни человека» Л. Н. Андреева он надолго превратил в ходячую поговорку.

— Кто не любит ветчину, всякий любит ветчину, — сказал он как-то за одним товарищеским ужином с интонациями исполнявшей эту роль артистки Мундт,²⁵ и фраза вошла в общий круговорот.

То, что рассказывал Карпов, не было похоже на театральные портреты хотя бы А. Р. Кугеля,²⁶ представлявшие собой удивительно тонкое сочетание своеоб-

разной лирики с легкой усмешкой, иногда добродушной, иногда злой... Это были в большинстве случаев отдельные эпизоды, часто анекдоты, но в общем факты, факты и факты... Реалист, бытовик Карпов и как рассказчик, и как режиссер всегда отправлялся от факта, говорил фактами. И накопилось у него этих фактов за всю его долгую жизнь бесконечное число. Без преувеличения можно сказать, что во всей России не было актера, которого бы он не знал. С одним он работал как режиссер, других смотрел и, наконец, огромное большинство сам обучал актерскому мастерству в всегда переполненном учениками его классе, в закрытой теперь Школе русской драмы Александринского театра. К нему шли и драматурги, и актеры, потому что чувствовали в нем всегда твердую руку, большого техника, а главное — всегда бережный, любовный подход к сущности художника, будь то автор или актер. Уже одно это было бесконечно ценно, особенно в те дни, когда актера настойчиво старались превратить в простую марионетку, а драматургу без всякого стеснения отводили место в театральной швейной мастерской и предлагали просто шить тот или другой костюм по указке режиссера. И, действительно, как ни нападали на Карпова, как ни сильны были новые течения, врывающиеся в театр, они не могли смыть Карпова. Когда нужно было ставить Островского или бытовую пьесу, неизменно звали его. Только смерть помешала ему поставить «Виринею» Сейфулиной²⁷ и, быть может, его собственную, почти законченную пьесу «Митькина карьера» из современного нам быта.

Карпов жил и умер в театре. Его охотно поздравили, а когда он умер, то всех охватила большая печаль и стало ясно, как много значил и сделал этот старый драматург и режиссер для русского театра.

3

А. А. Измайлов

Наряду с профессионалами-драматургами, драматургами-актерами и драматургами-режиссерами работали в союзе и драматурги-критики. К числу последних принадлежал Александр Алексеевич Измайлов. Его первая пьеса «Обреченные» была поставлена в 1907 году.²⁸ Вообще же театр ему был очень близок. В качестве театрального критика газеты «Биржевые ведомости» он неизменно посещал все театральные премьеры и живо откликался на все, что происходило в театральном быту.

На фоне безукоризненных смокингов и белых, туго накрахмаленных «манишек» (да, было такое слово), которыми блистал партер театров того времени, резко выделялась и потому всем была известна его оригинальная фигура. Высокий, вернее, казавшийся высоким от всегда приподнятых кверху плечей, в длинном сюртуке, тоже его удлинявшем, с длинными, откинутыми назад, как смоль черными волосами и черной бородкой, он казался современником Чернышевского, Добролюбова и мог бы служить прекрасной моделью художнику для портрета нигилиста шестидесятых годов. Темные стекла пенсне, закрывавшие глаза, придавали всему его облику мрачную суровость и это сходство еще более усугубляли.

В действительности под темными очками скрывались красивые, черные, добрые глаза, а впечатление суровости рассеивалось при первых же звуках голоса, с его мягкими, ласковыми интонациями и какой-то особенной, эту ласковость усиливавшей, украшавшей картавостью в звуке «л»... Суровая маска очень скоро спадала, и появлялся самый обыкновенный, добрый, доброжелательный, ласковый, жизнерадостный, с большим настоящим юмором человек...

Эта маска была чем-то таким же внешним, случайным, как случайно было и то, что всю свою жизнь, с самого раннего детства, Измайлов провел у Смоленского кладбища (отсюда его псевдоним «Смоленский»), среди могильных памятников.

Близость кладбища, пение погребальное, покойники, пожалуй, чувствовались в его внешности, но нисколько не отразились на его душе. В нем не было ни капельки того, что принято называть кладбищенством, того, чем страдали герои Помяловского.²⁹ В окна его кабинета, всегда залитые солнцем, виднелись зеленые березки, а со стороны кладбища, густо заросшего вековыми деревьями, тянуло, особенно ранней весной, свежестью молодых листьев. Он любил гулять по этому кладбищенскому лесу, тут были дорогие ему могилы Асенковой, Каратыгина,³⁰ писателей и художников, могилы близких, родных... Кладбище его не пугало, оказывало на него действие совершенно противоположное тому, какое можно было ожидать. Оно только сблизило его со смертью, превратило этот, для всех других такой страшный акт, в нечто в высшей степени обычное, будничное. Он привык к смерти с детства, как к старой бабушке. Знал, что она придет, придет неизвестно когда, и этот приход его не пугал совершенно.

Последние годы он был болен грудной жабой. Болезнь эта, как известно, всегда заставляет быть начеку, но даже она не внесла в его жизнь мрачных, предсмертных тонов.

Помню, накануне самой смерти, буквально за несколько часов до нее, мы возвращались с ним по обыкновению из Института журнализма, где обучали молодежь газетному мастерству.³¹ Стоял веселый, мартовский вечер. По дороге встретили молодую девушку, знакомую А(лександра) А(лексеевича). Он был оживлен, весело шутил... Это было в 8 часов вечера. А в 8 часов утра мне позвонили его родные и звали на панихиду. Известие до такой степени казалось невероятным, что я несколько раз переспросил, о каком Александре Алексеевиче идет речь, кто умер?..

А сам он, оказывается, давно и спокойно ждал эту страшную гостью. По крайней мере, в его письменном столе нашли давно уже им заготовленную дощечку для своего могильного креста, на которой он собственноручно воспроизвел понравившийся ему брюсовский стих:

А. А. Измайлов «Я жил, я мыслил, Я растаял как дым...»
--

Надпись эта и сейчас на его кресте...³² Близость кладбища, близость смерти имела на его жизнелюбивую натуру совершенно особое влияние. С детства поставленное перед ним *memeto mori* вызвало в нем только любовь к жизни, какую-то напряженно торопливую жажду жизни, верное стремление использовать ее так, чтобы не пропало даром ни одной минуты, не расплескать ни одной ее капли. Жизнью же для него была литература. Если В. В. Розанов говорил, что литература для него штаны, то Измайлов о себе мог смело сказать, что литература для него собственная кожа. Его лучшие, наиболее любимые и, можно сказать, единственные друзья были писатели, безраздельно — мертвые и живые. Гораций, Тибулл, Овидий (он прекрасно знал и любил классиков), Пушкин, Некрасов, Гоголь, Достоевский, Лесков (особенно Лесков), Леон(ид) Андреев, Фофанов, Будищев, Куприн — все ему были одинаково дороги. Лучшим для него праздником было днем путешествие по букинистам, а вечером в театр. И как в литературе он любил и ценил писателя, так здесь, в театре, он ставил во главу угла актера. Почти всех он знал лично и делал все для того, чтобы ни одна характерная черта, ни одна крупинка на этой «соли земли» не пропала даром, не оставалась не зафиксированной. Многие, вероятно, наблюдали, как во время разговора, быстро, торопливо, какими-то ему одному понятными, стенографическими знаками он что-то отмечал на клочках бумажки, всегда у него заготовленных, а также быстро сбрасывал их в стол или карман для того, чтобы потом, вечером, уединившись в своем кабинете, расшифровать эти каблистические знаки и перенести их в свой дневник в более понятном и дополненном виде. Разговор, анекдот, шутка, факт, экспромт, все попадало в его копилку. С исключительной торопли-

востью Измайлов точно писал этюды для какой-то большой картины, которая должна была отразить литературно-художественную жизнь его и его эпохи. Многие из этих этюдов уже им опубликованы в его многочисленных критических фельетонах и книгах, в его беллетристических рассказах, но, конечно, далеко не все.

Газетная работа, особенно два последние года, когда он принял на себя редактирование старого «Петербургского Листка», превращенного им из уличной газеты в литературный вполне «Петербургский Голос»,³³ отвлекала его от того дела, которое он считал самым для себя важным, своим делом.

Таким делом была между прочим для него и драматургия. Помню, как-то, уже в голодные годы, он усиленно приглашал меня к себе.

— Приходите, — говорил он, — прочту вам новую свою пьесу о Чернышевском, а за это лепешками вас угощу.

Жил он на Васильевском острове у «самого синего моря», в конце 17 линии.³⁴ В небольшой комнатке, служившей ему и спальней, и рабочим кабинетом, и кухней, была сложена кирпичная «буржуйка». А〈лександр〉 А〈лексеевич〉 достал из-за дверей мелко наколотых дров, вернее лучины, затопил печку, затрещал огонь — дрова были сухие, из только что разломанного старого дома, — и не прошло часа, как мы уже сидели за горячими, душистыми лепешками, изготовленными его собственной рукой. Блины, в то время большое лакомство, теплота, тогда не такая уж частая, дымящиеся стаканы чаю и мелко-мелко наколотые кусочки сахара располагали к благодущию.

А〈лександр〉 А〈лексеевич〉 извлек из стола довольно объемистую рукопись.

— Вот, — сказал он. — Это — мой «Чернышевский»... Написать пьесу, и хорошую пьесу, трудно, труднее всего...

Драматургия была у А〈лександра〉 А〈лексеевича〉 совершенно на особом положении. Он ставил ее вне своей текущей обычной работы и не раз говорил, что пишет свои пьесы «для себя», не торопясь, долго вынашивая и не подгоняя их ни к каким срокам. Не признававший модернизма, реалист и бытовик, он пьесы писал просто, без всяких «трюков», по-чеховски. Так им написан «Чернышевский» (пьеса эта шла в Саратове уже после его смерти),³⁵ «Мертвые властвуют» и «Обреченные».

Все они проникнуты чеховскими настроениями, даже «Чернышевский», но первая в этом отношении особенно характерна. Местами прямо кажется, что вы читаете Чехова.

Тут и чеховский пессимизм, и чеховская грусть, и чеховская вера во что-то светлое грядущее. Есть, впрочем, и существенная разница. Измайлов больший пессимист, нежели Чехов. Он смотрит на свое поколение, в том числе и на себя, с большой печалью, как на людей «обреченных». Его главный герой, в котором чувствуется сам автор, говорит об этом поколении с большей горечью, чем Чехов.

— Мы, — говорит он, — жили жизнью бездарной и спутанной, как декадентские стихи, как сны во хмелю, прозаичной и ненужной, как задачник Евтушевского.³⁶ Как могли мы больше жизни любить свободу, когда десятки поколений выше нас мирились с неволей?

[Но и вера его в будущее зато сильнее, чем вера чеховских Вершининых.

— Вы, — говорит Измайлов устами Кручинина окружающей его молодежи, — счастливее нас. Вы тоже умрете тут среди песков и зноя, под скрип повозок и вскрикиванья верблюдов, но с холмистых вершин вы увидите сияющие дали прекрасной вольной страны, ваши дети будут уже свободнорожденными...

И кто знает, не сыграло ли здесь некоторую роль все то же кладбище? С детства он видел, как это кладбище, на его глазах, поглощает одного за другим людей, а жизнь не только не прекращается, но растет, ширится, совершенствуется и «обреченность», оставленная в наследство отцами, изживается.]

Это была одна из любимых тем бесед Измайлова и не раз трактовалась на его «именинах»...

Измайловские «именины», которые он неизменно праздновал из года в год 30 августа, собирали почти всю наличную литературу. Сам «хозяин» в этот день уже не ходил в театр, хлопотал, угощал и всецело отдавался своим гостям.

Вот тут-то, за стаканом вина, среди клубов дыма (сам А(лександр) А(лексеевич) не курил, но в этот день прегерпевал) и завязывались горячие споры о литературе, о жизни и смерти... Так из года в год... пока не наступил для него роковой мартовский день 1921 года, когда он, по образцовому слову поэта, «растаял как дым»...

¹ Подразумевается «Союз драматических и музыкальных писателей». Отдельные эпизоды деятельности Сологуба в нем реконструируются по сохранившимся материалам в архиве Сологуба в ИРЛИ. См.: Союз драматических и музыкальных писателей. Деловые письма // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 877.

² О театре «единой воли» см.: *Сологуб Ф.* Театр одной воли // «Театр» (Книга о новом театре). СПб., 1908. С. 179—198. Также свои взгляды на театр Сологуб изложил в заметке «Вечер Гофмансталя» (1907).

³ Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876—1921) — жена Сологуба. В сентябре 1921 года покончила жизнь самоубийством, бросившись в Неву с Тучкова моста.

⁴ Цитата стихотворения Ф. Сологуба «Мечтатель, странный миру...» (1894).

⁵ Многие современники сравнивали Сологуба с «римлянином эпохи упадка». Ср.: «Он был упорно своеобразен во всем, начиная с внешности: кому из знавших его не приходило в голову сравнение Сологуба с римлянином эпохи упадка» (*Голлербах Э. Ф.* Из воспоминаний о Ф. К. Сологубе // *Голлербах Э. Ф.* Встречи и впечатления / Сост., подг. текстов и комм. Е. Голлербаха. СПб., 1998. С. 149); «(...) с(брив) бороду и усы, стал походить, со своим обрюзгшим лицом и саркастической усмешкой, на римского сенатора времен упадка» (*Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890—1902 гг. М.; Л., 1933. С. 232). Возможно, наделение Сологуба «лицом римского патриция» / «римлянина» / «императора» «времен упадка», на котором так настаивали современники, вскрывает их иронию по отношению к автору «Мелкого беса», так как эта фраза вызывает стойкую культурную ассоциацию с Федором Павловичем Карамазовым. Ср. его самохарактеристику: «настоящая физиономия древнего римского патриция времен упадка» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 22).

⁶ Борис Михайлович Кустодиев (1878—1927) был автором известного портрета (1907) и бюста (1912) Сологуба.

⁷ Цит. статья «Театр одной воли». См.: *Сологуб Ф.* Театр: Книга о новом театре. СПб., 1908. С. 191.

⁸ Там же.

⁹ Драматическая сказка «Ночные пляски» (опубл.: Русская мысль. 1908. № 12. С. 144—167) поставлена на сцене Литейного театра в 1909 году, режиссер Н. Евреинов. Премьера пьесы «Мечта-победительница» состоялась 3 февраля 1912 года в декорациях Калмакова (антреприза актрисы О. Вехтер). Пьеса «Узор из роз» поставлена в 1920-м году во 2-й студии МХТ, режиссер В. В. Лужин. На сцене Александринского театра с большим успехом шла пьеса «Заложники жизни» в постановке В. Э. Мейерхольда. (см.: *Павлова М. М.* Сологуб // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т 5. М., 2007. С. 764—771).

¹⁰ См. прим. 17.

¹¹ «Мелкий бес» впервые был инсценирован в ноябре 1909 года в киевском театре Соловцова, режиссер Н. А. Попов. В 1925—1926 годах Сологуб работал над новой сценической версией романа. Следы этой работы сохранились в его «Тетради последнего лета». См. об этом: *Сологуб Ф.* Тетрадь последнего лета / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 гг. СПб., 2009. С. 993—995.

¹² Летние месяцы 1924—1927 годов Сологуб проводил в Детском Селе.

¹³ Подразумевается земля Ойле, сказочная страна из поэтического цикла «Звезда Маир» (1898, впервые опубликован в издании «Собрание стихов. Книга III и IV», 1904). См.: *Сологуб Ф.* Собр. стихотворений: В 8 т. СПб., 2002. Т. 1. С. 225—230.

¹⁴ Процитирована неточно финальная реплика Морева, героя драмы Сологуба «Мечта-победительница» (1912).

¹⁵ Подразумевается «Общество русских драматических писателей и оперных композиторов» (основано в 1874 году).

¹⁶ «Союз драматических и музыкальных писателей» до революции располагался по адресу: ул. Николаевская (современная ул. Марата), д. 20, кв. 22.

¹⁷ Подробнее об этом периоде жизни Е. Карпова см.: Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: [В 5 т.]. М., 1930. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. II / Сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. Стлб. 548—549.

¹⁸ *Карпов Е. П.*: 1) Рабочая слободка // Артист. 1891. № 17. С. 4—29; 2) Шахта «Георгий». Пьеса из жизни углекопов в 5 д. [СПб.], 1901. 34 с. «Рабочая слободка» была поставлена в Теат-

ре Литературно-Художественного общества (Малый театр) 24 января 1908 года, в день бенефиса Е. Карпова, посвященного 20-летию его литературно-драматической деятельности. «Шахта Георгий» — там же в 1901 году.

¹⁹ Крылов Виктор Александрович (1838—1908) — драматург. В 1893—1898 годах был начальником репертуарной части петербургских Императорских театров; в его работу входило заботиться о серьезном репертуаре и постановке классических пьес европейского и русского театра.

²⁰ Подразумевается пьеса В. Боцяновского «Натали Пушкина: (Жрица Солнца)». Боцяновский неверно называет год постановки пьесы. Премьера состоялась на сцене Русского драматического театра А. Рейнке (бывшего Панаевского театра) 8 октября 1912 года. См.: *Шебуев Н.* Театр Рейнке. «Натали Пушкина» — драматические сцены в 4-х действиях, В. Боцяновского // *Обозрение театров.* 1912. 10 окт. № 1875. С. 8—10. В том же году пьеса вышла отдельным изданием.

²¹ Имеется в виду «Общество имени А. Н. Островского» (1910—1917). Подробнее о нем см.: *Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 годов: Словарь.* М., 2004. С. 148.

²² Перечисляются артисты Александринского театра: Владимир Николаевич Давыдов (наст. имя Иван Николаевич Горелов; 1849—1925); Константин Александрович Варламов (1848—1915); Василий Пантелеймонович Далматов (наст. фам. Лучич; 1852—1912); Константин Александрович Варламов (1848—1915); Марья Гавриловна Савина (1854—1915); Варвара Васильевна Стрельская (наст. фам. Строва, по мужу Стуколкина; 1838—1915); Александра Антоновна Чижевская (1870—1925).

²³ Карпов проживал по адресу: Гончарная ул., д. 23, кв. 24.

²⁴ См.: *Карпов Е. П.* 1) Десятилетие народных гуляний за Невской заставой. 1885—1895. Очерк деятельности Невского о-ва устройства народных развлечений. СПб., 1895. 16 с.; 2) Организация народного театра и полезных развлечений для народа. СПб., 1899. 35 с. (в соавт. с Н. Н. Окуловым); Сборник памяти В. Ф. Комиссаржевской / Под ред. Е. П. Карпова. СПб., 1911. 437 с.

²⁵ Мунт Екатерина Михайловна (1875—1954) — актриса Московского художественно-общедоступного театра (1898—1902), Товарищества новой драмы под руководством В. Э. Мейерхольда (1902—1906), театра В. Ф. Комиссаржевской (1906—1907), провинциальных театров (1907—1914), Петградского ТЮЗа (с 1920). Свояченица В. Э. Мейерхольда, сестра Ольги Михайловны Мунт.

²⁶ Подразумеваются статьи-портреты А. Р. Кугеля (1864—1928) об актерах-современниках, публиковавшиеся в петербургских театральных изданиях и затем собранные в отдельный том. См.: *Кугель А. Р.* Театральные портреты. Пг.; М., 1923. 183 с.

²⁷ «Виринея» (1924) повесть Лидии Николаевны Сейфуллиной (1889—1954), переработанная ею в пьесу в 1925 году совместно с мужем Валерианом Павловичем Правдухиным (1892—1938).

²⁸ В 1907 году Измайлов опубликовал пьесу «Обреченные», в том же году она была поставлена на сцене Театра Литературно-Художественного общества.

²⁹ Ср. свидетельство самого Измайлова: «С внешней стороны детство прошло под впечатлением тех традиционных картинок городского, усиленно действующего кладбища, какие Помяловский называл „веселенькими пейзажиками“. Самые ранние впечатления слагали картины похорон, церковных служб, военных проводов. Соответственно были окрашены и первые игры, которые удивили бы ребенка, воспитавшегося не в непосредственном соприкосновении и близости духовному сословию, церкви, кладбищу и (...) его своеобразным типам. В психологическом отношении такие впечатления не облекли, однако, детства мрачным колоритом» (Автобиография А. А. Измайлова. Автограф. 3 декабря 1904 года // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1634. Л. 8—9).

³⁰ Актёры Александринского театра, захороненные на Смоленском кладбище, Варвара Николаевна Асенкова (1817—1841) и Василий Андреевич Каратыгин (1802—1853).

³¹ О работе Измайлова в 1919—1920-е годы Боцяновский сделал важные уточнения в черновых рукописях своих воспоминаний: «С прекращением этого издания («Петроградского голоса». — А. А.), после Октябрьской революции Измайлов посвятил себя культурно-просветительской работе. В качестве лектора он прочитал не менее 1000 лекций в целом ряде кино на литературно-общественные темы. Руководил литературным кружком в одном из клубов Балтфлота и вел занятия с группой курсантов по обучению технике газетного дела в Институте журнализма. Всю свою жизнь Измайлов жил исключительно литературными трудами. В последние годы жизни (1918—1921) его обеспечением был паек, который он получал из Кубуч'а и Балтфлота, и заработок его до революции, сколько мне известно, был от 15 до 20 тыс. рублей в год» (*Боцяновский В. Ф.* А. А. Измайлов. Заметка. Черновая рукопись // ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 37. Л. 4—4 об.). КУБУ — Комиссия по улучшению быта ученых, созданная в 1920 году при Доме ученых (Миллионная (Халтурина) ул., 27) и призванная осуществлять его основные задачи (улучшение быта ученых и распределение академических пайков). В состав Петроградского КУБУ, председателем которого был М. Горький, входили С. Ф. Ольденбург, Н. А. Котляревский, И. И. Манухин, А. Е. Ферсман, М. П. Кристи и др.

³² На мраморной табличке могильного креста строчка из стихотворения В. Я. Брюсова «В дни запустений» («Придут дни последних запустений...») (1899) воспроизведена дословно: «Я был, я мыслил, я прошел как дым...». Боцяновский, видимо, восстанавливая по памяти эту надпись, допустил неточность.

³³ «Петербургский листок», с 1914 года «Петроградский листок», — массовая общественно-политическая газета. Измайлов стал редактором этого издания в 1916 году. В ноябре 1917 года газета была переименована в «Петроградский голос». Подробнее о деятельности Измайлова на посту редактора см.: Александров А. С. А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916—1918). С. 134—143.

³⁴ А. А. Измайлов жил тогда по адресу: Васильевский остров, 17 линия, д. 70, кв. 9.

³⁵ О пьесе «Чернышевский» не сохранилось никаких сведений. Обращение в Государственный архив Саратовской области по поводу постановки пьесы не принесло результатов.

³⁶ Евтушевский Василий Адрианович (1836—1888) — педагог, автор «Сборника арифметических задач», выдержавшего свыше 30-ти переизданий.

© М. К. Лопачева

«БОБОК БУДЕТ СЕРИОЗНЫЙ...»

(ДОСТОЕВСКИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА)

Принадлежа к поколению литераторов, выросших на пророчествах и нравственных максимах Леонтьева, Тютчева и Достоевского, после революции участь добровольного изгнанника Георгий Иванов счел для себя единственно возможной. Однако адаптироваться под «лазурным небом Франции» так и не смог, до конца жизни тоскуя по «петербургским зимам» и невским набережным. Именно эта болезненно переживаемая ситуация выключенности из контекста обострила в нем унесенные в изгнание чувство «почвы» и осознание собственной принадлежности вполне определенному национально-культурному пространству, что привело к начатому в первые же эмигрантские годы активному творческому диалогу с представителями его. Достоевский — из числа подобных «собеседников» Г. Иванова. Вместе с тем пребывающая в самом основании мировидения и мироотношения поэта «достоевская» компонента нечасто открыто манифестируется в ивановском творчестве. Представленная имплицитно, она обнаруживает себя скорее на экзистенциальном, глубинно-философском уровне, ибо включена в процесс самопознания и ориентации в затянувшейся на годы тяжелой жизненной ситуации.

Тот факт, что горький опыт маргинального существования воспринимался писателями-эмигрантами во многом через «призму» Достоевского, подтверждает, например, признание Георгия Адамовича, мировоззренчески близкого Иванову с юности. Придавая местоимению «мы» значение «самое собирательное», Адамович констатировал: «В глубине души, по складу своему... мы были людьми толка скорей „достоевского“, чем толстовского, воспринимая Толстого преимущественно как упрек».¹ Иванов определенно был из тех, кто в эмиграции особенно остро ощутил «леденящие, сулящие короткий головокружильное блаженство эфирные струйки», проскользнувшие «в нашу литературу при содействии Достоевского...».² Судя по всему, как и Адамович, в «беседе» с этим классиком он чувствовал себя «свободнее», чем с другими.³ Диалог развернулся на годы, а создания Достоевского

¹ Адамович Г. В. *Одиночество и свобода*. М., 1996. С. 190.

² Там же. С. 191.

³ Г. Адамович указывал на одну из причин этого предпочтения: «Пушкин и Толстой — наши вершины, но беседа у нас легче налаживалась с Достоевским и Лермонтовым, они меньше нас стесняли...» (Там же).

в художественном пространстве Иванова выступают по сути как единый устойчивый текст, который многочисленными вариациями проявляется в его произведениях.

Такого рода присутствие Достоевского можно обнаружить как в лирике, так и в прозе Георгия Иванова — художественной, мемуарной, критической, публицистической. Имя классика неоднократно встречается в ивановских письмах. Порой личность Достоевского, его тексты и образы служили Иванову источником аргументации, как это видно, например, в письме к Р. Гулю от 25 июля 1955 года: «Я всегда говорю, что мироздание сочинил бездарный Достоевский — этаким доктором Беляев, если читали». А. Ю. Арьев, высказывает предположение, что под Беляевым в данном пассаже подразумевается некий сотрудник «Нового времени», писатель суворинского круга.⁴ В другом письме к тому же адресату, комментируя инкриминируемое ему участие в уголовной истории, Г. Иванов сообщает о своем алиби, вплетая в этот сюжет как прецедентный текст ссылку на Достоевского, что, вероятно, должно было подчеркнуть вымышленный и «идейный» характер обвинения: «„Убийство“ старухи происходило в конце февраля 1923 года — Ваш же покорный слуга уехал за границу в октябре 1922...»⁵

В лирике «достоевщина», склонность к которой, судя по письмам, ощущал в себе Иванов,⁶ на первый взгляд не видна, за исключением двух стихотворений, где соотнесенность с Достоевским открыто декларируется. В одном из них (1949) имя классика — в кратком перечне символов прежней России: «Несколько поэтов. Достоевский. / Несколько царей. Орел двуглавый. / И — державная дорога — Невский... / Что нам делать с этой бывшей славой?..».⁷ В другом — помещенное в кавычки словосочетание «Бедные люди» из перефразированного афоризма Григория Ландау («Образец тавтологии: Бедные люди») погружает нас в атмосферу романа Достоевского: «...Вот вылезает, как зверь из берлоги я, / В холод Парижа, сутулый, больной... / «Бедные люди» — пример тавтологии, / Кем это сказано? Может быть, мной» («Все представляю в блаженном тумане я...»). И если в первом из текстов упоминание Достоевского носит эмблематично-декларативный характер, то во втором двойная реминисценция делает амбивалентным смысл его финала, ибо, с одной стороны, указывает на непрекращающуюся трагедию Макаров Девушкиных, брошенных в «холод» туманного города (теперь — Парижа), а с другой — ассоциируется с литературной (петербургской, «достоевской») родословной автора миниатюры.

Двойственность суждений, доходящая, кажется, иной раз до опасной крайности («И да — уже не да, а нет, / И тьма — уже не тьма, а свет...»), нескончаемые «наобороты» (Ю. Иваск) — продукт горестного, как признавался сам поэт, «таланта двойного зренья», доставшегося ему в наследство не только от Тютчева, к чьим «сумбурным ученикам» он себя относил. Ивановские антиномии, «двойное бытие», принимаемые долгое время критиками и читателями за признаки циничного нигилизма, есть не что иное, как родовые черты, проступающие в его лирическом персонаже. Не раз уже сближались комментаторами «Распада атома» его герой и «подпольный» философ Достоевского. Время этого «наследства» чувствует на себе и персонаж ивановской лирики, еще до выхода поэмы эпатировавший читателя перепадами настроения, разъедающим скепсисом («Россия счастье. Россия свет, / А, может быть, России вовсе нет. <...> Россия тишина. Россия прах. / А, может быть, Россия — только страх...»). «Нет ничего святого», подобно «подпольному» философу, заявляет Иванов в знаменитом и до сих пор неоднозначно толкуемом «нигилистическом» стихотворении 1930 года, одном из главных в сборнике «Розы»: «Хорошо, что нет царя. / Хорошо, что нет России. / Хорошо, что Бога нет...» Впро-

⁴ Арьев А. Ю. Жизнь Георгия Иванова. Документальное повествование. СПб., 2009. С. 416.

⁵ Иванов Г. Девять писем к Роману Гулю // Звезда. 1999. № 3. С. 157.

⁶ См., например, в письме от 31 октября 1950 года: «Дело в том, что „про себя“ я не совсем то, даже совсем не то, каким „реализуюсь“ в своих поступках. Но это уже „Достоевщина“...» (цит. по: Арьев А. Ю. Указ. соч. С. 360).

⁷ Здесь и далее лирика Г. Иванова цит. по изд.: Иванов Г. Стихотворения. СПб., 2005.

чем, еще в молодости, бывало, высказывался поэт в тоне некоего абстрактного нигилизма. Это видно, например, в парафразе знаменитого нервного восклицания антигероя Достоевского («Свету ли провалиться или вот мне чаю не пить?»), довольно безобидно интерпретируемого юным поэтом: «Что ж, ужинать или / Еще сочинить стихи?» («Все в жизни мило и просто...»).

В эмиграции Иванов приходит к подлинному трагизму. И уже не только «подпольный», а «человек Достоевского» как таковой с его катастрофическим сознанием, болью и тоской по высшей справедливости, скрывааемыми — как у Раскольниковы или Ивана Карамазова — за эпатирующим отрицанием Бога, предстает у Иванова в контексте нового исторического опыта. Построенное на отрицаниях стихотворение «Хорошо, что нет царя...», по мнению А. Ю. Арьева, — одно из главных свидетельств «светоносного нигилизма» Иванова, отражающего апофатичность его сознания. Действительно, лирический персонаж Иванова, остро чувствуя холод черноты, в которую погружается мир, подобно тютчевскому герою, жаждущему «уничтоженья», ищет последней — космической — свободы, какую дает разделенная с богооставленным миром участь: «Хорошо — что никого, / Хорошо — что ничего, / Так черно и так мертво, / Что мертвее быть не может / И чернее не бывать. / Что никто нам не поможет / И не надо помогать».

Противоречивость сознания в духе героев Достоевского, присущая лирическому персонажу Иванова, отражается и в ряде других текстов. Эта двойственность обусловлена одним из основных для ивановского мировидения представлений — пониманием процесса бытия как динамичной и непрестанной череды превращений субстанции в свою противоположность (см.: «Мелодия становится цветком...» и др.), что, по мнению поэта, свидетельствует о «непререкаемой реальности целого», на которую он настойчиво указывал, сближая в антитезах и оксюморонах полярности: «Жду, когда исчезнут все слова / И душа провалится в сиянье / Катастрофы или торжества...» («Я не стал не лучше и не хуже...»). Дарованная избранным способность к «двойному зренью» мучительна для наделенных ею. Обнаружив этот дар у Достоевского, Л. Шестов указывал на болезненность подобного визионерства.⁸ Открывшаяся автору «Записок из подполья» трагическая суть парадокса состояла в том, что «небо и каторжные стены, идеалы и кандалы вовсе не противоположное, как хотелось ему, как думалось ему прежде, когда он хотел и думал, как все нормальные люди. Не противоположность, а одинаковое. Нет неба, нигде нет неба, есть только низкий, давящий „горизонт“...».⁹

Для Иванова, как и для Достоевского, эта способность несет столь же мучительное знание. Как отмечает Н. Ю. Грякалова, «талант двойного зренья» в контексте «тотальных утрат» обрушивает на поэта-экзистенциалиста «бремя дисгармонии, взгляд на жизнь под знаком смерти, фиксацию распадающейся на фрагменты истории». Вместе с тем это «двойное зренья» выводит художника «за рамки обыденной картины мира, до болезненности обостряя стремление выразить в слове то, что недоступно привычному взору».¹⁰ Оксюморонные сближения, полярности, в антитегичных цепочках соединенные союзом «или», обильно представлены и в лирике, и в прозе Иванова. Вынесенный эпиграфом к «Распаду атома» парадокс из второй части «Фауста» («Опустись же. Я мог бы сказать — взвейся. Это одно и то же...») — знак дорогого душе Г. Иванова представления об относительности координат в мироустройстве и вследствие этого едва ли не спасительной неокончатель-

⁸ По словам философа, обладателю этого дара «новые видения кажутся незаконченными, нелепыми, фантастическими, призраками или галлюцинациями расстроенного воображения. (...) И тогда начинается борьба между двумя зрением — естественным и неестественным, — борьба, исход которой так же кажется проблематичен и таинственен, как и ее начало...» (Шестов Л. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 27).

⁹ Там же. С. 32.

¹⁰ Грякалова Н. Ю. «Талант двойного зренья». Об одной визуальной метафоре у Георгия Иванова // Русская литература. 2009. № 4. С. 47.

ности той или иной истины. А за этим — тщательно скрывающиеся под скептической гримасой надежда и вера, жажда подлинной справедливости и любви. В этом герой «Распада атома» близок не столько «подпольному парадоксалисту», сколько несчастному убийце «старухи». Сны Раскольникова раскрывают его детски незащищенную перед лицом зла (по Иванову — «мирового уродства») душу. Кружение «верха» и «низа» в сознании субъекта ивановской поэмы, утрата в реальной фазе жизни (не во сне) почвы, уверенности в силе добра, кажется, делают его видение мира искаженным, но именно этот искажающий ракурс герою и дорог, поскольку позволяет не видеть «уродства». Подобная природа двойственности сознания персонажа Иванова (как и «подпольного», и Раскольникова) допускает предположение об их генетическом родстве — о романтических корнях. Герой Иванов на свой лад мыслит об антитезе этому миру: «Я испытываю по отношению к окружающему смешанное чувство превосходства и слабости: в моем сознании законы жизни тесно переплетаются с законами сна. Должно быть, благодаря этому перспектива мира сильно искажена в моих глазах. Но это как раз единственное, что еще отделяет меня от всепоглощающего мирового уродства».¹¹

Однако именно эти попытки внутренне противостоять «мировому уродству» в значительной степени отделяют героя «Распада атома» от «парадоксалиста» Достоевского, чего не заметили в нем многие современники Иванова. Уже в год выхода поэмы (1938), которая произвела в Париже впечатление скандала и вызвала, с одной стороны, заговор молчания в печати, с другой — посвященные ей собрания и доклады, в нечастых развернутых критических высказываниях произведение сближалось с «Записками из подполья». Так, по словам Альфреда Бема, отозвавшегося на появление «Распада атома» статьей «Литература с кокаином», книга Г. Иванова «невольно напрашивается на сопоставление с „Записками из подполья“ Достоевского, ибо здесь тоже попытка сказать последнее, договорить до конца то, что таится в самой глубине подсознания».¹² Однако еще с 1920-х годов не принадлежа к числу поклонников творчества Иванова, критик и в этом «растянувшемся стихотворении в прозе» (В. Ходасевич) увидел повод для упрека автору в аморальности, указал на его холодное равнодушие и подозрительное дистанцирование от героя. В то время как Достоевский, подойдя к грани допустимого в искусстве, «сохраняет дистанцию между собой и своим героем, заражая читателя тоской по утраченному единству личности», ивановское отстранение, по мнению критика, несет другую нравственную суть: сочетание изысканной формы повествования с предельной откровенностью, вызывающей «при одном чтении чувство тошноты», «литературной пригласенности с „подпольщиной“ оставляет от книги Георгия Иванова самое тягостное впечатление». Причина, по словам рецензента, в том, что Иванов, в отличие от Достоевского, увидел в «распаде» личности не «подлинную трагедию», а «материал для эстетизирующего наблюдения».¹³ Подозревая самого автора «Распада атома» в моральной распушенности, нравственном нигилизме, А. Бем, безусловно, упрощал содержание произведения, как, впрочем, и большинство современных Иванову читателей поэмы.

Среди немногих высоко оценивших произведение современников были З. Гиппиус и Д. Мережковский. Знаменательно, что, назвав поэму «гениальной», Мережковский, как известно, весьма искушенный читатель Достоевского, увидел в ивановском тексте духовный сюжет: глубину трагедии души, тоскующей по Высшему, — души, в которой, по Иванову, «наши отвратительные, одинокие души соединились в одну и штопором, штопором сквозь мировое уродство, как умеют, пробиваются к Богу».¹⁴

¹¹ Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 6.

¹² Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 439.

¹³ Там же.

¹⁴ Иванов Г. Собр. соч. Т. 2. С. 31.

Современные исследователи, подвергая анализу смыслы «Распада атома», дают различные интерпретации явных и неявных отсылок к Достоевскому в ивановском тексте. Таких, например, как упомянутые героем «разные русские мальчишки, клейкие листочки и заветный русский тип, рыцарь славного ордена интеллигенции, подлец с болезненно развитым чувством ответственности».¹⁵ Если первая реминисценция с очевидностью отсылает к «Братьям Карамазовым», то вторая, отмечает В. А. Котельников, указывает на важный мотив самосознания персонажа в «Записках из подполья», который испытывал «„подленькое наслаждение“, сознавая, что „вот и сегодня сделал опять гадость“, и вновь начиная „грызть себя за это зубами, пить и сосать себя“, а кончал всегда сознанием: „прав, что подлец“».¹⁶ В статье В. А. Котельникова содержатся глубокие замечания об эстетико-философской проблематике как повести Достоевского, так и текста Иванова, характерного, по мнению автора, для постклассической эпохи. Премущественность двух текстов исследователь видит прежде всего в изображении младшим из писателей процесса расширения субъектного пространства до степени его дезинтеграции и разложения. Мировосприятие ивановского героя, суждения которого изобилуют антиномиями, вполне сопоставимо с парадоксами «подпольного», в чем субъектном пространстве уживаются, вступая в «невыносимый контраст», взаимоисключающие установки — такие, например, как доведенная до крайности гипертрофия «подлости» и абсолютная внутренняя честность («я ведь абсолютную правду пишу»). Вместе с тем Иванов указывает на катастрофическую стадию развития подобного типа личности: в сознании человека эпохи «распада атома» фрагментированные картины «мирового уродства», неостановимый процесс разлетающихся смыслов легко сводят к нулевому значению и нравственные категории, и всякого человека. В результате формируются как убежденность в «божественном праве делать зло», так и сомнение в этом праве. Суть взаимодействия текстов В. А. Котельников видит прежде всего в том, что Ивановым с максимальным эффектом был использован опыт начавшегося в «Записках из подполья» изображения «фрагментации субъектного пространства, результатом которой было нарастающее расширение „подпольного сознания“ во все стороны, равно допускавшее признание идеальных ценностей, и дискредитацию их, и деструктивную игру с ними в своем и чужом субъектном мире, и одновременно понимание „гадкой истины“...».¹⁷

Уживаются в субъектном пространстве героев жалость и жестокость, стремление к покою и агрессивное желание разрушить «мировое уродство». В рефлексирующем персонаже Иванова потребность мести прогрессирует. Парадоксальна при этом роль, которая отведена гармонии: «...извлечь из хаоса ритмов тот единственный ритм, от которого, как скала от детонации, должно рухнуть мировое уродство».¹⁸ В очередном ивановском «наобороте» проступают знаки разветвленной литературной «родословной» поэта — склонность к экзальтации в духе Серебряного века. Герой поэмы, пребывая в мучительном поиске «единственного ритма», детонатора, не надеется на личное спасение, ибо не отделяет себя от приговоренного к уничтожению мира: «Сам частица мирового уродства, — я не вижу смысла его обвинять».¹⁹

Л. П. Ельницкая, сопоставляя исповедальные дискурсы Достоевского и Иванова, приходит к выводу об их противоположной направленности. По мнению исследователя, в отличие от подпольного «парадоксалиста», герой «Распада атома» уже не способен к нравственной работе и потому обречен на гибель. «В концепции Г. Иванова, — делает вывод Л. П. Ельницкая, — одиночество (подполье) — удел человека, не зависящий от его выбора (...) Для Иванова характерна ненависть к

¹⁵ Там же. С. 8.

¹⁶ Котельников В. А. «Записки из подполья» Ф. Достоевского и «Распад атома» Г. Иванова // Достоевский и Русское зарубежье XX века. СПб., 2008. С. 121.

¹⁷ Там же. С. 125.

¹⁸ Иванов Г. Собр. соч. Т. 2. С. 19.

¹⁹ Там же. С. 34.

личности в ее настоящем виде».²⁰ Трудно с этим согласиться, поскольку, несмотря на опасный градус откровений героя, обнажающих весьма непривлекательные стороны его личности, невозможно не увидеть и иной смысл антитезиса «подполью». По сути это история о любви и, как пишет А. Ю. Арьев, «об оставленном в памяти героя ее невозстановимом образе, всплывающем лишь духовидчески, в снах»,²¹ а кроме того, о «неистребимом желании чуда, которое живет в людях, несмотря ни на что».²²

Размышления о расколотости современного русского сознания Иванов начал за несколько лет до «Распада атома». Интертекстуальное взаимодействие с произведениями Достоевского в процессе этой социально-философской рефлексии предстает как в имплицитных, так и в эксплицитных формах. К примеру, эссе 1933 года «О новых русских людях» насыщено аллюзиями, изобилует реминисценциями: здесь и рассуждение о новом «подполье», о рецидиве синдрома «униженных и оскорбленных». Имеется и «что-то топорное», отмеченное «в движениях, в ходе мысли, в речи»²³ описываемого персонажа, что отсылает как к топору Раскольников, так и к изображению топора на прокламации в «Бесах». Исследуя зародившийся в эмигрантской среде тип носителя нового, «пореволюционного сознания», автор прибегает к указанному им самим приему «накладки», каковым пользовались «в блаженные довоенные времена» создатели «соединенных портретов знаменитостей», когда «карточки» одного накладывали на «карточки» другого и получали «физиономию благообразного господина». Выбрав подобный способ для характеристики «двоящегося, троящегося, четверящегося лица „нового человека“, вступающего в русскую жизнь», Иванов несколько гротескно указывает на эклектичность и «распад» этого сознания, обозначая при этом «родословную» героя. В анамнезе — «материализм — и обостренное чувство иррационального. Марксизм — и своеобразный романтизм. Отрицание христианства — „спасение в христианстве“. Русское мессианство — „Интернационал“. „Цель оправдывает средства“ — и непротivление злу. Достоевский, Достоевский, Достоевский... Немного Толстого. „Атлантида“ Мережковского, Ницше и... Андре Жид». А также другие «бесчисленные... „следы“... пестрых, перекрещивающихся, отрицающих друг друга влияний».²⁴

В герое эссе сублимирована стадия некоей мутации дробящегося эмигрантского сознания. Вероятно, по Иванову, это новая «бесовщина», ибо в облике исследуемого объекта отчетливо проступают накладываемые одна на другую «карточки» персонажей «Бесов». Причем, описывая Петра Степановича, автор ни разу не назвал его фамилии, хотя, как указывает в примечаниях к тексту В. Крейд, речь идет о реальной личности — П. С. Боранцевиче, наиболее заметном активисте «пореволюционных течений» в эмигрантской среде.²⁵ Настойчиво повторяемое имя и отчество героя, с одной стороны, подчеркивает знаковое совпадение — двойной тезка Верховенского-младшего — с другой, делая имя нарицательным, типизирует явление. Лицо этого «нового человека», констатирует Иванов, «туманно», он «растерянно глядит вокруг себя, не зная, во что верить, что отрицать... <...> о его родословной можно только гадать. Он христианин, отрицающий Христа, антибольшевик, не доверяющий эмиграции, он не признает рубежа, но по обе стороны его — он равно чужой...».²⁶ Автор почти сочувствует растерянности героя, расколотости

²⁰ Ельницкая Л. П. Исповедь антигероя («Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и «Распад атома» Г. Иванова) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2007. Вып. 18. С. 239—240.

²¹ Арьев А. Ю. Указ. соч. С. 136.

²² Иванов Г. Собр. соч. Т. 2. С. 8.

²³ Там же. Т. 3. С. 575.

²⁴ Там же. С. 572.

²⁵ Там же. С. 710.

²⁶ Там же. С. 575.

его сознания, но больше его тревожат явно проступающие типологические черты «верховенщины»: склонность Петров Степановичей к созданию групп («Он и маленькая кучка его учеников гордо называют себя „Третьей Россией“...»), претензия на мессианство, особый вид ораторства (у Верховенского — «слова-зернышки»; ивановский персонаж излагает программу «подробно, тщательно отчеканивая каждое слово»).

«Достоевскость» в описании формирующегося социально-идеологического типа обнаруживается в этом тексте Иванова также и парадоксальным сочетанием «ясной» программы с «туманностью» «четверящегося» лица героя. Сквозь современные автору черты в облике Петра Степановича проступают и другие «карточки». Наружностью и повадками он скорее напоминает Шатова: тоже «коренастый, топорный человек» (ср. у Достоевского о Шатове: «неуклюж», «с широкими плечами»), тяжеловесный «во всем — в движениях, в ходе мысли, в речи». ²⁷ Вместе с тем «каменной», но несколько косноязычной своей речью, а также детскостью улыбки Петр Степанович у Иванова может напомнить Кириллова. Наконец, пугающими сочетаниями несочетаемого герой явно ассоциируется и с главным «грешником» романа Достоевского: «что-то уж очень» спокойный, ясный взгляд, «белые зубы» (ср. у Ставрогина — «зубы как жемчужины»), статья, определяемая Г. Ивановым то «топорной», то уверенной, а также безусловная харизма... Все это явно указывает на двойственность впечатления от «нового человека», как и от героя Достоевского, о котором в романе сказано: «казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен». ²⁸ Как и Достоевский, Иванов балансирует между трагедией (размышление о новом «подполье») и пародийно-гротескной стилистикой. Язвительная компиляция «карточек» прототипических персонажей в «портрете» героя подводит читателя к прямо сформулированной угрозе очередных «цветочков» большевизма, новой бесовщины: «Славный... Петр Степанович, вещающий о титанизме с трибуны „Зеленой лампы“, — не есть ли он именно такой цветочек распускающегося на наших глазах нового зла?» ²⁹

К знаковой для данного текста символике «топора» Георгий Иванов прибегал и раньше. В неоконченном романе «Третий Рим» (1929 год — 1-я часть, 1931 год — 2-я часть) безобидная витринная надпись, рассеянно прочитанная одним из героев, оборачивается мистическим предзнаменованием: «...эти „т“, „о“, „п“ и „р“, предназначенные от века вызывать своим сочетанием привычное представление о топоре, точно переключившись куда-то, дрогнули каким-то подспудным, глухим и угрожающим смыслом». ³⁰ Восходящая к Достоевскому реминисценция поддержана далее и прямой цитатой из «Бесов»: «Справа налево из тех же букв неожиданно составилось „ропот“, и Вельскому вдруг почудились фигуры каких-то бородастых людей, блеск железа и гул голосов. „Идут мужики и несут топоры... — вспомнил он. — Кто это там пророчествовал? — вот, сбывается...» ³¹ В обычной для себя манере цитирования (без указания авторства) Иванов намеренно переводит высказывание в разряд архетипического для русской истории и культуры, для русского национального сознания.

Действие романа «Третий Рим» разворачивается в пропитанной тревогой атмосфере предреволюционного Петрограда. В контексте разрабатываемого с XIX века мифа о Петербурге главы романа прочитываются как «петербургский текст» в версии Достоевского. На это, кроме названной, указывает целый ряд отсылок к пратекстам, будь то (напоминающие раскольниковские) блуждания Адама Адамовича вдоль Екатерининского канала и прилежащих к нему улиц «срединной» час-

²⁷ Там же.

²⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 37.

²⁹ Иванов Г. Собр. соч. Т. 3. С. 580.

³⁰ Там же. Т. 2. С. 111.

³¹ Там же.

ти города или отблеск inferнальности на Золотовой — главном женском персонаже романа. В петербургском пейзаже также многое соотносимо с текстами Достоевского, в частности, мотивом губительности, таинственной власти над человеком этого города: «Что же? Или то страшное, ледяное, враждебное, что его кружило и несло, как океан кружит и уносит щепку, что же — или это был тот самый Петербург, на сады и крыши которого, куря свою трубку, он смотрел в окно по вечерам?»³²

Еще отчетливее присутствие Достоевского чувствуется в другом «петербургском тексте» Г. Иванова — в изданных годом раньше «Третьего Рима» знаменитых «Петербургских зимах» (1928). Воссоздавая «портрет» канувшей в Лету эпохи культуры, воплотившейся для него в дореволюционном Петербурге, автор повествует о литературном быте столицы 1910-х годов и о последних днях «блистательного Петербурга». Черда очерков о представителях столичной богемы дана в русле главной темы — «заката» великой культуры. Черты эсхатологического мифа о гибельной участи северной столицы проступают с первой страницы книги: «К 1920-му году Петербург тонул уже почти блаженно».³³ Атмосфера пред- и революционной столичной реальности пропитана «достоевской» возбужденностью, экзальтацией, мистицизмом. Мотив города — «умышленного», провоцирующего убийц и самоубийц, «построенного на косточках русских» и в силу этого обреченного на неотменимый конец — заявлен в открывающей книгу таинственной истории о странном гумилевском сапожнике — философе и «чертопокклоннике», чьи речи были услышаны в полусне повествователем. Персонаж этот — сублимация «петербургских мороков, марев, горячего бреда» (В. Н. Топоров), обострение которых, по Иванову, знаменовало скорый трагический финал. Вместе с тем история эта, как указывает Н. А. Богомолов, «до разительности» напоминает начало романа Д. С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)».³⁴ Роман открывается диалогом царевича Алексея со старичком — отставным подъячим Ларионом Докукиным, объявляющим Петра антихристом. Антипетровские суждения звучат и в устах ивановского Ильи Назаровича. Спасение построенного «на костях» города, где «душеньки неотпетые» ночами «по сей день маются и Петра вашего, и нас всех заодно проклинаят», он видит в поклонении Люциферу и распространяет текст молитвы, обращенной к «Утренней Звезде, источнику милости...». О том, что это звезда Люцифера, у Иванова напоминает прочитавший подброшенную листовку Гумилев.

Эпизоды перекликаются не только отведенной им функцией своеобразной эсхатологической «увертюры» к произведению. Н. Богомолов, сопоставляя фрагменты, указывает на умышленную узнаваемость претекста в «Петербургских зимах», которая, как и подчеркнутая интертекстуальность самых первых страниц, насыщенных поэтическими аллюзиями (Ахматова, Ходасевич, Зоргенфрей и др.), должна восприниматься в качестве подсказки, в каких ключах воспринимать книгу. С одной стороны, «это мемуары, с названием конкретных лиц (время от времени скрытых за инициалами); с другой — текст, построенный на сквозных цитатах, когда даже обычные описания кажутся заимствованными из разных стихотворений разных поэтов; наконец, это сугубая беллетристика, вовсе и не рассчитанная на сколько-нибудь соотносимое с жизнью прочтение».³⁵ Отметим, что эта подчеркнутая интертекстуальность начала книги суть указание на культурный код изображаемой эпохи — безмерно дорогого поэту Серебряного века с его повышенной диалогичностью. У Иванова диалог носит как диахронический (Достоевский, Пушкин, Тютчев и ближе — оцениваемое уже из эмиграции предреволюционное

³² Там же. С. 117.

³³ Там же. С. 6.

³⁴ Богомолов Н. А. Заметки о русском модернизме // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 334.

³⁵ Там же. С. 336.

культурное пространство), так и синхронический характер. В пользу последнего говорит именно этот расчет на посвященного читателя — современника, способного распечатать аллюзивные переплетения и в содержании, и в стилистике повествования.

Наряду с обращением к теме Петербурга, важнейшей в философском и историческом плане как для Достоевского, так и для Иванова, созвучие с претекстами можно увидеть в целом ряде мотивов и образов, переплетенных в поэтической ткани «Петербургских зим». Среди них — вырастающий до символа «петербургский туман» (или «желтый пар» — из неоднократно цитируемой в тексте миниатюры И. Анненского), как известно, — излюбленная деталь петербургских пейзажей и у Достоевского. Стоит вспомнить, например, судьбоносный для героя рассказа «Сон смешного человека» мрачный и холодный ноябрьский вечер, когда «ото всего шел какой-то пар, от каждого камня на улице и из каждого переулка». ³⁶ Или описание утра в «Подростке», когда вполне реальный «сырой молочный» туман разворачивается мистической «грезой», в которой сливаются явь и «фантазия»: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе этот гнилой, склизлый город, подыметса с туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?» ³⁷ С этим описанием легко соотносится ивановский метафизический пейзаж. На эмблематичность и интертекстуальную природу его указывает сам автор: «Классическое описание Петербурга почти всегда начинается с тумана. Туман бывает в разных городах, но петербургский туман — особенный. Для нас, конечно. Иностранец, выйдя на улицу, поешится: „бр... проклятый климат...” Ежимся и мы». И далее, после цитат из Ахматовой и Пушкина: «Петр на скале, Невский, сами эти пушкинские ямбы — все это внешность, платье. Туман же — душа». ³⁸

Идеологическая сопряженность с петербургским дискурсом Достоевского обнаруживает себя не только в перекличке мотивов и образов, но и в жанрово-стилевой природе «Петербургских зим». В «трудном» жанре (М. Алданов) книги Г. Иванова, уклонявшегося от четкого определения его, угадываются следы художественных экспериментов Достоевского. Само название книги интертекстуально — адресует как к «петербургской зиме» из неоднократно цитируемого в ивановском тексте «Петербург» И. Анненского («Желтый пар петербургской зимы, / Желтый снег, облипающий плиты...»), к «Петербургским строфам» О. Мандельштама («Над желтизной правительственных зданий / Кружилась долго мутная метель...»), так и к «Петербургской летописи» и «Петербургским сновидениям в стихах и прозе» Достоевского. И если три фельетона Достоевского от 1847 года вполне укладываются в эстетическую программу натуральной школы и соотносимы с жанром физиологии, то синтетическая природа «Петербургских сновидений...» (1861), тоже обозначенных автором-повествователем как фельетон, обнаруживает, наряду с традицией литературы физиологий 1840-х годов, переосмысленную писателем романтическую традицию. Возможно, найденная Г. Ивановым уникальная форма для «Петербургских зим», называемых в критике то псевдомемуарами, то «беллетризованными мемуарами» (В. Крейд), инспирирована именно этими фельетонами. Думается, сопоставление «Петербургских зим» с текстами Достоевского в какой-то мере приоткрывает суть энигматической природы этого произведения Иванова.

Сходства немало. Например, откровения идеологического двойника молодого Достоевского, «фланера-мечтателя» из «Петербургской летописи», взволнованное признание «фельетониста» из «Петербургских сновидений...» о потрясении «видением на Неве», с которого начался новый — писательский — этап его жизни, впол-

³⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 105.

³⁷ Там же. Т. 13. С. 113.

³⁸ Иванов Г. Собр. соч. Т. 3. С. 31.

не сопоставимы со страницами «Петербургских зим», повествующими о начале именно в этом городе литературной карьеры их автора. (Знаменательно, что в рецензии на ранние ивановские стихи Н. Гумилев, предупреждая молодого поэта об опасности созерцательности, диагностировал в его лирическом герое психологию «фланера».) При этом оба текста тяготеют к описываемому с конца 1970-х годов жанру автофикшна (autofiction). С самого начала исследования этого явления была обозначена оксюморонная его природа — «сочетание несочетаемого в одном тексте: автобиографии и романа, референциальности и вымысла, документальности и художественности».³⁹

В духе повествования Достоевского о «петербургских сновидениях», серьезность и открытый лиризм оксюморонно переплетаются у Иванова с иронично-фельетонными красками и интонациями, а порой и язвительностью: «Сталкиваясь с разными кругами „богема“, делаешь странное открытие. Талантливых и тонких людей — встречаешь больше всего среди ее подонков. В чем тут дело? Может быть, самой природе искусства противна умеренность».⁴⁰ В обоих текстах преобладает зимний петербургский пейзаж. Есть «географические» совпадения блужданий героя Достоевского и перемещений по городу повествователя в «Петербургских зимах». На соотношенность текстов указывают и другие формально-содержательные их особенности: в обоих произведениях находим восприятие Петербурга как некоего «сна», «видения» на грани реальности и фантастики. У Иванова дополнительный налет призрачности городу придает то, что сам облик его предстает как картина памяти: «Есть воспоминания, как сны. Есть сны — как воспоминания. И когда думаешь о бывшем „так недавно и так бесконечно давно“, иногда не знаешь — где воспоминания, где сны. (...) Был Февраль и был Октябрь... И то, что после Октября, — тоже было. Но, если взглядеться пристальней, — прошлое путается, ускользает, меняется».⁴¹

Наконец, не может не обратить на себя внимание такая структурная особенность «Петербургских сновидений в стихах и прозе» и «Петербургских зим», как смешение прозаической и стихотворной речи — характерное проявление жанровых признаков мениппеи. Именно так М. М. Бахтин определил жанровую сущность «сновидений» Достоевского, увидев в них, в частности, «разновидность карнавализованной мениппеи», поскольку в тексте передано «яркое карнавальное ощущение жизни» и «прежде всего особое ощущение Петербурга со всеми его резкими социальными контрастами как „фантастической грезы“, как „сна“, как чего-то стоящего на грани реальности и фантастического вымысла».⁴² С учетом неоднозначности отношения сегодняшней науки к введенному Бахтиным термину «мениппея», рискованно предположить, что сопоставление с текстом Достоевского проливает свет и на жанровую природу «Петербургских зим», в которых автор позволяет себе, ссылаясь на причуды памяти, довольно свободное обращение с фактами, мифологизирует конкретную реальность, дополняет недостающие фрагменты задуманного полотна с помощью вымысла (например, весьма живо описанная ночная поездка акмеистов в Царское Село к «скамье Анненского»). Как и у Достоевского, в карнавальном чреде героев которого мелькают то вполне реальные современники (Гончаров, Краевский), то «новый Акакий Акакиевич» и «некий» Гарпагон, у Иванова уравниены в правах реальные лица и литературные фантомы, живые и «призраки», помещенные в пространство единого мифа о Петербурге: «Там, в этом желтом сумраке, с Акакия Акакиевича снимают шинель, Раскольников идет убивать старуху, Иннокентий Анненский, в бобрах и накрахмаленном пластроне,

³⁹ Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 13.

⁴⁰ Иванов Г. Собр. соч. Т. 3. С. 36.

⁴¹ Там же. С. 118.

⁴² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 187.

падает с тупой болью в сердце на грязные ступени Царскосельского вокзала... ⟨...⟩ Впрочем, — все это общеизвестно». ⁴³ Бурлескное снижение высокой темы в последней фразе — также в духе эстетики мениппеи. Как и у Достоевского, в чьем творчестве, по утверждению М. М. Бахтина, был переосмыслен и обновлен этот античный жанр, книга Иванова изобилует контрастными перепадами интонации и оксюморонными сближениями лиризма и гротеска, высокого и «трущобного» (см., например, страницы об А. Тинякове).

Строго говоря, мениппейная стилистика проступает во многих следующих за «Петербургскими зимами» текстах Иванова, будь то лирика или проза. Стоит отметить хотя бы такие знаки ее, как гротескное сочетание высокого трагизма «последних» вопросов и эпатирующего натурализма в «Распаде атома» или тот факт, что, как и в «Записках из подполья» (и ряде других произведений Достоевского), герой поэмы Иванова ощущает себя носителем главной истины.

Вероятно, эта эстетика была для Г. Иванова актуализирована его эмигрантским экзистенциальным опытом. Сомнения в том, что данная стилистика была воспринята Ивановым через посредство Достоевского, могут снять не только указанные многочисленные созвучия. В ивановских письмах последних лет его жизни содержатся неоднократные упоминания рассказа Достоевского «Бобок». Название этого текста, по словам М. М. Бахтина, «одной из величайших мениппей во всей мировой литературе», фигурирует в ивановских высказываниях иногда без кавычек — как самостоятельный жанровый эталон и в качестве синонима «бессмыслицы» жизни. Строю мысли и чувств позднего Иванова, весьма тяготевшего к черной юмористике, скорее всего, рассказ был близок как темой относительности границ разума и безумия, так и найденной Достоевским формой, адекватной «мировому безобразью» (оно же — «мировая чепуха»). Отметим, что еще в «Петербургских зимах» открывавшая книгу история о гумилевском сапожнике Иване Назарыче определенными моментами сюжета (например, кладбищенскими занятиями старичка-«чертопокклонника») и стилевыми параметрами (смещением мистики и социальной конкретики) давала повод для сопоставления с рассказом «Бобок». Совершенно в духе мениппеи и в то же время в стилистике гиньоля звучит у Иванова подслушанный повествователем диалог ночных собеседников, изобилующий, как и «Бобок», натуралистичными и кощунственно-фривольными подробностями: « — Ну, мне пора. Покойнички-то мои, верно, беспокоятся — две ночи пропадаю. ⟨...⟩ — И не страшно тебе на кладбище? — Чего же страшно? Напротив — компания приятная. — И не гадко? — Чего же такое — гадко? Конечно, если кто еще червивый и лезет к тебе... А которые долго лежат, подсохли... Что же в нем гадкого? Из баб такие попадаются экземплярчики...» ⁴⁴ (ср. с фрагментом описанной у Достоевского подземной кладбищенской «катавасии», в котором участвуют «блондиночка» Катюша Берестова и вождедеющий ее «старец», обладатель «плотоядно» звучавшего голоса). Укажем попутно на весьма характерное для поздней «висельной» (Г. Струве) юмористики Иванова построенное на язвительном оксюмороном параномастическое сочетание «покойнички ⟨...⟩ беспокоятся...», что звучит вполне в духе макаберных афоризмов Достоевского («Ходил развлекаться, попал на похороны» ⁴⁵).

Дважды ссылается Иванов на «Бобок» в 1958 году. Обещая одному из своих адресатов (Ю. Иваску) некую статью об «эмигрантской культурной деятельности наших дней», он предупреждает, что «Бобок будет серьезный» и «что это будет сильно перченое блюдо». ⁴⁶ А годом раньше и Роману Гулю Г. Иванов писал о планируемой статье под названием «Бобок».

⁴³ Иванов Г. Собр. соч. Т. 3. С. 31.

⁴⁴ Там же. С. 10.

⁴⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 43.

⁴⁶ Иванов Г. Шестнадцать писем к Юрию Иваску // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 304—306.

Такой статьи в эти годы написано не было, а вот несколько стихотворений, по выражению автора, «в „пониженном качестве”», «сплошной „Бобок”», вошли в его цикл «Дневник». Речь идет о миниатюре «Смилоствивилась погода...» и о четырех текстах, завершающих цикл. Проекцией кладбищенской галлюцинации героя Достоевского и эхом сентенции одного из участников «катавасии», заявившего, что «жизнь и ложь синонимы», звучит эсхатологическая рефлексия Иванова в последних строфах одной из миниатюр: «Прожиты тысячелетья / В черной пустоте. / И не прочь бы умереть я, / Если бы не „те”. / „Те” иль „эти”? / „Те” иль „эти”? / Ах, не все ль равно / (Перед тем, как в лунном свете / Улететь в окно) («Смилоствивилась погода...»). «Бобок» в этих стихах прочитывается не только в трагестивировании высокого («Хоть в раю у Бога много мест, / Только все расписаны заранее...»), но и в критике, по выражению персонажа Достоевского, «нравственной вони» (у Иванова: «Накипевшая за годы / Злость, сводящая с ума, / Злость к поборникам свободы, / Злость к ревнителям ярма, / Злость к хамью и джентльменам...»), в перепадах эмоциональных тонов — от иронии до разъедающего сарказма.

Есть и другие знаки преемственности: рассказ Достоевского и указанные пять стихотворений Иванова своим философским содержанием восходят к такой разновидности мениппеи, как «диалоги на пороге», особенно широко эксплуатировавшейся в средневековой европейской литературе. Однако если текст Достоевского легко соотносится с ренессансным жанром «разговоров мертвых», то миниатюры Иванова ближе к традиции так называемой «литературы небесных врат».⁴⁷ Указанные стихотворения, как, собственно, и весь цикл «Дневник», — беспощадная по градусу искренности хроника состояний лирического Я в пограничной ситуации перед лицом неминуемо надвигающегося «отвратительного вечного покоя». Органичным для «кощунственной» эстетики позднего Иванова эквивалентом «небесных врат» становится метафизическая «дверь», распахнутая в «великолепное ничто»:

— Когда-нибудь, когда устанешь ты,
Устанешь до последнего предела...
— Но я и так устал до тошноты,
До отвращения...
— Тогда другое дело.
Тогда — спокойно, не спеша проверь
Все мысли, все дела, все ощущения,
И, если перевесит отвращенье —
Завидую тебе: перед тобою дверь
Распахнута в восторг развоплощенья.

Венчающий стихотворение зловещий оксюморон интертекстуально поливалентен: в его подтексте прочитываются и бодлеровский «Веселый мертвец», и тютчевское «дай вкусить уничтоженья» («Тени сизые смешались...»), и толстовский многозначный мотив «двери»,⁴⁸ и — вкупе со всем бурлескно-трагестийным тоном беседы у «врат» — «Бобок», знаменовавший, вероятно, как и у Достоевского, «распад», окончательное разложение как атомов, так и смыслов.

Стилистические и эмоциональные перепады, особенно характерные для финальных стихотворений цикла, — отражение не столько раздвоенности сознания лирического героя, сколько пульсации остатков жизненной энергии, поисков ответов на проклятые вопросы. Недаром в тоне прощального диалога с «вечною бес-

⁴⁷ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 133.

⁴⁸ Двери традиционно служили Толстому не только для указания на пограничье между жизнью и смертью, но и для описания окончательного освобождения от пут «односторонне-личного» перед лицом всеобщего. См. об этом: Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой: Художественно-этические искания. Л., 1981. С. 105—108; Меджибовская И. Об искренности поступка: Символика двери в незаконченном замысле Толстого об иеромонахе // Русская литература. 2010. № 4. С. 70—79.

смыслицей» земной жизни, нарочито сниженного до уровня бурлеска, наряду с перепадами чувств от отчаяния к тихой грусти, кроме того слышится вызов холодной и безликой пустоте, приблизившемуся вплотную равнодушному «мировому торжеству». Антитезой ему в последнем стихотворении цикла становятся теплые подробности «этого» мира, привносящие в сюжет расставания эпифаническое звучание:

Отвлеченный сложностью персидского ковра,
Суетливой роскошью павлиньего хвоста
В небе расцветают и темнеют вечера.
О, совсем бессмысленно и все же неспроста.

Голубая яблоня над кружевом моста
Под прозрачно-призрачной верленовской луной —
Миллионнолетняя земная красота,
Вечная бессмыслица — она опять со мной...

В общем, это правильно, и я еще дышу.
Подвернулась музыка: ее и запишу.
Синей паутиною (хвоста или моста),
Линией павлиньей. И все же неспроста.

И хотя диалог этот происходит не у «райских врат», а у двери, открытой в жутковатый «восторг развоплощения», подтекст его определенно апофатический, несмотря на холод «ледяного, безвоздушного, бездушного эфира», которым тянет из этой «двери». Начав один из текстов подобного звучания довольно опасным признанием («Не верю в милосердие Бога, / Не верю, что сгорю в аду...»), поэт предлагает далее читателю вполне сюрреалистический сюжет: «...Мне лев протягивает лапу, / И я ее любезно жму. / — Как поживаете, коллега? / Вы тоже спите без простынь?..» Однако в финале высвобождается высокая нота, открывающая духовную доминанту всего творчества поэта: «Стихи и звезды остаются, / А остальное все равно!» («Туман. Передо мной дорога...»).

В контексте сопоставительного сюжета не может не обратить на себя внимания авторское указание на жанровую модель, вынесенное в название двух последних поэтических циклов Иванова. Эти сборники — «Дневник» и «Посмертный дневник» — вызывают естественную ассоциацию с «Дневником писателя» Достоевского. С его «симбиозностью», «организованной по собственным законам полифункциональной структурой» (И. Волгин) можно соотнести эмоционально-стилевое многозвучие и внушительный диапазон философских проблем в данных циклах Иванова.

В конце жизни раздумья о личности Достоевского и оценки его творчества получают у Г. Иванова скептический оттенок. Во время болезни перечитав «всего Достоевского», в одном из писем он делится своей печалью: «Всю жизнь я считал Достоевского выше всего, что написано людьми, гениальнее и проникновеннее всего. И вот, признаюсь, засомневался...»⁴⁹ Этим сомнением в искренности Достоевского поздний Иванов совпал с «заключенным другом» Г. Адамовичем, утверждавшим, что подобные ощущения естественны и что подозрителен зрелый человек, не почувствовавший бы, «что и у самого Достоевского в его видениях и вымыслах что-то „не то” и „не так”, что есть нечто глубоко произвольное в его основном творческом представлении».⁵⁰

Г. Ландау через призму своего опыта интегрирования в европейскую культурную среду увидел в произведениях Достоевского такие «грехи» писателя, как

⁴⁹ Цит. по: Арьев А. Ю. Указ. соч. С. 198.

⁵⁰ Адамович Г. Указ. соч. С. 183.

«максимализм», одинаково отрицающий и цивилизацию и культуру, а также «не-внимание к творческому процессу» и творческой личности.⁵¹

Вероятно, сознание права на пересмотр общепризнанного давал писателям опыт «личного одиночества» и пережитой трагедии национального раскола с последующей заброшенностью эмигрантского существования, — трагедии, сюжета и масштабов которой, при всей своей гениальной прозорливости, не мог предсказать даже Достоевский. Несмотря на это, диалог с ним, потребовавшийся русской литературной эмиграции для осмысления эпохи, оказался творчески продуктивным, способствовал сохранению единства культурного пространства.

⁵¹ Ландау Г. А. Тезисы против Достоевского // Классика отечественной словесности в литературной критике русской эмиграции 1920—1930-х годов. Саранск, 2009. С. 105.

Эллен Чансес (США)

ДРУГИЕ ИЗМЕРЕНИЯ. СУНДУК/ЧЕМОДАН АНДРЕЯ БИТОВА

Творчество Битова, на наш взгляд, можно уподобить сундуку или чемодану. Образ чемодана у него появляется, во-первых, в цитатах из других авторов, во-вторых, в рассуждениях о своих собственных работах. Наконец, само использование этого образа открывает некоторые основные черты произведений Битова.

Подзаголовок к «Автору», первой части комментария к «Оглашенным» («Оглашенные [Баян] или 22 с лишним способа прочесть эту книгу»), звучит так: «Опыт автогеографии. Чемодан». В этой части Битов приводит гоголевское описание «внутреннего расположения» чичиковской шкатулки в «Мертвых душах», пушкинское описание чемоданоподобной брички в «Путешествии в Арзрум» и замечания Добычина о гоголевских персонажах.¹ С одной стороны, поскольку это автогеография, цитаты, возможно, были выбраны для указания на географический размах битовского романа — с одного конца империи до другого — и на его духовное измерение, вопрос о мертвых и живых душах. С другой стороны, сама книга «Оглашенные» является своего рода чемоданом, в который Битов складывает всякую всячину — китайский гороскоп, советскую историю, духовное путешествие, падение империи, вопросы религии, экологии, этологии, искусства, и 22 с лишним способа истолковать этот роман (автор, герой, критик, ребенок, астролог, алкоголик, архитектор, кентавр, и т. д.).

В эссе о Гоголе в книге «Пятое измерение», в части, озаглавленной «Шкатулка в коробочке», Битов сам рассказывает о поисках чичиковской шкатулки в поэме Гоголя. Первая часть «Вычитания зайца», «Фауст и заяц. Исповедь графомана», содержит шуточный отрывок, объясняющий создание стихотворения со словами «сундук, чубук, сюртук», а также несколько строк о пушкинском сундуке в Михайловском.²

Несколько раз Битов возвращается к высказыванию Плетнева о Пушкине, которое он цитирует в «Предположении жить»: «Пушкин <...> ничего не делает, как только <...> перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма...»³ В одном из последних произведений, «Из цикла „Обнуление времени“» Битов пишет:

¹ Битов А. Г. Оглашенные [Баян] или 22 с лишним способа прочесть эту книгу. Автор // Битов А. Г. Оглашенные. Роман-странствие. СПб., 1995. С. 391, 392.

² Битов А. Г. Гоголь — 1973 // Битов А. Г. Пятое измерение. М., 2002. С. 431—436. Битов А. Г. Вычитание зайца // Битов А. Г. Вычитание зайца. 1825. М., 2001. С. 13—31.

³ Предположение жить. 1836 / Сост. А. Г. Битов. М., 1999. С. 17.

«Пушкин ничего не делает, только ковыряется в грязном сундуке своем».⁴ В предисловии к «дневнику прозаика» («В четверг после дождя») он описывает уже себя, занимающимся тем же: после «Метрополя» «стал я копать „в грязном сундуке своем” и составил две книжечки из того, что печатать не собирался, даже если бы разрешили: „Первую книгу автора” (ранние рассказы) и „Ваза в ночи” (стихи). И в таком, уже сокращенном и упорядоченном виде, они вернулись в тот же грязный сундук».⁵ Почему же Битов продолжает возвращаться к этой цитате? Причина заключается в том, что это напоминает один из способов, которым он выстраивает свои собственные произведения: соединяет в одной книге произведения, которые уже были напечатаны, с теми, которые еще нигде не опубликовывались. Иными словами, он «ковыряется в сундуке своем» и в новой книге переставляет в другом порядке вещи, которые уже появлялись ранее.⁶ Например, «Дворец без царя» содержит в себе произведения, написанные с 1961 («Автобус») по 2003 («О преждевременности»)⁷. Более того, Битов продолжает дополнять вещи, которые уже вышли в свет. Например, он написал, что «Неизбежность ненаписанного» — это комментарий к «Империи в четырех измерениях».⁸ Недавно он изъясил «Лестницу» из книги «Улетающий Монахов» и добавил «Взгляд» как заключение.⁹

Одна из частей «Первой книги автора (Аптекарский проспект, 6)» называется «Из моей замечательной корзины».¹⁰ Возможно, корзина представляет собою домашнюю, «непутешествующую» разновидность сундука или чемодана. Первая часть «Моей замечательной корзины» описывает то, что автор в нее положит, включая журналы, газеты, грязные носки, нитки, букеты цветов, фрукты, письма, фотографии, гайки, сигареты, бутылки, библиотечные книги, аптечку, и т. д. «Я сделаю из нее абжур ⟨...⟩ Постель для кошки ⟨...⟩ щенка». Затем автор спрашивает: «А рукописи?»¹¹ И мы читаем коротенькие рассказы, стихи, анкеты и «Природу зимой», «сочинение ученика 3-а класса Битова А.»¹² Опять же, мы видим в основе книги корзину — вариант чемодана — содержащую различные куски сочинений автора и иногда совершенно неожиданные документы.

В дополнение к сказанному, помимо взгляда на произведения Битова как на сундук или чемодан, мы также можем их сопоставить с джазовой импровизацией, с ее главной мелодией и последующими импровизациями — версиями и вариантами (выражение, знакомое читателям «Пушкинского дома»). Не случайно Битов выступал с джазовыми музыкантами, Владимиром Тарасовым и другими, читая пушкинские черновики. Черновики сами по себе — это версии и варианты. Это видно особенно ясно во время выступления, когда голос Битова звучит как музыкальный инструмент, а музыкальные инструменты звучат как человеческие голоса. «Два рассказика» Битова, вышедшие в 2007 году, повествуют о персонаже, который играет Баха в храме в Копенгагене, а затем импровизирует.¹³

Тот же принцип версий и вариантов применим и к другому термину, который, как говорит Битов, ему «подходит», «дубль съемочный», из другой сферы искусства — кино. Он также использует этот термин при описании своих произведений.

⁴ Битов А. Г. Из цикла «Обнуление времени» // Звезда. 2007. № 5. С. 4.

⁵ Битов А. Г. В четверг после дождя (дневник прозаика). СПб., 1997. С. 6.

⁶ В связи с этим примером см. об «экологии» произведений Битова, где все взаимосвязано: *Chances Ellen. Andrei Bitov. The Ecology of Inspiration. Cambridge, 1993; Чансес Эллен. Андрей Битов. Экология вдохновения* / Пер. И. Ларионова. СПб., 2006.

⁷ Битов А. Г. Дворец без царя. СПб., 2005.

⁸ Битов А. Г. Из цикла «Обнуление времени». С. 6.

⁹ Битов А. Г. Улетающий Монахов. Роман-пунктир // Битов А. Г. Полет с героем. СПб., 2007. С. 252—257. Он также добавил «Комментарий» (Битов А. Г. Полет с героем. С. 258—264). Изначально «Комментарий» вышли в: Битов А. Г. Собр. соч. М., 1991. Т. 1. С. 568—572.

¹⁰ Битов А. Г. Из моей замечательной корзины // Битов А. Г. Первая книга автора (Аптекарский проспект, 6). СПб., 1996. С. 77—125.

¹¹ Там же. С. 77

¹² Там же. С. 109—110.

¹³ Битов А. Г. Два рассказика // Новый мир. 2007. № 5. С. 1—5.

Так, «Жизнь в ветренную погоду» и «Записки из-за угла» являются дублем — две перспективы на одно и то же. Они представляют собой «дубль во времени», пишет Битов, в то время как его книга «Путешественник. Дубль» — «дубль в пространстве». ¹⁴ «Пушкинский дом», конечно, тоже дубль, поскольку мы видим в нем версии и варианты, несколько взглядов на одни и те же события.

Что общего дубль и джазовая импровизация имеют с чемоданом? Все эти образы указывают на то, что произведения Битова никогда не бывают окончены, что они в постоянном движении, что он все «ковыряется в сундуке своем». Это отражает одно из его суждений о жизни — то, что она никогда не окончена, пока не окончена. Он говорит о том же самом в связи со своими текстами. Для Битова жизнь и текст тесно связаны. ¹⁵ Когда жизнь окончена, обрывается и текст.

Указанная в начале статьи третья причина, по которой творчество Битова может быть представлено как сундук или чемодан, опирается прежде всего на описание, данное в «Пальме первенства» в «Грузинском альбоме». Автор там говорит: «...один философ, грузчик из мебельного магазина», спросил: «Что есть первомебель? (...) То есть от какого предмета произошла вся она и до сих пор обратно к нему же и сводится?» Ответ: «Сундук! (...) Сядь на него — будет лавка, накрой — будет стол. Приделай ножки — стул, поставь на попа — шкаф...» ¹⁶

Эта идея имеет прямое отношение к работам Битова в целом, поскольку он использует «первомебель» своей жизни и творчества, чтобы изменять и обновлять формы «перво-Битова», творя новые произведения, содержащие уже знакомые элементы, но в перевоплощенном виде. И так эссе, повести, стихи, рассказы и романы становятся новыми, будучи собранными из ранее опубликованных частей, но с добавлением и некоторых новых элементов, подобно «ножкам», превращающим сундук в стол. Примерами могут служить «Дерево», «Империя в четырех измерениях», «Пятое измерение», «Оглашенные», «Вычитание зайца. 1825» и т. д. Вещи становятся другими вещами. Так, в «Неизбежности ненаписанного» он объясняет, что составляет автобиографию, используя фрагменты, написанные о реальной жизни, о себе самом, причем из тех произведений, в которых повествование велось от третьего лица, а не от первого. ¹⁷

Говоря о сундуке как «первомебели», Битов тем самым доводит мебель до ее сути. То же самое Битов делает и во многих своих произведениях. Он хочет найти фундаментальное, основное. В «Оглашенных» мы читаем, что для того, чтобы дойти до сути, мы должны задавать вопросы по существу, как это делают дети. Мы должны начать сначала, «разучиться», вместо того чтобы стоять, застряв в узкой нише специалиста. Первый урок «Уроков Армении», «Урок языка», начинается с «Азбуки» и «Букваря». Повсюду в «Уроках Армении» Битов говорит об основах любой живой культуры: о подлинности, об уважении к другому. Название одной из его книг — «Начатки астрологии русской литературы». В этом шутовском произведении он сводит русскую литературу к астрологическим знакам различных групп писателей. В подзаголовке другой его книги, «Новый Гулливер», читаем: «Айне Кляйне арифметика русской литературы». И еще. Как-то дядя Диккенс спросил Леву: «Скажи, только как можно короче и точнее, что такое лорнет?» Он «заглянул в Даля. — „Очки с ручкой — вот и фсе!“» ¹⁸

¹⁴ Битов А. Г. Обретение и гибель жанра // Битов А. Г. Путешественник. Дубль. М., 2004. С. 228.

¹⁵ Он пишет, например: «Если определить текст как органическую связанность всех слов, от первого до последнего и каждого с каждым, то это слегка напомнит самую жизнь, в которой, в принципе, нет ничего отдельного, не связанного со всем прочим» (Битов А. Г. Смерть как текст // Битов А. Г. Жизнь без нас. New York, 1998. С. 110).

¹⁶ Битов А. Г. Пальма первенства // Битов А. Г. Неизбежность ненаписанного. М., 1998. С. 263—264. «Грузинский альбом» целиком помещен в: Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. М., 1996. Т. 3: Кавказский пленник. С. 252—253.

¹⁷ Битов А. Г. В поисках утраченного Я // Битов А. Г. Неизбежность ненаписанного. С. 11.

¹⁸ Битов А. Г. Пушкинский дом. Роман. СПб., 2002. С. 49.

К основам сведены поведение страны, человека и животного. Битов пишет, что причина внешней демонстрации политической силы вытекает из того, что у человека есть «страх самого себя». ¹⁹ Лева, находясь в кафе «Молекула», объясняет отношение одного персонажа к другому, используя структуру химических элементов. В «Неизбежности ненаписанного» Битов объясняет начала литературы, ссылаясь на опыт наблюдения над тем, как его дети учились говорить. Начиная эту, по его словам, «некую дневниково-мемуарно-автобиографическую канву», ²⁰ он пишет: «Когда, после „мама-папа-баба“, они (его дети. — Э. Ч.) начинали строить первые предложения, то говорили о себе в третьем лице: она упала, он хочет... Литература опережала речь». ²¹

Следующий важный пример использования образа чемодана в творчестве Битова также взят из описания в «Пальме первенства». В том же отрывке, где сундук представлен как «первомебель», Битов описывает так и не реализованный план создания чемодана для самого себя. В его сознании «родился и вырос (...) образ некоего суперчемодана, чемодана чемоданов, самого своего, самого удобного, самого персонального чемодана, заменяющего мне все». Он приводит «многочисленные наброски, перерастающие в чертеж и проект. Он сочетал в себе идеи мольберта, кульмана, верстака — кабинета и типографии. Его можно было бы сложить в одну минуту, чтобы двинуться в любом, волей случая подсказанном, направлении, и там, в неведомом углу, единственным требованием которого являлась крыша, в ту же минуту этот чемодан раскладывался в столик с пишущей машинкой, собственной конструкции членистоногой лампой, пепельницей, кофеваркой и чуть ли не даже (спорная деталь проекта) таким небольшим скромным китцем, в листик уместившим мою потребность в семье и даже Боге. (...) И так, в минуту, сплетал я на любом чердаке свою творческую паутину и, изловив крупницу замысла, высасывал некий ТЕКСТ, присваивал его и, тут же сложившись, опять перемещался, имея в руке столь удобный чемоданчик, содержащий в себе все, без чего я якобы не мог обойтись». ²²

С нашей точки зрения, важность этого описания заключается в том, что оно выделяет черты, характерные для творчества Битова. Во-первых, примечательно то, что замысел не воплощен, и то, что Битов включает этот отрывок в книгу «Неизбежность ненаписанного», книгу о вещах, которые он не написал. Сюда входят, например, планы ненаписанных романов «Япония как она есть», о непоезде в Японию, и «Азарт». Эта подробность указывает на определенное свойство, присущее его произведениям: незаконченность, ненаписанность.

С нашей точки зрения, «строая» «Пушкинский дом», Битов использовал принцип брусельского кружева, описанный Мандельштамом в «Четвертой прозе»: «Настоящий труд — это брусельское кружево, в нем главное — то, на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы...» ²³ Битов включает эти «проколы, прогулы» в композицию своего романа. ²⁴ Битов признает молчание частью того, что делает писателя честным. Это проявляется, в частности, в том, что Модест Платонович пишет о немоте; в характеристике Казакова в «Жизни без нас» как честного писателя, даже когда тот не писал; в рассуждениях из эссе «Молчание слова». Мы видим

¹⁹ Он пипет: «В конце концов, что есть Сталин, КГБ, коммунизм, фашизм, лагеря, тюрьмы, пушки, бомбы, ракеты, как не персонификация нашего страха перед реальностью? Разве не мы сами их сделали? Кого же мы боимся? САМИХ СЕБЯ» (Битов А. Г. Оглашенные. С. 394).

²⁰ Битов А. Г. В поисках утраченного Я // Битов А. Г. Неизбежность ненаписанного. С. 13.

²¹ Там же. С. 9.

²² Битов А. Г. Пальма первенства // Битов А. Г. Неизбежность ненаписанного. С. 264—265. Этот отрывок также в: Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. Т. 3. С. 253—254.

²³ Битов сам цитирует эту строчку из Мандельштама в «Послесловии» (Битов А. Г. Жизнь без нас. С. 38).

²⁴ Подробнее об этом см.: *Chances Ellen. The Energy of Honesty, or Brussels Lace, Mandel'shtam, 'Stolen Air', and Inner Freedom. A Visit to the Creative Workshop of Andrej Bitov's Puškinskij Dom // Russian Literature. 2007. Vol. LXI. N 4. P. 503—529.*

его заинтересованность неоконченным и в том факте, что в своих выступлениях с джазовыми музыкантами он говорил словами пушкинских черновиков.

Принцип незавершенности, лежащий в основе композиции, отражает некоторые важные темы в творчестве Битова. В романе «Оглашенные» несовершенный человек стремится к божественному, и, по словам Павла Петровича, та нитка, что протянута в этом направлении, и является жизнью. В «Улетающем Монахове» Битов создает образ человека, который немеет, теряя связь со своей внутренней подлинностью. В конечном итоге, Битов говорит о принятии человеческого состояния таким, как оно есть, в его неоконченном, несовершенном виде.

Это возвращает нас к битовскому описанию сундука как первомебели и к его стремлению добраться до сути вещей, до их основ. В образе суперчемодана то, что он описывает, является домом, разобранным до основания. Битов говорит о составных частях дома, которые он, путешественник, может поднять и взять с собою, куда бы он ни перемещался. Он перечисляет то, что является самым существенным для Битова-писателя, который всегда в движении, всегда путешествует, всегда в поиске того самого главного, без чего нельзя обойтись, чтобы быть человеком. Его описание содержит обнаженную сущность дома. Все, что ему нужно, как он говорит, это чемодан и крыша. Вот его движение, вот его текст. В своих произведениях он путешественник, перебирающийся из одного придуманного или реального, или метафизического дома в другой, когда он рассуждает о личном, о человеческой семье и о Боге.

Мы можем представить его собственное описание сущности дома, собранного из слов — из букв, сливающихся вместе, — в «Неизбежности ненаписанного».²⁵ Битов стремится удалиться от готового мира, чтобы увидеть реальность такой, как она есть. Например, Модест Платонович говорит Лева: «...умный от глупого отличается (...) не уровнем объяснений происходящего, а „неготовностью“ этих объяснений перед лицом реальности».²⁶

Битов слой за слоем избавляется от готового мира, чтобы увидеть все по-новому, спонтанно, в моменте, сейчас. Он говорит об Аввакуме и Пушкине как о постмодернистах. Он пишет о связи между «Робинзоном Крузо» Д. Дэфо, «Записками из мертвого дома» Ф. Достоевского и «Одним днем Ивана Денисовича» А. Солженицина. По его словам, все они написаны о «необитаемом острове». Битов усматривает параллель между острогом и островом.²⁷ Он говорит о Гулливере (в частности, о «Гулливере в Стране Советов») и о важности его появления для цивилизации, поскольку тот отдавал себе отчет в собственном размере. «Осознать свой размер, свою реальность — и есть вход в цивилизацию».²⁸

Битов фильтрует жизнь, чтобы добраться до сути, аналогично тому, как это делает поэт. Поэтому неудивительно, что он пишет стихи. Некоторые из них сами по себе являются отфильтрованными его прозы. Например, стихотворение «Двенадцать (Конспект романа «Пушкинский дом»)» в части «Обрезки (Приложение к комментарию)» включает в себе весь роман.²⁹

Писатель постоянно возвращается к детским книгам, чтобы объяснить фундаментальные идеи. Для него важны простые детские вопросы. В «Оглашенных» Па-

²⁵ Битов А. Г. Исповедь графомана // Битов А. Г. Неизбежность ненаписанного. С. 350.

²⁶ Битов А. Г. Пушкинский дом. СПб., 2000. С. 91.

²⁷ Битов А. Г. 125 лет «Мертвому дому». Перечитывая «Записки...» // Битов А. Г. Новый Гулливер. Tenafly; New Jersey, 1997. С. 12—13. Также в: Битов А. Г. Пятое измерение. С. 21—22.

²⁸ Битов А. Г. Робинзон и Гулливер (внутреннее предисловие) // Битов А. Г. Новый Гулливер. С. 22; также в: Битов А. Г. Пятое измерение. С. 32.

²⁹ Битов А. Г. «Двенадцать». Конспект романа «Пушкинский дом» // Битов А. Г. Пушкинский дом. С. 484—486. Е. В. Хворостьянова пишет о связи между его поэзией и романами в статье «Лирика Андрея Битова» (Russian Literature (Netherlands). 2007. Vol. LXI. N 4. P. 425—452).

вел Петрович спрашивает: «Где человек? кто человек? и зачем человек?»³⁰ В главе «Герой. ДД (Доктор Д.)» из второй части «Оглашенные [Баян], или 22 с лишним способа прочесть эту книгу» Битов описывает свое стремление задавать те детские вопросы, о которых мы все думаем, но не решаемся спросить.

Некоторым мыслям Битова явно присуще афористическое свойство. Об этом упомянуто как минимум трижды в «Оглашенных [Баяне], или 22 с лишним способах прочесть эту книгу».³¹

В «Полуписьменных сочинениях» было напечатано интервью, в котором он так определяет произведение: «Произведение — это то, чего не было, а есть».³² А в «Уроках Армении» пишет: «Правда же и диктуется только правдой».³³ И таких способов возвращения к основам у него множество.

Даже некоторые ранние битовские произведения проявляют тенденцию к редукации до основ. Так, короткие рассказы из «Моей замечательной корзины» напоминают истории кумира его молодости Виктора Голявкина. Им так же присущ детский взгляд на мир, качество, которое можно найти у абсурдистов, таких как Хармс, и в высказываниях самих детей. Провозглашение правды, обнаженной до основ, заставляет ее звучать абсурдно. Это сходно с остранением, с его способностью расщеплять стереотипный взгляд на реальность, давая тем самым возможность взглянуть на нее по-новому.³⁴

Теперь обратимся к другой стороне этого явления. Некоторые ранние рассказы Битова посвящены детям и включают описания жизни с точки зрения ребенка. Мы это видим, например, в рассказах «Фиг» и «Но — га». В «Большом шаре» Битов описывает «самый большой <...> самый круглый... самый красный» шар в мире, а в «Бабушкиной пиале» — пиалу как ее видит ребенок.³⁵ В «Жизни в ветреную погоду» Сергей обнаружил «случайную симметрию» основ жизни, когда он «возил сына по поселку, как по огромному букварю... <...> Он ощущал нечто гениальное в этой назывной простоте вещей и слов, и ему казалось, он находится на каком-то высшем пороге, за которым-то все и начинается...»³⁶

Битов пишет о ценности детского мировоззрения. В произведении «Из цикла „Обнуление времени“» он называет себя «основоположником экспериментального литературоведения (находя, впрочем, основы этого метода в формальной школе) и интеллектуального примитива (в живописном понимании термина: мол, то и мысль, что в голову пришла)».³⁷ В эссе «Литературный герой как герой. Рассуждения в жанре интеллектуального примитива» он цитирует Мандельштама: «Только детские книги читать, / Только детские думы лелеять».³⁸

Самое удивительное начинает происходить, когда кто-то доводит вещи до их основ и отстраняется от готового мира. И вместо разделения на то и это он становится миром и того, и другого. Например, Битов переставляет окончания и начала, помещая «эпиграф ко всему в целом» в конце «Колеса» в «Записи последней», по-

³⁰ Битов А. Г. Оглашенные. С. 104.

³¹ Битов А. Г. Оглашенные. С. 436, 440, 463.

³² Он также пишет: «То, что не было, а есть» (Битов А. Г. Ничего не делать дважды (интервью) // Битов А. Г. Полуписьменные сочинения. М., 2006. С. 17).

³³ Битов А. Г. Уроки Армении // Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. Т. 3. С. 6.

³⁴ Вольф Шмид говорит об остранении применительно к творчеству Битова: Шмид В. Андрей Битов — мастер «островидения» // Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. Т. 1. С. 373—382.

³⁵ Битов А. Г. Большой шар // Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. Т. 1. С. 28; Битов А. Г. Бабушкина пиала // Битов А. Г. Путешественник. Дубль. С. 12.

³⁶ Битов А. Г. Жизнь в ветреную погоду // Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. Т. 1. С. 120—121.

³⁷ Битов А. Г. Из цикла «Обнуление времени». С. 4.

³⁸ Битов А. Г. Литературный герой как герой. Рассуждения в стиле интеллектуального примитива // «Литературоведение как литература»: Сб. в честь С. Г. Бочарова / Отв. ред. И. Л. Попова. М., 2004. С. 429.

тому что «с эпитафиями вообще странно: находят их всегда после, а ставят всегда перед...»³⁹ Он объясняет, что придумал окончание романа «Азарт» первым, поэтому хотел поместить его в начале. «Пушкинский дом» начинается почти с конца. Битов пишет: «...в Принстоне я прочитал курс по Пушкину вспять, от смерти к рождению», поскольку «мне давно казалось, что всякое повествование строится искусственно от начала до конца».⁴⁰ «Неизбежность ненаписанного» начинается с того, чего он не помнит, — с воспоминаний матери о нем до того, как он начал говорить, а «Первое воспоминание» помещено в самом конце книги, сразу после «Последнего воспоминания».

Битов говорит о том, что в жизни (и в тексте) все связано. В «Колесе» он пишет, что лошади в жизни маленького мальчика играли ту же роль, что теперь машины. А в «Последовательности текстов» указывает на параллель между Монголией, которую описывает как «страну в миллион жителей, втиснутую между Россией и Китаем», и Западным Берлином, «островком западной цивилизации в океане соэлага с набережной из Берлинской стены». Это «два уникальных острова, лишенных моря».⁴¹ Он находит связи между Монголией и Исландией: «В Исландии все напоминает Монголию: трава и небо, бесплодие почв и отсутствие полезных ископаемых, могучая история и древняя письменность при полном отсутствии архитектуры».⁴² Как мы уже видели, Битов постоянно доводит вещи до их сути. Например, в романе «Преподаватель симметрии» Урбино Ваноски и Лили решают кроссворд, и одно из слов в нем описано как «пресс, толкающий время». Ответом является «прошлое».⁴³ Битов проводит самые необычные параллели в своем желании понять жизнь по-настоящему. Урбино и Лили, решая кроссворд, пытаются угадать, какой личностью является его составитель.⁴⁴ Таким образом, Битов соединяет слова кроссворда с тем, как они измеряются в реальности.

В своих произведениях Битов стремится отразить человеческое во всех многообразных версиях и вариантах. Он роется в своем сундуке/чемодане, в своем внутреннем мире и в своем состоянии «перво-Битова», изменяя формы, отражающие его человеческую сущность в различных произведениях и в разное время. Он старается быть честным. Он приглашает нас в путешествие, прислушивается к ритму жизни и продолжает задавать простые детские вопросы. Например, в «Двух рассказиках» Битов спрашивает: «Куда делась живая музыка? Куда возвращается музыка, сыгранная один раз?..»⁴⁵ В «Рассеянном свете» он вспоминает вопросы, которые задавал в первом классе, когда они с мамой шли по улице: «Мам, а когда я умру, я совсем умру? (...) Ну, кем я был, когда меня не было?» И продолжает, как всегда, в шуточном тоне: «С моими ужасными гландами мне надо поменьше разговаривать на морозе. Моя жизнь интересует мать именно в этом интервале от „до“ до „после“».⁴⁶

Жизнь текстов Битова интересует нас и в этом интервале, и в других измерениях, включая образ сундука/чемодана, который создает автор.

³⁹ Битов А. Г. Колесо // Битов А. Г. Записки новичка. М., 1997. С. 184.

⁴⁰ Битов А. Г. Из цикла «Обнуление времени». С. 4.

⁴¹ Битов А. Г. Последовательность текстов // Битов А. Г. Неизбежность ненаписанного. С. 577.

⁴² Там же.

⁴³ Битов А. Г. Преподаватель симметрии. Роман-эхо. М., 2008. С. 233.

⁴⁴ Там же. С. 231.

⁴⁵ Битов А. Г. Два рассказика. С. 5.

⁴⁶ Битов А. Г. Рассеянный свет // Битов А. Г. Неизбежность ненаписанного. С. 312. Также в: Битов А. Г. Империя в четырех измерениях. Т. 3. С. 316.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

© Т. Г. Иванова

ЕЩЕ РАЗ О ПОЭЗИИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА*

Исследование Е. А. Шевченко «Свадебный обряд Лузского района Кировской области (функциональные аспекты поэтических жанров)» выполнено в лучших традициях отечественной фольклористики. Автор рассматривает одну из локальных традиций русской свадьбы, справедливо осмысляя ее как вариант севернорусского обряда.

Монография делится на Введение, четыре главы и Заключение. Во Введении, следуя методологически устоявшимся правилам науки о «живой старине», Е. А. Шевченко дает краткий (и одновременно очень интересный) очерк заселения и истории края, центром которого был город Лальск. Уместные ссылки на исторические документы, корректное их комментирование — все это позволяет читателю прочувствовать своеобразие данного региона. Второй темой Введения является традиционный для фольклористики обзор экспедиций, проходивших в Лузском районе. Обратим внимание на то, что экспедиционная работа в регионе началась лишь в 1969 году (первую экспедицию провел Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных), т. е. в период уже активных процессов разложения классической фольклорной традиции. В дальнейшем здесь работали фольклористы Московского, а далее — и Сыктывкарского университетов. Рецензируемая книга, особо подчеркнем, в значительной своей части выполнена на материалах сыктывкарских собирателей, чей авторитет в сфере фольклористики сложился поздно — в последней трети XX столетия.

Несмотря на то, что тема монографии Е. А. Шевченко абсолютно традиционна и типична для российской фольклористики, исследовательница нашла в своем материале угол зрения, позволяющий ей сделать не просто очередное (пусть и добротное) описание свадьбы отдельного региона, но и поднять и успешно решить некоторые важные для науки о традиционной культуре вопросы — вопросы, подчеркнем, методологического характера. Это проблемы функционально-

бытовой характеристики жанров свадьбы. Данная проблема неоднократно поднималась в нашей науке, но в столь сгущенном и аналитически выверенном виде на материале одного региона, насколько мне известно, она решена впервые.

Отметим, что монография хорошо структурирована. В каждой главе в соответствии с заглавием решается один из аспектов проблемы. Главы при необходимости делятся на параграфы. В конце каждой из глав кратко формулируются выводы. Все это является безусловным достоинством рецензируемого труда.

В первой главе «Свадебные причитания Лузы в контексте обряда» Е. А. Шевченко, держа в поле зрения доминирующий жанр лузской свадьбы, — причитание — описывает структуру довенечной части местного варианта обряда: сватовство и богомолье; шитник (период приготовления приданого); белая баня (последний день перед венчанием); смотры (утро перед венчанием). В соответствии с традициями современной науки исследовательница активно вводит в свой текст отрывки из полевых репортажей, которые выглядят весьма выразительными и яркими. Голос исполнителей позволяет ощутить «аромат» местного материала. В этой же главе дается важная характеристика лузских причитаний. Свадебная причет реки Лузы являет собой тип коллективной причеты, осмысленный наукой лишь во второй половине XX века. Этот тип близок к песенным формам, характеризуется устойчивым текстом и удвоением строки. Е. А. Шевченко на материале 400 записей последовательно и скрупулезно анализирует тексты, звучавшие в разные моменты свадебного действия. Особый фрагмент главы посвящен причетам невесты-сироты.

Во второй главе — «Песенный репертуар лузской свадьбы (функциональный и композиционно-семантический аспекты)» — исследовательница сосредоточивается на песенном фольклоре. Методологической основой для данной главы явились известные статьи И. М. Колесницкой «Простейшие типы русских народных свадебных песен» и «Русские свадебные песни северных областей по записям последних десятилетий», в которых выделены песни заклинательного, церемоний-

* Шевченко Е. А. Свадебный обряд Лузского района Кировской области (функциональные аспекты поэтических жанров). Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2010. 287 с.

мейстерского, комментирующего характера, песни-советы, а также элегические песни предвечного периода и лирические веселые песни. На лужском материале, последовательно описывая каждый песенный сюжет, нередко явленный чуть ли не в сотне вариантов, Е. А. Шевченко показывает полифункциональность многих песен: элегический («клевильный») характер песен, призванный отразить эмоции невесты, переходящей в новый статус замужней женщины, в одних песнях сочетается с комментирующей функцией; ритуально-комментирующая функция в других песнях соединяется с величальной функцией и т. д. Сочетаемость тех или иных функций иногда связана с контаминацией разных сюжетов. При анализе лужских свадебных песен фольклористка нередко привлекает варианты песен из других регионов, что позволяет ей выявить общерусский и локальный фонды в лужской свадьбе. Все эти проблемы весьма тонко и удачно описаны Е. А. Шевченко на конкретных примерах. Исследовательница, повторим еще раз, идя от конкретного материала и осмысляя его в первую очередь эмпирически, в конечном счете приходит к методологически значимым выводам. Это выводы, горизонты которых были намечены еще П. Г. Богатыревым — основателем функционально-структурального метода в фольклористике. Кстати, укажем, что по непонятным причинам Е. А. Шевченко не ссылается в методологическом плане на труды этого классика русской фольклористики.

Большой интерес представляет третья глава монографии — «Функция корения в лужской свадьбе». Думаем, что смело можно сказать, что в этой главе в некоторых положениях Е. А. Шевченко выступает первопроходцем. Помимо корильных (антиподов величальных) песен, которые неоднократно рассматривались нашей наукой, исследовательница убедительно указывает на наличие функции корения в причитаниях. В причеты, что никогда не акцентировалось в фольклористике, посредством развития темы «чужой стороны» корится (хулится) сторона жениха. Весьма свежо смотрится также анализ корильных песен. Сатирическое начало в этих песнях, на которое обращают внимание все исследователи, Е. А. Шевченко прочитывает сквозь призму мифологических представлений о «чужом» мире. Неумытость, обжорство, гиперсексуальность, неумение прясть — черты, приписываемые, например, свахе, которую корят пестельницы — фольклористка

очень остроумно и убедительно связывает с архаичными мифологемами, именно в данном аспекте рисуемыми представителями «иног» мира.

Последняя глава рецензируемой монографии — «Свадебные частушки Лужы». Для этой главы отчасти путеводителем стала статья И. Е. Карпухина «Частушка на русской свадьбе». Е. А. Шевченко анализирует лужские частушки, абсолютно и безусловно связанные со свадебным обрядом (вне свадьбы они не исполняются). Исследовательница справедливо указывает, что частушки (поздний жанр) дублируют жанры русской свадьбы. В первую очередь — жанр причитаний и клевильных песен. Анализ примеров, приведенных автором в этой главе, убеждает читателя в данном тезисе. Образная система клевильных частушек оказывается аналогичной системе причитаний и элегических песен. Частушка, некогда изучавшаяся советской наукой исключительно с содержательной и формальной стороны, в последние два десятилетия серьезно исследуется с точки зрения генезиса и функции в традиционной культуре (напомним хотя бы работы Н. В. Дранниковой, С. Р. Кулевой и др.).¹ Монография Е. А. Шевченко вносит свою лепту в осмысление особенностей функционирования этого жанра русской народной поэзии.

Книга завершается Систематическим указателем лужских свадебных песен, где каждая описана по следующей схеме: после 4—5 начальных строк песни пересказывается ее сюжет, курсивом выделяются основные мотивы и темы; отмечаются факультативные для данного сюжета мотивы; называется функция песни; и далее следуют шифры архивных записей, ссылки на опубликованные варианты лужской традиции и близкие варианты в других регионах. Указатель, подчеркнем, имеет не только практическое значение, но и вносит вклад в решение сложнейшей проблемы создания указателей песенной поэзии. Таким образом, монография Е. А. Шевченко «Свадебный обряд Лужского района Кировской области (функциональные аспекты поэтических жанров)» достойно отражает основные тенденции современной науки о «живой старине».

¹ Дранникова Н. В. Частушка на Севере. Проблемы генезиса и жанровой специфики // Фольклор Севера: Региональная специфика и динамика развития жанров. Архангельск, 1998. С. 62—83; Кулева С. Р. Неизвестная частушка. Вологда, 2008.

© Р. Ю. Данилевский

«МЕРЦАЮЩИЕ СМЫСЛЫ»

(НОВАЯ КНИГА О ПОЭЗИИ М. В. ЛОМОНОСОВА)*

Возвращение к тому слову, которое сегодня, казалось бы, не звучит и относится к почтенной, «музейной» старине, можно объяснить историко-литературными интересами исследователя или же попыткой, «пыль веков от хартий отряхнув», увидеть старую поэзию новыми глазами. В новой монографии проф. П. Е. Бухаркина задействованы обе причины обращения его к поэзии М. В. Ломоносова. Но, разумеется, для нас, читателей, прежде всего существенно важна вторая причина. О ломоносовской поэзии писали и пишут многие историки и филологи, начиная с К. С. Аксакова («Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», 1846) до И. З. Сермана («Поэтический стиль Ломоносова», 1966) и Н. Ю. Алексеевой («Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках», 2005). Тема не нова, как не нова и мысль о том, что творчество Ломоносова является одним из мощных истоков русской поэзии трех последующих веков.

Однако обсуждаемая книга отличается рядом особенностей, и первая из них — это попытка взглянуть на наследие Ломоносова не только как на единство многих талантов — естественнонаучного (физика, химия, математика, горное дело и т. д.), изобразительного (мозаичное искусство) и словесного, но как на проявление «самостоятельного эстетико-философского ума» (с. 28), печать которого лежит с тех пор на русской поэзии. В ломоносовском стихотворстве сплелись древнерусские (поморские) традиции, навыки русского барокко, опыт немецкой одической поэзии (Гюнтер, Юнкер, Готшед), философское вольфианство, и своеобразный патристический историзм — «государственный пафос», как выражается автор (см. с. 35), заданный реформами Петра.

Еще одна особенность подхода Бухаркина к поэзии Ломоносова заключается в том, что выявляется особенное отношение его героя к русскому слову, которое — как литературный стиль и лексикон — Ломоносов ориентировал главным образом не на немецкую (хотя автор не сбрасывает ее со счетов) или латинскую, а на «славенороссийскую» традицию (а через нее — на ее византийские и древнегреческие корни), обеспечив стойкое национальное своеобразие нашей словесности. И при этом русская словесность оставалась и остается *европейской*, восходящей к единым корням античности.

* Бухаркин П. Е. Михаил Васильевич Ломоносов в истории русского слова. СПб.: Нестор-История, 2011. 172 с.

Развивая мысль Л. В. Пумпянского, автор пишет: «Поэзия Ломоносова ознаменовала рождение русского поэтического стиля, главным внешним свойством которого оказывается уравновешенность и согласованность всех элементов, особо заметные на лексико-семантическом уровне. Слово употребляется у Ломоносова не само по себе, не отдельно, но всегда и неизменно как часть единого семантического целого, где все взаимосотнесено и от каждого элемента зависят все остальные. Системность — вот наиболее точная и адекватная характеристика доминирующего в ломоносовском поэтическом языке начала» (с. 71). Правда, в этой характеристике, которую автор дает стилю Ломоносова, можно усмотреть некоторую противоречивость. Если Ломоносов-поэт остается в рамках рефлексивно-традиционалистской (риторической) эпохи, так называемой «культуры готового слова» (см. с. 51), которую мы обычно связываем с барокко, то каким же образом мог он прорвать границы этой культуры, например, в своих духовных одах и не только в этом жанре? О духовной оде говорится: «Она в несоизмеримо большей степени обращена к внутренней жизни человека, нежели к социальной его активности. Этим, кстати, обуславливается особый лиризм духовной оды» (с. 149). Не является ли ломоносовский лиризм нарушением традиции «готового слова»? Заметим, что и автора книги, и любого внимательного читателя поэзии Ломоносова поражает ее мощное личностное начало — стоит взять даже не оду, а знаменитый «Разговор с Анакреоном» или прелестное, очень личное и очень грустное стихотворение «Кузнечик дорогой...» (1761). «Эти неофициальные стихотворения Ломоносова, — как пишет Алексеева, — отличают простосердечие и задушевность».¹

Известно о яростном личном темпераменте Ломоносова и его совершенно особой, уникальной позиции среди современников (об этом сказано и в книге Бухаркина — см. с. 42 и след.) Он являлся «центральной литературной фигурой своего времени», но отнюдь не был «литературным папой», как, например, Готшед, но оставался борцом, полемистом, работником на ниве науки и просвещения, как его образец — император Петр. Нам Ломоносов представляется скорее разрушителем, чем хранителем традиции в литературе — но это, разумеется, предмет для спора. Не системность, а выход из системы и посев личного начала в поэзии — вот,

¹ Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 221.

как кажется, заслуги этой уникальной личности, если смотреть на нее из далей нашего XXI века.

А необыкновенность этого «невиданного доселе в российских пределах поэта» (с. 40) превосходно показана в исследовании Бухаркина. Это, собственно, является пафосом или, на наш взгляд, главным достоинством этой работы.

Автор книги сосредоточивается на ломоносовской оде (отчасти — на басне) — это его право. Тем более что через оду исследователь выходит на такие глубинные мировоззренческие проблемы, как топосы тишины и свободы и пресловутая проблема добра и зла (см. в книге главы пятую и шестую). Именно на этих страницах автор несколько смягчает свою мысль о ломоносовском традиционализме. Бухаркин пишет: «Возможно и, наоборот, даже должно говорить о едином

смысловом и волевым пространстве духовных од Ломоносова, но это — *распльзчатое пространство семантического поля с его подвижными границами*, а не строгая и целенаправленная структура...» (с. 156; курсив наш. — Р. Д.). Как нам кажется, очень верно отмечает автор «мерцание смыслов» в духовной оде Ломоносова (см. с. 159). Это свидетельствует о том, что старинные тексты по-прежнему живут и действуют.

Необходимо сказать еще об одной особенностях книги Бухаркина о Ломоносове-поэте. Работа написана с большой теплотой, отражающей глубокую личную симпатию автора к своему герою, — а это всегда украшает книгу и подкупает читателя. Последнее немаловажно для современности, от которой великий помор отстоит уже довольно далеко. Однако «большое видится на расстоянии».

© А. Г. Бобров

О ЗАГОВОРАХ И ЗАКЛИНАНИЯХ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

В своей недавней монографии исследователь из Нижнего Новгорода Алексей Валерьевич Коровашко предпринял отважную попытку изучить историю бытования в русской литературе фольклорных по происхождению текстов — заговоров и заклинаний — на протяжении без малого двух столетий, от эпохи романтизма до наших дней. Эта новаторская работа могла появиться на свет только теперь, в начале XXI века, и тому есть по крайней мере две причины.

Во-первых, на протяжении многих десятилетий, с 1920-х годов и вплоть до второй половины 1980-х годов, исследование русских заговоров и заклинаний находилось под неофициальным запретом. Изучение словесной магии долгое время рассматривалась советской цензурой как пропаганда суеверий и было почти полностью табуировано в отечественной науке. Еще в 1985 году на Малышевских чтениях в Пушкинском Доме автору данной рецензии по указанию чиновника из Василеостровского райкома КПСС пришлось менять в названии совместного с А. Е. Финченко доклада «Пастушеский заговор на Русском Севере» слово «заговор» на слово «фольклор». А. В. Блюм отмечал в этой связи: «Мелочные придирки характерны не только для собственно цензуры, но и для администрации, сотрудников райкома партии (Василеостровского района, на терри-

тории которого располагается институт). Даже выпускавшиеся в ограниченном числе экземпляров (на машинке, позже — в ксерокопированном виде) программы научных конференций подлежали строгому идеологическому контролю. Так, например, в программе вторых «Малышевских чтений» 1978 г., как называются в память В. И. Малышева проходящие до сих пор ежегодные конференции по проблемам древнерусской литературы, из названия доклада Н. В. Поньрко «Богородица — покровительница ритор» вычеркнуто первое слово. Еще курьезнее (и печальней, конечно) выглядит операция, произведенная в программе чтений 1985 г. Первоначально доклад А. Г. Боброва и А. Е. Финченко назывался так: «Пастушеский заговор на Русском Севере». Велено переименовать его на «Пастушеский фольклор на Русском Севере» — из опасения, должно быть, что первое название может навеять мысль, что существует некий тайный заговор пастухов (против советской власти?).¹ Заведующий Древлехранилищем имени В. И. Малышева В. П. Бударагин также считает, что партийных работников напугало слово «заговор» в значении «тайное соглашение о совместных действиях против кого-либо в политических и других целях», но никаких объяснений «цензоры», конечно, не давали. Можно полагать, что и другое значение слова

* Коровашко А. В. Заговоры и заклинания в русской литературе XIX—XX веков. М.: Изд-во Кулагиной — INTRADA, 2009. 364 с.

¹ См.: Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде: Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953—1991. СПб., 2005. С. 193.

«заговор» («магические слова, обладающие колдовской или целебной силой») было в равной степени нежелательно для партийной цензуры.

Публикации новых заговорных текстов возобновились после более чем полувекового перерыва лишь во второй половине 1980-х годов.² С тех пор за минувшие четверть века появились весьма существенные труды ряда авторов, посвященные проблемам колдовства, магии и их словесного выражения в русской культуре.³ На сегодняшний день мы имеем обширный опубликованный фонд русских заговорных текстов, начиная с новгородских берестяных грамот и записей в древнерусских и старообрядческих рукописях XV—XX веков, и вплоть до фиксации их фольклористами буквально в наши дни (заговоры оказались, между прочим, одним из самых «живучих» жанров устного народного творчества). Без состоявшегося на протяже-

нии последних 25 лет введения в научный обиход многих сотен, если не тысяч аутентичных заговорных текстов, и без проделанной систематизации их сюжетов, мотивов, реалий и ономастиконы, исследование Коровашко было бы практически неосуществимым. Это первая причина, почему оно могло появиться только теперь.

Вторая причина заключается в том, что значение магических текстов в истории русской литературы только начинает осознаваться. Существующие работы рассматривают на ее материале лишь отдельные аспекты одной из ключевых для понимания литературного творчества проблем — его тесной связи с магической словесной традицией. Монография Коровашко удачно восполняет этот пробел в историко-филологической науке. Характерно, что А. Л. Топорков, справедливо замечая, что «филологическое и общекультурное значение заговоров как органической части русской фольклорной и литературной традиции пока еще мало осознано», признает анализируемую монографию «отрадным исключением в этом смысле».⁴

Действительно, исследование Коровашко, состоящее из трех частей, является солидным и фундаментальным трудом, в первой части которого рассмотрены произведения русской литературы XIX века (с. 5—122), во второй — XX века (с. 123—312) и в третьей — постсоветская литература (с. 313—360). Исследователем выявлено использование текстов заговоров и заклинаний почти у сотни авторов, причем трем десяткам из них в работе посвящены отдельные более или менее подробные очерки.

Композиция монографии определяется хронологическим принципом изложения материала — от повести Ореста Сомова «Оборотень» (1829) до романа Михаила Елизарова «Библиотекарь» (2007). Отдельные отступления от этого принципа связаны с желанием Коровашко показать развитие тех или иных подходов к использованию заговоров в литературе последующего времени. Так, например, в пятой главе первой части, посвященной художественной реконструкции языческих молитв, автор монографии, в соответствии с хронологическим принципом изложения материала, анализирует сочинения Александра Вельтмана, но тут же (с. 42—57) подробно разбирает переведенный с украинского языка роман Раисы Иванченко «Гнев Перуна» (1986). В шестую главу той же первой части о «заклинательных песнях» Ивана Сахарова исследователь включает экскурсы, посвященные авторам XX века — Василию Каменскому (с. 64—66), Алексею Крученых (с. 70—71) и Велемиру Хлебникову (с. 90—92). В этой же главе речь идет о романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» (1872) и его персонаже мельнике Давыдыче

² Бобров А. Г., Финченко А. Е. Рукописный Отпуск в пастушеской обрядности Русского Севера (конец XVIII—начало XX в.) // *Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики*. Л., 1986. С. 135—164; *Покровский Н. Н.* Тетрадь заговоров 1734 года // *Научный атеизм, религия и современность*. Новосибирск, 1987. С. 239—266.

³ Традиционная русская магия в записях конца XX века / Сост. С. Б. Адоньевой и О. А. Овчинниковой. СПб., 1993; *Русский демонологический словарь* / Автор-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995; *Кляус В. Л.* Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997; *Юдин А. В.* Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997; *Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953—1993 гг.* / Под ред. В. П. Аникина. М., 1998; *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России: 1700—1740 гг. М., 2000; *Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков* / Отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М., 2002; *Полесские заговоры (в записях 1970—1990-х гг.)* / Сост., подг. текстов и комм. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. М., 2003; *Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретика. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003; *Топорков А. Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV—XIX вв.: История, символика, поэтика. М., 2005; *Райан В. Ф.* Баян в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / Пер. с англ. М., 2006; *Агапкина Т. А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М., 2010; *Русские заговоры из рукописных источников XVII—первой половины XIX в.* / Сост., подг. текстов, статьи и комм. А. Л. Топоркова. М., 2010; и др.

⁴ *Топорков А. Л.* Введение // *Русские заговоры из рукописных источников*. С. 10.

(с. 88—90), хотя подробный анализ этого произведения занимает отдельную восьмую главу первой части. Такого рода нарушения хронологического принципа могут быть частично оправданы логикой повествования, но с композиционной точки зрения они представляются весьма спорным решением. Более удачным, на наш взгляд, было бы применение в исследовании перекрестных ссылок и размещение материала в более строго выдержанном хронологическом порядке.

Говоря об использовании заговорных текстов русскими писателями XIX—XXI веков, Коровашко приводит почти исчерпывающую литературу по тому или иному вопросу, указывает параллельные аутентичные фольклорные тексты, комментирует сюжеты и мотивы литературных заговоров. Эрудиция автора монографии в целом оставляет весьма благоприятное впечатление, хотя от его внимания ускользнули работы И. Ф. Даниловой о фольклорных истоках творчества Алексея Ремизова и соответствующий том академического собрания сочинений этого писателя с подробными комментариями.⁵ Занимаясь толкованием слова «смага» (с. 39), Коровашко мог бы использовать не Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», а новейшую более полную и содержательную статью в Энциклопедии «Слова».⁶

В связи с анализом «заклинательных песен» Ивана Сахарова исследователь вступает в спор с Вяч. Вс. Ивановым. Возражения Коровашко вызвала трактовка «Песни ведьм на роковом шабаше» и, в частности, выражения «Шагадам, магадам» (с. 74—75). Вслед за Романом Якобсоном, Вяч. Вс. Иванов отметил наличие в русских и индоевропейских текстах «заумной пары слов» (часто первое слово в редупликate имеет значение, а второе не имеет) с начальным лабиальным элементом во втором слове, особенно с назальным «м». Автор монографии считает, что с Ивановым «трудно согласиться»; его попытку расширить базу примеров «нельзя считать корректной» (с. 74). «Как один из пионеров применения математических методов в литературоведении, — пишет А. В. Коровашко, — Вяч. Вс. Иванов должен прекрасно понимать, что подобные столкновения рифмующихся слов (отвечающих сформулированным выше дополнительным фонетическим критериям) неизбежны даже в повседневной речевой деятельности» (с. 74—75). Однако приведенная А. В. Коровашко придуманная им самим для наглядности иллюстрация, бытовая фраза «Добавьте лаврушки и петрушки» («допустима в кулинарном рецепте»), действительно «менее магична»,

чем, предположим, «Добавьте лаврушки-маврुшки» или мандельштамовское «светлой болью и молью», поскольку определяющим является именно «заумность» или бессмысленность второго слова при наличии в нем начального назального «м». Обоих признаков нет в неудачном примере с лаврушкой и петрушкой.

В этом же ряду загадочных магических формул находят такие выражения, как *Ахалай-махалай, Гоголь-моголь, Ексель-моксель, Каледа-маледа, Каляба-маляба, Каляка-малыка, Каша-малаша, Курилка-мурилка, Павлин-мавлин, Страсти-мордасти, Тюхам-тыоха, Фигли-мигли, Хухры-мухры, Ширли-мырли, Шуры-муры, Ядрёна-матрёна* и многие другие. В этом контексте, действительно, «обретут законную силу ссылки (...) на „Царицу Милицу“ (и даже на полуфольклорную «тетю Мотю»)» (с. 74; курсив мой. — А. Б.), как бы ни пытался иронизировать над этим обстоятельством автор рецензируемой монографии.

Строго говоря, обширный материал, приведенный в книге Коровашко, самим исследователем в процессе изложения не был достаточно четко классифицирован. Лишь в Заключении, подводя итоги всей работы, он приходит к выводу, что прослеживаются три основных варианта механизмов заговорной «трансплантации» (с. 361). Действительно, приведенный в монографии материал позволяет говорить о трех основных типах включения заговорных текстов в произведение русской литературы XIX—XXI веков.

Во-первых, это строгое следование одному конкретному варианту фольклорного источника. Согласно формулировке, данной Коровашко, — это прием «украденного объекта», при котором «произведение магической поэзии переносится в пространство художественного текста без каких-либо изменений» (с. 361). Такого рода заговоры могут, хотя и с определенными оговорками и предосторожностями, использоваться в качестве источников по изучению народных верований, обрядов и устного народного творчества. К ним могут быть отнесены рассмотренные в монографии Коровашко заговорные тексты в произведениях Ореста Сомова, Николая Щукина, Владимира Даля, Ивана Бунина, Сергея Сергеева-Ценского, Михаила Шолохова и Бориса Пастернака.

Во-вторых, «использование искусственно созданных заговоров и заклинаний». Такие тексты создавались при помощи монтажа (контаминации) и дополнения (амплификации) фольклорных источников, как ранее опубликованных, так и записанных самими авторами. По мнению исследователя, «органичность и достоверность вновь созданного текста зависят не от удельного веса собственно заклинательных конструкций, а от степени мотивированности каждого элемента композиции» (с. 361). Можно полагать, что такого рода заговоры находятся в сочинениях

⁵ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 2: Докука и балагурье. 720 с.

⁶ Салмина М. А. Смага // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 5. Слово Даниила Заточника — Я. Дополнения. Карты. Указатели. С. 8—10.

Сергея Максимова, Алексея Константиновича Толстого, Павла Мельникова-Печерского, Алексея Ремизова, Евгения Замятина, Александра Кондратьева, Анны Ахматовой, Виктора Астафьева, Татьяны Толстой, Владимира Сорокина, Алексея Иванова и Михаила Елизарова.

Наконец, последний тип использования магических текстов в произведениях русской литературы описывается Коровашко следующим образом: заговор или его часть не попадают в произведение напрямую, но «могут выступать либо в роли сюжетообразующего фактора, либо в качестве стимула для лирических медитаций и различных формальных экспериментов» (с. 361). Такие тексты в значительной степени являются плодом литературного вымысла их авторов; они создаются по аналогии с образцами различных жанров, но в целом далеки от аутентичных фольклорных заговорных произведений. Подобного рода вольные «упражнения на заговорную тему», согласно представленному в монографии материалу, обнаруживаются в творчестве Михаила Загоскина, Александра Вельтмана, Ивана Сахарова, Федора Сологуба, Константина Бальмонта, Георгия Иванова, Тэффи, Бориса Лемана, Саши Соколова, Тимура Кийрова, Владимира Строчкова и Дмитрия Быкова.

Более подробно следует остановиться на сюжете, связанном с происхождением трех заговоров («молитв») в романе «Тихий Дон». ⁷ Поиск источников вошедших в состав «Тихого Дона» магических текстов уже ранее привлекал внимание исследователей. Б. Н. Проценко пришел к выводу, что заговоры из романа явились результатом творческой переработки М. А. Шолоховым старинных заговоров донских казаков. ⁸ Он привел ряд параллелей между заговорами «Тихого Дона» и текстами, опубликованными Л. Н. Майковым из рукописного сборника конца XVII века. ⁹ Таким образом, согласно

Проценко, включение заговоров в «Тихий Дон» было осуществлено при помощи контаминации и амплификации подлинных магических текстов. Если следовать приведенной выше классификации, этот случай относился бы ко второму типу, т. е. заговоры были «искусственно созданы» автором романа.

В монографии Коровашко точка зрения Проценко была подвергнута основательной и серьезной критике (с. 275—284). Исследователь показал, что приведенные Проценко параллели являются «общими местами» и формулами заговорной традиции (например, «Господи, благослови, отче!», «меня, раба Божия»; «Есть море-окиян, на том море-окияне»; «с земли до небеси, и от востока до запада», «облекусь облаки», «ни стару, ни младу» и т. д.). Коровашко считает мнение о происхождении заговоров «Тихого Дона» «в результате почти колдовских манипуляций» Шолохова над «Заговорами донских казаков» из публикации Майкова «абсурдным». Исследователь пишет: «Следовать логике Б. Н. Проценко в данном случае — все равно, что декларировать зависимость одного любовного романа от другого: и там и там есть Он и Она, и там и там кипят нешуточные страсти, и там и там на пути к счастью приходится преодолевать какие-то препятствия» (с. 281).

Коровашко обнаружил действительно близкие параллели к заговорам «Тихого Дона» совершенно не там, где искал их Проценко. Проведенные им сопоставления текстов показали, что наиболее близкие параллели к этим заговорным текстам находятся в севернорусской рукописной магической традиции, а именно в так называемом Великоустюжском сборнике XVII века (РГБ, ф. 122, № 32) ¹⁰ и в других сборниках XVII—XIX веков, происходящих с Русского Севера и из Сибири. «Таким образом, — заключает Коровашко, — не возникает никаких сомнений, что все три „Молитвы“, включенные Шолоховым в „Тихий Дон“, имеют не литературную, а подлинно фольклорную „родословную“: писатель — и это можно утверждать наверняка — использовал в ходе работы над романом какую-то совершенно реальную заговорную рукопись, тексты которой практически не подвергались редактированию или переделке» (с. 283). Таким образом, использование заговоров в романе «Тихий Дон», согласно Коровашко, осуществлено не по второй, а по первой модели (прием «украденного объекта»). Этот вывод представляется убедительно обоснованным и принципиально важным.

Наиболее близкие к «Тихому Дону» тексты заговоров были обнаружены Коровашко в книге «Русские заговоры и заклина-

⁷ Шолохов М. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1956. Т. 2. Тихий Дон: Книга первая. С. 277—278.

⁸ Проценко Б. Н. 1) Фольклор в романе М. А. Шолохова: «Тихий Дон» и духовная культура донских казаков // Изв. вузов. Сев.-Кавк. региона. Обществ. науки. 2000. № 2. С. 8—12; 2) Фольклор в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» и духовная культура донских казаков // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. материалов научной конференции. М., 2003. Вып. 5. С. 125—133.

⁹ Майков Л. Н. Заговоры донских казаков (Из рукописного сборника конца XVII века, принадлежащего А. Ф. Бычкову) // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 135—136. То же: Проценко Б. Н. Духовная культура донских казаков: Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону, 1998. С. 242—245 (№ 371—375).

¹⁰ Великоустюжский сборник XVII в. / Предисловие и публикация А. А. Турилова, А. В. Чернецова // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. С. 177—224.

ния». ¹¹ С язвительной иронией автор монографии говорит о «текстологическом курьезе»: по его мнению, в это издание, осуществленное под редакцией В. П. Аникина, оказались включены тексты трех заговорных молитв из «Тихого Дона» (с. 284—289). Наряду с другими магическими текстами, они были записаны в фольклорной экспедиции Московского университета в 1962 году от А. С. Вишняковой, 1888 года рождения, жительницы Каргопольского района Архангельской области. Автор рецензируемой монографии отметил отсутствие указаний в комментариях на совпадение этих текстов с заговорами из «Тихого Дона» и назвал это обстоятельство «интеллектуальной слепотой» (с. 289). Считая, что по отношению к записям московских фольклористов шолоховский текст безусловно первичен, исследователь пришел к выводу, что заговоры «от Вишняковой» являются продуктом «сознательной фальсификации», о конкретных мотивах которой нельзя «сказать ничего определенного» (с. 287). По мнению исследователя, собиратели переписали заговоры из «Тихого Дона» и выдумали несуществующего «таинственного севернорусского расода». «История с превращением Шолохова в знахарку „Вишнякову“» (с. 289), однако, не столь проста, как она представляется Коровашко.

Важным оказалось установление контекста «вишняковских» заговоров. Обращение к полевым материалам из фольклорного архива МГУ показало, что они находятся в составе весьма обширной подборки магических текстов. Выяснилось, что собиратели В. Н. Иевлева и А. А. Чугунов в ходе Северной экспедиции 1962 года не просто записали совпадающие с «Тихим Доном» заговорные тексты, но, по их собственному свидетельству в полевом дневнике, переписали их из рукописного источника, принадлежавшего Анастасии Степановне Вишняковой, 74 лет, «малограмотной». Она проживала в деревне Олехово Печниковского сельсовета в Каргопольском районе Архангельской области.¹²

Село Печниково находится в 23 км к западу от Каргополя по Пудожской дороге. Собиратели отметили, что «Печниково представляет собой куст деревень, расположенных рядом и на расстоянии 2.4 км друг от друга. В дер. Олехово стариков мало, да и те сказок почти не знают... Заговоры знает одна старушка, о которой в деревне не говорят как о знахарке, но которую считают „памятливой“». Заговоры от нее записаны с ее слов и с

листочков бумаги, хранившихся у нее под большим секретом» (Карг., л. 6132).

К сожалению, собиратели не привели в своем полевом дневнике никаких сведений о внешнем виде использованного ими рукописного источника. Правда, про один заговор они отметили, что его при копировании принято было списывать «на клочок бумаги» и зашивать в одежду на груди (Карг., л. 6133), а про другие заговоры сообщили, что их А. С. Вишнякова «читала по рукописной книжке, когда ее муж выпускал 1-й раз коров» (Карг., л. 6152). Невозможно достоверно определить по имеющейся информации, как именно выглядела рукопись Вишняковой, но очевидно, что допустимы два варианта. Либо она являлась своего рода «архивом» севернорусского знахаря и колдуна (в таком случае «листочка бумаги» — это отдельные листы, не связанные между собой единством почерка и происхождения), либо была потерявшим свою прежнюю целостность сборником заговоров (например, тетрадь с выпадающими листами). Материалы полевого дневника В. Н. Иевлевой и А. А. Чугунова позволяют реконструировать содержание этого источника, поскольку многие тексты были прямо помечены собирателями как скопированные «с рукописи». Таких заговоров насчитывается двенадцать. Кроме того, к ним следует предположительно добавить состоящий из семи заговорных текстов Отпуск скота, о котором известно, что он бывал именно в письменном виде.¹³ Несмотря на то что В. Н. Иевлева и А. А. Чугуновым было отмечено его использование в виде «рукописной книжки», пометы «с рукописи» в полевом дневнике нет.

Судя по записям собирателей, А. С. Вишнякова была не просто хранителем комплекса рукописных заговоров — она сама активно их использовала и давала студентам пояснения, когда и при каких обстоятельствах читаются те или иные тексты, какие ритуальные действия при этом совершаются. Один из заговоров она «пользовалась на новорожденных, которых омывала заговоренной водой» (Карг., л. 6168). Сведения о том, что А. С. Вишнякова читала для мужа Отпуск скота при первом выгоне стада на пастбище (обычно в Егорьев день 23 апреля), уникальны — этот обряд всегда выполнялся самим пастухом, и никогда его не совершали женщины. Владелица каргопольской рукописи, действительно, была весьма «памятливой» — она наизусть произнесла огромный и весьма архаичный заговор «от трясовиц» (Карг., л. 6156—6162).

А. С. Вишнякова получила магические знания от своей матери, о которой рассказала собирателям следующее: она «знала много заговоров и лечила людей» (Карг., л. 6136); умела «закрывать» (т. е. делать невидимы-

¹¹ Русские заговоры и заклинания. С. 378 («Молитва от ружья», № 2399); С. 377—378 («Молитва от боя», № 2397); С. 376—377 («Молитва при набеге», № 2394).

¹² Фольклорный архив Кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ. ФЭ-04. Папка № 3. Тетрадь № 20. Л. 6132—6155 (на обложке: 2-7-1962-Архангельская обл. 20; далее — Карг.).

¹³ См.: Бобров А. Г., Финченко А. Е. Указ. соч.

ми. — А. Б.) коров и людей; «однажды собрал детей и стала их учить этому искусству» (Карг., л. 6207); «зналась с хозяйном, т. е. домовым, хотя муж ее за это часто ругал» (Карг., л. 6208). Одну из песен («Выйду с горя в чисто поле...») А. С. Вишнякова, по ее словам, слышала от бабушки, которая «все время жила в Кучепалде» (Карг., л. 6171) — ныне заброшенной деревне в 12 км от Печниково. Дед А. С. Вишняковой «был староверским попом» (Карг., л. 6184). Весьма вероятно, что и рукописные заговоры ранее принадлежали предкам А. С. Вишняковой по материнской линии. Очевидно, что заговоры «от Вишняковой» принадлежат к местной, севернорусской рукописной традиции; во всяком случае, среди них находится письменный по форме бытования Отпуск скота, все известные списки которого происходят с Русского Севера, не южнее Ярославской губернии.

Текстуальные сопоставления показывают, что заговоры из «Тихого Дона» не могут рассматриваться как непосредственный источник «вишняковских», поскольку имеют некоторые отличия, позволяющие предполагать их вторичность.

1. В «Тихом Доне» читается «от метких оружий», а в Карг. — «от мелких оружий». Чтение «мелких» представляется более верным и, скорее всего, первоначальным. В источниках встречается такое выражение применительно как к огнестрельному («отрвели пушки, заговорило мелкое оружие» — Словарь В. И. Даля), так и к холодному оружию («...вас царь Пор на смотрение всех позовет, и вы возмите с собою всякий человек по мечу да по зарукавью мелкое оружие тайное»¹⁴). «Метким» же скорее может быть назван человек, а не само оружие.

2. Очевидно, неправильным прочтением рукописного оригинала является в «Тихом Доне» слово «посироченным» (вместо «помраченным» в «вишняковской» версии). Скорее всего, буква «м» была ошибочно прочитана переписчиком как две буквы: «с» + «и», что привело к ошибочному осмыслению слова и к замене «а» на «о» в третьем слоге. Эта ошибка легко объясняется палеографически. Важно отметить, что смещение «м» и «с» + «и» оказывается возможным только при переписывании с рукописного, а именно скорописного прогографа. Если бы прогограф был печатным, такое смещение в принципе возникнуть не могло. Уже по этой причине предположение А. В. Коровашко о копировании заговоров студентами МГУ непосредственно из «Тихого Дона» оказывается несостоятельным. Предположить обратное соотношение, то есть первичность чтения «посироченным», затруднительно и потому,

что оно является гапаксом, нигде более не встречается (хотя словарям русских народных говоров известны схожие формы: «сирочество»; «посиротить»; «осиротать»; «осиротиться»; «осирочивать» и др.).

Важно отметить, что в «черновой» рукописи «Тихого Дона» есть еще один, позднее вычеркнутый синим карандашом, «четвертый» заговор:

«Молитва.

На море на океане, на острове Буяне стоит стол — Христов престол. На том Христовом престоле препочивает матушка пресвятая Богородица со всеми ангелами и со всеми архангелами и херуимами, и со всею силою небесною. Матушка пресвятая Богородица, закрой и защити меня, раба Божьего, от копыя булатна, от стали железной, // от дротика каленого и некаленого, и от пуля летающих, от сабель острых. Замок замыкаюсь, ключем запираюсь. Кидаю я, раб Божий, ключ и замок в океан-море. Кто может достать со дна океан-моря ключ и замок, тот может победить меня, раба Божья. Аминь» (л. 53—54 черновика 3-й части).¹⁵

В «вишняковских» заговорах этого текста нет. Казалось бы, данное обстоятельство можно рассматривать как косвенное подтверждение версии А. В. Коровашко о заимствовании текстов собирателями Московского университета из «Тихого Дона». Получается, что фольклористы записали только те три текста, которые вошли в печатную редакцию «Тихого Дона», а «четвертый», неопубликованный заговор из черновой рукописи остался им неизвестен. Проблема, однако, заключается в том, насколько так называемая «черновая» рукопись может рассматриваться как первоначальная по отношению к опубликованному тексту романа. Возможно, что «четвертый» заговор как раз и был добавлен, а позже вычеркнут для имитации первичности текста «черновика» романа. Следует отметить тот факт, что проблема «четвертого» заговора является принципиально важной для установления творческой истории «Тихого Дона», на что А. В. Коровашко не обратил должного внимания.

Каким же образом текст рукописного сборника заговоров из Архангельской области мог настолько точно отразиться в «Тихом Доне»? Откуда автор романа, безусловно, уроженец Дона, мог знать севернорусскую рукописную заговорную традицию, в то время еще практически неизученную и неопубликованную? В архиве М. А. Шолохова не сохранились какие-либо списки рукописных заговоров, отсутствуют и свидетельства о его контактах с учеными-фольклористами, которые могли бы изучать магические тек-

¹⁴ Титова Л. В. Незданная редакция «Повести о рождении и похождениях царя Соломона» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1977. Т. 33. С. 360.

¹⁵ См. фотовоспроизведение «черновой» рукописи на сайте Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор»: <http://feb-web.ru/feb/sholokh/texts/drafts/d3/d3.htm?cmd=0>

сты Русского Севера. К сожалению, Коровашко, пришедший к принципиальному выводу об использовании автором «Тихого Дона» реальной и аутентичной рукописи с заговорными текстами, не высказал в этой связи никаких предположений.

Как известно, в научной литературе существует гипотеза, что в той или иной мере «первоначальный текст» романа принадлежит перу Федора Дмитриевича Крюкова (1870—1920).¹⁶ Интерес этого донского писателя к теме словесной магии проявился, например, в рассказе «В сфере колдовства и мутьи» (1918), где говорится о суде над крестьянкой Дарьей Лялиной за причинение вреда волшебством.¹⁷ Более того, А. Г. Макаров обнаружил, что в архиве Крюкова имеется отдельный лист с записью заговорного текста:

«На море на океане, на острове Буяне стоит баня, в этой бане лежит доска, под этой доской тоска, на той доске сидят три дьявола. Прошу я вас, дьяволы и нечистые, подымите эту доску и выньте тоску, и вложите в токую-то, чтобы она тосковала горевала по рабу по такому-то, спала не заспала, ела не заела, думала не забывала, горевала вспоминала».¹⁸

Высказанное публикатором «крюковского» заговора А. Г. Макаровым мнение о его донском происхождении является крайне сомнительным, поскольку упомянутая в нем баня, находящаяся на острове Буяне, — это редкий и несомненно севернорусский мотив. Как заметил Д. К. Зеленин, «баня характерна для севернорусских. Южнорусские и белорусы моются не в банях, а в печах. Украинцы же вообще не особенно склонны к мытью».¹⁹ Подробный анализ сведений о географиче-

ском распространении «банной» традиции у восточных славян был предпринят в исследовании А. А. Желтова.²⁰ По его мнению, «область возможного возникновения» этой традиции «включает бывшие Новгородскую, Псковскую и Смоленскую губернии, а также Карелию и Северную Белоруссию», а отсутствие бань у «южных восточнославянских групп свидетельствует о том, что „банная“ традиция не характерна для изначальной общей культуры восточных славян».²¹ На Русском Севере бани к XX веку были распространены повсеместно лишь там, где происходила его новгородская колонизация; напротив, «в тех районах Севера, которые заселялись преимущественно выходцами из Ростово-Суздальской земли, до последнего времени сохранялась традиция мытья в печах».²² Таким образом, само географическое распространение бань прямо указывает на Русский Север, и именно здесь сложилось то сакральное отношение к ним, при котором помещения для мытья («баня», «мыльня») оказываются расположены в магическом центре мироздания — «на море на океане, на острове Буяне».²³

«Крюковский» заговор имеет точно такой же зачин, что и в тексте, вычеркнутом из рукописи «Тихого Дона», но содержит иную магическую направленность («присушка»). Он находит близкие соответствия в рукописной традиции: например, в рукописи 1688—1689 годов читается схожий текст заговора на любовь девицы: «На море акиане на острове на Буяне стоит тут мыльня, в той мыльне лежит доска, на той доске лежит тоска (...) чтобы она тосковала и горевала по мне, по робу имерек...»²⁴ (этот текст фигурирует в деле ротмистра С. В. Айгустова, 1688—1689²⁵). Аналогичный текст читается также в рукописи Древлехранилища ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Оп. 24, № 10, 1810—1820-х гг.): «На море на океане, на острове Буяне стоит там изба без верху, без потолка, без окон, без дверей. В той избе ле-

¹⁶ См. о нем: *Заяц А. А.* Крюков Федор Дмитриевич // *Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь.* М., 1994. Т. 3: К—М. С. 187—189. Из работ последующего периода см.: *Загадки и тайны «Тихого Дона». Итоги независимых исследований текста романа. 1974—1994.* Самара, 1996; *Венков А. В.* «Тихий Дон»: Источниковая база и проблема авторства. Ростов-на-Дону, 2000; *Макаров А. Г., Макарова С. Э.* Вокруг «Тихого Дона»: От мифотворчества к поиску истины. М., 2000; *Михеев М. Ю., Чернов А. Ю.* Словарик к очеркам Ф. Д. Крюкова 1917—1919 гг. с иллюстрациями из «Тихого Дона» // Крюков Ф. Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. М., 2009. С. 353—371; *Загадки и тайны «Тихого Дона»: Двенадцать лет поисков и находок.* М., 2010; и др.

¹⁷ *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 155—159.

¹⁸ *Макаров А. Г.* Очерк Ф. Крюкова «Обыск». К вопросу о генезисе некоторых эпизодов в романе «Тихий Дон» // *Загадки и тайны «Тихого Дона».* С. 334 (здесь же фотокопия рукописи).

¹⁹ *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / Перевод с нем. К. Д. Цивиной. М., 1991. С. 283.

²⁰ *Желтов А. А.* Русская баня и старинный северный быт // *Русский Север: Этническая история и народная культура XII—XX века* / Отв. ред. И. В. Власова. М., 2001. С. 280—300.

²¹ Там же. С. 284.

²² Там же. С. 289.

²³ См. подробнее: *Бобров А. Г.* Древнерусская «мовь» // *Труды Отдела древнерусской литературы.* СПб., 2004. Т. 56. С. 94—120.

²⁴ Русские заговоры из рукописных источников XVII—первой половины XIX в. С. 333.

²⁵ Там же (Заговоры из столбцов, хранящихся у ротмистра С. В. Айгустова. 1688—1689 гг.). См. также: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1910. Кн. 16. С. 284—285.

жит доска, на той доске сидит три тоски тосковыя, горевыя и плачевныя. Зайдите вы, тоски, к рабу Божию имрек, волосом такую-то, и воспалися утроба, сердце и кровь горячая, чтобы она в еде не заедала, в питье не запивала и во сне не засыпала, про меня, раба Божия имрек, не забывала».²⁶

Каким же образом и в «Тихий Дон», и в архив Крюкова могли попасть аутентичные тексты севернорусских рукописных заговоров? Оказывается, на этот вопрос может быть дан определенный ответ. Во время обучения в Санкт-Петербурге, в Императорском Историко-филологическом институте (с 1888 по 1892 год), Крюков был особенно дружен со своим однокурсником В. Ф. Боцяновским.²⁷ Владимир Феофилович Боцяновский (1869—1943) в молодые годы занимался как раз севернорусским фольклором, и в том числе архангельскими заговорами. Вскоре после окончания института он опубликовал статью «Веснянки, Петrivки и Купальные песни»,²⁸ а годом позже — три северных заговора: «Заговор, когда скотина перестает есть корм (Архангельской губ., Шенкурского у., с. Кургомень)»; «Заговор против разных неясных болезненных признаков, которые называются прикосами (тоже у скотины)»; «Заговор от полуночницы».²⁹

Боцяновский, конечно, рассказывал близкому другу Крюкову о своих научных занятиях севернорусской заговорной традицией. Весьма вероятно, что именно от Боцяновского Федор Крюков мог получить и сохранившийся в его архиве список севернорусского заговора о бане, и другие заговорные тексты, впоследствии почти без изменений включенные в «Тихий Дон». В таком случае подлинное авторство первоначального текста романа именно для Боцяновского было очевидно, ведь, помимо других соображений, он знал наверняка, что за заговоры в нем приведены. Использование в донском эпосе магического текста иного, севернорусского происхождения являлось бы для него своего рода «скрытой подписью» автора романа.

Действительно, именно к Боцяновскому восходит получившая распространение в по-

следние десятилетия версия о том, что автором первоначального текста «Тихого Дона» был Крюков. Впервые имя Федора Крюкова было публично названо в связи с авторством романа вдовой выдающегося филолога Бориса Викторовича Томашевского — Ириной Николаевной Медведевой-Томашевской (1903—1973) в книге «Стремя „Тихого Дона“», опубликованной уже после ее смерти под криптонимом «Д».³⁰ До 1974 года циркулировали лишь слухи о том, что Шолохов воспользовался чужой рукописью.³¹

Согласно свидетельству Зои Борисовны Томашевской (1922—2010), дочери Б. В. Томашевского и И. Н. Медведевой-Томашевской, информация об авторстве Федора Крюкова прямо восходит к словам Боцяновского. В послесловии ко второму изданию книги «Стремя „Тихого Дона“» она вспоминала: «Блокада. Январь 1942-го. Гостиница „Астория“ превращена в стационар для умирающих от голода. В темном и холодном номере лежат шестеро — филологи Владимир Феофилович Боцяновский, Борис Михайлович Эйхенбаум, Борис Васильевич Казанский, Борис Викторович Томашевский и два художника — Дмитрий Исидорович Митрохин и Исаак Моисеевич Рабинович. Томашевский и Боцяновский лежат рядом. Я посещаю их каждый день и всегда застаю в тихой беседе. Через месяц Борис Викторович возвращается домой, где все мы живем в одной комнате в холоде, темноте и бездействии, и Борис Викторович без конца „развлекает“ нас услышанным от Боцяновского. Главная тема — „Тихий Дон“. Боцяновский рассказывает о своем институтском друге Федоре Дмитриевиче Крюкове, о переписке с ним в последние годы (Крюков умер в 20-м году), о жалобах его на опостылевшую ему военную жизнь, которую охотно сменил бы на письменный стол, о том, что полон романом, делом всей его жизни. Действительно, такой плодовитый писатель, как Крюков, с 1912 года не опубликовал ни строчки. И Борис Викторович, Ирина Николаевна снова и снова говорят о самом интересном. О возможности отслоения подлинного текста, к этому времени уже буквально утопающего в несметных и противоречивых переделках. Только с чужим текстом можно было так обращаться».³²

²⁶ Русские заговоры из рукописных источников XVII—первой половины XIX в. С. 695.

²⁷ Заяц А. А. Крюков Федор Дмитриевич. С. 187; см. также: Заяц А. А. Биография писателя Федора Крюкова: http://fedor-krjukov.narod.ru/o_KRJUKOVE/bIOGRAFIYA.htm. Вместе с Ф. Д. Крюковым и В. Ф. Боцяновским учились также известные в будущем исследователи А. М. Ловягин и А. И. Малеин (см.: Ендольцев Ю. Императорский историко-филологический институт // Нева. 2003. № 7. С. 227).

²⁸ Живая старина. 1894. Кн. 13. Вып. 1. С. 83—89.

²⁹ Живая старина. 1895. Кн. 18. Вып. 2. С. 240—241.

³⁰ Д*. Стремя «Тихого Дона» (Загадки романа). Paris, 1974.

³¹ См.: Medvedev R. Problems in the literary biography of Mikhail Solokhov. Cambridge, 1977. P. 17—25. В литературе отмечалось, что в авторстве Шолохова сомневался еще в конце 1920-х годов Д. С. Лихачев (Огнёв А. В. Михаил Шолохов и наше время. Тверь, 1996. С. 25; Колодный Лев. Страсти в одном доме // Московский комсомолец. 2007. 3 мая).

³² Томашевская З. Б. Как и зачем писалось «Стремя». Послесловие ко второму изданию // Медведева И. (Д*). Стремя «Тихого Дона» (Загадки романа). 2-е изд. М., 1993. С. 123.

Ирина Николаевна попыталась выполнить задачу по реконструкции первоначального «крюковского» текста в книге «Стремя „Тихого Дона“», к которой восходят, в свою очередь, все современные исследования сторонников авторства Крюкова. А у истоков этой версии лежит свидетельство умершего в блокадном Ленинграде Боцяновского.

Таким образом, загадочная на первый взгляд связь одного из великих романов XX века с севернорусской рукописной заговорной традицией находит свое логичное объяснение: тексты архангельских заговоров должны были попасть к Крюкову от его друга и однокурсника Боцяновского, который в годы их тесного общения занимался именно этим материалом. Можно с уверенностью утверждать, что Шолохов не мог знать эти редкие и неопубликованные тексты, следовательно, он не мог быть автором «прототекста» «Тихого Дона».

Значение обнаруженного Коровашко «текстологического курьеза» оказывается большим, чем кажется самому исследователю. Автор монографии твердо установил, что использование заговоров в «Тихом Доне» происходило не по модели создания собственного текста из фольклорных образцов, как считалось ранее, а по модели точного воспроизведения оригинала (принцип «украденного объекта»). Более того, Коровашко обнару-

жил и почти дословно совпадающие с «Тихим Доном» «вишняковские» версии заговорных текстов, но остановился всего в одном шаге от принципиального вывода, к которому приводит анализ источников. Судя по всему, заговоры «Тихого Дона» восходят к рукописи, обнаруженной на Русском Севере Боцяновским. Содержавшийся в каргопольской рукописи текст довольно точно отражал этот несохранившийся источник романа.³³

Наполненная важными и точными наблюдениями, написанная живым и образным языком, представляющая новый продуктивный подход к анализу заговорных текстов в составе литературных произведений, монография Коровашко, безусловно, уже вошла в круг классических филологических трудов и будет постоянно использоваться исследователями русской словесности.

³³ Попытки обнаружить следы «вишняковской» рукописи во время фольклорно-археографической экспедиции в Каргопольский район Архангельской области летом 2011 года в составе А. Г. Боброва и Е. И. Викулиной оказались безуспешными. Дом А. С. Вишняковой в селе Печниково ныне полуразрушен и пуст, стоит без окон и без дверей, а соседи и родственники о судьбе рукописи ничего не знают.

© К. Ю. Зубков

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ*

В авторефератах защищаемых в России диссертаций необходимо указывать, какую практическую пользу приносит выполненное исследование. Почти всегда в гуманитарных науках этот раздел автореферата оказывается посвящен перечислению учебных курсов, при чтении которых можно применить открытые диссертанта. В реальности, впрочем, едва ли многие преподаватели вузов строят свой курс, опираясь на ту или иную работу — в лучшем случае в отдельных лекциях используются отдельные тезисы. Рецензируемая нами книга, являющаяся также диссертационным сочинением, представляет необычайно яркое исключение из этого правила: на ее основе действительно можно читать курс истории русской критики середины XIX века. Но прежде чем говорить о самой работе, нужно сделать небольшой экскурс в

современное положение истории критики в отечественном литературоведении.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) выпустил немало коллективных трудов, посвященных различным сторонам истории русской литературы: помимо собственно обширных многотомных «Историй русской литературы» (в 10 томах, 1941—1956 и в 4 томах, 1980—1982), здесь и «Русская повесть XIX века» (1973), и «История русского романа» (в 2 томах, 1962—1964), и «История русской поэзии» (в 2 томах, 1968—1969), и «История русской драматургии» (в 2 томах, 1982—1987). В современной ситуации эти, несомненно, до сих пор ценные издания выглядят во многом устаревшими. Сама концепция универсального труда, обобщающего всю историю какого-либо рода литературы и тем более литературы в целом с некоторой абсолютно объективной и единственной позиции, кажется несвоевременной. Однако ни один коллективный труд не устарел так, как подготовленная совместно

* Вдовин А. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830—1860-х гг. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. 238 с.

сотрудниками ИРЛИ и ИМЛИ «История русской критики» в 2 томах (1958). Причин тому немало (это и накопленные с тех пор исследователями огромные фактические познания, и кризис «больших нарративов» в культуре нашего времени), и главная из них — вопиющая неактуальность самого подхода к критике, основанного на сравнительной «прогрессивности» разных ее деятелей. Идеологическая ангажированность, возникающая, конечно, под воздействием иных факторов, господствует в изучении критики и в дореволюционных изданиях по данной теме.

В более поздних изданиях были заполнены далеко не все существующие лакуны. «Очерки истории русской критики», первый и, видимо, последний том которых появился в 1999 году, вряд ли смогли бы предложить принципиально новый системный подход, даже если бы издание удалось завершить.

Современная наука, пытаясь отойти от догматического оценочного подхода к критике, смогла сделать это только на уровне разрешения частных проблем, в первую очередь комментаторского плана. Сколь угодно хорошо написанный комментарий к критическим статьям (например, в четырехтомном издании «Пушкин в прижизненной критике», 1999—2008), однако, практически никогда не переходит в качественно новое осмысление истории русской критики. Очевидно, усталость исследователей от ангажированного литературоведения такова, что любой концептуальный подход воспринимается ими как не соответствующий конкретным фактам. Эта общая тенденция ни в какой области не проявляется столь же ярко, как в истории критики.

Вероятно, причина плачевного положения именно этой области науки — в близости критики к публицистике. Кажется, что написанные на определенном понятийном языке, как статьи не могут быть рассмотрены иначе, как в аспекте идеологии. Соответственно, со сменой доминирующих в сознании исследователей идей меняется и их трактовка истории критики. В результате литературоведение оказывается в порочном круге: в конечном счете с научной точки зрения не существует принципиальной разницы между «классовым» подходом, когда, например, А. В. Дружинин зачисляется в сторонники крепостного права, и «религиозно-философским», один из сторонников которого недавно печатно заявил, что Н. А. Добролюбов был дураком.¹ В обоих случаях исследователи говорят о чем угодно, но не о литературе.

¹ «Как известно, дурак, который понимает, что он дурак, уже не дурак. Н. А. Добролюбов этого никогда не понимал...» (*Едошина И. А.* Народная культура в драмах А. А. Потехина и А. Н. Островского // Шелыковские чтения. А. Н. Островский и современная культура. Кострома, 2000. С. 41).

Между тем, критика представляет собою все-таки род именно литературной деятельности, и изучать ее надо соответствующими методами. Именно в этой сфере работа А. В. Вдовина кажется нам новаторской. Во-первых, в ней впервые в русском литературоведении методологический аппарат, связанный с изучением истории понятий, последовательно применяется для анализа обширного этапа развития критики. Во-вторых, применение этого методологического аппарата совершенно не мешает автору активно изучать собственно историко-литературные проблемы: частные столкновения критиков, обстоятельства появления отдельных статей, их связь с журнальной политикой своего времени и т. д. Наконец, в-третьих, за скромным названием, обозначающим частную проблему, скрывается исследование, посвященное анализу десятков разнообразных проблем, где и поиск источников эстетических теорий В. Г. Белинского, и детальное изучение полемики вокруг «Бедной невесты» А. Н. Островского, и даже история споров по поводу роли только что скончавшегося Добролюбова в русской литературе предстают этапами разрешения одной задачи.

Излагать и подробно обсуждать содержание работы Вдовина в рамках журнальной рецензии совершенно невозможно. Ограничимся перечислением основных проблем, затронутых в исследовании: это полемика о роли Г. Р. Державина в русской литературе, прошедшая на конец 1810-х—начало 1830-х годов; попытки Белинского выстроить иерархию русских писателей во главе с Н. В. Гоголем и противопоставить беллетристов подлинным художникам; полемика С. П. Шевырева с Белинским и переосмысление наследия критика его бывшими сторонниками в конце 1840-х годов; цикл статей «Русские второстепенные поэты» как выражение программы некрасовского «Современника»; литературная позиция «молодой редакции» журнала «Москвитянин» и ее связь с творческой практикой Островского; истоки литературной теории Н. Г. Чернышевского и его проекты поместить во главе русской литературы Белинского, Добролюбова и Н. В. Успенского.

Масштабность исследования такова, что читатель поначалу тонет в частных вопросах и не видит единого и последовательного сюжета, стоящего за ними. Пересказы статей, часто встречающиеся в книге, именно в связи с количеством и разнообразием источников не выглядят излишними. В специальных работах по истории критики излагать идеи, скажем, Чернышевского обычно не принято, однако в данном случае объем вводимого материала настолько велик, что трудно рассчитывать на читателя, хорошо знакомого с огромным корпусом критических статей, в которых отлично ориентируется автор. Единство проблематики книги поначалу не столь заметно и потому, что от авторской концепции отвлекают новаторство и неожиданность

частных выводов исследователя, впрочем, всегда обоснованных. Особенно много таких маленьких «прорывов» в частях, касающихся литературы конца 1840—1860-х годов. В качестве примера укажем на раздел, где Вдовин показывает, как некрасовский «Современник» еще при жизни Белинского фактически отказался от его литературных идей, отнюдь не следуя заветам «учителя». Не менее впечатляющим выглядит доказательство давнего предположения Г. Г. Шпета, утверждавшего, что Чернышевский в своей диссертации не опирался на теории Л. Фейербаха — факт, совершенно по-новому освещающий взгляды автора «Что делать?» на литературу. За всем богатством частных экскурсов в книге скрывается единая проблематика.

Поставленная Вдовиным проблема — взаимодействие творчества писателя и мнений о нем критика — решается, естественно, не в привычном духе, когда исследователь заявляет, что похваливший автора критик «понял» его произведения, а разругавший «не понял». Напротив, исследователь интересуется, зачем критик хвалит писателя, чем объясняются эти похвалы и насколько они соответствуют творчеству автора. Чтобы ответить на все эти вопросы, исследователь обращается к анализу понятийного инструментария русской критики. Детально устанавливаются западноевропейские и русские источники ключевых выражений, мелькающих на страницах статей русских критиков, изучается реальное содержательное наполнение и функционирование этих понятий. Критика в книге предстает не столько выражением более или менее тонких наблюдений отдельных литераторов, сколько лабораторией, где вырабатываются принципиально значимые эстетические категории, которыми в той или иной степени мыслят и сами писатели.

Перед нами исследование, знакомство с которым необходимо для любого историка литературы середины XIX века. Разумеется, в столь обильной материалом книге нельзя не найти отдельных неточностей, перечислять которые вряд ли уместно. В качестве примера можно привести утверждение, что Ап. Григорьев в 1850-е годы не называл Островского новым Шекспиром (с. 133), тогда как и в статьях критика, начиная с 1854 года, и в его стихотворном произведении «Поэзия и правда» эта идея постоянно возникает. Могут вызвать замечания и некоторые принципиальные положения Вдовина, но замечания эти другого рода. Например, вполне возможно, что в реальности Чернышевский, выдвигая на роль «главы литературы» то Белинского, то Добролюбова, то Н. Успенского, постоянно имел в виду другую, скрывающуюся за ними фигуру — себя (то же мнение высказывал о соответствующем разделе и оппонент диссертации М. С. Макеев). Однако подобные принципиальные замечания объединяет одно: все они не могли бы возникнуть у человека, не читавшего рецензируемой работы. Иными словами, желающий поспорить с исследователем читатель все равно оказывается под влиянием его мысли. Книга Вдовина в точном смысле открывает новые многочисленные перспективы перед исследователем. Потребность в таких изданиях назрела давно — кажется, настало время ее удовлетворить.²

² Практически одновременно с книгой Вдовина вышла коллективная монография «История русской литературной критики: советская и постсоветская эпоха» (М., 2011; ред. Е. Добренко и Г. Тиханов), в которой предпринимается попытка последовательного описания критики как социального института.

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА И Б. Л. ПАСТЕРНАКА

27—29 октября 2011 года в Великом Новгороде в рамках традиционных «Мусатовских чтений», организуемых кафедрой русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, прошла международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения двух русских поэтов XX века — О. Э. Мандельштама и Б. Л. Пастернака, творческие биографии которых всегда стояли в центре внимания выдающегося ученого-филолога и блестящего педагога В. В. Мусатова (1949—2003). Отличительной особенностью «Мусатовских чтений» является открытость и глубина свободного научного диалога, осуществляющегося в их процессе, а также стык академической науки и университетского знания, в перспективе дающий новый толчок не только концептуальному изучению и изданию творческого наследия русских писателей и поэтов, но и выработке современных методов преподавания истории русской литературы. Не стала исключением и конференция, посвященная Осипу Мандельштаму и Борису Пастернаку.

В настоящей конференции приняли участие сотрудники ИМЛИ им. А. М. Горького (Москва), ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Института славяноведения РАН, преподаватели зарубежных и российских вузов.

Открытие конференции было ознаменовано двумя важными событиями — презентацией сборника статей и публикаций «Некалендарный XX век», изданного московским Издательским центром «Азбуковник» по материалам «Мусатовских чтений» 2009 года, которые были посвящены творчеству И. Ф. Анненского, А. А. Ахматовой и проблеме творческого диалога в культуре и литературе XX века, и видео-выступлением Е. В. Пастернака, представленным И. П. Барсэл (Москва). Помимо приветственного слова к участникам конференции Е. В. Пастернак в своем сообщении акцентировал внимание на чеховском начале в романе Пастернака «Доктор Живаго».

В докладах, прозвучавших на пленарном заседании конференции, разговор шел о Мандельштаме и Пастернаке как творцах, соразмерных по величине и значению, но различных по творческим позициям, мировосприятию и мироощущению. Л. Ф. Кацис (Москва) свое выступление посвятил анализу и интерпретации малоизвестной и не вве-

денной в широкий научный оборот статьи Н. Берковского «О тяжести недоброй» (1928), высказав смелое предположение о том, что она вполне может рассматриваться как эстетический манифест «неизвестной» литературной группировки и стать источником формирования нового восприятия как отдельных поэтических шедевров Мандельштама и Пастернака, так и их соположения в литературном мире конца 1920-х годов. Совместный доклад Ю. Б. Орлицкого (Москва) и А. Н. Анисовой (Москва) представлял разнообразие прозаические и стихотворные пародии XX века на Мандельштама и Пастернака в качестве своеобразного ключа к пониманию особенностей поэтики, места и роли пародируемых поэтов в литературном процессе. Молодая исследовательница из Иркутска Ю. М. Брюханова представила концептуальный сопоставительный анализ стихотворений Пастернака «Венеция» (во второй, поздней редакции) и Мандельштама «Венецианской жизни мрачной...», убедительно показав как предметное пространство, преломленное сквозь мировосприятие разных поэтов, преобразуется и порождает в каждом отдельном случае свой ассоциативный метафорический ряд.

Второй день работы конференции прошел под знаком внимания к жизни и творчеству Мандельштама. Участники конференции выступили с докладами, посвященными лирике и прозе поэта и намечающими новые пути и подходы к анализу художественной системы Мандельштама, к пониманию роли традиций в его поэзии и логики творческих связей поэта с современниками.

Л. Г. Кихней (Москва) в своем выступлении вела разговор о преломлении постревлюционных реалий советской действительности в структуре мифопоэтического пространства лирики Мандельштама 1930-х годов. Ф. Б. Успенский (Москва) и А. Ф. Литвинова (Москва) в докладе «XIX век в стихотворении Осипа Мандельштама „Дикая кошка — армянская речь...“» показали, что в поэтической ткани названного стихотворения важнейшую роль играют до сих пор неопознанные гоголевские реалии, что по-новому заставляет говорить о влиянии русской классики на лирику поэта 1930-х годов. Активное обсуждение вызвал доклад Т. В. Игошевой (Беликий Новгород), предложившей

комментарий к стихотворению Мандельштама «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...». Докладчика интересовал прежде всего гетевский пласт натурфилософских представлений Мандельштама 1930-х годов, нашедших свое выражение в стихотворении. В первой части заседания прозвучали также доклады О. Н. Филенко (Украина, Киев) «Категории „хаос“ и „космос“ в творчестве О. Мандельштама», А. И. Котовича (Украина, Киев) «„Шум времени“ О. Мандельштама: жанр, повествовательная структура».

Вторая часть мандельштамовского дня конференции была по преимуществу связана с проблемой выявления творческих контактов поэта с современниками: К. И. Чуковским, Н. С. Гумилевым, А. А. Ахматовой и др.

Н. В. Налегач (Кемерово) в своем докладе предприняла попытку обобщить уже выявленные и обнаружить новые «кододовые ключи», с помощью которых выстроен поэтический диалог Мандельштама с Анненским в цикле «Стихи 1921—1925 годов». По мнению Н. В. Налегач, пронизывающие цикл Мандельштама образы двух эпох актуализируют поэтику диалога как форму преодоления ценностного разрыва и как космозатворское активное усилие, которое проявляет лирический субъект цикла в прогнотическо-хаотически распадающемся бытию. По мысли докладчика, в основе такого усвоения диалогической поэтики лежит ориентация Мандельштама на рефлексию Анненского. Е. В. Иванова (Москва), обратившись к теме «Мандельштам и Чуковский», широко представила анализ материалов прессы 1920-х годов, что позволило расширить список возможных источников знаменитого образа таракана из сказки Чуковского «Тараканище». В качестве возможного прототипа был назван Л. Д. Троцкий. Кроме того, Е. В. Иванова наглядно и убедительно продемонстрировала ритмический, просодический «параллелизм» текстов Чуковского и Мандельштама. Оживленное внимание было привлечено к докладу О. Е. Рубинчик (Санкт-Петербург) «Осип Мандельштам и Анна Ахматова глазами Сергея Рудакова». О. Е. Рубинчик развернула два семиотических ряда, принадлежащих С. Рудакову: вербальный и визуальный. Информационный объем известных записей Рудакова о Мандельштаме и Ахматовой, сделанных им в Воронеже, был дополнен его графическими рисунками.

И. В. Ерохина (Тула) в своем выступлении обратилась к вопросу поэтического диалога с Мандельштамом в эпигло «Реквиема» Ахматовой. Главное внимание докладчика было сосредоточено на выявлении «реквиемной» природы ряда текстов Мандельштама и анализу типологии реквиемных текстов у Мандельштама и Ахматовой. Вечернее заседание конференции завершило доклад О. Д. Филатовой (Иваново) «Эмблематика жертвы в поэзии Ахматовой (в контексте

творчества О. Мандельштама и Н. Гумилева)». По мнению О. Д. Филатовой мотив искупительной жертвы является одним из доминирующих и традиционных в лирике XX века, в этом качестве он предстает и в творчестве Мандельштама. При этом в лирике Ахматовой, по мнению докладчика, мы сталкиваемся с иным типом жертвы, не искупительным, а «заместительным», уходящим в глубины архаической обрядово-ритуальной культуры. В подтверждение этого тезиса был представлен убедительный ряд репрезентативных с точки зрения предложенной проблематики поэтических текстов Ахматовой.

Последний день работы конференции был посвящен «ликам творчества» Бориса Пастернака. Заседание открывало представленное И. П. Барсэл (Москва) видео-интервью с ведущим пастернаковедом современности Л. С. Флейшманом (США, Бостон). Одно из наиболее интересных замечаний Л. С. Флейшмана было связано с его размышлениями о сложных путях развития и становления пастернаковедения в советские времена.

Доклады, прозвучавшие на пастернаковском заседании конференции, фактически охватили все периоды творческого пути поэта от 1910-х до 1950-х годов. Исследованию хронотопа ранних поэтических опытов Пастернака было посвящено выступление О. С. Бердяевой (Великий Новгород). А. Ю. Сергеева-Клягис (Москва) и О. А. Лекманов (Москва) представили свои открытия в области комментирования «революционной» поэмы Пастернака «Девятьсот пятый год», отметив, что на формирование художественной образности поэмы особым образом повлиял фильм Эйзенштейна «Броненосец Потемкин». Доклад сопровождался показом видеоматериалов и вызвал оживленную дискуссию. Украинский ученый В. Я. Звизняцкий (Украина, Киев) уточнил реальный комментарий к стихотворению Пастернака «Опять Шопен не ищет выгоды...», оставив свое внимание прежде всего на киевских реалиях. В докладах Г. В. Петровой (Санкт-Петербург) и Е. М. Табориской (Санкт-Петербург) речь шла о позднем поэтическом творчестве поэта. Г. В. Петрова посвятила свое выступление анализу состава «Стихотворений Юрия Живаго» Пастернака и связи этого цикла с переводом поэта трагедии Гете «Фауст». Е. М. Табориская (Санкт-Петербург) построила свой доклад на утверждении о жанровой антитетичности пастернаковской «Вакханалии» и ахматовской «Поэмы без Героя». По мнению докладчика, в «легкомысленном» сочинении Пастернака Ахматова могла увидеть своеобразную контрпоэму по отношению к своему произведению, а системность контрастных параллелей у двух авторов восходит к полярности их мировоззрений. Позиция Ахматовой культуроцентрична, ее главный герой — память. У Пастернака пафос «органический», поэт переживает жизнь как вечное обновление, что

требовало доверия к дионисийской играющей стихии.

Отдельным вопросам творческой биографии Пастернака были посвящены доклады И. С. Абрамовской (Великий Новгород) «Пастернак и Грузия» и М. А. Ариас-Вихиль (Москва) «К проблеме восприятия творчества Б. Пастернака в Италии: итальянская дискуссия вокруг романа „Доктор Живаго“ (1958—1959 гг.)».

Завершил заседание стендовый доклад венгерской исследовательницы Анны Марии Хан (Будапешт) «К вопросу об импрессионистическом типе восприятия в поэтической культуре начала XX века: Борис Пастернак». Опираясь на статьи Пастернака «Вассерманова реакция» (1914) и «Черный бокал» (1915), исследовательница выдвинула тезис об амбивалентности импрессионизма в эстетической концепции и поэзии Пастернака, определив его метод как «импрессионизм вечного», при котором мир явлений в одном познавательном акте симультанно предстает и в своей непосредственной данности, и в своей эйдетической заданности.

Конференция показала, что для современного литературоведения продолжает оставаться актуальной работа по интерпретации и комментированию творческого наследия русских поэтов XX века — Мандельштама и Пастернака, при этом внимание исследователей все больше сосредотачивается на стремлении понять логику художественного развития поэтов на зрелом этапе творчества: для Мандельштама — это конец 1920-х—1930-е годы, для Пастернака — конец 1920-х—1950-е годы. На конференции возник и свой научный сюжет, связанный с преломлением западноевропейской художественной и научной мысли в творческих поисках Мандельштама и Пастернака, локализовавшийся вокруг разговора о связи названных поэтов с творчеством Гете.

Работа конференции была отмечена и новыми открытиями в области комментирования художественных произведений Мандельштама и Пастернака, которые без сомнения будут способствовать развитию издательской практики, связанной с русской поэзией XX века.

© Т. В. Игошева, © Г. В. Петрова

ЧЕТВЕРТЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНО-РУССКОЙ АГИОГРАФИИ»

Международная конференция «Актуальные проблемы изучения славяно-русской агиографии» состоялась в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН 28 ноября — 2 декабря 2011 года в рамках Четвертых Лихачевских чтений.

Темой конференции стал, по выражению заведующей Отделом древнерусской литературы Пушкинского Дома Н. В. Поньрко, «агиографический текст в широком смысле»: не только житийная литература, но также иконография, гимнография. Конференция объединила специалистов из самых разнообразных областей знаний: филологов, историков, искусствоведов, музыковедов.

Первое заседание конференции открылось выступлением архимандрита Троице-Сергиевой лавры Макария (Веретенникова) «Русско-византийские отношения в XI веке: Деятельность митрополита Георгия». Произведения митрополита Георгия, грека по национальности, одного из выдающихся предстоятелей русской церкви, богослова-полемиста, канониста и книжника, как показал Макарий Веретенников, сохранились не в первоначальном виде и дошли до нас в поздних и единственных списках.

М. А. Федотова (Санкт-Петербург) в докладе «Житие Григория Армянского в древнерусской книжности» показала, что это житие сохранилось в древнерусской письменности в двух редакциях: Пространной и Метафрастовской. Основное внимание исследовательница уделила редакции Симеона Метафраста, сохранившейся в ряде списков, в том числе и в составе так называемых «вешанных» миней (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 16/1255), список датируется 40-ми годами XV века. Житие Григория Армянского в этом сборнике имеет одну особенность: начало Жития писано почерком, отличающимся от почерка основного писца и принадлежащим, вероятно, по наблюдениям Е. Э. Шевченко, Исааку Собаке, который не только «вписал» начало Жития, но, возможно, написал и предисловие к нему. М. А. Федотова высказала предположение, что Метафрастовская редакция Жития Григория Армянского на Руси в XV—XVI веках была переведена дважды. Кроме того, в конце XVII—начале XVIII века появляется новое житие Григория Армянского, принадлежащее перу Димитрия Ростовского; оно вошло под 30 сентября в состав его знаменитых Четых Миней.

А. В. Лаушкин (Москва) в докладе «К проблеме почитания княгини Ольги и князя Владимира в домонгольское время» затронул дискуссионную тему формирования церковных культов просветителей Руси. Несмотря на раннее появление агиографических и, возможно, гимнографических памятников, посвященных первым русским правителям-христианам, несомненные признаки их церковного прославления (создание церкви св. Владимира, проникновение памяти обоих святых в месяцесловы) фиксируются источниками не ранее XIV века. Такая ситуация заставляет ученых смотреть на предшествующий период как на время, когда протекал постепенный процесс вызревания названных культов. В этой связи особого внимания заслуживают нередкие для второй половины XI—XII века совпадения важных событий в политической и церковной жизни Руси с еще не вошедшими в календари днями памяти святых Ольги и Владимира (11 и 15 июля), а также с днями их тезоименитства (21 мая и 1 января). Анализ этих хронологических совпадений позволил предположить, что перед нами ряд сознательных приурочений, отразивших, видимо, еще не оформившееся в полном церковном смысле почитание памяти Ольги и Владимира, распространенное преимущественно в среде их непосредственных потомков.

В. Ю. Франчук (Украина, Киев) в сообщении «Создатели житийной версии рассказа о князе-схимнике Игоре Ольговиче» пришла к выводу, что элементы агиографического стиля были внесены в летописные описания ухода из жизни Игоря Ольговича, Андрея Боголюбского, Ростислава Мстиславича и Давида Ростиславича в конце XII века. Текст Киевской летописи, как принято считать, составлялся в это время для великого князя Рюрика Ростиславича. Ее составитель и редактор игумен Моисей не только поместил в летопись некрологи отца и братьев Рюрика, но и внес, по-видимому, в ранее созданные некрологи Ростислава Мстиславича и Давида Ростиславича такие детали поведения, которые позволяли причислить их к лику святых. Эти же характеристики он сам или скорее его помощники перенесли в рассказы о трагической гибели Игоря Ольговича и Андрея Боголюбского.

А. Г. Мельник (Ростов Великий) в сообщении «Култ святых в общественной жизни Руси середины — второй половины XV века» показал, что культы святых на Руси начали выдвигаться на общественную арену с середины XV века, после того как в начале 1448 года в условиях затяжной междоусобной войны представители государственной и церковной элиты Москвы осознали необходимость опираться в своей политике на авторитет наиболее значимых в этой среде святых. С этого времени, как отмечает исследователь, святые в актах и летописях стали выступать в роли гарантов заключаемых со-

глашений, помощников московских государей и высшей церковной власти в их политической борьбе, покровителей великих князей и русского воинства, защитников Москвы и страны в целом; гробницы святых становятся средоточием не только религиозной, но и общественной жизни. Данные явления были усилены установлением автокефалии русской церкви в конце 1448 года.

Е. В. Белякова (Москва) в работе «Значение Азбучно-Иерусалимского патерика для русской монашеской традиции» указала, что патериковые тексты с XIV века актуализируются в русской книжности, становятся культурообразующими. Только от XV века дошло четырнадцать Азбучно-Иерусалимских и двадцать пять Скитских патериков. Патериковые рассказы имелись также в составе Пролога и Пандектов Никона Черногорца. Через них шло знакомство с историей древнего скита и его обитателями, чья жизнь становилась образцом для подражания. Особое внимание уделено двум идентичным по составу спискам Азбучно-Иерусалимского патерика: собр. Погодина, № 876 и Ярославского Государственного музея-заповедника, № 15479, в которых в качестве дополнительных статей идет Скитский устав. Связь между этими текстами глубоко закономерная — указания на путь спасения и способы следования ему. Во всех рукописях, содержащих Скитский устав, присутствуют патериковые статьи. Эти тексты объясняют, почему именно скиты стали отличительным явлением русского монашества на протяжении всей его истории, несмотря на правительственные запреты и гонения.

Е. Э. Шевченко (Санкт-Петербург) в исследовании «Краткое Житие Кирилла Белозерского в автографе книжника первой половины XVI века Исаака Собака» представила итоги изучения сборника № 89/1166 из собрания библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря; этот сборник принадлежал строителю Нило-Сорской пустыни Аркадию, но он не был его писцом. Текст Краткого Жития Кирилла Белозерского в нем представляет собой не известный ранее автограф книгописца рубежа XV—XVI веков Исаака Бирева Собаки. Данный текст является одним из старейших списков этого произведения. Его выявление и сопоставление с другими недавно выявленными автографами Исаака позволили исследовательнице выдвинуть гипотезу, согласно которой преп. Нил Сорский был сочинителем текста Краткого Жития белозерского подвижника, а также, основываясь на предположении М. С. Боровковой-Майковой о создании Нилом Сорским Слов о почитании икон, включенных в так называемый «Просветитель» Иосифа Волоцкого, вновь поднять вопрос об авторстве этих текстов.

Тема кирилло-белозерской книжности была продолжена в докладах Т. П. Лёнгрен (Норвегия; Тромсё) «Источники Жития Феодора Студита в Сборнике Нила Сорского» и

Е. В. Романенко (Москва) «Традиция почитания прп. Нила Сорского». Найденный Т. П. Лёнгрен текст жития Феодора Студита в автографе Нила Сорского (РГБ, собр. Ундольского, № 1173) позволил сделать вывод, что редактором «переложения» был именно Нил Сорский и появилось оно не в начале XVI века, как утверждалось ранее, а в 80-х годах XV века. Было установлено, что одним из главных источников для Нила Сорского была рукопись из собр. Кирилло-Белозерского монастыря. Е. В. Романенко рассмотрела исторический контекст возникновения «Чуда об образе» прп. Нила, в котором рассказывается о чудесном освобождении из плена некоего человека из Москвы после явления ему святого. Чудо избавления из плена, совершенное в далеких южных землях прп. Нилом, становилось безусловным основанием для канонизации преподобного, и даже более: оно превращало его из местничитимого в общерусского святого и среди литературных текстов о житии и чудесах Нила Сорского стало «Чудом первым».

А. И. Алексеев (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу о преемнике прп. Иосифа Волоцкого (по данным его житий и посланий)» проанализировал ситуацию с назначением преемника Иосифа Волоцкого на посту игумена Иосифо-Волоколамского монастыря, до сих пор не получившую удовлетворительного объяснения в научной литературе. Считается, что Даниил Рязанец был назначен игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря великим князем Василием III вопреки ясно выраженной воле основателя монастыря. Сопоставление списка послания Иосифа Волоцкого к Василию III со списком его Духовной грамоты, содержащей дату — 1507 год, позволяет утверждать, что решение прп. Иосифа об избрании в преемники Даниила было принято им лично не ранее 1507-го и не позднее второй половины 1511 года.

Н. В. Поньрко (Санкт-Петербург) в своем докладе «Традиция почитания памяти протопopa Аввакума» показала, что почитание Аввакума началось вскоре после его огненной казни (1682 год). Уже на рубеже XVII—XVIII веков существовала икона Аввакума. От начала — первой четверти XVIII века дошла Выговская служба всем святым, пострадавшим за «древнее благочестие», в составе которой среди прочих звучало и песнопение Аввакуму. Есть основания предполагать, что в XVIII веке на Керженце имела хождение отдельная служба Аввакуму. В 20-е годы XX века была создана отдельная служба Аввакуму, возможно, сохранившая в себе следы более древней керженской службы. В самом конце XX века в селе Большое Мурашкино Нижегородской губернии, рядом с родиной Аввакума селом Григоровым, Русской православной старообрядческой церковью был возведен и освящен новый храм во имя священномученика и исповедника Аввакума.

А. В. Пигин (Петрозаводск) остановился на проблемах изучения севернорусской региональной агиографии, представив исследование «Житие Кирилла Челмогорского — памятник каргопольской агиографии XVII века». На материале всех известных сегодня восьми списков этого жития XVIII—XIX веков была реконструирована его литературная история. Особое внимание было уделено деятельности старообрядческих выговских книжников, объединивших, по мнению А. В. Пигина, сказания о прижизненных и посмертных чудесах святого. Докладчик затронул также вопросы исторической достоверности жития и его литературных источников (в числе последних — Житие Нила Столбенского).

В работе О. В. Панченко (Санкт-Петербург) «Повести о соловецких пустынножителях: к истории создания цикла» был пересмотрен вопрос о времени создания цикла повестей, посвященных отшельникам Соловецкого острова. Сопоставив текст двух первых повестей цикла с Житием Диодора Юрьегорского, исследователь установил их производность от одной из ранних редакций Жития Диодора, что позволило ему оспорить общепринятое мнение о том, что этот цикл был создан не позднее середины XVII века. В результате анализа 13 списков он установил 3 редакции цикла повестей и пришел к выводу, что наиболее ранняя из них была создана лишь в конце XVIII века. Наибольшее распространение получила третья редакция цикла, дополненная в 1829 году «Повестью о пустынножителе Феофане».

Тема соловецкой книжности была продолжена О. Г. Волковым (Соловки) в исследовании «Иеромонах Антоний, ученик прп. Феофана Соловецкого, и традиция пустынножительства на Соловках в XIX веке», в котором были представлены новые архивные материалы, касающиеся судьбы соловецкого пустытника Феофана и его ученика Антония, написавшего его Житие.

Открывшем второй день конференции выступлении Е. Л. Конявской (Москва) «История сложения проложной статьи на 1 августа» были рассмотрены реалии «византийской составляющей» содержащегося в этой статье рассказа об установлении праздника Всемилоствому Спасу и Божией Матери: сведения о взаимоотношениях Андрея Боголюбского с императором Мануилом и о том, что оба правителя, отправившись в походы, видели чудесное знамение от иконы. Также была высказана гипотеза о принадлежности Поучения Нестору Ростовскому.

М. В. Антонова (Орел) в докладе «Сюжетный топос в древнерусской агиографии» выдвинула предположение, что топик в агиографии правомерно рассматривать не только на микроуровне устойчивых словесных комплексов, но и на макроуровне, включая сюжет. В сюжетном строении агиографического произведения существуют эпизоды со

сходной семантикой и относительно устойчивой конструкцией, которые повторяются в ряде текстов и могут быть определены как сюжетные топосы. Исследовательница выделила ряд устойчивых сюжетных конструкций («обетный ребенок», «родители находят святого в монастыре», «прения с мучителем» и др.) и показала специфику их строения и некоторые особенности функционирования на русской почве. Спорный характер выводов докладчицы отразился в оживленной дискуссии.

Тема агиографической топики получила продолжение в докладе Т. Р. Руди (Санкт-Петербург) «Из истории агиографической топики («яко твердый адамант»)». Были выделены наиболее распространенные варианты реализации топоса адаманта в древнерусской агиографической традиции, каковыми являются похвальная формула «яко твердый (вариант: крепкий) адамант», использующаяся в житиях святых разных типов святости, чаще всего — в житиях мучеников и преподобных, а также сравнение подвижника с адамантом в сценах борьбы святого с бесами, зачастую соединяемое с топосом непоколебимого столпа. Основным смысловым наполнением топоса адаманта в агиографических текстах является мотив твердости подвижника в вере или терпении. Все выявленные варианты топоса адаманта в древнерусской книжности демонстрируют его исключительно положительное смысловое наполнение — в противоположность западной традиции, понимающей под «сердцем из адаманта» «окамененное» сердце грешника.

Темой выступления И. Н. Лебедевой (Санкт-Петербург) «История Варлаама и Иоасафа: повесть или житие?» стало определение жанра самого распространенного памятника мировой средневековой литературы, известного более чем на 30 языках народов Европы, Азии и Африки — Истории Варлаама и Иоасафа. Наибольшее распространение этот памятник получил в русской литературе — сохранилось более тысячи его списков, переработок, отрывков, духовных стихов. Повесть имеет долгую историю формирования. Русский текст представляет собой перевод с греческого, а греческий текст имеет в своей основе подвергшуюся многочисленным видоизменениям грузинскую версию. В календаре русской церкви память преподобного Варлаама, царевича Иоасафа и отца его Авенира значится под 19 ноября. Таким образом, «Историю Варлаама и Иоасафа» в зависимости от интерпретации можно признать как повестью, так и житием.

А. Майнарди (Италия, Бозе) представил результаты проведенного им сравнительного анализа рукописных и печатных житий Паисия Величковского («Житие и автобиография в литературном наследии старца Паисия Величковского»), благодаря чему исследователю удалось восстановить хронологическую картину создания известных сегодня вариан-

тов жизнеописания старца. В последние годы жизни Паисий написал свою незаконченную «Повесть» (т. е. автобиографию); в конце XVIII или начале XIX века схимонах Митрофан составил «Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия», а несколько позже Исаак закончил свой текст на румынском языке, дополнив и расширив рассказ Митрофана. При игуменстве Сильвестра после публикации краткого жизнеописания, составленного Григорием на румынском языке, собор братии поручил схимонаху Платону написание единого текста Жития, который был им окончен в 1818 году и переведен на румынский язык о. Кириаком. Однако по какой-то причине издание Жития не было осуществлено до 1836 года. Между тем списки славянского текста Платона (без имени автора) распространились среди учеников Паисия в России, что способствовало расцвету русского «старчества».

Н. С. Демкова (Санкт-Петербург) в докладе «„Повесть от жития Петра и Февронии Муромских“: к проблеме пересечения смыслов» к одному из самых знаковых произведений древнерусской книжности. Отметив, что существуют разные интерпретации Повести, Н. С. Демкова особо выделяет и комментирует ее притчевый характер. Повесть, представляющая собой сложное переплетение сюжетов, должна читаться как повесть-притча, и читатель должен сам определять ее когнитивное, смысловое и символическое содержание.

В докладе И. В. Федоровой (Санкт-Петербург) «Агиографические сюжеты в описаниях русских паломников XII—XIX веков» были проанализированы реминисценции из переводных агиографических памятников, ставшие обязательными в структуре описаний русских паломников XII—XIX веков («Житие Марии Египетской», «Житие Саввы Освященного», «Житие великомученика Георгия Победоносца» и «Житие Пелагеи Антиохийской», патериковый рассказ о Герасиме Иорданском). Как правило, воспоминания о святом связано с конкретным местом в Иерусалиме или Палестине, о котором свидетельствует и текст его жития. Так, при поклонении храму Гроба Господня, у входных врат его южной стороны паломникам указывают параклис Марии Египетской — место, где, согласно тексту Жития, она не была впущена Святым Духом в храм и получила наставление от иконы Богородицы Иерусалимской уйти в Иорданскую пустыню на покаяние. Паломничество в Иорданскую пустыню рождает у странников воспоминание о встрече здесь Марии Египетской с аввой Зосимой, описанной в Житии. Как показало наблюдение над текстами «хождений» XII—XIX веков, появление в их повествовательной ткани агиографических сюжетов инспирировано рассказами гидов-проводников, известными в греческой традиции не только в устной форме, но и в письменной (так называемые «про-

скинитарии»). Докладчица обратила внимание и на то, что в поздние паломнические описания включаются рассказы о чудесах святых, услышанные странниками от разных лиц. Как правило, это посмертные чудеса, память о которых сохранялась местной традицией, особенно если они происходили от мощей или иконы местночтимого святого. Каждый такой рассказ оригинален и в паломнических текстах не тиражируется.

А. В. Сиреновым (Санкт-Петербург) был рассмотрен ряд русских княжеских житий середины XVII века: жития князя Георгия Всеволодовича, княгини Вассы Нижегородской и комплекс княжеских биографий из Милютинских мнией («Русские княжеские жития середины XVII века»). На основе исследования источников этих текстов было доказано их московское происхождение и выдвинуто предположение, что в середине XVII века церковное прославление древнерусских князей входило в сферу интересов государственной идеологии.

Е. К. Ромодановская (Новосибирск) в своем выступлении «К вопросу о документальности в агиографии XVII века» отметила разные типы соотношения документального и литературного текста: документ как источник, как приложение к житию, документальный стиль. Наиболее важными были признаны случаи использования структуры документа в литературных целях: в сказаниях о явлении иконы документ является жанрообразующим элементом, в то время как в житиях святых он разрушает традиционный тип повествования.

В сообщении И. А. Лобаковой (Санкт-Петербург) «Мотив аскетического служения в Житии Галактиона Вологодского» были выявлены топосы, хорошо известные по житиям подвижников и юродивых (прилежание к церкви, пренебрежение мирскими соблазнами, дар пророчества, скудость пищи, краткость сна, ношение вериг, затворничество). Однако ряд мотивов получил в данном Житии своеобразную интерпретацию: сон не просто сидя, а стоя на коленях, опираясь на цепь; ношение вериг и затворничество по собственной воле; радость и веселие как награда за подвижническую жизнь, отсутствие бесовских искушений. Исследовательница подчеркнула, что если сюжет Жития Галактиона Вологодского полностью определен историческими обстоятельствами, то выбор ряда мотивов и стремление героя к личному подвигу продиктованы традициями агиографической литературы.

А. А. Романова (Санкт-Петербург) в докладе «Заметки о создании житий подвижников — основателей монастырей (на примере Жития Ионы Яшеозерского)» отметила, что далеко не все древнерусские святые, прославленные в допетровское время или канонизированные в недавнее время, имеют жития и что некоторые из житий, составленные

через много десятилетий после кончины подвижника, основывались на разнородных источниках. После достаточного большого перерыва, когда агиографические произведения могли рассматриваться только в контексте истории литературы, создание агиографических памятников стало актуальным, и не только в отношении святых Нового времени, но и в отношении древнерусских святых. Так появляются житийные повести об основателях монастырей, о почитании которых не сохранилось сведений, однако остались документальные свидетельства их хозяйственной деятельности; примером подобного жития «нового типа» может служить жизнеописание преподобного Ионы Яшеозерского, написанное Досифеем (Ларионовым).

Т. Ф. Волкова (Сыктывкар) в исследовании «Памятники древнерусской и старообрядческой агиографии в списках печорского книжника И. С. Мяндина» представила обзор житий, переписанных известным печорским книжником-писцом и редактором древнерусских повестей — крестьянином-старообрядцем из села Усть-Цильма И. С. Мяндиным. Им создано 32 списка житий и житийных чудес (18 отдельных памятников). Более подробно исследовательницей были рассмотрены мяндинские списки древнерусского Жития Варлаама Хутынского и старообрядческого Жития Корнилия Выговского, в которых обнаруживается характерная для мяндинских переделок тенденция к упрощению сюжета, что приводило, во-первых, к усилению динамизма повествования, во-вторых, к выдвиганию на первый план фигуры главного героя.

В третий день конференции особое место было отведено изысканиям в области гимнографических памятников. Выступление А. Н. Кручининой (Санкт-Петербург) «Тропари равноапостольным святым в нотированных рукописях» было посвящено истории вхождения музыкально-поэтических текстов отпустительных тропарей в древнерусские нотированные рукописи. Первые списки появляются в стихирах «Дьячье око» конца XVI—начала XVII века. Если тропари св. Кириллу Философу и св. княгине Ольге известны только в одном списке и не сопровождаются музыкально-литургическим контекстом, то в 4 тропаря (4-го и 8-го гласов) св. князю Владимиру входят в состав полного свода служб. В докладе рассмотрена музыкально-поэтическая организация 1-го тропаря, где использованы приемы музыкальной анафоры, эпифоры, выявляющие смысловые доминанты текста.

С. М. Шумило (Украина; Чернигов) в докладе «О музыкальном подтексте древнерусских агиографических памятников: К постановке проблемы» вновь обратилась к одной из ярких особенностей произведений Епифания Премудрого, написанных в стиле «плетения словес», проанализировав цитаты из богослужебных песнопений. Епифаний,

по всей видимости, учитывал не только смысловую нагрузку богослужебных цитат, но и их музыкальную сторону. Во-первых, Епифаний был музыкально одаренным человеком: в переписанных его рукой нотных (крюковых) рукописях медиевистами были найдены стихиры, которым Епифаний дал новую нотацию. Во-вторых, большинство богослужебных песнопений Древней Руси было закреплено за определенным напевом, что позволяет говорить об ассоциативном музыкальном воспроизведении читателем той или иной цитаты из песнопения при чтении Епифаниевых текстов. Ярчайшим примером такого оригинального использования богослужебных цитат является текст Жития Стефана Пермского. Музыкальный подтекст Епифаниевой агиографии выстраивается не только из ирмосных цитат, но и при помощи цитирования литургических песнопений в Житии в той последовательности, в которой они расположены в богослужении, и тем самым создают литургический подтекст. Богослужебными песнопениями как литературным источником для своих произведений пользовались многие писатели средневековья, но музыкальные мозаики, созданные как подтекст Жития, являются одной из уникальных особенностей литературного стиля Епифания.

Материалом для исследования Ф. В. Панченко (Санкт-Петербург) «Московский аспект почитания новгородской иконы „Знамение“ (по памятникам гимнографии)» послужили многочисленные гимнографические произведения, посвященные новгородской иконе Богородицы «Знамение». Анализ представленного материала позволил выявить различные региональные традиции почитания этой иконы, показать специфику московской гимнографической традиции и высказать ряд предположений о причинах популярности этой иконы в Москве.

Н. В. Рамазанова (Санкт-Петербург) в выступлении «Воспевание святителя Филиппа в музыкально-поэтическом творчестве соловецких иноков» отметила, что списки нотированной службы митрополиту Филиппу немногочисленны, однако в них обнаруживается четыре музыкальные редакции одного и того же литературного текста, созданного соловецким игуменом Иаковом. Одна из редакций была создана соловецкими иноками в последней четверти XVII века. В докладе объясняются причины появления особой «соловецкой» редакции роспева службы. Здесь также анализируется служба Герасима Фирсова, отдельные песнопения которой на рубеже XVII—XVIII веков были записаны с нотацией и включены в богослужение, совершавшееся в день памяти святого (9 января), наряду с песнопениями игумена Иакова.

Т. Б. Карбасовой (Санкт-Петербург) в докладе «О соотношении гимнографических и агиографических текстов (на примере

Службы и Жития Кирилла Новоезерского)» было установлено, что сюжетные описания Службы, составленной спустя полвека после написания Жития, часто входят в противоречие с последним. Причиной этого послужило буквальное следование гимнографами своим источникам (всего для Службы Кириллу Новоезерскому их установлено одиннадцать). Докладчица обратила внимание на то, что сама Служба считалась весьма авторитетной, а фактические разночтения не служили основанием для ее редактирования, что, по ее мнению, свидетельствует об отсутствии запроса на буквальное совпадение гимнографических и агиографических текстов: Житие и Служба дополняли друг друга, совпадая только в передаче основных сакральных моментов биографии святого.

В основе исследования С. А. Семячко (Санкт-Петербург) «„Историческое“ и каноническое в службе святому: Служба Паисию Галицкому как литургический памятник и исторический источник» лежал анализ Службы преподобному Паисию Галицкому. Докладчица рассмотрела гипотезу А. Г. Авдеева относительно раннего происхождения Службы и оспорила как его текстологические, так и исторические аргументы. На материале Службы Паисию Галицкому был поставлен вопрос о так называемом «историзме» службы как жанра. Сопоставив «историческую» составляющую Службы Паисию Галицкому и его Жития, она пришла примерно к тем же выводам, что и предыдущая докладчица: будучи текстуально связанной с Житием, Служба противоречит ему по части фактографии. Выявив многочисленные источники Службы Паисию Галицкому, исследовательница не только сдвинула датировку Службы ближе к концу XVII века, но и показала механизм создания гимнографического текста, а также продемонстрировала приоритет для создателя Службы источников «канонических» над источниками историческими.

М. П. Рахманова (Москва) в докладе «Сохранение церковно-певческого наследия в годы советской власти (по материалам московских регентских библиотек)» обратилась к проблеме сохранения церковно-певческого наследия в годы советской власти. На основании предварительного анализа материалов регентских библиотек, репертуаров звукозаписей, мемуаров и прочего была дана периодизация рассматриваемой темы в соответствии с историческими событиями последующих десятилетий, вплоть до 1980-х годов, и сделан следующий вывод. Попытки вернуться к строгому пению, к древним традициям, к раннехристианским идеалам или к пению общенародному предпринимались в основном в новых, глубоко сплоченных перед лицом гибели общинах. Но в оставшихся открытыми больших храмах пение скорее стремилось к развернутому хоровому звучанию, к некоему великолепию и изобилию, а не к аскетизму. Вне зависимости от особенностей

индивидуального стиля авторов, писавших для клироса в советскую эпоху, в целом стиль пения соборных хоров советской эпохи был сопротивлением и попыткой удержать церковное достояние.

М. А. Шибаевым (Санкт-Петербург) в докладе «Кодикологические наблюдения над минеями Кирилло-Белозерского монастыря второй половины XV века» в ходе кодикологических наблюдений над минеями Кирилло-Белозерского монастыря второй половины XV века был описан комплект из семи служебных миней, используемых в Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря на протяжении XV века. Исследователь сделал акцент на их датировке и происхождении. М. А. Шибаев заключил, что большинство миней между собой кодикологически никак не связаны и были созданы в разное время. Одним из главных атрибутирующих признаков принадлежности данных рукописей монастырю являются пометы и исправления монаха Ефросина, как священника или уставщика, который в случае необходимости правил или дополнял старые минеи.

Сообщение Е. М. Юхименко (Москва) «Традиция составления Четиих Миней в старообрядческой среде» было посвящено недавно обнаруженному автором уникальному памятнику — Четиям Минеям, составленным в 1712—1715 годах в Выго-Лексинском обществе трудами его первых настоятелей братьев Денисовых и Петра Прокопьева. В докладе проанализированы возможные источники этой большой сводной работы, показано, что выговские книжники, хотя и опирались на труды своих предшественников, главным образом составителей Софийского списка Великих Миней Четиих, работали самостоятельно и включали различные сочинения в соответствии с собственной программой, широко привлекая для этого памятники русской рукописной книжности. Сравнительный анализ составов древнерусских и Выговских Четиих Миней показал, что последние являются наиболее полным сводом житий русских святых.

Житие блаженного Августина в выговских Четых Минеях было рассмотрено В. В. Калугиным (Москва). Отметив, что это Житие чрезвычайно редко встречается в русской письменности, исследователь, во-первых, остановился на трех выговских списках Жития, входящего в том числе и в Книгу блаженного Августина, кратко рассказал о судьбе Книги и охарактеризовал языковые особенности ее перевода, во-вторых, наглядно продемонстрировал, какой вариант этого Жития и с какими редакционными изменениями попал в выговские Четьи Миней.

Служба св. Владимиру стала предметом исследования Н. И. Милютенко (Санкт-Петербург) «Служба святому князю Владимиру: начальный этап формирования». Служба была написана не позже начала XIV века, когда в 1311 году в Новгороде была построена на-

двратная церковь, посвященная князю. Отдельные стихиры и кондаки появились уже в пределах домонгольского периода, судя по тому, какое внимание в этих текстах уделяется Киеву. Основное развитие службы, создание Первой и Второй редакций, относится уже к XV веку. Этим временем датируются первые полные списки Первой редакции в нескольких видах.

Заключительный день конференции открылся выступлением Л. В. Прокопенко (Москва) «Об источнике одной статьи Пролога («Слово о златокузнице»)». «Слово» находится в Прологе краткой редакции под 6 октября (самые ранние списки — середины XIII века). Эта история состоит из двух частей: рассказа о кузнеце, который выколол себе правый глаз, чтобы избежать соблазна, и рассказа о передвижении горы по молитве праведного кузнеца. Легенда о передвижении горы возникла на Востоке под влиянием евангельского афоризма, видимо, еще в глубокой древности. Есть несколько версий этой легенды, где она связывается с именем патриарха Александрийского Иоакима (конец XV — первая половина XVI века). Подобная история есть и в повести Христофора Ангела, ученого грека, издавшего в Кембридже в начале XVII века книгу «Об обычаях современных греков», где гору двигает безымянный патриарх, названный Иерусалимским. Чудо с передвижением горы при участии одноглазого башмачника А. Н. Веселовский обнаружил в «Книге о разнообразии мира» Марко Поло. На славянской почве чудо с горой упоминается также в рассказе паломника Василия Гагары, в котором видны явные следы влияния Пролога и откуда заимствована, видимо, и сама фигура златокузнца. Некоторым мотивам и персонажам проложной легенды можно найти аналогии и в более ранней агнографической литературе, в частности в патериках. Проложная статья о златокузнице скорее всего была составлена на основе недошедших до нас переводных источников.

А. Г. Бобров (Санкт-Петербург) представил продолжение работы над Стишным Прологом Папского Восточного института в Риме («Русская агнография Стишного пролога Папского Восточного института в Риме»). Помимо шести ранее рассмотренных исследователем новгородских сочинений в Прологе находится еще 17 русских по происхождению текстов. Из них в докладе были рассмотрены десять. Как выяснилось, представления создателя агнографического цикла о русской истории совершенно антиисторичны, но в них есть определенная закономерность. Его историческая память не простирается далее начала XIV века и завершается 1470-ми годами, причем русские святые жили во времена «благочестивых князей русских», мифических Даниила Ивановича, Георгия Даниловича и Саввы Переславского, были современниками, находились между собой в отноше-

ниях родства, приятельства или преемства. Докладчик пришел к выводу, что в своей совокупности русские жития Стишного Пролога представляют фантастическую картину «народной истории», основанной не на фактах, а на легендах и преданиях.

В докладе В. И. Охотниковой (Псков) «Типология развития сказаний о псковских чудотворных иконах» речь шла о трех периодах в развитии жанра сказаний о псковских иконах, каждому из которых соответствовал определенный структурно-стилистический тип повествования. В литературе Пскова XIV—XV веков тексты, посвященные иконам, представлены краткими летописными известиями и сказаниями, в структуре и стиле которых есть определенное сходство. В XVI веке на основе кратких сказаний известными псковскими агиографами и гимнографами Филофеем и Василием-Варлаамом создаются службы и Слова похвальные Чирской и Мирожской иконам, литературными источниками и образцами которых были произведения Пахомия Логофета (Служба Новгородской иконе Знамение, Слово похвальное на Покров неизвестного автора, читающееся в составе Великих Четых Миней. Многочисленные Сказания о псковских чудотворных иконах XVII века тесно связаны с событиями псковской истории, отличаются информативностью, интересом к конкретным деталям и подробностям исторического и бытового характера. Совершенно самостоятельно развивалась история текста Повести о явлении икон на Синичей Горе и основании Успенского Святогорского монастыря, составленная в 60-е годы XVI века псковским наместником Г. Токмаковым на основе устных рассказов очевидцев.

Е. А. Рыжова (Сыктывкар) в выступлении «Сказания о явленных святых и чудотворных иконах Русского Севера: к проблеме жанровой интеракции» на материале ряда поздних севернорусских житий XVI—XIX веков пришла к выводу, что они обладают определенными композиционными и жанрово-тематическими особенностями, отличающими их от традиционных житийных произведений и сближающими с жанром сказаний о явленных чудотворных иконах. Появление на Русском Севере сказаний о явленных святых отражает определенное литературно-религиозное явление, существование которого обусловлено народным почитанием безмянных явленных святых, лишь в редких случаях получавших церковную канонизацию.

Э. А. Гордиенко (Санкт-Петербург) в докладе «Избранные святые в изобразительном искусстве Новгорода XI—начала XIII века» впервые обратилась к изучению изобразительного искусства во взаимодействии с богослужебными сочинениями. Так, Апракос Мстислава Великого (XI—XII века), комплекты служебных Миней XI—XII веков из новгородского Лазарева монастыря и Софий-

ского собора наряду с произведениями художественной культуры представляют единое явление, в котором отражена духовная сущность и задача воплощения христианского образа. Системная логика и образное содержание храмовой росписи находились в прямой зависимости от последовательности апракосных евангельских чтений и служебных песнопений. Вместе с тем в избрании и расположении изображений были допустимы волеизъявления ктиторов, обусловленные социальной ситуацией, политикой и другими обстоятельствами своего времени.

Недавно раскрытая большая храмовая икона преподобного Варлаама Хутынского с житием в 25 клеймах из собрания Новгородского государственного областного музея-заповедника с уникальным по составу и характеру агиографическим циклом святого стала предметом сообщения И. А. Шалиной (Санкт-Петербург). Икона происходит из псковской церкви Варлаама Хутынского на Званице (1495) и отражает древнее почитание здесь новгородского преподобного, необычное для религиозных предпочтений Пскова. Редкое для житийных икон изображение святого в среднике с моделью храма в руке напоминает, как показала докладчица, схему киторского портрета и восходит к надгробному образу Всеволода-Гавриила, соданному около 1560 года над его ракой в Троицком соборе во Пскове. Сравнение житийного цикла иконы с другими аналогичными памятниками позволило говорить, что он выделяется среди них редкой подробностью агиографического повествования: обращением мастера к тексту Распространенной редакции, в то время как большинство других произведений иллюстрировали Вторую редакцию Жития или сочинение Пахомия Логофета. Тем самым икона является одним из первых живописных откликов на появившееся новое чудеса Варлаама Хутынского.

И. В. Сосновцева (Москва) в докладе «Житийные иконы Никиты столпника Переяславского» сопоставила особенности житийных циклов семи икон преподобного Никиты столпника Переяславского XVI—середины XVIII века. По мнению докладчицы, типы иконописных «редакций» зависят не столько от литературных вариантов, сколько от иконописного житийного канона, сформировавшегося в самом Переяславле на основе древнейших житийных произведений, бытовавших у гроба святого в Никитском монастыре. Поэтому целые группы житийных клейм в иконах переславского и московского происхождения совпадают по содержанию, расположению в цикле и иконографическому решению каждого клейма. В двух иконах «северного» происхождения содержание житийного цикла значительно более зависит от текста жития и более точно иллюстрирует его, так как их авторы-иконописцы, очевидно, не были знакомы с переславскими монастыр-

скими святынями и не повторяли устоявшийся в московской и переславской иконописи тип житийного повествования.

Н. В. Квливидзе (Москва) в докладе «Житие Меркурия Смоленского на иконе: к вопросу о литературных источниках русского искусства позднего средневековья» представила результаты исследований иконы-рамы с многочисленными клеймами из Ярославского художественного музея, типичного произведения XVII века, являющегося по форме живописным обрамлением вставленной в них иконы, а по содержанию — своеобразной «похвалой» центральному образу. Какая икона находилась в среднике — неизвестно, но по житийному циклу св. Меркурия Смоленского в нижней части рамы образ получил название «Рама от иконы св. Меркурия Смоленского». Между тем состав клейм, среди которых композиции «О Тебе радуется», «Достоинство есть», «Покров Богородицы» и «Похвала Богоматери», позволяет предположить, что рама окружала почитаемую Богородичную икону. Композиции «Ветхозаветная Троица» и «Собор двенадцати апостолов» выделяют темы явления триединого Бога и Апостольской Церкви, что также может служить к прославлению Богородицы. Помимо житийных сцен св. Меркурия, на иконе-раме представлены иллюстрации Повести о нашествии Батыя и мучения Михаила и Феодора Черниговских, входящие в качестве предисловия в минейную редакцию Повести о Меркурии Смоленском, которая читается в день памяти святого под 24 ноября, а также в день празднования Смоленской Одигитрии под 28 июля в качестве одного из чудес иконы. Таким образом, состав клейм рамы позволяет предположить, что в среднике находилась икона Смоленской Богоматери.

Т. А. Петренко (Санкт-Петербург) в докладе «Образы русских святых в меднолитой мелкой пластике XII—XIX веков» показала, что появление и распространение определенных образов русских святых в меднолитых предметах личного благочестия отражает и общие тенденции, и весьма неожиданные аспекты их почитания, связанные с народными представлениями, а в новое время с искусством старообрядцев, имеющим соответствующие литературные параллели.

Н. Э. Юферева (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу о поэтике времени в лицевых списках житий русских преподобных конца XVI—начала XVIII века» на основе наблюдений над лицевыми списками Жития Зосимы и Савватия и Жития Антония Сийского рассмотрела такой очевидный и простой прием передачи времени, как изображение персонажа в разных возрастах. Оказалось, что изменение возрастных характеристик в иллюстрациях наблюдается в те или иные переломные моменты духовной жизни персонажей независимо от временного расстояния между описываемыми событиями. В результате был сделан вывод, что рассмотренный прием передачи времени отражает не физическое взросление персонажей, а их духовное возрастание не столько течение реального времени, сколько моменты приближения временного к вечному.

Завершил конференцию доклад А. Накадзавы (Япония; Тоёма) «Святость в русском и японском изобразительном искусстве: компаративное изучение». Сопоставление русских и японских средневековых повествовательных произведений с иллюстрациями позволило выявить некоторые интересные особенности связей словесного и изобразительного искусства Древней Руси. В сравнении со светским характером японской живописи основные черты русских миниатюр (статичность изображаемых объектов, стремление к созданию иерархического порядка и другие) тесно связаны с традиционными приемами древнерусской иконописи. Этот важный аспект должен учитываться при рассмотрении древнерусских лицевых летописей, которое только начинается в научных кругах.

Как отметила Н. В. Поньрко, при жизни Д. С. Лихачева изучение агиографии не было основным направлением работы Отдела древнерусской литературы, но проводимые сегодня в Отделе комплексные исследования агиографических памятников — результат школы Д. С. Лихачева, свидетельством чего стала и прошедшая конференция, явившаяся одним из знаменательнейших научных событий 2011 года. Материалы конференции будут опубликованы в изданиях Отдела древнерусской литературы.

© А. В. Волков

КОНФЕРЕНЦИЯ «Ю. СЛЕПУХИН. XX ВЕК. СУДЬБА. ТВОРЧЕСТВО. К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ»

1 марта 2012 года в Пушкинском Доме состоялась научная конференция «Юрий Слепухин. XX век. Судьба. Творчество: К 85-летию писателя», организованная Пуш-

кинский Домом совместно с Союзом писателей Санкт-Петербурга, Благотворительным фондом имени Ю. Г. Слепухина «Лучшие книги — библиотекам» при поддержке Ко-

митета по печати и связям с общественностью Ленинградской области и Администрации города Всеволожска.

Это первая научная конференция, посвященная писателю, горячо принятому читателями, но практически выпавшему из поля зрения критиков и литературоведов в силу особенностей биографии и независимости его мировоззрения от советских догматов.

Подростком попавший в оккупацию, пройдя немецкие трудовые лагеря, а затем вынужденную эмиграцию в Бельгию и Аргентине, где активно занимался политической и общественной деятельностью, Ю. Слепухин вернулся на родину в 1957 году, после XX съезда КПСС, и полностью посвятил себя литературе.

Открывая конференцию, зам. директора по научной работе Пушкинского Дома Ф. В. Панченко отметила, что Ю. Слепухин, достойно прошедший судьбу русского человека XX века в сложнейшие годы войны, эмиграции и советской послевоенной действительности, оставил замечательный след в русской литературе, что удается далеко не каждому, — его романы читает уже не одно поколение. Проведение конференции в стенах Пушкинского Дома открывает перспективы изучения творчества писателя и его архивов.

Председатель Союза писателей Санкт-Петербурга В. Г. Попов обратил внимание на то, что литература 40—80-х годов редко попадает в поле зрения ученых, это самый заброшенный материк в литературоведении. Он выразил надежду, что конференция, посвященная такому яркому, большому писателю, как Юрий Слепухин, послужит сближению Пушкинского Дома и Союза писателей, продолжит современной литературе путь к научному изучению.

Руководители муниципалитета г. Всеволожска Ленинградской области, где писатель прожил 34 года, Т. П. Зебоде и С. А. Гармаш, рассказали, что именем писателя названы улица и городская библиотека, обещали и в дальнейшем содействовать пропаганде творчества Слепухина, так как его произведения востребованы и необходимы сегодня.

Об интересе читателей к произведениям Слепухина говорила и зав. отделом библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки Н. К. Леликова, рассказавшая о творческих связях РНБ и РБА с Фондом имени Ю. Г. Слепухина, безвозмездно передавшим в фонды общедоступных библиотек более 2 тыс. книг.

Генеральный директор Благотворительного фонда имени Ю. Г. Слепухина вдова писателя Н. А. Слепухина провела презентацию 5-томного «Избранного» писателя, издание которого продолжалось в 2005—2011 годах и было поддержано грантами Роспечати, Комитетов по печати правительства Санкт-Петербурга и Ленинградской области;

муниципалитетами Всеволожского района и г. Всеволожска. В состав «Избранного» вошли 10 романов и 3 повести, построенные на биографическом материале («Перекресток», «Тьма в полдень», «Сладостно и почетно», «Ничего кроме надежды», «Южный крест»), отразившие проблемы стран Латинской Америки («Джоанна Аларика», «У черты заката», «Ступи за ограду»), являющиеся опытом художественно-философского осмысления истории («Государева крестница», «Пантоторатор», «Не подводя итогов»), рассматривающие нравственные искания современного поколения («Киммерийское лето», «Частный случай»). Однако все произведения, как отметила Н. А. Слепухина, несут в себе отпечаток удивительно цельной и светлой личности Юрия Слепухина и объединены общим замыслом — отразить проблемы взаимоотношения личности и государства, нравственного выбора на крутых переломах истории, поиска вечных ценностей в кажущихся непреодолимыми обстоятельствах.

Настоятель Храма Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади протоиерей Константин Смирнов в своем выступлении «Мой друг Юрий Слепухин» заметил, что особенно его поражают те глубины, которых достигает писатель, подлинный романист, имеющий дар необыкновенный, что говорит о божественном прикосновении. По мнению выступавшего, последний, незавершенный роман Ю. Слепухина «Не подводя итогов» — потрясающее многообразие, там разлита истина. Особенность русской литературы, как отметил о. Константин, заключается в ее недосказанности, несказанности, но понятности. Писатель как бы говорит: Господь Бог на Страшном суде рассудит нас. О. Константин отметил феномен антидиссидентства, свойственный Слепухину, вернувшемуся на родину (многие бежали туда, а он обратно). В заключение о. Константин сказал, что творчество Слепухина требует дальнейшего осмысления и воплощения в различных формах искусства, выразил уверенность, что мы вскоре увидим второе рождение знаменитого писателя.

Исследователь творчества Слепухина, готовящий к выходу монографию о писателе, В. М. Акимов в докладе «Человек на ветрах времени. Творчество Слепухина в противоречивых судьбах мира» отметил, что жанровое своеобразие прозы Слепухина связано с потребностью писателя ответить на один из коренных и, говоря языком Достоевского, «проклятых» вопросов бытия: какие же препятствия стоят на вековечном пути человека, общества, государства к свободе и истине? Вырваться из загороженной действительности к действительности истинной и неисчерпаемой, — до самых последних лет Слепухин был захвачен этой задачей. Глубокий, всесторонний, аналитический, всеобъемлющий мир создан писателем в его «военной» тетралогии, лейтмотивом которой являются раз-

мышления героев о человеческом предназначении, о судьбах России, — в конечном счете, о трагедии народов в XX веке. В чем причина расторжения единства человеческих судеб, народных судеб? Какую роль в этом играет личность, сосредоточившая в своих руках власть («Пантократор»)? Акимов отметил, что творчество Слепухина — это путь в грядущее, которое не будет безмятежнее и легче века XX-го, поэтому главная задача нашего самосознания — понять духовную преемственность времени.

«Судьбы „остарбайтеров“ в тетралогии Юрия Слепухина о Второй мировой войне» — тема доклада М. Е. Вабичевой, зав. сектором Российской государственной библиотеки. Она подчеркнула, что Слепухин — один из немногих писателей, глубоко и всесторонне раскрывших тему насильственного вывоза рабочей силы с оккупированных территорий. В советской литературе эта тема эпизодическая, в тетралогии Слепухина судьба остарбайтеров оказывается в центре повествования, а само это явление прочнейшими нитями связано со всеми без исключения аспектами войны, более того, входит в состав причин, повлиявших на ее исход. Картина жизни «восточных работников» представлена разносторонне и полно. Слепухин показывает все существовавшие возможности их трудоустройства: заводские и резервные трудовые лагеря, труд в сельском хозяйстве, работа прислугой. Он подробно описывает устройство пересылочных лагерей на востоке Польши и в центре Германии; процедуру отбора «рабов» на невольничьих рынках XX века и резко негативное отношение к этому «рабовладению» со стороны немцев-антифашистов.

Важнейшие проблемы, затронутые писателем, — участие остарбайтеров в антифашистском сопротивлении, а также их очень разное послевоенное будущее: многие были обвинены в предательстве и репрессированы (зачастую это были патриоты, активно борющиеся с поработителями), а многие не вернулись на родину, понимая, что их огульно обвинят в сотрудничестве с врагом. Все эти сложные темы вписаны автором в живой, динамичный, увлекательный сюжет.

Энциклопедией жизни советских людей на оккупированной территории назвал роман «Тьма в полдень» профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого Б. Н. Ковалев в своем докладе «Сравнительный анализ описания оккупации в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. по архивным источникам и в романе Юрия Слепухина „Тьма в полдень“ (1968)». Действие романа происходит в неназванном украинском городке, но реалии жизни подтверждаются как людьми, пережившими оккупацию, так и архивными документами. В романе показаны издержки советской эвакуации: далеко не все советские руководители выполняли свой долг. Так, в

бывшем архиве ЦК КПСС (ныне РГАСПИ) хранятся документы о тех, кто полностью вывозил свое имущество в глубокой советский тыл, не забываясь об эвакуации населения.

Немецкий порядок на оккупированных территориях во многом насаждался через систему жесточайших репрессий. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в Центральном Государственном архиве социально-политической истории Санкт-Петербурга. Докладчик отметил, что в романе встречаются многочисленные упоминания о Холокосте. В то время как в исторической науке использовалось словосочетание «мирные советские граждане», без указания национальности, Слепухин прямо говорил об уничтожении гитлеровцами еврейского населения.

Сложность нацистского оккупационного режима заключалась и в его изоционности. Нацисты применяли политику не только «кнута», но и «пряника», что позволило им если не перетянуть на свою сторону часть населения, то, по крайней мере, нейтрализовать ее. Примеры подобных ситуаций замалчивались в исторических исследованиях, но они приведены в романе.

По сей день острым и спорным вопросом является характеристика партизанского движения на оккупированной территории. Требовалось обладать большим гражданским мужеством, чтобы написать в романе, что часто по вине безрассудных партизан гибли мирные жители. Б. Н. Ковалев неоднократно подчеркивал соответствие прозы Слепухина реальным фактам, отмечал, что нужно было обладать феноменальной памятью, писательским чутьем, честной гражданской позицией, чтобы в конце 60-х годов дать такую всестороннюю характеристику нацистского оккупационного режима в нашей стране.

Основные темы творчества Слепухина на страницах романа «Государева крестница» раскрыла Е. Д. Кукушкина, старший научный сотрудник Пушкинского Дома.

Отметив, что на протяжении XX века писатели и режиссеры не раз обращались к эпохе Ивана Грозного (А. Н. Толстой, В. А. Соловьев, В. И. Костылев, С. М. Эйзенштейн), докладчица подчеркнула, что внимание Слепухина к русской истории не стало неожиданным, несмотря на то, что главным объектом его творчества на протяжении нескольких десятилетий оставалась современная ему жизнь, личные впечатления и наблюдения. В XVI веке, в эпохе Ивана IV, писатель обнаруживает корни того безмерного деспотизма, основанного на личной власти, который и позже играл трагическую роль в жизни страны и исследованию которого писатель посвятил немало страниц. Главными темами романа стали темы взаимоотношения власти и народа, тирании и моральной ответственности каждого.

Завязкой сюжета становится зарождающиеся любви главных героев. Их простые, от-

крытые, искренние чувства лишены той трагичности и надломленности, которые мы встречаем в современных романах о любви. Именно любовь позволяет героям с достоинством выдержать все испытания и многое переосмыслить в своей жизни. Вместе с тем широкий событийный фон, точность деталей позволяют писателю воспроизвести исторически достоверную картину Руси того времени. Наряду с вымышленными персонажами в романе действуют реальные исторические лица. Главные герои романа и сам царь, в душе которого борются истушенное благочестие и болезненная тяга к греху, часто встают перед сложным выбором, что придает динамику сюжету.

В произведении возникает еще тема правителя и его ближайшего окружения, которая отчасти присутствует в латиноамериканских романах Слепухина, а также в романах «Пантократор» и «Не подводя итогов». По мере развития сюжета в нем появляется тема эмиграции. Финал перекладывает размышления читателя в нравственное поле и утверждает право человека на жизнь и личную свободу, которое приходится оплачивать дорогой ценой.

Кукушкина отметила живой, сочный, выразительный язык романа, адекватный изображаемой эпохе.

«Тема русской эмиграции в творчестве Юрия Слепухина» — название доклада П. Н. Базанова, профессора Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Являясь известным специалистом в области изучения феномена русской эмиграции, П. Н. Базанов характеризует Слепухина как крупнейшего реэмигранта, причем добровольного, судьба которого типична для представителей второй «волны»: оккупация, рабский труд в Германии, освобождение союзниками, получение статуса «перемещенного лица». Попад в Бельгию, Слепухин оказывается под обаянием первой «волны» эмиграции, вступает в Народно-трудовой союз и затем переезжает в Аргентину. Биография главного героя романа «Южный крест» во многом совпадает с его собственной. В произведении дана уникальная информация, которую не найти даже в специальных исследованиях, — названия организаций, реальные адреса, события, круг чтения русских эмигрантов. Писатель неизменно точен как в главном, так и в деталях, дает подробную картину жизни русской эмиграции в Аргентине.

В романах «Тьма в полдень» и «Ничего кроме надежды» появляется представитель первой «волны» эмиграции — Болховитинов, 1913 года рождения, увезенный из России родителями и вернувшийся на родину в качестве сотрудника имперских инженерных служб. Русские эмигранты, в том числе бывшие военнопленные, которые надеялись вернуться в Россию, несомненно, были пат-

риотами. Но реэмигрантов ожидали лагеря или выселение. Такова судьба и Болховитинова. Тему этой особой трагедии российской интеллигенции Слепухин продолжает в романе «Не подводя итогов», герой которого — ровесник XX века Николай Болотов. Избрав форму мемуаров, писатель дает нам возможность войти в мировоззренческое поле русской эмиграции и оценить события мировой и русской истории без советских идеологических шор. П. Н. Базанов подчеркнул, что, вернувшись, Слепухин получил уникальную возможность — донести свои идеи до читателя через легальные советские каналы. Его не репрессировали потому, что вернулся он в «хрущевскую оттепель», но его творчество замалчивали и в течение многих лет его книги не печатали.

Доклад Т. М. Вахитовой, ведущего научного сотрудника Пушкинского Дома, «Чужой взгляд в женское Зазеркалье (роман «У черты заката»)» был посвящен лирической, философской теме любви и творчества. Характеризуя роман как в большей степени европейский, докладчица отметила оригинальный стиль произведения, насыщенного именами и фактами, характеризующегося сложным психологическим анализом. Отмечая влияние «Шагреневой кожи» Бальзака (в первую очередь на уровне темы предательства по отношению к самому себе — своему таланту), Т. М. Вахитова ассоциирует роман с произведением Л. Леонова «Вор», рассматривая искусство героя обаянием зла. Предав свои творческие идеалы, Жерар оказывается неспособным ответить на любовь женщины, образ которой средни героиням Льва Толстого. В романе появляется идеальный, возвышенный образ любви. У Слепухина русская ментальность все время проникает в экзотические аргентинско-французские реалии романа. Здесь все построено на тонком психологическом анализе, сопоставлении Франции и Аргентины. Докладчица отметила, что трудно сформулировать основную проблематику романа, но можно определить выводы, к которым приходит читатель: человек одинок и наивен в споре со злом современной цивилизации, он не знает, как искупить совершенный грех, а спасение может быть в любви, которую нужно беречь.

Заключительным стал доклад члена Совета Союза писателей Санкт-Петербурга Е. П. Щегловой «Традиции русской литературы в преломлении реалий XX века и творчество Юрия Слепухина». Она отметила, что Слепухин был писателем глубоко гуманистической направленности. Он понимал абсолютную ценность личности в любые времена. В своих произведениях он продолжал и развивал идеи, питавшие творчество Льва Толстого, писателей-антимилитаристов, целой плеяды советских военных прозаиков. Он помнил о гуманистической составляющей литературы и о войне. В XX веке особенно остро прозвучали глобальные проблемы — «чело-

век и насилие», «человек и другой человек», «человек как смысл существования человека», «человек и милосердие».

Гуманистическая направленность творчества Слепухина сводит все им написанное в единое целое, от первого романа «Перекресток» до незавершенного «Не подводя итогов». В своих произведениях он показал, что невозможно совместить земное счастье с политическими амбициями и бесчеловечностью. Он анализировал причины, по которым тоталитарная власть стремилась подстегнуть у населения жажду мести, разжигая

злобу, состояние, которое питало и саму советскую политическую систему. И что писатель противопоставлял этой неугомонной злобной силе, убившей миллионы людей? Только человеческую любовь. И так же глупо, как силу любви, Слепухин чувствовал силу и преобразующую власть культуры. Потому что со временем исчезнуть может все что угодно, но единственное, что остается, — это культура.

© *Е. П. Щеглова,*
© *Н. А. Слепухина*

Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *О. В. Гусихина, Н. И. Журавлева* и *А. К. Рудзик*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Подписано к печати 03.08.12.
Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19.5.
Уч.-изд. л. 24.2. Тираж 329 экз. (в т. ч. МКО и СНГ — 48 экз.). Тип. зак. № 378. С 112

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12